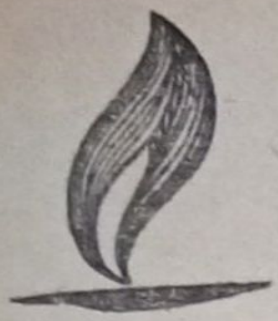
МЕМУАРЫ

И. Захаров

ВОЙНА В КРАЮ ОЗЕР

Издательство «Беларусь» Минск 1973

И. Захаров

ВОЙНА В КРАЮ ОЗЕР

Второе, переработанное и дополненное издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЛАРУСЬ» МИНСК 1973

9(С)27
З 38

1941 год, октябрь. Коммунист с 1937 года Иван Кузьмич Захаров направляется Витебским обкомом партии в тыл врага для организации партизанского движения. Перейдя в сложных условиях линию фронта, он добирается до Освейского района, где до войны был директором Чапаевской МТС, и начинает работу по созданию подпольных организаций.

Весной 1942 года И. К. Захаров организовал первый в районе партизанский отряд. В июле того же года отряд был реорганизован в бригаду. Одновременно комбриг И. К. Захаров являлся первым секретарем Освейского подпольного райкома партии. В январе 1944 года ему были вручены знаки отличия Героя Советского Союза.

О вооруженных схватках партизан с фашистскими захватчиками, о своих товарищах по подполью и партизанской борьбе автор и рассказывает в этих воспоминаниях.

Литературная запись
Фридриха Моделя

© Издательство «Беларусь» 1973

З $\frac{0164\text{-}141}{М\ 301(05)\text{-}73}$ 93-73

Я часто бываю здесь, в моей Освее. Приезжаю на тряском автобусе, хожу по улицам, где почти нет домов, похожих на довоенные.

Но улицы остались те же.

Проселочные дороги, давно знакомые и вместе с тем уже не такие, как раньше, приводят меня к дорогим сердцу местам.

Вот они, у перекрестка, Стрелки, а там — Кохановичи, Задежье...

Война смела их с лица земли — руки человеческие возвели вновь.

Бываю я и в Прошках, Лисно, Совейках. Везде — люди, которые шли рядом в дни испытаний. Состарились боевые друзья. Годы накладывают морщинки на их лица.

Годы, годы... Много уже прошло их, но не могут они стереть в памяти того, что пережито в дни войны. Снова и снова возвращаемся мы к тому, что было. Вспоминаем своих товарищей, погибших в бою или умерших от ран, называем имена тех, кого увело от нас неумолимое время.

Когда мы встречаемся, то всегда говорим о прошлом. Говорим потому, что думаем о будущем, о детях и внуках наших, которым есть чему поучиться у старшего поколения.

Я хочу рассказать о моих боевых друзьях и о замечательном крае, где так много озер, больших и малых, голубых и прозрачных в солнечные дни, свинцово-тяжелых в часы ненастья. Во время войны здесь шла незатихающая борьба с сильным и коварным врагом, вероломно напавшим на нашу страну.

Борьба без компромиссов — не на жизнь, а на смерть.

В последние дни перед тем памятным часом, когда мы впервые услышали страшное слово «война», небо над нами было мирное, безоблачное. Легкое и бесконечно высокое, оно распростерлось над Освеей и спокойным Освейским озером. Поросшее ярко-зелеными камышами у берегов, оно сливалось с небом и в лучах солнца играло голубизной, чистой и нежной.

Потом все померкло.

Большие жертвы, принесенные белорусским народом, трудящимися других республик во имя свободы и независимости социалистического Отечества, тяжкие лишения и страдания, пережитые нашими людьми в дни войны, напряженный труд и подвиги на полях сражений, массовый героизм советских патриотов не пропали даром: над фашизмом была одержана блистательная и полная победа.

На страницах этих воспоминаний мы снова вместе с вами, мои дорогие друзья,— бойцы, командиры и политработники партизанской бригады имени М. В. Фрунзе. Вам, вашему бессмертному подвигу, я и посвящаю эту книгу.

ТАК НАЧИНАЛОСЬ

Щедрое солнце грело землю так, что к середине дня уже хотелось спрятаться куда-нибудь в тень, окунуться в прохладу.

Из двора дома, где жила Таня, озеро было видно почти все, оно было рядом. Прихватив полотенце, девушка пошла к берегу. Ей хотелось бежать, чтобы быстрее оказаться у камышей и с разбегу прыгнуть в воду. Но Таня шла медленно, гордо подняв голову. Она знала, что кто-нибудь глядит на нее сейчас, и поэтому старалась держаться с достоинством. Чтобы не говорили, что дочь Василия Якумовича — человек еще не серьезный.

По мере того как девушка спускалась к берегу, высокая зеленая стена заслоняла зеркало воды. Здесь было прохладно и тихо. Беспечно шагая по тропинке, девушка скрылась за камышами. Там была привязана лодка.

Таня разделась и, постепенно погружаясь в воду, пошла туда, где глубже.

Потом долго лежала в лодке, скрытая от людских глаз, загорала. Солнце обжигало ее смуглые плечи, прохлада воды освежала. На душе было спокойно и легко. Вот только это сообщение...

Шестой день шла война. И это несколько тревожило, гасило радость, хотя девушка надеялась, что наши войска отгонят врага на его территорию и там разобьют. Раньше она часто читала в газетах и слышала по радио: «Малой кровью, могучим ударом...»

И появляющаяся временами неясная тревога отступала. Безмятежная юность брала свое.

Неожиданно Таня услышала какое-то жужжание. Она огляделась, но ничего не увидела. Между тем жужжание усилилось, и Таня поняла, что это самолет. Она встревоженно оглянулась.

Мощный рев нарастал. Девушка приподнялась и увидела, как в сторону Освеи пронесся самолет непривычных очертаний. Что было изображено на крыльях, она не разобрала. За стеной камыша сильно ухнуло, и эхо повторило звук. Потом ухнуло еще раз.

Не понимая еще, что случилось, Таня инстинктивно потянулась к одежде. Надев светлое в горошинку платьице, она побежала домой.

Самолета уже не было видно. Но по встревоженным лицам и взволнованным голосам можно было понять, что это был враг.

Таня вбежала в дом и, переведя дыхание, оглянулась. Отца и матери не было. В открытое окно врывался ветерок и шевелил листки настенного календаря. Боковым зрением девушка увидела на верхнем листке число — 28 июня. Эта цифра врезалась Тане в память навсегда. В этот день девушка своими глазами впервые увидела войну. Раньше она видела ее в кино, читала о ней в книгах. Но это было не в том мире, в котором она жила.

Теперь война ворвалась в ее жизнь.

С этого дня Таня Якумович стала приглядываться к выражению глаз людей, с которыми встречалась. Глаза эти стали строже. Они почему-то внимательнее, чем раньше, смотрели на нее. Когда из репродукторов слышался голос диктора, все с тревогой обращались к черным раструбам громкоговорителей.

Раньше Таня не ходила в райком. Она была там всего один раз, когда ее принимали в комсомол. А теперь каждый день тянуло туда. Стала ходить, конечно, не из-за Людвига. Ходила туда потому, что ее подруги тоже теперь собирались у райкома, слушали сводки Совинформбюро и с тревогой говорили о будущем. Тут, у райкома, спокойнее, увереннее чувствовали себя не только девушки, но и парни.

— Здравствуйте, девочки! — весело произнес Людвиг Геродник, взглядом отыскивая Таню. Он улыбался ей и шел дальше, по своим делам.

Девушки терпеливо ждали, когда им что-нибудь поручат. Но неизменно слышали, что сейчас не до них. И, конечно, завидовали парням, которые то и дело проходили мимо, куда-то спешили.

— Здравствуйте, товарищ Хвеженко! — хором при-

ветствовали бывшие школьницы молодого заведующего районо, бойца истребительного батальона.

— Здравствуйте, милые! На войну хотите? — ответил он, поблескивая очками.

— Да вот только вашего приказа и ожидаем,— с вызовом бросила Якумович в ответ.— Нету на нас начальника.

— Найдется, девочки, начальник. И приказ тоже не замедлит. А сейчас повремените с шутками,— сказала вышедшая из райкома девушка с твердым взглядом карих глаз.

Таня хорошо знала ее. Это была Аня Корнеева, секретарь райкома комсомола, не раз бывавшая в школе, где училась Якумович.

— Не в службу, а в дружбу, девчата,— обратилась она к девушкам, окружившим ее со всех сторон.— Сбегайте к подружкам, к тем, кто свободнее. Да и к тем, кто работает, тоже. Скажите, что есть к ним дело. И вас всех тоже прошу... Приходите в шесть часов, тогда все и объясню.

Когда все собрались, Аня начала:

— Агитировать вас не буду. Сами понимаете, какое сейчас трудное положение. Вокруг много раненых. Бюро райкома комсомола решило организовать курсы медсестер. Мы обращаемся к вам с призывом: учитесь оказывать первую медицинскую помощь. Нами приглашен врач, который будет вести занятия. Кто желает заниматься?

Уговаривать никого не надо было. Курсы немедленно начали работу. А юные медсестры, едва научившись накладывать повязки, были брошены на помощь раненым, больным и обессиленным от трудных переходов людям.

В потоке беженцев попадались и группы раненых красноармейцев, отставших от своих частей.

Однажды вечером в Освею въехала повозка, на которой лежал командир Красной Армии. Голова его была забинтована, лицо исказила боль. Возле патруля истребительного батальона он попросил правившего лошадью старика остановиться.

— Товарищи, по этой дороге, совсем рядом... остались раненые бойцы. Окажите помощь...— спекшимися губами прошептал командир.

Он замолчал, не в силах продолжать. Видно, что его тоже подобрали, когда обессилел. Раненый лежал среди больших узлов, а возница и женщины шли рядом.

Таня Якумович, Вера Коляда, Аня Ясюкевич, Виктор Ясюкевич, Костя Заблоцкий и еще несколько мальчишек и девчонок отправились на поиски раненых красноармейцев. Было уже темно. Ребята шли по обочинам дороги, осматривая каждый куст. Искали всю ночь, но никого не нашли.

Когда рассвело, девушки увидели на окраине Сенькова группу крестьян, везущих на подводе каких-то людей. Это были раненые красноармейцы. Им быстро оказали первую помощь и доставили в освейскую больницу.

Дни становились все тревожнее. Из Латвии шли беженцы. Такого удручающего зрелища здешние жители доселе не видели. Старые люди и дети, сорванные с родных мест военной бурей, уходили от фашистского нашествия.

Освейцы вглядывались в толпы идущих, видели горе и страдание людей. На запыленных лицах беженцев не было ни отчаяния, ни страха — только усталость и недоумение. Маленькие дети, которых несли на руках или везли на тачках поверх узлов, удивленно смотрели вокруг, просили пить. Те, которые были постарше и шли рядом со взрослыми, не просили ничего и молча ждали, когда им позволят отдохнуть. Освейские женщины со слезами на глазах приглашали беженцев в свои дома, предлагали молоко и хлеб, расспрашивали о том, как «там».

И все понимали, что «там» — это на фронте или в прифронтовой полосе.

С каждым днем поток беженцев густел. Это значило, что враг приближается уже и к здешним местам. По ночам плохо спалось. Мысли, тяжелые и неразрешимые, одолевали каждого.

Иные освейцы после бессонной ночи собирали кой-какие вещички и уезжали или уходили из родных мест, пополняя печальный поток беженцев.

Утром 3 июля над Освеей снова появился фашистский самолет. Над озером его настиг наш неведомо откуда взявшийся истребитель. Короткий бой закончился

гибелью фашиста. Задымив, он упал на остров, посреди Освейского озера.

«Ястребок» повернул в сторону Невеля.

По сводкам Совинформбюро и рассказам латышей выходило, что немцы где-то совсем близко. События развивались стремительно. Люди склонялись над картами, вырванными из школьных учебников географии, и пытались понять, что происходит.

В райкоме партии знали, что район со дня на день может быть оставлен. Бои идут совсем близко. Истребительный батальон помогал эвакуированным, пытался вылавливать немецких диверсантов в массе незнакомых людей, делал все, чтобы сохранить спокойствие среди населения и сберечь материальные ценности.

Каждый отряд, сформированный из местных жителей, имел свой район действий. В батальон собрали около двухсот человек. Вооружение было слабым: по одному ручному пулемету на отряд, некоторые бойцы были вооружены малокалиберными винтовками и охотничьими ружьями.

В составе Освейского отряда в основном были молодые коммунисты и комсомольцы, такие, как Ларион Лапшов, Людвиг Геродник, Эдуард Симацкий, Владимир Хвеженко, Игнат Морачковский. При отряде было создано санитарное звено из девушек-курсанток. В него входили: Вера Коляда, Роза Ведерникова, Лида Большакова и другие. Командиром назначили Женю Зенькович.

Особенно опасными в те дни были действия вражеских диверсантов, которые в форме красноармейцев, командиров, милиционеров проникали в тыл Красной Армии. Юноши, впервые взявшие в руки оружие, не были подготовлены для борьбы с вражеской агентурой, не владели навыками контрразведчиков. Но и многие немецкие шпионы не были в этом деле большими специалистами.

Однажды наши бойцы арестовали в освейской столовой фашистского разведчика в форме командира Красной Армии. Подобное случалось не редко.

Молодежь училась борьбе с врагом.

От села к селу метались гонцы. Приказы из района были коротки и категоричны. «Председателю Красовского сельсовета товарищу Лукашонку Григорию Сер-

геевичу. Вы назначены командиром истребительного отряда. Батальон сформирован в райцентре. Людей подбирайте самостоятельно...» «Председателю колхоза... товарищу... Выслать всех здоровых и трудоспособных людей на строительство укреплений в район деревни Устиново... и в район деревни Ляхово...».

Мчались гонцы, звонили телефоны.

Однажды утром, только я открыл дверь конторы МТС, раздался звонок. Снял трубку.

— Чапаевская МТС?

— Да, Чапаевская.

— Говорит председатель райисполкома Дробот. Дайте к аппарату вашего директора.

— Директор МТС Захаров слушает.

— Спишь, прохлаждаешься? Тут война идет, а ты... Слушай, что говорю. Завтра утром к тебе приедут военные, так ты им передашь все свое горючее и смазочные. Понял?

— Чего ж тут непонятного. Даже слишком понятно. А если нужно будет уводить машины в тыл, что тогда?

— Не разговаривать! Приказ выполнить беспрекословно! Отдать все до капли!

— На чем же будут работать трактора? — недоумевал я.

— Если не выполнишь, будем судить по законам военного времени! Все!

Я смотрел на трубку, издававшую короткие гудки, и думал, что делать. Понимал, что глупо лишаться последнего горючего, когда от этого зависит судьба больших государственных ценностей.

А если армии оно нужнее?..

Тяжело было на душе, когда приказывал каждой бригаде оставить только по три тонны ГСМ.

На следующий день опять звонок из исполкома.

— Захаров? Здравствуй, дорогой. Говорит Дробот. Будем прощаться. Слушай приказ. Подымай технику и людей. Своим ходом будешь эвакуироваться в тыл. Маршрут и документы получишь в исполкоме. Все ясно?

— Так у меня же нет ни капли горючего. Все отдано по вашему же приказу.

— Ничего не знаю. Не эвакуируешься — будешь наказан по законам военного времени!

— Ну хорошо, товарищ председатель. Первый ваш приказ выполнен только частично. Я предвидел, что придется выполнять и второй приказ. В каждой бригаде есть еще по три тонны горючего... Но этого хватит только на половину дороги.

— Молодец! Действуй. Ищи горючее в пути.

И мы стали действовать, искать. Не раз поминали недобрым словом председателя-перестраховщика. Это случалось каждый раз, когда на заполненных разным людом дорогах отступления мы стремились во что бы то ни стало оживить заглохшие моторы.

У нас не было не только бензина, но и продуктов.

Перед Невелем встретились с колхозниками из хозяйства имени Розы Люксембург. Вместе со своим председателем коммунистом Рудько они угоняли скот. Я попросил старого товарища выделить пару голов скота для трактористов, которые вот уже несколько дней питались неизвестно чем.

Шестьдесят голодных товарищей ждали, что он скажет.

— Если бы мое — бери хоть все,— грустно ответил Рудько.— Так это же колхозное! Ради него ползем вот по дорогам тоже не евши...

Потом, подумав о чем-то, добавил:

— Так и быть, беру грех на душу. Везем мы кабанчика и барана, идти они уже не могут... Думали, выходим. Забирай!

Разные дороги у войны. Разные люди шли по ним.

Война... А люди по привычке торопились на работу. Освея продолжала трудиться.

Только Павел Цалпан вот уже несколько дней был без дела. Из гаража райпотребсоюза, где он в последнее время работал заведующим, по приказу райкома весь бензин раздали воинским частям и эвакуировавшимся организациям. Павел ходил растерянный, не зная, что предпринять. Команды эвакуироваться не было, в армию почему-то не призывали.

После второго налета вражеской авиации на городской поселок Павел услышал за стеной шум передвигаемых вещей. Он поднялся и заглянул к соседям. Они собирались эвакуироваться.

Во дворе уже стояла машина.

Это событие вывело Павла из оцепенения, в котором

он находился последние дни. Утром на легковой машине, оставшейся в гараже, он вывез маленького сына и жену к родственникам в деревню Борисово. «Так будет спокойнее»,— думал Павел. Он был уверен, что на днях его призовут в армию и он уйдет на фронт.

В ночь с 5 на 6 июля ценности и документы районных учреждений были вывезены в тыл.

Райвоенкомат выехал в район деревни Лисно. Военком Витковский распорядился разбить в лесу лагерь и стал собирать всех военнообязанных.

Утром 6 июля послышался надсадный, прерывистый гул. Темные силуэты бомбардировщиков прошли над залитыми солнцем улицами Освеи. Развернулись... Громыхнули взрывы. Вспыхнули пожары. Освейцы бежали, стараясь укрыться на берегу озера в зарослях камыша. Противно воя, самолеты пикировали, стреляли из пулеметов по людям, гонялись за убегающими в укрытие.

Первые взрывы застали Таню Якумович на улице. Она увидела, как загорелись здания райисполкома и детского сада. Немецкие летчики развернулись и повторили заход. Увидев летящий на нее самолет, девушка, как и все, бросилась к озеру. Но и здесь ее нагнало черное ревущее чудовище. Таня упала в траву.

32 бомбардировщика обрушили свой смертоносный груз на мирных жителей небольшого городского поселка. В лесу у Городилович после этого налета был организован госпиталь для раненых. Десятки искалеченных людей, много убитых — таков результат бессмысленной жестокости фашистов.

Цалпана наконец вызвали в военкомат, и он, бесцельно бродя по Лисно, ожидал отправки в действующую армию. Все время, не переставая, билась мысль: «Как там семья, придется ли когда-либо увидеться?..»

— Так что же будем делать? Воевать? — послышался сзади чей-то голос.

Павел оглянулся. Перед ним стоял высокий, плотного телосложения человек. Весь его вид говорил о том, что он прочно стоит на земле. Такого не собьешь. Маленькие глаза на широком лице выражали спокойствие.

— Здравствуй, Николай Степанович! — поздоровался с ним Цалпан.

Аржаник был немного старше Павла. Но авторитетом пользовался не за солидные лета. По правде говоря, Николай Аржаник был еще достаточно молод. Что такое 37 лет? Он не оглушал слушателей обилием слов, красивыми обещаниями, держался просто. Уважение к нему основывалось совсем на иных качествах. Немногословный, внешне медлительный, он был трудолюбив, радителен, внимателен к людям. Односельчане выбрали Николая Степановича председателем колхоза «Новый путь». И в этой должности он работал вот уже шесть лет.

Разговор с Аржаником ободрил Цалпана.

Не старые еще мужчины собрались в лес под Лисно, чтобы получить оружие и стать в ряды Красной Армии. Но где должны зачислять людей в воинские части, не знал, очевидно, и сам военком. Несколько небольших групп с проинструктированными сопровождающими были направлены на поиски части, которая сможет принять военнообязанных. Связи с руководством и какой-либо достоверной информации военком не имел.

Вскоре стало ясно одно: немцы, обойдя район, находятся восточнее его. Люди помрачнели.

Утром, когда прозвучала команда строиться и двигаться вперед, все оживились и бодро зашагали по дороге на Юховичи.

Страшнее всего для человека — неопределенность. Если ты не знаешь, что должен делать сегодня, завтра, послезавтра, не чувствуешь себя в могучем потоке большого коллектива, то легко можно растеряться. И, напротив, в самом тяжелом бою легче, если ты с товарищами, если есть командир и тебе ясно, что нужно делать.

Перед Юховичами встретились с отрядом конной милиции. Усталые лошади лоснились от пота. На гимнастерки милиционеров серым налетом легла пыль. Все потянулись им навстречу, окружили. Стали расспрашивать.

Оказалось, что немцы совсем близко. Вот-вот могут появиться здесь.

— Быстрее переходите мост,— посоветовали конники и ускакали...

На другой стороне реки военнообязанные увидели остатки какой-то воинской части. Военком долго вел

переговоры с ее командиром, средних лет майором с воспаленными от бессонницы глазами.

Вернулся хмурый. Новости были неутешительные. Фронт ушел на восток, и бойцам, вышедшим из тяжелых боев, предстояло пробиваться к своим через занятую противником территорию. Командир части в такой обстановке от пополнения отказался.

Военком приказал вернуть всем военные билеты и небольшими группами или поодиночке выходить в расположение советских войск.

— В тылу врага будут создаваться партизанские отряды. Так что, товарищи, есть и такая возможность продолжать борьбу. А сейчас все зависит от вашей находчивости,— сказал на прощание Витковский.

Слова военкома заставили сердце Павла больно сжаться. «Вот и все,— подумал он,— теперь здесь нашей власти нет. Здесь теперь вообще нет никакой власти. Каждый сам по себе. Как это страшно, когда каждый сам по себе...» Цалпан оглянулся по сторонам, как бы пытаясь убедиться, что связь между людьми порвалась, что он — один. И увидел спокойное, как всегда, лицо колхозного председателя. Николай Аржаник протянул Павлу руку и крепко пожал ее.

— Значит, по домам. Трудно... Как-то надо будет жить. И хозяйство тоже присмотра требует. Пойдем.

И они пошли. Цалпан — в Освею, Аржаник — в Сухоруково.

Освея встретила неприветливо, опустевшими улицами. Никто никуда не спешил. Изредка можно было увидеть только, как, выйдя по хозяйству, кто-то пройдет в глубине двора.

Дом, в котором жил Павел, оказался пустым. Двери были сорваны, окна выбиты. Он зашел внутрь, рассчитывая найти что-нибудь из вещей. На полу валялось несколько книжек по ремонту и эксплуатации автомобилей. Он поднял одну из них и вышел из дома. На улице не было ни души.

— Здравствуйте, Павел Антонович! — послышался девичий голос.

Цалпан оглянулся и увидел Таню, дочку Якумовича. Одета она была празднично. Казалось, ничто не отразилось на ней: ни война, ни тревога. «Вот уж беззаботная жизнь. Этой девчонке хоть бы хны,— с непри-

язнью подумал он.— Принарядилась! И с чего бы?»

Павел хмуро ответил на приветствие и хотел идти дальше. Но не тут-то было! Если уж Тане захотелось поговорить, то уйти было не просто.

— Вы уже видели? Вот ведь гады есть. Все подчистую ограбили. Обрадовались безвластию. Повылазили из нор...

Она долго ругала всякую мразь, которая не гнушалась в своей жадности ничем.

— Все вернуть надо, все найдем! — заключила Якумович.

— Черт с ним, не до вещей сейчас. Я в Борисово сейчас пойду, к жене. Пока там жить буду.

Пока разговаривали, издалека донесся какой-то неясный гул. Павел прислушался.

— Стреляют? — произнес он, вопросительно глядя на девушку.

— Стреляют, мы еще ночью слышали.

— Значит, немцы совсем близко. Будь здорова, Танюша. Пойду, путь далекий.

Павел решительно зашагал по улице.

Таня поглядела ему вслед, прислушиваясь к звукам стрельбы, которые доносились со стороны Латвии, и двинулась в противоположную сторону. Девушка хотела увидеть Людвига. Уехал он или остался? Это надо было выяснить. Вот уже два дня Таня Якумович не видела его. А между тем сердце Тани всегда учащенно билось, когда она разговаривала с Геродником...

Побродив по улицам и ничего не узнав, Таня уселась читать книжку. Делать все равно нечего. Отец с пастухами погнал в тыл партию скота. Брат Егор в армии, наверное, где-то воюет, если жив еще. Остались дома только мать, Анастасия Степановна, и сестра Маша.

В дверь постучали.

Таня поднялась, чтобы встретить гостя. На пороге стоял незнакомый красноармеец в запыленной гимнастерке и пилотке. За его плечами была винтовка, руками он опирался на вторую.

— Здравствуй, красавица. Немцы у вас были?

— Не было. А что?

— Дай напиться, если есть,— вместо ответа попросил боец.

— Заходите, пожалуйста,— нерешительно сказала Таня.

На шум вышла Анастасия Степановна и, всплеснув руками, стала приглашать красноармейца в дом. Сильно припадая на левую ногу, он вошел и сел. Мать Тани поставила на стол еду. Пришедший не стал отказываться. Но и располагаться надолго тоже не был намерен. Ел быстро.

— Как же там наши? — отважилась спросить Анастасия Степановна.

— Плохо,— коротко ответил красноармеец.— Отходим...

Он поднялся, поблагодарил за еду, шагнул к двери и остановился. Глянув в глаза Тане и ее матери, сказал:

— Я оставлю у вас эту винтовку. Товарища убило. Вот... Спрячьте подальше. Если можно...

Растерявшись от неожиданного предложения, мать и дочь молчали.

— С двумя мне тяжело. А бросать нельзя. Это наши, русские винтовки...— добавил боец.

Анастасия Степановна молча кивнула.

— Если останусь жив, приду к вам. Обязательно. Вас как зовут-то?

Выслушав ответ, красноармеец отдал девушке винтовку и ушел. Таня стояла у дверей, сжимая в руках теплый ствол, и не знала, что делать. Оцепенение нарушила мать:

— А сам и не сказал, как звать.— Немного подумав, добавила:— Да и где его искать? Разве найдешь...

Мать и дочь завернули в тряпки винтовку и осторожно, чтобы никто не видел, спрятали в канаве, под дощатым настилом.

Немцы появились утром.

Таня в это время была на озере. Освейцы косили камыш и вывозили его на лодках. Девушка работала вместе с соседом, дядей Филиппом, бывшим солдатом первой мировой войны. Когда с грузом зеленых стеблей они подплыли к берегу, по Освее уже ходили немецкие солдаты. Слышался треск мотоциклов. По Дриссенской улице, ревя моторами, ползли машины.

Увидев людей, выходивших из лодки, несколько фигур в мышиных мундирах вскинули автоматы и пролаяли:

— Хальт! Хенде хох!

Таня ошарашенно уставилась на них. Она не хотела верить своим глазам. И даже не испугалась. Все было так неожиданно и необычно, что девушка воспринимала эту картину как нереальную. Старик Филипп тоже замер рядом, но поднял руки. Бывалый вояка знал, что в таких случаях не шутят.

Немцы некоторое время подозрительно осматривали девушку и пожилого дядьку с голыми волосатыми ногами, не опуская оружия. Выпучив глаза, они перебросились несколькими фразами. Таня ничего не поняла, хотя и учила в школе немецкий язык. То ли она плохо его учила, то ли эти немцы разговаривали не так, как ее школьный учитель. Поэтому она стояла спокойно. На Филиппа этот разговор произвел совсем иное впечатление. Стоя с поднятыми руками, он подался вперед, на лице изобразилось внимание. Потом на том же языке произнес несколько слов. Мышиные мундиры отвели автоматы. Филипп опустил руки.

— Тьфу, гады! Прицепились. Чтоб им пусто! — ругался старик, идя домой.— И к нам уже прикатили...

Позже Филипп объяснил, что немцы разговаривали не на немецком, а на французском языке. Сам он знал этот язык еще с тех времен, когда был в плену во Франции.

Только Якумовичи оправились от первого испуга, как к ним пожаловали немцы на конях. Они решили расположиться на отдых. У Тани уходила душа в пятки, когда копыта лошадей топали по дощатому настилу над канавой. Ей казалось, что доски проломятся и тогда найдут ту винтовку, которую оставил ей боец.

С приходом немцев Освея менялась на глазах. Редкие пешеходы, опасливые взгляды, испуг на лицах...

Многие семьи, лишенные войной кормильцев, жили без всяких средств к существованию, перебивались неизвестно чем, «святым духом», как горько шутили в то время.

Однажды Таня проходила мимо немецкой пекарни. К воротам подошла знакомая женщина с ребенком на руках. Она попросила у солдат кусочек хлеба. Один из немцев, очевидно старший, стал кричать на нее, показывая рукой, чтобы женщина ушла. Но та замешкалась. Тогда он подошел и ударил ее по лицу.

Таня сжала кулаки, ее охватил гнев. От чувства собственного бессилия было горько на душе.

Женщину стал догонять другой немецкий солдат. Ожидая удара, та заслонила своим телом ребенка. Солдат оглянулся, быстро положил ей на руки буханку хлеба и пошел обратно.

Это было удивительно и непонятно.

Кроме военного гарнизона и комендатуры оккупанты учредили управу из лиц неарийского происхождения. В бывшем здании райкома партии и расположился этот новый орган власти. Здание было знакомое. Освейцы раньше ходили сюда со всеми своими радостями и печалями.

Теперь здесь сидел тот, кто в какой-то степени был недоволен Советской властью. Бургомистром стал Аркадий Аржаник, которого подпольщикам вскоре удалось скомпрометировать. Аржаника немцы убрали и назначили на его место Анатолия Айкашина. О его прошлом и о том, откуда он появился, мало кто знал в Освее. И местные жители не знали, как к нему относиться.

Управа по множеству отделов в ней походила на солидное учреждение, которое пыталось руководить жизнью района. Но все это было лишь формой.

Вскоре всем стало ясно, чем занимается управа. Хозяйственный отдел, соответствующий коммунальному, занимался сбором посуды, мебели, вещей для нужд немецких учреждений. Сельхозотдел регистрировал материальные ценности колхозов и каждого крестьянина. Банк взыскивал налоги. Деятельности других органов помогал самый главный отдел управы — полиция. Под контролем немцев и по их системе был проведен учет всех жителей. Для регистрации освейцы вызывались в управу. На советских паспортах ставились немецкие штампы, в специальные карточки вносились сведения: цвет волос и глаз, рост, особые приметы, брались отпечатки пальцев...

При помощи полиции оккупанты установили невиданный террор. С первых дней своего хозяйничанья в районе фашистские палачи начали зверски избивать и расстреливать ни в чем неповинных людей. В деревне Святица арестовали Илью Колесника. Его подвергли истязанию только за то, что он подошел к группе не-

мецких солдат и заговорил с ними на немецком языке.

В деревне Перепечки расстреляли двух юношей, подстриженных под машинку. Их заподозрили в том, что они красноармейцы.

Десятилетнего мальчика Виктора Подгайского избили до полусмерти за то, что он играл с пустыми гильзами и цинковой коробкой от патронов.

...Зимний вечер сорок первого года в деревне Божки Жовненского сельсовета был похож на мирный. Казалось, что нет никакой войны, нет вокруг оккупантов. И в самом деле, немцев в деревне не было. Люди скучали. Почему бы молодежи не повеселиться, не потанцевать? Теперь так редко приходится встречаться. Все были рады музыке, неожиданному веселью.

Но радоваться встрече пришлось недолго. Неожиданно в хату ворвались немецкие солдаты и полицаи. Они были пьяны и выкрикивали какие-то слова. Им тоже хотелось развлекаться. Что же это перестали плясать? Почему все жмутся по углам?

Ах, так! Не хотите нас повеселить? Тогда мы сами это организуем...

Они о чем-то пошептались, довольные выдумкой, и приступили к делу. Парней выстроили вдоль одной стены — девушек у другой. Потом приказали раздеться. Все стояли, не шевелясь, вначале не понимая, чего от них хотят. Приказ повторили, угрожающе направив на парней и девушек автоматы. Потом посыпались удары. Заголосили девушки. Через несколько минут две голые шеренги стояли друг против друга.

— А теперь танцуйте! Эй ты, баянист, играй! Да веселее! Играй, а не то сыграешь в ящик,— хрипел полицай.

— Танцен, танцен! — угрожал автоматом фашист.

На голые тела сыпались удары. Музыка, стоны и кровь, пьяные крики потерявших человеческий облик мерзавцев... Остервенясь, солдаты и полицаи били всех подряд резиновыми плетками, стараясь попасть ниже живота...

Самые изощренные издевательства выдумывали носители «нового порядка». Нормальному человеку невозможно было это себе даже вообразить.

В деревне Урогово Сеньковского сельсовета в присутствии отца схватили и начали насиловать шестнад-

цатилетнюю девочку. Отец бросился на помощь, но его тут же пристрелили и продолжали свое гнусное дело.

В Освее оккупанты арестовали Теклю Больницкую, бывшую уборщицу горсовета. Сын ее был на фронте. Взнуздав, как лошадь, пожилую женщину водили по улицам, били кнутом. Натешившись, привязали к дереву и расстреляли.

Вести, одна другой страшнее, ползли из деревни в деревню, передавались друг другу.

В первые дни оккупации на территории района было расстреляно и повешено более трехсот человек.

В управу приходили работать разные люди. И самое удивительное было в том, что их брали на работу. То ли они в самом деле стали предателями, то ли немцы вели определенную пропагандистскую политику...

Бывший заведующий райфо Владимир Симацкий, совершенно неожиданно для тех, кто его раньше знал, оказался заместителем бургомистра районной управы. Было непонятно, почему он пошел на службу к немцам и как ему могли доверить такой пост в фашистском учреждении.

Бывшего директора маслозавода Антона Литвинова назначили заведующим отделом местной промышленности.

Причина этих событий была для многих непонятна. Но сами согласившиеся служить немцам полагали, что так будет удобнее законспирироваться, войти в некоторое доверие к оккупационным властям с тем, чтобы легче было срывать намечаемые мероприятия врага и организовать подполье.

Начальником полиции стал некий Белей. Переводчиком при комендатуре нанялся Федор Кузьмин, образованный человек, знающий иностранные языки, бывший бухгалтер.

Первым «культурным начинанием» немцев была ликвидация больницы. Ее здание и все службы были переданы под казармы, где поселились солдаты фашистского гарнизона. Там же была и комендатура. День и ночь мерно вышагивали часовые, не подпуская к гарнизону никого из местных жителей. В комендатуре работали лишь два-три русских, самым доверенным из которых был Кузьмин. Надо сказать, что только значительно позже мы узнали истинное лицо переводчика.

А еще работала там молодая, красивая девушка, безмолвная и исполнительная. О ней мы узнали несколько раньше.

Через два дня после прихода Павла Цалпана в Борисово туда ворвались немцы. Они выставили на окраинах деревни охрану и пошли шарить по домам, нет ли где спрятавшихся красноармейцев. Павла остановили во дворе, сорвали с него фуражку и тут же взяли под стражу. Он был подстрижен под машинку, так как собирался идти в армию.

Ничего не выясняя, Цалпана куда-то повели. Сзади голосила жена, а тесть тщетно пытался уговорить фашистов, что Павел не солдат и никогда им не был. Его вели, а родные не унимались. Одному из односельчан с трудом удалось уговорить немецкого солдата. Этот крестьянин немного знал немецкий язык.

Цалпана отпустили.

Недели через две Павел отправился в Освею. Надо было как-то устраиваться. Он понял: не отсидишься.

Вошел в поселок беспрепятственно. В это время вокруг него еще не были установлены круглосуточные посты. Патрули появлялись только вечером, на ночь.

Найти пустующий дом не составляло труда. Но без вещей, еды и денег жить было невозможно. Принесенные из деревни продукты кончались. Что делать дальше?

И Цалпан решил сходить к старому товарищу, Александру Ангудовичу.

До войны Александр работал механиком Освейской МТС. Он был мастером на все руки, неутомимым изобретателем. Именно это качество и притягивало к нему Павла, тоже большого любителя машин и всякой иной техники.

Ангудович был не один, у него сидел Людвиг Геродник. Мужчины беседовали, а жена хозяина, Александра Григорьевна, ходила по комнате, укачивая на руках маленького сына.

Разговорились о житье-бытье. Тут-то, за разговором, и появилась одна идея. Крестьянам нечем было обмолачивать только что собранный урожай, а в МТС стояло несколько неисправных комбайнов, которые немцы еще не успели прибрать к рукам. Договорившись о их использовании, Павел ушел.

Людвиг все это время молчал. Поглядывал на пришедшего, изредка вставляя ничего не значащее слово. Семьи Ангудовичей и Геродников дружили много лет, и он был здесь своим человеком.

Когда дверь за Цалпаном закрылась, Ангудович подошел к печке и вытащил из-за нее маленький приемник. Стали налаживать.

— Павел парень неплохой, ничего о нем не скажешь. Но нужно быть осторожным... Приемник — это верный расстрел,— заключил Александр.

Аппарат зашипел, послышался знакомый и до боли родной голос: говорила Москва.

Как только Освею оккупировали немцы, Ангудович с Геродником собрали приемничек и, невзирая на строжайший запрет, слушали передачи столицы.

Через несколько дней, после большого и сложного ремонта, заработала молотилка. Ангудович с Цалпаном переоборудовали для этих целей неисправный комбайн. Заказчики не заставили себя ждать.

Но платили за работу мало. Жить было трудно.

Однажды, рявкнув клаксоном, у калитки пристанища Цалпана затормозила машина. Из нее вышли немецкий комендант и переводчик Кузьмин. У дверей замер солдат с автоматом. «Арестуют...»,— мелькнуло в голове.

Комендант окинул взглядом пустую комнату и презрительно хмыкнул. Потом сказал что-то по-немецки. Кузьмин перевел:

— Господин комендант предлагает вам работать шофером.

На душе полегчало. Значит, не арест.

— Не могу,— нерешительно проговорил Павел.

— Вы отказываетесь от лестного предложения! Вам будут платить. Как я вижу, жить-то вам не на что,— уточнил переводчик.

— А если придет Красная Армия?..— вырвалось некстати у одинокого жильца.

— Это исключено,— ответил Кузьмин.

Но Цалпан успел заметить, как передернулось гримасой лицо переводчика.

— Боюсь,— совсем тихо произнес Павел.— Да и молотилка...

— А все же вы подумайте об этом.

— Я подумаю,— пообещал Цалпан, радуясь в душе, что пронесло.

Однажды вечером, склонившись над радиоприемником, Ангудович с Людвигом Геродником слушали Москву. События были тревожными, немцы почти каждый день захватывали новые города. Но Москва не сдавалась. Это было главное. В Освее верили, что если Москва наша, то война еще не проиграна.

Вдруг в дверь заколотили. Немцы! Жена Ангудовича в это время держала на руках ребенка. Александр мгновенно выключил приемник и оглянулся. Прятать на старое место за печкой поздно, не успеть. Взгляд остановился на широкой деревянной колыске. Быстро сунул туда приемник. Людвиг набросил на него матрасик и одеяльце. Хозяйка положила в колыску сына. Плач ребенка раздался одновременно со стуком открывшейся двери. Немецкие солдаты и полицаи ввалились в дом.

Начался обыск. Не объясняя, что именно ищут, ничего не спрашивая, пришельцы перевернули постель, разбросали вещи, заглянули во все углы.

Ангудович и Геродник стояли, не шевелясь, не глядя друг на друга и на колыску, где мать успокаивала ребенка.

Один из солдат подошел к колыбели и заглянул в нее. В это время Александра Григорьевна вытаскивала из-под сына мокрые пеленки.

— Русиш швайн,— ругнулся фашист, отходя в сторону и брезгливо кривясь.

Когда немцы и полицаи ушли, все трое опустились на скамейку. Долго сидели молча, ничего не говоря и еще не веря в то, что опасность миновала.

Хозяин дома смахнул со лба холодный пот.

Однако и после этого слушать радиопередачи Александр Ангудович не перестал. Напротив, все больше друзей собиралось вокруг него. Но слушали радио каждый раз в новом месте. Приемник переносили по очереди. Услышанное быстро распространялось среди населения. И народ знал правду о положении на фронтах. Это ободряло патриотов, способствовало активизации сопротивления врагу.

После очередной передачи радиостанции «Коминтерн» к Ангудовичу заглянул в гости его сосед — поли-

цай. Поговорили о житье-бытье, повадыхали, что трудновато заработать на жизнь. В полиции еще, мол, ничего, а так трудновато.

— Надо потерпеть. Война скоро кончится, большевиков разобьют, тогда будет хорошо. Землю дадут всем, кто за новую власть,— рассуждал полицейский.— Вы слышали, что радиостанции «Коминтерн» уже не существует?

— Да что вы? Где уж нам знать... Новости до нас плохо доходят. Добро, когда знающий человек расскажет. Так что же?

— Разбили большевистскую радиостанцию! Теперь и Москве капут! — разглагольствовал фашистский прихвостень.

Ангудовичу ничего не оставалось делать, как поддакивать.

Удовлетворенный беседой и самим собой, полицейский ушел. Довольными остались и Ангудович с супругой. Приемник же пришлось спрятать подальше.

Оккупанты вовсю хозяйничали в Освее и районе. А за их спиной, даже в ими же созданных учреждениях начиналось то, что позже привело к пожару народной войны.

Присмотревшись к немецким порядкам и немного освоившись с необычной обстановкой, честные советские люди начали делать то, что, мягко говоря, не было предусмотрено фашистским командованием.

Владимир Симацкий получил известие, что в полоцком лагере военнопленных находится его товарищ по службе в Красной Армии военврач второго ранга Афанасий Федорович Воробьев. Симацкий с Айкашиным решили попытаться спасти его.

Комендант Освеи, не вникая в сущность просьбы, выдал требование к коменданту Полоцка, в котором было сказано, что в связи с распространением сыпного тифа среди местных жителей требуется русский врач из военнопленных для работы в деревнях.

Прихватив с собой на всякий случай А. Л. Борисенкова, Симацкий прибыл в Полоцк. Используя связи с полоцким подпольем, Владимир начал действовать. В его распоряжении была машина, что экономило время, внушало к нему доверие со стороны оккупационных властей и позволяло вести себя почти свободно.

Слух о Симацком проник за проволоку лагеря. Воробьев прислал записку, в которой сообщал, что работает в лагерном госпитале, пользуется несколько большей свободой действий, нежели остальные. В записке он рассказал о двух командирах Красной Армии, которых тоже надо попытаться спасти, и изложил свой план.

После тщательного изучения план был принят. Время шло, Владимир спешил. Задержка могла вызвать подозрение.

Пока бумаги об освобождении пленного врача Воробьева проходили по инстанциям военной администрации, шла подготовка и в лагере военнопленных. У рядового Абдулина был обнаружен сыпной тиф. Его поместили в госпиталь, и вскоре оттуда сообщили, что Абдулин умер. Под этой фамилией скрывался полковник Иван Александрович Горский. «Умершего» вывезли хоронить.

На окраине Полоцка, в маленьком домишке, «умерший» побрился, переоделся, поел. Вскоре туда прибыл Воробьев еще с одним товарищем. Вторым был батальонный комиссар Виталий Филиппович Владимиров. Будучи тяжело раненным, он попал в плен. Однако документов у него фашисты не нашли и считали рядовым. Находясь в лагере, Владимиров не мог ходить из-за серьезного заболевания ноги. По просьбе пятидесяти местных жителей, организованной подпольщиками, Владимирова отпустили, так как считали, что он обречен, уже не встанет.

Машина с освобожденными мчалась в Освею.

Афанасий Федорович Воробьев родился и вырос в деревне Шкатувыр Удмуртской АССР. Там же в 1918 году вступил в члены партии, потом ушел добровольцем в Красную Армию. В батальоне связи 30-й стрелковой дивизии 3-й армии сражался против Колчака.

Когда отгремела гражданская война, Афанасий Воробьев засел за учебу. Сначала рабфак при Уральском университете, потом Ленинградская военно-медицинская академия, которую молодой врач окончил в 1928 году.

Воробьев воевал с японскими самураями у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, участвовал в финской кампании. Эту войну он встретил в должности началь-

ника медслужбы 174-й стрелковой дивизии. Дивизия попала в окружение. Во время прорыва под Невелем 22 июля 1941 года он был тяжело ранен в бедро и грудь. В бессознательном состоянии его подобрали немцы и отправили в лагерь военнопленных.

Владимир Симацкий постепенно стал собирать вокруг себя верных людей. Вскоре он возглавил рождающуюся в городском поселке Освея подпольную борьбу.

Через несколько месяцев после освобождения из полоцкого лагеря военнопленных Воробьева, Владимирова и Горского нагрянула беда. Бургомистр Айкашин был арестован, и его спешно куда-то увезли. Владимир Симацкий и Антон Литвинов с тревогой ждали ареста.

Прошел день, второй, третий... Угроза прошла мимо. Видно, Айкашин не выдал товарищей. Уже после войны стало известно, что немцы его расстреляли.

Когда я услышал о деятельности Анатолия Айкашина, мне захотелось узнать об этом человеке больше того, что говорили о нем люди. Кто он и откуда? Как появился в Освее? Почему содействовал нашим подпольщикам?

Все эти вопросы остались тогда, в годы войны, без ответа. Не было никакой возможности заниматься этим делом: нужно было делать главное, организовывать отряд, воевать.

Вопросы возникли снова, уже после войны. Жители Освеи и подпольщики рассказывали, что Анатолий Андреевич Айкашин был неплохим человеком, говорил, что он батальонный комиссар, принимал участие в финской кампании, за что имеет награду. Рассказывали также, что он помогал местному населению не только словом, но и делом. Некоторым даже советовал вступать в ряды народных мстителей. Теперь вспоминают, что он готовился к встрече с партизанами, хотел, чтобы его тоже приняли в отряд.

Но сделать это Айкашин не успел. Вместе с женой и Борисенковым его арестовали немцы. В Себеже он был расстрелян, а жена отправлена в Полоцк. Следы ее затерялись.

После длительного пребывания в тюрьме Борисенков был освобожден. Выйдя на свободу, он узнал, что семья его расстреляна немцами.

Пытаясь узнать что-либо о жизни Анатолия Айка-

шина, уже когда писалась эта книга, я использовал все доступные мне источники информации. Главное управление кадров Министерства обороны СССР в ответ на мой запрос сообщило, что «Айкашин Анатолий Андреевич по спискам офицерского и политсостава не числится, среди награжденных его также нет».

И вот тут-то я встретился с Борисенковым, который последним из наших людей видел бывшего бургомистра.

Это было в Верхнедвинске. Мы долго беседовали с Александром Леоновичем. Он не только был знаком, но и дружил с Айкашиным. Борисенков сказал мне, что Айкашин — это псевдоним. Настоящая его фамилия — Орлов. Называя эту фамилию, особой уверенности Александр Леонович, однако, не чувствовал. Он так и сказал: «Кажется, Орлов». Затем он уверял, что Орлов-Айкашин в последнее перед войной время служил в Полоцке, был командиром артиллерийского дивизиона.

Я понял, что выяснение истинной судьбы и истории жизни этого человека — дело будущего.

Молодость всегда тянется к веселью. Таков уж закон природы. Господин комендант решил использовать его с целью привлечения на сторону оккупационных властей освейской молодежи. Тем более что это не требовало ни материальных, ни каких-либо иных затрат.

В освейском парке пустовало кирпичное здание бывшего клуба. Здесь было разрешено устраивать вечеринки. Нашлись и гармонисты, и желающие потанцевать.

Таня любила суету и веселый шум молодежных вечеров. Танцы были ее стихией. Она забывала обо всем в этот момент. Кроме музыки и увлекающего ритма ничего не слышала.

Ласково смотрела девушка на своего партнера. Он был веселым, неунывающим. И Тане это нравилось. Она не любила людей хмурых, медлительных. Положив руку на ладонь Людвига, она чувствовала себя уверенно, спокойно. С ним, казалось ей, ничего не страшно.

Немцы приходили смотреть, как веселится местная молодежь. Не принимая участия в танцах, они ходили

по залу, беззастенчиво рассматривали и щипали девушек, громко хохотали. Тане казалось, что они все время что-то жуют. Один солдат рвал зубами большой кусок сала, удовлетворенно сопел. Другой выковыривал из горшочка толстым пальцем масло и отправлял его в рот. Делал он это неторопливо, серьезно, как важную работу. Однако наиболее вызывающим было поведение третьего солдата.

— Смотри, смотри,— зашептала Таня, показывая Людвигу глазами на щупленького немца, расхаживающего между танцующими.

Накладные карманы его мундира топорщились. Вот он остановился, опустил руку в карман и вынул оттуда яйцо. Вокруг проносились пары, стараясь быть от него подальше. Солдатик не обращал на них никакого внимания. Маленьким ножичком он проткнул скорлупу яйца, расчистил дырочку. Запрокинув голову, высосал содержимое, затем заглянул внутрь, проверяя, все ли выпил. Облизнулся и бросил скорлупу на пол.

О чем-то пошептавшись с Людвигом, Таня подбежала к гармонисту. Тот грянул польку. Понеслись, закружились пары. Людвиг подхватил Таню, и они помчались к центру круга. Вот и он, плюгавенький солдатик. Мелькает перед глазами все ближе и ближе. Удар, еще один... Пары сбились в кучу. В самой середине оказался этот представитель «великой Германии». Парни и девушки мгновенно отхлынули в сторону, очистив большой круг. Остался один солдатик. Из карманов его кителя вытекало содержимое раздавленных яиц...

Взявшись за руки, Таня с Людвигом бежали по парку. Белый, чистый снег похрустывал под ногами.

— Знаешь, Танюша, я уезжаю на несколько дней. Веселые дела начинаются!

— Что-что? — Танины глаза горели любопытством.

— Надо по деревням погулять, винтовочки пособирать. Пригодятся...

— Людик, милый,— таинственным шепотом заговорила Таня,— у меня есть винтовка!

И тут же она рассказала ему историю с раненым красноармейцем.

— Храни, Танюшка. Скоро понадобится. Только

смотри, чтобы никто не узнал. Это дело расстрелом пахнет.

Людвиг рассказал Тане не все. Не сказал, что он был секретарем подпольной комсомольской организации, больше недели под видом полицая ездил по деревням, где не было немцев, и собирал оружие.

Постепенно, по крохам нарастало сопротивление оккупантам. Владимир Хвеженко стал заведовать отделом управы по народному образованию. Поэтому немецкие власти не смогли открыть в районе ни одной школы. Чувствуя, что его деятельность может вызвать подозрение оккупантов, он попросился учителем в Совейки. Вскоре он создал там подпольную организацию.

Оставшиеся в Освее коммунисты искали дорогу друг к другу. Вокруг Владимира Симацкого начало собираться подполье. Первыми людьми, с которыми он откровенно поговорил о необходимости вести борьбу с врагом, были Воробьев, Владимиров и Горский. Воробьев и Владимиров стали работать в больнице, пытаясь открыть ее для местного населения. Горского устроили в банк. Расширяя круг посвященных людей, Симацкий держал связь с Владимиром Хвеженко, Антоном Литвиновым, Николаем Сличным. В Лисно у Симацкого были свои люди — Яков Зунда и Филипп Денисенок. В Стрелках активно включилась в работу учительница Матрена Федоровна Лучкова и другие.

Павел Цалпан ходил иногда к своим родственникам в Борисово. Однажды он подобрал в лесу много листовок, разбросанных нашим самолетом. Павел понес их в Освею. Как раз в это время крестьяне шли на базар. Он присоединился к ним.

Выйдя на Советскую улицу, Цалпан заметил впереди скопление народа. Немецкие солдаты проверяли идущих на базар: заглядывали в кошелки, рассматривали документы, у иных проверяли содержимое карманов.

Это встревожило Павла. Он бросился к Людвигу Городнику. Двери не были заперты, но в доме никого не было. Цалпан сунул листовки в печку и вышел. К этому времени немцы кончили проверку. Павел вернулся, забрал листовки и пошел к Литвинову.

На следующий день эти листовки стали попадаться то в одном, то в другом месте; их наклеили на видных

местах, подкинули даже в комендатуру и районную управу.

С первых дней оккупации фашисты начали ликвидировать колхозы и организовывать для себя базу сельскохозяйственного производства. Они заменили колхозы общинами. Немцы стремились сохранить колхозную технику и скот, а урожай забрать для своих нужд. На деле получилось не так гладко, как им хотелось бы. Чтобы ничего не досталось врагу, колхозники растаскивали общественное имущество, справедливо рассуждая, что лучше иметь лишний мешок зерна у себя, чем кормить им фашистов.

Убедившись, что колхозное имущество улетучилось, оккупационные власти издали приказы, требовавшие немедленной передачи его в общину. За невыполнение приказа — расстрел. После этого вышел приказ о налоге: с каждого хозяйства — 150 яиц, с коровы — 365 литров молока, с каждой овцы — 800 граммов шерсти в год и т. д.

Это был самый настоящий грабеж.

Приказы и распоряжения немецкой администрации вывешивались на самых видных местах. Отношение к этим документам проявилось быстро. За ночь на приказах появились довольно сильные выражения, полные самого точного смысла. К сожалению, их нельзя привести в книге... Были и такие: «Смерть фашистским оккупантам!», «Скулу они от нас получат, а не хлеб!»

На территории колхоза имени Карла Маркса каким-то образом осталась одна необмолоченная скирда ржи. Из Дриссы поступил приказ: рожь обмолотить, зерно доставить в Дриссу.

Об этом узнал Иван Петриенко. Он быстро собрал актив, чтобы решить, как поступить дальше.

Обсудив вопрос, сделали по-своему. Пока бургомистр собирался выполнять приказ, крестьяне за одну ночь обмолотили всю рожь, а зерно раздали по дворам. Только на второй день было обнаружено, что скирды нет.

Скандал! На место прибыл сам комендант дриссенского гарнизона. Нашли виновников, стали вести следствие, искать пропажу.

Крестьяне прикинулись дурачками: портится, мол, рожь, а приказов никаких нет относительно ее, вот и

обмолотили. Но зерно гнилое, никуда не годится, только скоту и можно скормить. Принесли даже образцы. Комендант плюнул и уехал.

Десять тонн отличного зерна осталось у крестьян.

Начали оккупанты собирать и общественный скот, который был роздан крестьянам в индивидуальное пользование. К тому же, в каждой деревне было изъято некоторое количество собственного скота. Вскоре большое стадо коров комендант освейского гарнизона отправлял в Дриссу. Нужны были люди.

Об этом рассказал Павлу бывший мелиоратор Николай Сличный.

— Давай вместе погоним,— предложил он.— Всего 76 голов, не так уж много. Правда, до Дриссы мы должны догнать столько же, по счету. Немцы народ точный.

— Не пойду,— отказался Павел.— Неохота подлецом быть.

— Эх ты! — Николай усмехнулся.— Я, что ли, подлец? Так думаешь? Нет, милый. Вес коровок-то не указан. Нам надо доставить в Дриссу количество. Понял?

Теперь-то Павел понял. Ради такого дела он был готов пойти на риск.

— Ты сам до этого додумался? — спросил он.

— Сам не сам, а нужно. Пойдешь или нет?

И вот они пошли.

В первой же деревне несколько коров покрупнее и упитаннее обменяли на хилых и худых. Во второй деревне история повторилась. Менять скотину — дело довольно опасное. Немцы, если узнают, по голове не погладят. Приходилось все это делать скрытно, без свидетелей. Иногда меняли коров на самогон, пили и шумели: дескать, просто пьяницы гонят скот и комбинируют...

За много километров наменяли так, что несколько бычков не могли уже идти. Из Вышнарово пришлось вызывать повозки и везти полудохлую скотину лошадьми.

В Кохановичах над Сличным и Цалпаном нависла опасность. Прибыл освейский комендант, чтобы лично проверить состояние скота. Комендант долго и придирчиво рассматривал бедных животных. Но ничего не заметил, кроме того, что несколько бычков не могут встать, приветствуя этим господина коменданта.

Пастухи усердно доказывали, что кормить скотину было нечем и бычки малость притомились. Комендант послушал, промычал что-то себе под нос и велел зарезать шесть бычков на мясо.

Ребята ухмылялись, довольные «коммерцией». Они раздобыли самогонки, и комендант пьянствовал всю ночь. Наутро стадо двинулось дальше. Обмен продолжался.

Возвращаясь из Дриссы, Николай Сличный и Павел Цалпан собрали в деревнях немного оружия и отправили его на сохранение в Вышнарово. Позже Сличный переправил его в более надежное место.

Отсидевшись немного в хате, переждав несколько недель после прихода немцев, отправился в Освею и Николай Степанович Аржаник.

Идет по улицам, присматривается, думает, с кем бы посоветоваться. Раньше много было друзей. А теперь?..

На Дриссенской улице встретился с Антоном Игнатьевичем Литвиновым.

Поздоровались. Перекинулись словами. Пригляделись друг к другу, а потом:

— Знаешь, Антон Игнатьевич, нечего мне с тобой пустые разговоры вести,— заявил Аржаник.— Скажи лучше, что сейчас мне, председателю колхоза, делать?

— Понимаю, Николай Степанович. Время теперь гадкое. Надо осторожно разговаривать. Не все чисты совестью. А как жить? Живи так, как и раньше жил: для людей старайся, для народа. Правда, колхоза теперь нет. И ты не председатель. Но люди те же. Вот и помогай людям, напоминай им, что наши вернутся, опять колхоз восстановим. Пусть народу будет продуктов побольше, врагу — поменьше. Это пока. И оружие нужно. В лесах его много.

Договорились увидеться еще раз и разошлись.

Позже Владимир Симацкий посоветовал Аржанику стать старостой. Вскоре после этого приехали немцы. Ввалились в дом, залопотали:

— Ви ест Аржаник? Будете старостом. Ви не возражайт?

Памятуя разговор с Симацким, Аржаник согласился. Тут же его и назначили представителем немецкой власти. Приказали явиться в управу для получения инструкций.

В управе старосте разъяснили, что входит в его обязанности. Следовало взять на учет все бывшие колхозные и личные запасы, посевы, скот и т. д.

Перед уходом бывший агроном райзо Иванченко шепнула:

— Вы, Николай Степанович, давайте сведения поменьше...

Короче говоря, Аржаник правильно понял смысл своей должности. Он поставил дело так, что немцы не много получили сельскохозяйственных продуктов с бывшего колхоза «Новый путь».

Потом, когда уже в освейских лесах действовали партизаны, председатель-староста сумел организовать регулярное снабжение продуктами отряда народных мстителей.

И так было во многих деревнях района. Колхозники только для отвода глаз сдавали по нескольку килограммов зерна, остальное прятали в землю. Они не верили фашистской пропаганде и саботировали все мероприятия оккупационных властей.

А немцы между тем пытались выкачать из оккупированных районов побольше материальных средств. Жителям Освейского района полагалось платить по 50 рублей в год с человека, будь это глубокий старик или грудной младенец. Поземельный налог составлял по 15 рублей за один гектар индивидуального пользования и по 20 рублей за гектар с колхозного участка. За лошадь и корову, независимо от возраста, требовали по 50 рублей. За собаку полагалось 200 рублей, а за кошку — 5. Подоходный налог с рабочих и служащих взимался в размере десяти процентов от заработной платы.

Это были налоги в денежном выражении. А натурой — зерном, молоком, мясом и другими продуктами — предстояло платить еще больше.

Велики были штрафы. За самовольную порубку леса — 500 рублей, за невыполнение распоряжения — 200 рублей, за нарушение порядка — 100 рублей.

Но люди уклонялись от уплаты налогов. В эти дни на заборах, столбах, наиболее видных местах появлялись написанные от руки или напечатанные на машинке листовки такого содержания:

«Нет! Нам с ними не по пути. Знаем, помним не-

мецкую грабиловку еще по гражданской войне».

«Фигу они от нас получат, а не хлеб!»

И народ не платил налогов, ссылаясь на отсутствие денег и продуктов. Проверки, устраиваемые немецкими властями, не давали положительных результатов.

Постепенно, но верно создавалась сеть партийного подполья. Надежные люди в деревнях создавали вокруг себя подпольные группы. Ниточки связи тянулись от них в Освею.

Казалось, нужен был только сигнал, чтобы десятки людей в разных концах района взяли в руки оружие и развернули в тылу врага вооруженную борьбу.

Но в жизни не всегда получается так, как хочется. В действительности все оказалось сложнее.

Мы начинали в тылу врага не очень умело. Сегодня это видно особенно отчетливо. Правда, у нас не было провалов, наши люди не гибли в фашистских застенках. Но так получилось не из-за нашего искусства вести тайную войну с врагом. Просто в глухой сельской местности немецкая служба безопасности приступила к работе не сразу. Это позволяло учиться на ходу, приобретать опыт. Едва ли не на каждом шагу мы чувствовали, что идем на ощупь. Умение приходило постепенно.

Война, начавшаяся для многих мгновенно, стремительно развиваясь, прокатилась по Освейщине как вихрь, подавила и смяла слабых, оглушила даже сильных. Многие колебались, не зная, что делать: спрятаться пока или действовать? Ждать более благоприятных времен, когда определятся задачи и появится уверенность в победе, или, невзирая ни на что, идти почти на верную гибель? Это было очень важно: не просто внутренне желать победы над врагом, а точно знать, что победа неизбежна, хотя на этом пути можно погибнуть.

В это время здесь особенно необходимым было откровенное партийное слово. Люди знали, что партия всегда точно определяет возможности страны и умеет мобилизовать их.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

За Освейским озером, несколько севернее его, где начинаются густые леса, раскинулась деревня Прошки. Две перекрещивающиеся дороги служили ей улицами, одна из которых уходила в лес, скрываясь за околицей в молодом сосняке.

По ней-то и шел человек с топором за поясом. Его молодое лицо выражало строгую задумчивость. Он свернул в сторону и, оставляя отпечатки следов на снегу, двинулся в самую чащу.

Через некоторое время человек остановился и прислушался. Глухие удары топора донеслись до его слуха и смолкли. Потом послышались снова. И тогда человек быстро пошел в ту сторону.

За узорным переплетением ветвей и стволов показались контуры человеческой фигуры. Послышались удары топора, и тонкий ствол деревца, треснув сухими ветвями, упал на снег. А вот и сам лесоруб. Он выпрямился, обернулся на звук шагов, присмотрелся и радостно взмахнул рукой.

— Здравствуйте! — первым подал голос подошедший.

Это был Василий Лукашонок, секретарь комсомольской организации. Правда, секретарем он был до войны, а теперь... Теперь и сам не знал, кем является.

— Здравствуй, секретарь,— бодро ответил ему, перебрасывая топор в левую руку, Владимир Иосифович Вестенберг, заведующий начальной школой, тоже комсомолец.— Как вижу, и ты за дровишками?

— Надо,— вздохнул Василий.

У него было какое-то двойственное отношение к этому учителю. С одной стороны, все его уважали, считали хорошим человеком, а вот с другой...

Василий посмотрел на ряды молодых сосен, одним

махом срубил сухое деревце, потом таким же манером — другое... Он взмахивал топором, слегка приды-хал и шел к следующему деревцу. Думал, стоит ли продолжать разговор, начатый несколько дней тому назад в присутствии Григория Лукашонка. Всем хорош человек, но... немец. Как он относится к приходу фашистов? Как поведет себя?

— Так чем занимаешься, комсомольский секретарь? Или ты уже того? Сдал должность?

Василию почудилась в этих словах насмешка, он резко выпрямился и встретился взглядом с учителем. Тот открыто и спокойно смотрел на него.

— Я не трус и должность, как вы говорите, не сдал!

— Не обижайся, Василий,— сказал Вестенберг.— Я вот и сам, как видишь, бывший заведующий, бывший учитель... Нет теперь школы. Вся работа — за дровами в лес ходить.

Они еще некоторое время рубили сушняк, потом осмотрелись. Любовь к лесу дала о себе знать: за ними осталась ровная, аккуратная прочистка. Срубили только те деревца, которые были вредны для других деревьев.

— Видишь? Нет, ты только погляди! Мы заботимся о лесе. А это значит, что надеемся снова стать его хозяевами,— заметил Владимир, бросив топор в снег.

Позже, когда вовсю полыхал костер из сучьев, Василий заговорил более откровенно. Рассказал, что товарищи из Освеи посоветовали создать подпольную комсомольскую организацию и приобщить ее к борьбе с врагом.

— У меня на сердце как-то даже легче стало. Все не решался поговорить с нашими ребятами. А теперь... Теперь у нас весело будет! — радовался Василий.

— Товарищи из Освеи надеются на нашу молодежь? Это хорошо. Прошковские парни и девушки — отличный народ,— подтвердил Вестенберг.

Белый дым, припадая к земле, а потом густыми клубами устремляясь кверху, казался живым существом: он был похож на тело большой змеи. Покачиваясь и извиваясь, она уползала вверх, растворялась в вершинах высоких сосен.

— Ты знаешь, я боюсь... Нет, не немцев. Я же не

знаю, как ее создавать, подпольную организацию! — признался Василий, вытирая кулаками заслезившиеся глаза.

Он был сейчас похож на большого ребенка, и вся его поза никак не соответствовала серьезности разговора. Василий вопросительно глянул на Владимира.

— Я, Вася, тоже не знаю,— как-то нерешительно ответил Вестенберг.— Ни ты, ни я не учились этому делу. Но мы будем делать все, что нужно для победы. Товарищи из Освеи подскажут.

— Оружие нужно... Листовки... Надо сначала наших ребят собрать, рассказать им все,— думал вслух Василий.

Когда расставались, он задержал руку Владимира, улыбнулся, а Владимир с пафосом продекламировал:

— Откуда дровишки? Из лесу, вестимо!

Лукашонок свернул домой, а Вестенберг потащил свою вязанку дров дальше.

Вечером Василий сидел за столом и делал вид, что читает. Иногда бросал взгляд поверх страницы. По комнате не спеша двигалась мать. Мария Петровна ловко орудовала у печи, готовила ужин. Как сказать ей о том, что задумал? Ведь неизвестно, что ответит. Может, осудит?..

Но на сердце у него почему-то было весело. И когда мать поставила на стол чугунок с картошкой, сын решительно начал:

— Мама, я хочу...— но решительность уже пропала, и он продолжал робко и неуверенно:— Я хочу поговорить с тобой об одном деле... Такое дело, знаешь... Это опасно. То, что мы решили с ребятами, это сейчас... Ну, в общем, я ведь секретарь комсомольской организации... И теперь тоже. Я не могу без дела, когда идет война.

Голос его окреп, в нем появилась уверенность:

— Сегодня в лесу, когда ходил за дровами, я встретил Вестенберга. Мы с ним долго говорили обо всем. О том, что нельзя отсиживаться... Решили, что тоже будем бороться. И вот теперь мне надо собрать комсомольцев, поговорить с ними.

— Ты хочешь собрать их у нас, сынок? — спросила Мария Петровна.

Она обняла его белокурую голову, и Василий почув-

ствовал, как горячие материнские слезы упали ему на руки.

— Горячий ты... Горюшко мое. Хорошо, хорошо, сынок. Поговорите, а я уж покараулю вас, предупрежу, если что...

Василий крепко обнял мать, у которой он был только один. Парень не надеялся, что так быстро и твердо мать пойдет рядом с ним по опасному пути. «Хорошая она»,— подумалось ему.

Как и все его сверстники, Василий много читал о партизанах гражданской войны и партийном подполье. И сейчас, обдумывая планы на будущее, он вспоминал эпизоды из этих книг, знал, что в этом деле необходима конспирация. Слово, конечно, понятное, но как она выглядит на практике и когда нужна эта самая конспирация, он представлял слабо. Вот, к примеру, надо ли собирать комсомольцев по одному и скрытно или можно это сделать как-то иначе? Есть ли надобность здесь, в Прошках, особенно таиться?

Он задавал эти вопросы и дяде Григорию. Вдвоем они еще раз мысленно перебрали каждого из деревенских парней и девчат. И в предвоенные годы, и в первые дни войны молодые прошковцы были всегда рядом, их жизнь проходила на глазах друг у друга. Сначала на строительстве линии обороны, потом в истребительных отрядах и в первые дни оккупации...

— Надежные ребята,— подвел итог Григорий.

А Василий думал, что другими они и быть не могут.

С Вестенбергом встретились в условленном месте. Быстро обо всем договорились. Василий собирает комсомольцев, обеспечивает охрану. Владимир готовит короткое выступление об особенностях современной обстановки. Он должен поставить перед молодежью конкретные задачи по борьбе с врагом. Собрание назначено на субботний вечер.

У дома Василия Лукашонка заиграла гармошка. До войны на ее звуки за пятнадцать минут собиралась вся молодежь. И тогда не унять веселья и звонких песен до утренних зорь. А теперь парни и девушки подходили по одному.

— Заходите, пожалуйста,— приглашал Василий.

Он окинул взглядом собравшихся: все свои. Да и где возьмешь в деревне чужих?

Двоюродные братья Петр и Михаил Лукашонки подхватили под руки Марию Прошко и Тоню Фролову. Пришла Женя Фроленок. Ей что-то рассказывал Владимир Вестенберг.

Мать, укутав голову платком, вышла во двор. Вдруг в сенях что-то стукнуло, дверь распахнулась, и на пороге выросла коренастая фигура в полушубке.

— Здравствуйте, молодежь! Примите и меня, старика, в компанию,— с этими словами Григорий Сергеевич Лукашонок поставил на стол бутыль водки.— Гулять, так уж по-настоящему,— широко улыбаясь, добавил он.

— Гулять так гулять,— отозвался в тон ему Василий.— Разрешите, товарищи, открыть комсомольское собрание. Все знают, зачем мы собрались. Слово предоставляется товарищу Вестенбергу.

Владимир встал. На него ожидающе смотрели товарищи. И то, что за долгие дни раздумий накопилось в душе, вылилось во взволнованной речи.

— Товарищи... Друзья мои,— начал Вестенберг.— Наша страна в смертельной борьбе с врагом. И нет большей муки, чем видеть плодородные нивы под гусеницами фашистских танков.

Владимир остановился. Ему стало стыдно, что слова получились такими красивыми, как искусственные цветы. Перед ним были близкие люди, парни и девушки, которые только вчера торопились на работу, а вечером, уставшие, прибегали в школу. Они все поймут из простых слов.

— Фашисты — враги нашей Родины,— продолжал докладчик.— Мы, комсомольцы, не можем оставаться в стороне от борьбы. Здесь, в тылу, можно и нужно помогать фронту. Давайте возобновим работу нашей комсомольской организации. Понятно, что она должна быть подпольной.

Ребята переглянулись, зашептались.

— Правильно, мальчики!

Все обернулись на звонкий голос Жени. Ее лицо покрылось легким румянцем. Глаза сияли.

«Какая она замечательная»,— подумал Володя.

— Будем вместе, как раньше,— продолжала Женя.— Даже ближе. Тогда нам все нипочем. Я за возобновление нашей работы.

Молчавший до этого Григорий улыбнулся и ударил ладонью по столу.

— Завидую вам, молодежь. Хорошие вы ребята!

Петр Лукашонок предложил, как это и требуется на комсомольских собраниях:

— Предлагаю утвердить создание подпольной комсомольской организации деревни Прошки.

Все дружно проголосовали. Секретарем единогласно избрали Василия Лукашонка.

— Был ты до войны секретарем, руководить тебе и сейчас,— подвел итог Григорий.

Михаил похлопал в ладоши и потянулся к бутылке:

— Такое событие надо бы отметить...

— Погоди. Не до этого сейчас,— оборвал Василий.— Слово предоставляется представителю подпольного партийного центра Григорию Сергеевичу Лукашонку.

Григорий встал, оперся руками о стол. Из-под бровей глядели усталые глаза. Минутное оживление у комсомольцев угасло. Все сидели, прижавшись друг к другу, слушали, сосредоточенные и серьезные.

— В Прошках нет сейчас ни немцев, ни полицаев. Небольшие фашистские гарнизоны стоят только в трех километрах в Заборье и в Шкяуне, да еще в Освее. Этим необходимо воспользоваться. В относительной безопасности вы можете собирать на месте бывших боев оружие и прятать его в укромном месте. Оружие и боеприпасы нам нужны будут в самом скором времени. Предстоят бои с оккупантами здесь, в тылу врага. Условия для подпольной работы скоро осложнятся. Если попадетесь немцам в руки, может быть и хуже смерти: муки, пытки. Но всегда помните, что вы не одни. В районе начал действовать подпольный партийный центр, во многих местах организуются подпольные группы патриотов. Придет время, и все эти группы сольются в могучую реку партизанской войны. Партия в тылу врага кует оружие для борьбы, она зовет всех патриотов на бой с фашистской нечистью.

Лукашонок обвел всех взглядом, потом заключил:

— Все вы видели «Правду» с фотографией парада 7 ноября на Красной площади. Эта газета совершила долгий путь. Ее доставили к нам из-за линии фронта. Москва борется и сплачивает силы советского народа

для победы над оккупантами. Мы не одиноки в нашей борьбе!

Потом прочли клятву юных подпольщиков своей Родине и народу. Подписали ее дрожащими от волнения руками.

— До свидания, товарищи. Очень надеемся на вас.— Григорий всем по очереди пожал руки.— Василий знает, что надо делать, как с нами связаться.

И уже у самых дверей обернулся и, улыбаясь, указал на бутылку:

— Теперь, пожалуй, можете и ликвидировать...

Ребята выпили немножко. Петр тихо заиграл.

— Давайте нашу клятву положим в бутылку и зароем в лесу,— несмело проговорила Тоня и, когда увидела, как внимательно ее слушают, уверенно окончила: — Пусть этот лес станет нашим тайником. Оставшиеся в живых найдут ее и сохранят...

Прошло несколько дней.

Дел у Василия Лукашонка было много. Распространяли листовки, которые передавал партийный центр. Григорий появлялся в Прошках пока еще открыто. И почти каждый день ребята уходили туда, где дрались воинские части в первые дни войны, заходили в соседние деревни, устанавливали связи с жителями. Побывали в Рыльках, Устинове и Ляхове. Хлопцы там запасливые, припрятали несколько винтовок и много патронов. Долго упрямились, но потом поделились с комсомольцами-прошковцами.

Василий Лукашонок и Владимир Вестенберг сходили в деревню Посино, откуда принесли немного боеприпасов. Теперь их надо было спрятать.

— Я пойду, мама,— ласково глянул в глаза матери Василий.

— Когда ждать-то обратно?

— Вечером вернусь. Не беспокойся.

Василий незаметно нырнул в чащу леса и через полчаса остановился под седыми ветвями старой ели. Тихо свистнул, прислушался. В ответ раздался такой же тихий свист. Колыхнулись ветви, и из-за них показалась голова Михаила Лукашонка в шапке-ушанке.

— Давай сюда,— позвал он.

В гуще деревьев едва возвышалась над землей маленькая землянка. Если не знать ее расположения, то в трех шагах не заметишь. За дощатым столом землянки сидел Петр Лукашонок и чистил винтовку.

— Принимайте пополнение,— осторожно опустил на землю мешок Василий.

Пока ребята перекладывали боеприпасы, он огляделся. Вдоль стен лежали винтовки, густо смазанные маслом, ящики с патронами.

— Молодцы, ребята! Ты, Михаил, хоть дома теперь бываешь?

— Все тут сижу... Надо присматривать...

— Напрасно. Твое долгое отсутствие может показаться подозрительным,— сказал Василий.

Кладовая Михаила Лукашонка быстро пополнялась. Доступ к складам остальным членам организации был закрыт. Вся ответственность возлагалась на Михаила.

— Оружия нужно много, друзья,— говорил комсомольцам Григорий.— Мы готовимся к серьезной и долгой борьбе.

Первое комсомольское собрание заметно изменило настроение Владимира Вестенберга. То ли необъяснимые глаза Жени, то ли опасная и интересная работа подпольщика была тому причиной, но все эти дни Владимир был очень оживленным. Пользуясь отличным знанием немецкого языка, Вестенберг пытался наладить нечто вроде разведки, читал добытые ребятами немецкие документы, подслушивал разговоры солдат. И вместе со всеми собирал оружие.

— Вася,— остановил он однажды на улице Лукашонка.— Есть слух. Надо проверить.

— А что такое?

— Склад боеприпасов. Наши оставили при отходе.

— Где?

— Возле Посинской МТС.

— Это километров тридцать в одну сторону. Неблизко. Спрошу у Григория Сергеевича. Будь здоров!

И они разошлись.

А на следующий день из Прошек выехали сани. Их тянула старая лошадь. Григорий дымил цигаркой и держал вожжи, а Василий сидел, свесив ноги, на соломенной подстилке. В деревне Рыльки взяли с собой проводника, знакомого человека, и поехали дальше.

Дорога к Посино проходила вдоль латвийской границы и вела через железную дорогу Зилупе-Себеж. Граница усиленно охранялась немцами и айзсаргами. На железной дороге стояли патрули. У всех троих были кое-какие документы, но при тщательном осмотре они бы не спасли. Ехали поэтому осторожно, стараясь никого не встретить. Переезд миновали благополучно. Немцев на нем не оказалось. В МТС прибыли поздно вечером.

— Полдела сделали. Теперь осталось самое главное,— пошутил Григорий.

Сразу же нашли склад и осмотрели его. К сожалению, там оказалось только около двух тысяч патронов, 17 гранат системы «мильса», шесть дисков к ручному пулемету Дегтярева и еще кое-что из мелочи. Все это уложили в сани и замаскировали, тщательно укрыв соломой.

Утром поехали домой. Только выехали из леска к железнодорожному переезду, как увидели у будки двух немецких солдат. Вот так штука! Раньше их не было. Поворачивать обратно? Поздно, их уже заметили. Метров за пять до переезда немец взмахнул рукой и закричал:

— Хальт! Документ.

Василий спрыгнул с саней и стал рыться в карманах. Григорий остановил лошадку на самом переезде и начал поправлять сбрую. К солдатам подошел и проводник, тоже, порывшись в карманах, извлек какую-то бумажку. И тут послышался шум приближающегося поезда. Григорий лихорадочно думал: «Успеем или нет? Проверят сани или пронесет?..»

Часовой медленно разбирал, что написано в документах. Второй заволновался и заторопил напарника:

— Шнеллер, шнеллер...

Часовой вернул документы и махнул рукой, чтобы скорее съезжали с переезда. Паровоз был уже совсем близко. И пока на стыках рельсов грохотал товарный состав, пегая лошадка с необыкновенной резвостью уносила опасный груз все дальше от этого места.

Несколько километров проехали молча.

— Вот так, значит,— сказал наконец Григорий и поставил пистолет на предохранитель.

— Стой, смотри! — вскочил Василий.

На дороге в лесу белели какие-то листки. Стали быстро собирать их. Прочитали отдельные заголовки: «Вести с Советской Родины», «Лиза Чайкина». Всего было подобрано 17 листовок. Их спрятали вместе с оружием.

— Эти часто бьют врага не хуже гранат, секретарь,— с удовлетворением заметил Григорий Лукашонок.

Запасы оружия быстро пополнялись. Михаил с товарищами оборудовали уже два склада. Ручные пулеметы, автоматы, самозарядные винтовки, карабины, винтовки образца 1891 года, ручные гранаты и патроны — все это ждало своего времени.

В деревнях Освеица, Игналино, Домоново, Суколи у прошковских комсомольцев появились свои доверенные люди. Ширились и росли связи с населением. В деревне Остров ребята, например, не только собирали оружие, но и готовились к вступлению в партизанский отряд.

В эти дни пришла страшная весть: фашисты приступили к массовому уничтожению еврейского населения в Освее. Комсомольцы укрыли в трех километрах от Прошек девять юношей-евреев, бежавших из-под расстрела, помогли им выстроить землянки, дали оружие. Женя Фроленок и Петр Лукашонок снабжали продуктами.

Морозы крепчали. Лютые ветры старались проникнуть к самому сердцу, обжигали лицо. Занесенные снегом дороги были еле заметны. Изредка проедут сани или тяжело прошагает одинокий пешеход. Невесело одному в пути, ноют исходившие не одну сотню километров ноги.

Вот уже несколько месяцев, в слякоть и морозы, почти каждый день хожу я по району. Оставаться на одном месте больше двух-трех дней нельзя. Нужны друзья, люди, всей душой преданные народу, партии, Родине.

И такие люди находятся везде.

— Можете на нас надеяться,— прощается со мной Григорий Лукашонок.— Ребята в Прошках боевые. На все готовы.

— До свидания,— говорю я ему.— Уже осталось недолго ждать. Но помните о конспирации. Осторож-

ность и еще раз осторожность. Всякий риск должен оправдываться целью. Берегите людей. Они нужны для борьбы.

Григорий остается там, где он больше всего нужен. Если в Прошки нагрянут немцы, ему придется туго. Враги могут и не знать о его теперешней связи с подпольным партийным центром, но его прошлое им, вероятно, известно. Они не пощадят человека, который командовал в первые дни войны истребительным отрядом.

...День клонился к вечеру. Сосны отбрасывали на дорогу длинные тени. Порывистый ветер обжигал лицо. Солнце низкое, но еще яркое. Солнце и холод. Нет, не согреться в его лучах. Надо спешить. До Витебска не близко.

В дороге всегда что-то вспоминаешь.

Ржев. Город заполнен войсками, беженцами. А в небе — черные силуэты немецких бомбардировщиков. Вой сирен. Фронт совсем близко, все спешат. Кажется, что вся жизнь сосредоточилась на железнодорожной станции. Товарные вагоны переполнены женщинами, детьми. Плач, причитания. Одуряющий вой сирен, паровозных гудков...

Только что, лязгнув буферами, отошел состав с эвакуируемыми. В теплушках тесно, пахнет лошадьми. За медленно двигающимися вагонами идут мужчины, прощально машут руками. Они ни о чем не просят, ничего не говорят. Что скажешь? Разве можно знать, куда повезет людей этот товарняк? Какое может быть у него расписание?

Я шел все быстрее, вглядываясь в лица дочерей Виты и Светы, в лицо жены Мани... Идти за поездом становилось все труднее, что-то попадалось под ноги, дым от паровоза ударил в глаза едкой угольной пылью...

Прощайте, родные, до свидания...

Вот и все. Теперь я не только один, а уже и не директор МТС. Технику сдал. Пора и определяться. Пусть решает мою дальнейшую судьбу горвоенкомат.

Когда отошел немного от станции, увидел Бориса Ивановича Можайского — заместителя председателя Витебского облисполкома. Оба мы очень обрадовались неожиданной встрече. Вдали от родных мест каждый

знакомый казался близким человеком. С Борисом Ивановичем я встречался только по службе, а теперь разговорились как друзья.

— Где семья и что сам собираешься делать? — спросил Борис Иванович.

— Семья эвакуировалась, только что проводил. Вот возвращаюсь со станции. Иду в военкомат. Нужно подаваться в армию. На фронт, как все.

— Ничего у тебя, брат, с этим не выйдет. У тебя ведь, по моим сведениям, бронь? Вкладыш в военном билете имеется?

— Имеется,— ответил я, начиная улавливать смысл вопросов заместителя председателя облисполкома.

— Так вот,— сказал Можайский,— тебе бесполезно идти в военкомат. С тобой там и разговаривать не станут. За разрешением нужно ехать в Москву. Или как-то связываться с наркоматом. И даже это вряд ли тебе поможет. Направят куда-нибудь по специальности.

— Так что же мне делать? Так вот и бегать по инстанциям? Пока война кончится?..

— Не кончится... Долго еще не кончится. И ты это должен понимать,— помрачнел Борис Иванович.— Все самое трудное у нас впереди... Вот что мы с тобой сделаем. Пойдем к нам в исполком.

— А вы разве здесь? — удивился я.

— Не все, но многие здесь.

Вскоре мы уже беседовали с председателем исполкома Павлом Ильичем Рябцевым.

— Чего же ты не уехал с семьей? — улыбаясь, спросил Рябцев.

— Решил, что нужно воевать, а не эвакуироваться в тыл.

— И правильно сделал. Хотя в армию ты, скорее всего, не попадешь...

Я возмутился, но меня прервали:

— Есть у нас одно предложение. Не хочешь ли поехать обратно в Освейский район?

— Зачем? — не понял я.

Мне объяснили, что в тылу у врага нужны организаторы народного движения из местных работников, представители партии, которым народ верит и за которыми пойдет.

Борис Иванович сказал, что обком партии вместе с облисполкомом готовит несколько спецгрупп для переброски на территорию Витебской области. Подбирает верных людей.

— Я-то не против, но ведь у меня нет никаких навыков такой работы. Это ж не на сев или уборку народ организовывать. Тут нужно умение. Как это называется? Конспирация нужна...

Товарищи рассмеялись.

— Было бы только желание,— сказали они.— Научим. Но учти, туда надо отправляться с сознанием всех предстоящих трудностей. Там тяжелее, чем на фронте.

— Не пугайте. Если нужно, пойду! Только как быть с воинским учетом?

— Это мы устроим. А теперь отправляйся на специальные курсы, изучай эту самую конспирацию.

Так началась моя подготовка к работе, о которой мне раньше доводилось читать только в книгах.

Занимались мы ежедневно и много. Изучали не только способы организации подпольной работы и конспирации. Знакомились с методами партизанской борьбы, изучали оружие, подрывное дело, стреляли и так далее.

Вечера были свободны. Тело ныло от напряжения последних недель. Но воспоминания о прошлом не оставляли ни на день. Я лежал на койке и думал. Перебирал в памяти недавние события. Перед глазами проплывали последние дни в Освее, митинги, собрания... Жизнь перестраивалась на военный лад. Все меньше оставалось времени для сна. Готовясь к возможной эвакуации, мы проверяли и в бешеном темпе ремонтировали технику.

Хотя этого дня и ожидали, он свалился словно снег на голову, ошеломил всех.

В райкоме партии собрались почти все руководители предприятий, колхозов и организаций. Нам зачитали постановление ЦК КП(б)Б об усилении помощи фронту, о подготовке к эвакуации.

— Товарищи! Все руководители организаций, особенно директора МТС, должны основательно подготовиться к тому, чтобы вывезти технику и другие материальные ценности, не оставить их врагу,— начал секретарь райкома.— Вы несете за это личную ответственность...

Занятия на курсах заканчивались. Перед отправкой в тыл противника я попытался узнать что-либо о судьбе семьи. После нескольких часов хождения к разным начальникам и диспетчерам выяснил, что эшелон, в котором она уехала, благополучно прошел несколько станций. Меня попросили подождать, может быть, удастся узнать еще кое-что.

Медленно тянется время. Но вот показался знакомый диспетчер. Он почему-то торопился и, не глядя в глаза, бросил:

— Получено сообщение: эшелон попал под бомбежку. Много жертв...

Больше ничего выяснить не удалось.

И вот наша группа готова к выступлению. Построившись, стоим во дворе. Идет проверка. Последняя проверка готовности. Нас семнадцать. Одеты все по-разному, просто, как это и бывает в деревне. Вроде бы по виду ничем не должны выделяться. За плечами у каждого мешок с предметами первой необходимости, которые нужны на любой случай: краюха хлеба, кусок сала, соль, кружка...

Уже после войны, в спокойной обстановке, вспомнилось, что мешки у нас были новые, только со склада. Странная деталь. Но тогда на нее никто не обратил внимания, не задумался над тем, что именно это может вызвать подозрение, если задержат немцы.

Если задержат... Мы тогда об этом не хотели и думать...

— Документы! — это еще не патруль, а инструктор спрашивает.

Показываю. В справке из тюрьмы сказано, что Захаров Иван Кузьмич освобожден после отбытия шести месяцев заключения...

— За что сидел?— проверяет меня наш инструктор.

Говорю, что обвинили в расхищении социалистической собственности, но я ничего не брал, меня оклеветали...

— Хватит. Оружие?

Показываю два пистолета и обоймы к ним.

— Ни пуха ни пера!— хлопает легонько по моему плечу проверяющий.

— К черту...

Проверяют моих товарищей. Потом — команда:

— По машинам!

Она у нас одна. Мы втискиваемся в кузов. Сопровождающий группу майор садится в кабину. Трогаемся. Едем куда-то за Великие Луки, где пока нет боев. Там и будем переходить фронт. Все молчат, смотрят по сторонам на беженцев, груженные домашним имуществом машины. Кругом пока свои.

В лесу, свернув в сторону с дороги, машина остановилась. Майор вылез из кабины, посмотрел на карту, потом скомандовал:

— Выгружайся!

Он объяснил, что мы находимся на нейтральной территории. Наших здесь уже нет, а немцы еще не появились. Дальше надо двигаться самим.

— Разойдись!— командует майор, а потом просто говорит нам: — Всего вам хорошего, товарищи, желаю успеха! Пойдете по этой тропинке. За лесом будет деревня. В ней, наверное, уже немцы...

Он садится в машину и уезжает. Мы чувствуем, что ему за что-то перед нами стыдно. Очевидно, за то, что мы уходим на оккупированную территорию, а он остается здесь, среди своих.

Осторожно идем по лесу. Пока не расходимся. У нас даже есть свой временный командир. Может быть, на час, а возможно и на несколько дней. Расходиться пока что нет надобности. Да и не хочется.

— Стой!— раздается неожиданный окрик.

Мгновение — и мы за стволами деревьев. У каждого в руке пистолет.

— Выходи!— командует тот же голос.

Присмотрелись. Видим: сержант и с ним несколько бойцов. Винтовки направлены в нашу сторону.

— Погоди камандовать! — кричит в ответ наш командир.— Мы свои...

— Проверим, свои или чужие,— отзывается сержант.— Подходи и предъявляй документы.

— Документы...— шепчет озадаченно наш командир.— Ишь чего захотел...

Мы хорошо знаем, что будет, если сержант увидит наши документы.

Что же делать, чтобы не сорвалось выполнение задания? Пока мы совещаемся, в группе бойцов нарастает тревога. Слышен приглушенный голос сержанта,

видны какие-то перемещения. Очевидно, готовятся к бою. Нужно быстрее решать. Обойти этих ребят, видимо, не удастся. Начнется перестрелка, а что будет дальше, неизвестно. Удрать от них невозможно. Остается одно из двух: или бой и уничтожение этих парней, или нам надо сдаться им в плен.

— Нужно принимать бой или уговорить сержанта,— говорит наш командир.

Начинаем вести переговоры и даже объясняем, что идем в тыл к фашистам по специальному заданию.

— Вот и хорошо,— спокойно отвечает сержант.— Наша часть рядом, в полутора километрах. Сходим туда. Командир посмотрит, что к чему, и вы пойдете дальше.

Семнадцать здоровых парней, отлично обученных, подготовленных к борьбе в самых неожиданных условиях, стояли в нерешительности перед меньшим количеством красноармейцев. Мы понимали, что на испуг их не возьмешь. Эти бойцы умрут, но нас не пропустят. Мы не могли на это пойти.

Когда нас обезоружили и проверили документы, сержант проговорил:

— Ничего себе свои. Сплошные уголовники... Одного никак понять не могу, почему вы не стреляли? Ведь у вас тридцать четыре пистолета против наших двенадцати винтовок. Почему не бежали?

— Вот и думай, если ты такой умный,— ругнулся кто-то из наших.

Мы прошли не менее пяти километров, а штаба все не было. Вообще вокруг не было ни души.

— Скоро?— спросили мы.

— Успеете,— твердо ответил сержант, поглядывая, как его бойцы охраняют нас.

Через два часа мы вышли на большак, по которому в сторону Торопца двигались наши отступающие части.

— Вот и пришли,— сказал сержант, закурил и сплюнул.— Теперь порядок.

Он оставил нас возле шоссе, а сам вышел на дорогу, остановил какого-то командира и передал ему бумаги, очевидно, наши документы. Командир отдал приказание, и нас передали другим караульным.

— Прощайте, уголовнички!— весело помахал нам рукой сержант.

В Торопце нас сдали в комендатуру. Что с нами делать, никто не знал. Кроме справок о нашем уголовном прошлом никаких улик не было, а разыскать организацию, пославшую нас в тыл, не представлялось возможным. И держать хлопотно, и отпустить опасно...

И вот Ржев, пересыльный пункт. Здесь нас начали перетасовывать, рассылать по тыловым частям. Мы просились: если уж нас нельзя отпускать в тыл к фашистам,— пошлите на фронт!

Но на фронт тоже не отправляли.

Из Ржева меня перевели в Зубцово, в запасной полк. Там я был более или менее свободен, но глаз с меня не спускали. Единственным утешением было то, что я обучался военному делу вместе с солдатами. Лишняя тренировка никогда не помешает.

После Зубцова — Можайск, учебный полк. Здесь мне уже почти верили, но просили подождать. Наконец-то, связавшись с Москвой, товарищи из спецотдела выяснили, кто я такой. Мне вернули оружие, документы и разрешили выполнять задание.

Пробыл я в этом полку 15 дней. Уже на второй день принялся за розыски семьи. Писал в Центральное эвакуационное бюро в город Бугуруслан с просьбой разыскать семью и сообщить адрес, просил также, если разыщут жену и детей, передать им мое письмо.

Однако ответа в Можайске я не получил: прошло слишком мало времени. Гораздо позже, уже в тылу у врага, от первого секретаря ЦК КП(б)Б и начальника Центрального штаба партизанского движения Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко прибыл пакет, в котором находилось сообщение о том, что моя жена и девочки живут в колхозе «Лев» Кировской области, регулярно получают мои письма и пособие от государства. Трудно передать охватившее меня чувство благодарности к чутким людям, которые в труднейшие для страны дни не забыли выполнить мою личную просьбу.

Но это произошло позже. А в октябрьские дни сорок первого года мне было грустно и чувствовал я себя одиноким.

К линии фронта подходил вместе с дивизией, выдвигавшейся на Вяземское направление. Передний край удалось перейти незаметно. Было это 14 октября 1941 года, в самый разгар наступления немецко-фашистских

войск на Москву. Теперь только к цели, только вперед. Потеряно столько времени!

Идти было нелегко. Каждый шаг зависел от случайностей. Приходилось обходить населенные пункты, по возможности не встречаться с людьми, так как на мне была красноармейская форма, в которой я вышел из учебного полка. Из документов при мне был только паспорт.

Дорога в основном шла лесом и густым кустарником. Это мне было выгодно, давало возможность иногда отдохнуть, ослабить нервное напряжение.

В большом лесу километрах в шестидесяти от Вязьмы я вдруг увидел наши войска: бойцов, машины, артиллерию. «Неужели готовятся к наступлению?»,— подумал я. По моим расчетам, тут должны были находиться войска противника. Я шел между машинами, присматривался, но никто меня не остановил, не потребовал документы. «В чем дело? Что тут происходит?»— мучил вопрос.

Где-то в отдалении была слышна стрельба.

Вскоре из отрывочных замечаний и разговоров бойцов я понял, что в лесу находятся блокированные немцами остатки наших частей. Что же делать в такой обстановке мне?

Решил немного отдохнуть, поразмыслить над тем, как действовать дальше. Сижу под деревом и вижу: идет знакомый командир. Так это же Логинов, с которым я раньше в одном районе работал! Встаю и отдаю честь.

— Смотрите-ка, Захаров! Какими судьбами? — спросил он.

Разговорились. Старший политрук объяснил мне, что здесь собраны мелкие подразделения разных частей, люди не знают друг друга, а вокруг немцы. Вчера одна группа пыталась прорваться, но удалось ли это — неизвестно. Сейчас отдан приказ уничтожить всю тяжелую технику и группами идти на прорыв. В случае неудачи, самостоятельно просачиваться через оборону противника.

— Мы здесь уже несколько суток,— сказал Логинов,— положение становится все более тяжелым. Я потерял своих. В политотделе 31-й армии служил. Теперь жду, когда пойдем на прорыв. Но вряд ли что из этого

получится. Вчера уже пробовали вырваться,— ничего не вышло.

— Если не боишься, идем со мной,— предложил я.— В тылу фашистов тоже нужно организовывать борьбу с оккупантами. Решайся, вдвоем будет веселей. Мы-то, конечно, проскользнем.

Старший политрук подумал немного и согласился. Не откладывая это дело, начали готовиться в поход. Вокруг стояло много машин, до верху нагруженных продуктами и обмундированием,— все это сегодня должно быть сожжено. Мы решили переодеться в новое обмундирование и запастись продуктами в дальнюю дорогу. Взяли также по байковому одеялу, чтобы не мерзнуть, ночуя где-либо под кустом.

Провели разведку и направились в сторону наименьшей активности противника. Где ползком, а где согнувшись сумели преодолеть около четырех километров и пробраться к немцам в тыл. После небольшого отдыха двинулись дальше. В лесу было тихо, а открытые участки мы быстро перебегали, предварительно проверив, нет ли кого поблизости. По дорогам двигались немецкие машины, ехали мотоциклисты. Иногда под конвоем проводили группу пленных. Так мы прошли около пятнадцати километров. Ночью, на привале, решили, что можно рискнуть и попытаться освободить какую-нибудь группу наших военнопленных.

— А удастся ли это? Форма-то у нас новенькая,— высказал сомнение Логинов.

— Накинем плащпалатки, не разберутся. Видел, сколько пленных в плащпалатках? — возразил я.

— У меня с собой партбилет. Что если проверят?..

— А зачем у пленных еще раз проверять документы? Перед формированием колонны всех уже проверили. Да и кроме документов у нас ведь в карманах пистолеты. Имеет смысл рискнуть. Мы пройдем под немецкой охраной в глубокий тыл, где меньше фашистских частей. И обрати внимание: конвоиров не очень много. Это нам тоже на руку.

Мы отыскали такое место, где густой кустарник подходил вплотную к дороге. Показалась колонна пленных. Она была настолько велика, что конца ее не было видно. Послышались лай овчарок, окрики охраны, гул толпы... Улучив подходящий момент, мы быстро во-

шли в колонну. На нас никто не обратил внимания. Изможденные, уставшие, раненые люди механически переставляли ноги. Позже мы поняли, в чем дело. Пленных не кормили. Их подымали рано утром и до вечера гнали по пыльной дороге. Некоторые умирали на ходу, многие падали, совершенно обессилев. Охранники били их, а если люди не могли подняться и продолжать путь, их тут же пристреливали.

Сзади шла машина, в которой ехала очередная смена охраны. Солдаты конвоя отдыхали, а пленные — нет.

До Вязьмы оставалось километров двадцать. Мы со старшим политруком решили пока ничего не предпринимать, так как вокруг было много немецких войск. У нас уже страшно болели ноги, и мы тоже еле плелись, когда показалась Вязьма. На открытой площадке за проволочной изгородью нас разместили на отдых. Когда все собрались в кучу, мы осмотрелись и решили, что здесь собралось не менее десяти тысяч человек.

Обессиленные люди упали на сырую землю. Откуда-то появилась агитмашина с радиоустановкой. Из репродукторов послышалось:

— Граждане военнопленные! Немецкое командование в настоящее время не может обеспечить вас питанием, так как вы находитесь в прифронтовой полосе. Крепитесь и терпите. Скоро вас приведут в ранее освобожденные места и накормят. Тех из вас, кто живет в районах, уже занятых немецкими войсками, отпустят по домам. Остальные будут находиться на положении военнопленных. Этих пленных будут кормить и оказывать медицинскую помощь до тех пор, пока их родина не будет освобождена от большевиков!

Вот тут-то мы и взялись за работу. Переходя от группы к группе пленных мы говорили, чтобы они не верили фашистской брехне, а готовились к побегу. Мы подбирали крепких парней и договаривались с ними о совместных действиях.

Днем колонна шла по дороге. Конвоиры старались выбирать такой маршрут, чтобы он проходил вдали от лесов и больших населенных пунктов. Но не всегда можно было обойти частые леса. А жители окрестных деревень выстраивались вдоль дороги и, несмотря на окрики и запреты конвоя, бросали в колонну хлеб,

картошку, свеклу. Надо сказать, что в этой многотысячной толпе чувствовались солидарность и взаимопомощь. Еду передавали сначала тем, кто слабее, кто больше всех в ней нуждался.

Помнится такой случай. Мальчишка подвез к дороге в детской колясочке мешок картошки. Конвоир не разрешил передать картошку голодным людям. Тогда мальчик развязал мешок и покатил свою колясочку вперед. В дорожную грязь посыпалась картошка. Колонна шла следом, но никто не раздавил ни одной картофелины. Дрожащими пальцами подымали их люди с земли и ели.

Если ночь заставала нас в поле, то всех в стороне от дороги укладывали на землю, устанавливали пулеметы и спускали с поводков овчарок. И все же некоторым удавалось бежать не только ночью, но даже днем. Готовились и мы. На третий день пути в первом же лесу решили организовать побег. Откладывать это дело уже было нельзя.

К середине дня подошли к лесу. На наше счастье стал подыматься туман. Колонна длинной змеей вползала в него и как бы растворялась в нем.

Мы со старшим политруком начали первые: выстрелили в охранников... Ребята схватили их автоматы и стали стрелять в других конвоиров. И пошло! Люди, давя фашистов голыми руками, бросались в разные стороны.

— Быстрее, быстрее, не задерживайтесь! — торопили мы пленных.

Вскоре дорога была пуста. Разбежались все, даже оставшиеся в живых конвоиры.

Мы прошли километров восемь в сторону Дорогобужа и справа от дороги увидели деревушку. На опушке леса возле деревни нашли небольшую баньку и расположились на отдых. В деревеньке было малолюдно, немцев вроде не было видно. Посовещавшись, решили сходить в ближайшую хату. В ней жила старушка. В ответ на нашу просьбу она дала нам чугунок и немного картофеля. Мы его сварили и с жадностью съели. К вечеру старуха принесла еще еды. Утром мы двинулись дальше.

В деревнях, мимо которых мы пробирались, можно было заметить группы беглых пленных. Местные жи-

тели рассказывали, что недалеко отсюда разбежалась большая колонна военнопленных... Немцы всполошились, подняли гарнизоны и устраивают облавы.

Начинался ноябрь. Мы подошли к автостраде Москва — Минск. В военной форме нечего было и думать к ней приближаться. Да и вообще продолжать путь в таком виде было опасно. И вот в одной из деревень мы сменили военную форму на гражданскую одежду: старые брюки и пиджаки.

После этого пошли смелее.

Цель моего путешествия постепенно приближалась. Вскоре мы с Логиновым расстались. Он решил навестить свою семью, а мне не было нужды задерживаться, и я пошел дальше.

По знакомым местам пришлось идти одному. Товарищи были далеко и тоже, видимо, шли к назначенным ранее пунктам. Безопаснее всего было двигаться по большаку Полоцк — Освея. Кто заподозрит одного из многих путников, бредущих по грязной ноябрьской дороге?

— Дайте, если найдется, чего-нибудь поесть,— просил я в деревнях.

Одни давали охотно и даже ни о чем не расспрашивали. Только внимательно заглядывали в глаза, стараясь что-то прочитать в них. Другие виновато пожимали плечами:

— Самим нечего, родименький...

Много разного народа бродило в то время по дорогам многострадальной земли белорусской. То и дело смотрели на людей пустыми глазницами окон крестьянские избы.

Начался Освейский район. К кому первому зайти? Многое решит это первое посещение. Позади уже осталось озеро Стрелковское. Напряжен каждый мускул.

Деревня Борисово. Здесь живет бригадир трактористов Степан Семенчук. Его изба у самой опушки леса. И вот после двадцати двух дней пути, 11 ноября 1941 года, стучусь в знакомый дом. «Как-то меня здесь примут? А вдруг попадусь в лапы врагов?» — пронеслось в голове.

В дверях появился Степан. Брови взлетели вверх, как-то собрался весь, но не сказал ни слова. Потом пригласил в избу:

— Заходи, Кузьмич, не стесняйся.

За столом сидели жена его, Муся, и сыновья — Афанасий и Женя. Повинуясь взгляду хозяина, они вышли из комнаты.

— Здравствуй, Семенчук! — поздоровался я.— Перед тобой гражданин Захаров, отпущенный из тюрьмы и прибывший по этому случаю в родные края. Что, не веришь? Вот документ.

На лице хозяина промелькнула улыбка, движения стали более быстрыми и уверенными.

— Бумажку эту никому не показывай,— сказал Степан.— Липа. А то что ты здесь, это хорошо. Да что это я... Сначала поесть, а потом разговаривать.

Семенчук кое-что знал о положении в районе. В Совейковском и Сеньковском сельсоветах с первых дней оккупации возникла подпольная партийная группа. Руководит ею Владимир Хвеженко, молодой коммунист. В составе этой группы Артем Гарбуков, Степан Дернович, Игнат Морачковский, Владимир Музыник и другие. В деревне Великое Село живет Андрей Скрипко. С ним нужно связаться, он не должен остаться в стороне. Но, пожалуй, лучше всех знает обстановку Владимир Симацкий. Он живет в Освее.

— Я думаю, что он со многими связан,— раздумчиво сказал Степан.— Тебе с ним обязательно надо встретиться.

— Ты все о других, о себе расскажи. Что сам-то делаешь?

— Да вот оружие помаленьку собираем. С этими,— и он поманил сунувших в комнату свои носы ребятишек.— Молодцы! Везде ползают и таскают помаленьку. Вроде бы игра, а на самом деле — польза.

Ребята ушли, а мы вспоминали прошлое, говорили о будущем. Начали подкрадываться сумерки.

В сенях что-то загрохотало, и в комнату вбежал испуганный Афанасий, двенадцатилетний Семенчук.

— Папа! В деревне полицаи. Ходят по домам, ищут что-то...

Я быстро поднялся:

— Прости, Степан. Пойду. Дело опасное.

— И не думай,— сказал хозяин дома.

— А если найдут? Знаешь, что вам будет? Я пойду.

— Знаю. Погодка, видишь сам, какая... Тебе отдох-

нуть надо. Соседи, если и видели, не скажут. Верные люди, хорошие.

К Семенчуку никто не пришел.

На следующий день я был в Освее.

По пути зашел в Великое Село к моему бывшему заместителю Андрею Скрипко. Оказалось, что он сумел сохранить кое-что из моих вещей. Не задерживаясь, я переоделся в более приличную одежду, чтобы не вызывать подозрения у немцев.

Освея встретила неприветливо. Улицы почти пустынны, изредка пройдут немцы, подозрительно оглядят полицаи. Никого из знакомых не встретил. Это было, пожалуй, к лучшему. Меня здесь многие знали, и к чему бы привела такая встреча, неизвестно.

Нужно было встретиться с Симацким, однако это было далеко не простым делом. Тревожили всякие мысли. Одни из знакомых говорили, что он человек надежный, другие советовали не очень-то доверять ему: что-то подозрительно хорошо приняли его немцы. Может, правы последние? Но Симацкий знаком мне еще по тридцать девятому году. Тогда я был комиссаром батальона, а он — командиром взвода. Помню, просил меня, как земляка, ускорить его демобилизацию из армии. Но это не такой уж страшный грех, дел и на гражданке было немало. Настораживало другое: он должен был находиться в армии, воевать. А оказался в тылу. Как это случилось? К сожалению, проверить нельзя.

И я пошел к нему. Явился прямо в районную управу. Посидел в очереди и оказался в кабинете. Там были еще люди. Одежда на мне была неплохая. Надо сказать, что на территории, оккупированной врагом, местное население стало одеваться довольно плохо. Хорошее старались не носить. А немцы по одежде подчас судили о человеке.

И вот по одежде я был похож на преуспевающего сторонника «нового порядка».

— Здравствуйте! — нейтральным тоном приветствовал я Симацкого.

— Здрасте,— хладнокровно ответил он, не проявив ко мне никакой заинтересованности.

И вот сижу я в кабинете, а он никаких вопросов мне не задает. Молчу. Но долго молчать нельзя.

— Работаю сейчас возле Витебска, управляю мель-

ницей,— начал я.— А сюда приехал вещи свои искать. Все ведь здесь осталось. Думаю, что если найдется работа здесь, то и останусь в Освее. Не поможете ли чем?..

Приближалось обеденное время. Работники управы стали расходиться. Поднялся и Симацкий.

— Не желаете с дороги побриться? Сходим в парикмахерскую,— предложил он.

Парикмахерская была пуста. Нас встретила девушка с лицом, густо усыпанным оспинками. Это была Лушка Лобецкая.

— Ты выйди пока,— сказал ей Симацкий.

Парикмахерша тотчас вышла. Владимир шагнул мне навстречу.

— Иван Кузьмич! Дорогой!..

И обнял меня, поцеловал. Глаза светились радостью.

— Я все понял,— сказал он.— Нам надо поговорить. Но сделать это лучше всего у меня дома. Жду вечером, после работы.

Степан Семенчук говорил мне, когда я у него был, что в Освее живет Павел Цалпан. Внутреннее чутье подсказывало, что он не подведет и может быть полезен. До вечера имелся запас времени, и я пошел к нему.

Павел встретил приветливо, видно было, что обрадовался.

— Теперь дело пойдет! Что-то у нас пока очень тихо, долго раскачиваемся,— говорил он.

В разгар беседы в дверь постучали, и без нашего разрешения зашла молодая цыганка. От неожиданности мы смолкли и только смотрели на нее. Она поиграла черными глазами, повела плечом и нараспев предложила:

— Давай погадаю. Карты всю правду скажут, что было и что будет. Вот тебе, миленький,— сверкнула она глазами в мою сторону, и на столе веером рассыпались затасканные карты.

Один за другим ложились передо мной короли и валеты, а цыганка тренированным голосом, почти не задумываясь, тараторила:

— Молодой, красивый! Ты совсем не тот, кем хочешь казаться. Нездешний ты человек и пришел сюда из казенного дома.

Я пощупал в кармане справку из тюрьмы и подумал:

«Ишь как чешет! И все равно ничего ты не знаешь».

А гадалка продолжала свое.

— Ждут тебя тяжкие испытания, смерть будет близко ходить...

Мне это начало надоедать, даже злить.

— Но все будет хорошо. И победишь ты врагов своих, и со славой вернешься домой.

Это уже не было похоже на традиционный стиль гадалок.

— Не дури ты нам голову, баба! — не выдержали мы оба.— Бери десятку и катись отсюда подобру-поздорову.

Цыганка взяла деньги, внимательно посмотрела на меня и уже у дверей добавила:

— Не кричи, дорогой, будет в твоем деле успех...

Дверь захлопнулась. Наступила тишина.

— Подослали или сама нагадала? — вслух подумал я.

— Подозрительное гадание,— подтвердил Павел.

За окнами быстро темнело. Работа в управе, наверное, закончилась. Мы с Павлом отправились к Симацкому.

Постучали. Открыл двери Владимир. Я вошел, а Павел остался покараулить. То ли предосторожность, то ли что иное, не скажу теперь, но в присутствии жены, в своем доме Симацкий был более холоден, чем в парикмахерской. Встретил хорошо, но сухо. Жену попросил выйти.

Потом стал рассказывать, что часть его попала в окружение и поэтому он в Освее.

— Я остался коммунистом,— убеждал он.— Сохранил партбилет и оружие. Что ж, пусть думают обо мне самое плохое — решил я. И стал работать на немцев. Ты сам понимаешь цену этой работы? Это внешняя, видимая сторона моей жизни. Настоящая — в ином. Мне удалось установить связь с некоторыми коммунистами, которые находятся здесь, в тылу. Правда, мы ничего еще существенного не сделали, собираем пока силы. И я очень рад, что ты прибыл «оттуда» и знаешь, что и как надо делать.

Я коротко рассказал ему о задачах, которые были поставлены перед нами Витебским обкомом партии. Договорились о дальнейших встречах. Владимир должен

был в ближайшее время собрать коммунистов, с которыми установил связь.

В конце разговора спросил у Симацкого, где секретари райкома Гелер и Тишков, председатель райисполкома Дробот, которых оставили в районе для организации партизанского движения. Симацкий ответил, что их в районе нет и где они, не знает.

Темными улицами мы возвращались с Павлом Цалпаном домой, где с беспокойством ждала нас его жена Мария.

Утром передо мной опять петляла дорога. На этот раз я шел в Великое Село, и снова заглянул к своему бывшему сослуживцу Андрею Скрипко.

Незадолго до войны он был выдвинут на руководящую работу, принят в кандидаты партии.

Оказалось, что Андрей ни с кем связан не был, сидел дома и сокрушался о том, что кончилась счастливая колхозная жизнь и началось черт его знает что такое, опять все стали единоличниками. Но надежды парень не терял. Он припрятал винтовку и патроны.

Приятно было и то, что он сохранил часть моих вещей, оставленных в суматошные дни эвакуации. Сейчас они пригодились. Бродить по морозу в осенней одежде — занятие не из приятных.

Итогом визита к Скрипко явилось не только приобщение к настоящему делу еще одного товарища, но и то, что я оделся. Теперь на мне было добротное теплое пальто, на голове зимняя меховая шапка. Надо сказать, что это было полезно и в другом отношении: можно выдавать себя за представителя уездной управы.

Андрей остался ждать дальнейших указаний, а я пошел в Лисно.

На берегу озера Лисно у речки Свольны в старом домишке жил председатель колхоза Яков Зунда. В годы гражданской войны он партизанил и теперь мог нам многим помочь.

Яков Иосифович удивился, увидев меня, но ничего не сказал, только ответил на приветствие. Старик ждал, что буду говорить я. Сомневаться в Зунде было грешно, а вилять перед старым партизаном бесполезно. И я начал без околичностей.

— Пришел к вам за советом, Иосифович. Нужно организовывать отряд. Партия велела...

Отвечал Зунда не спеша. С каждым его словом становилось все яснее, какую неоценимую помощь, особенно на первом этапе организации партизанского отряда, может оказать нам этот многоопытный, умудренный жизнью человек.

Было решено, что Зунда будет держать связь с Симацким и встречаться только со мной или моими посланцами. Помимо этого, через него мы будем пропускать приходящих в отряд новичков, чтобы в наши ряды не проник провокатор. Опытный и проницательный партизан, отлично знающий многих людей, был здесь просто незаменим. Я решил посещать дом Зунды только в самых крайних случаях, чтобы не навлечь на него подозрения.

Яков Иосифович подсказал мне, где лучше базироваться, посоветовал, к кому из местных крестьян можно смело приходить.

Помимо группы Зунды в Лисно отлично работал Ф. Денисенок, который занимался подготовкой баз для отряда. Кроме этого, было решено создать еще одну параллельную группу. С этой целью сюда впоследствии были направлены коммунисты Мартин Яковлевич Белобородов и Владимир Федорович Подолинский. Организовал направление этих людей в Лисно Владимир Симацкий.

Недалеко от Лисно, в глуши лесов, притаилась небольшая деревенька с поэтическим названием Изюбрица. В ней жил председатель колхоза «Новая Изюбрица» Андрей Тимофеевич Черноок, бывший партизан гражданской войны, уже довольно пожилой человек. Он охотно помогал нам в период создания отряда и позже. К себе мы его не брали, считали, что в деревне он будет полезнее. В сильные холода сорок первого года мне приходилось не раз отогреваться в его хате. В 1944 году, в возрасте пятидесяти пяти лет, Андрей Тимофеевич ушел в ряды Красной Армии и погиб в боях за Родину.

Заходил я не раз и в Доброплесы к Ивану Куприяновичу Курашу. Этот человек был организатором и председателем колхоза. В годы войны он безотказно помогал нам, чем только мог.

Встречали меня старые друзья и в деревне Рудня. Там жил Исаак Филиппович Терехов. Когда мне пона-

добилась карта Освейского района, он сумел достать ее и передать мне. Положил даже передо мной на стол наган с патронами: бери, мол, и знай наших.

Но чаще всего я останавливался у Александра Денисенка в Кобыльниках. Сын его Степан, бывший тракторист, служил в полиции Малашковской волости. Но я почему-то не боялся, что он выдаст меня. Хотя история, связанная с ним, знай я о ней раньше, могла бы заставить меня обходить этот дом стороной.

До войны Степан работал на раскорчевке леса. Выполнив работу, он представлял на подпись два акта: один колхозу, а второй в МТС, как и положено. Но в акте, который сдавался в МТС, он увеличивал количество выработки. Эта история выплыла наружу, и Степана осудили на год тюремного заключения. Полоцк, где Денисенок отбывал наказание, был оккупирован раньше Освейского района, и немцы выпустили бывшего тракториста из тюрьмы. Парень оказался в своей деревне как раз в то время, когда МТС эвакуировалась.

Наша колонна двигалась к станции Клястицы, а я на легковой машине остановился по делам в Кобыльниках. Фашисты вот-вот могли оказаться здесь, нужно было торопиться. Но мы с шофером должны были еще сбегать через лес в соседнюю деревню. Сберегая бензин, на машине не поехали. Когда вернулись, обнаружили, что все четыре колеса спущены.

Ремонтом заниматься было некогда. Решив, что баллоны не выдержали жары и что на машину уже рассчитывать не приходится, мы отправились напрямик догонять нашу колонну тракторов.

Позже я узнал, что колеса проколол Степан Денисенок, чтобы директор МТС не смог уйти от немцев. Так он мстил мне за разоблачение приписок.

Но когда я пил чай в хате Денисенков, сидя за одним столом с полицаем Степаном, я еще не знал о его поступке. Я был уверен, что Степан, хоть и сидел в тюрьме, предателем быть не может.

Кроме того, он не знал, с какой целью я брожу по лесам.

— Хожу вот и выжидаю, куда податься,— говорил я за столом.— К нашим не пошел, а к немцам боязно...

Степан слушал, согласно кивал головой и враждебности не проявлял, напротив, даже дал продуктов на

дорогу и приглашал к себе. Расставаясь, мы договорились для большей моей безопасности встречаться в лесу, куда в определенное время Степан будет приносить продукты.

Полицай Денисенок все чаще помогал мне. Знал ли он тогда, с кем имеет дело?

Об этом сегодня можно только догадываться.

За Степаном Денисенком числилось уже немало добрых дел, когда у нас с ним в лесу состоялся важный разговор.

— Даже и не знаю, как попросить тебя, Степа,— сказал я.— Видишь ведь сам, что скрываюсь в лесу, одичал совсем. И страшно иногда становится: думаю, зверь какой нападет или человек недобрый. Так и оборониться нечем... Смог бы ты достать мне какой-нибудь пистолет?

Денисенок ничуть не удивился:

— Это можно, Иван Кузьмич,— ответил он.— Отчего же не достать. Попробую. Да вот только я интересуюсь: долго ли так ходить будете? Это ж и в самом деле зверем взвоешь. Человеку какой-никакой, а дом нужен.

— А что посоветуешь? К немцам податься? Служить им? Вот ты полицаем служишь и не боишься. А когда наши вернутся, что делать станешь? Небось не помилуют, когда узнают, кем был.

— А я ничего плохого не сделал нашим,— отпарировал Степан.— Нет за что и ответ держать.

— Это неплохо. Но ведь спросят и что хорошего людям сделал. Что ответишь?

— И на этот самый вопрос отвечу, не задержусь. Вот две недели назад позвонили из Освеи, что нужно хлеба и коров собрать. Обещались даже подмогу мне выслать. Так пока те из Освеи добирались, я мужикам и передал, что забирать будут. Ни единой коровки не сыскали.

— Это ты молодец,— сказал я,— мужики тебе будут благодарны.

— А вот еще,— продолжал Денисенок.— Осенью самой в сорок первом Штейна мне звонит и приказ дает: заарестовать и доставить в Освею трех красноармейцев. Каким макаром унюхал про то, черт его знает. Я, конечно, заарестовываю их и веду в Освею. Провел

через деревни и все видели, даже ругались. А когда вошли в лес, я их всех отпустил. Только говорю, чтобы помнили, что они сами удрали. И чтобы больше не показывались. Ребята, конечно, ушли, а я себе одежу порвал малость, все патроны повыкидал и пошел в полицию. Там Штейну доложил, что заарестовал, как приказывали, но один не справился с ними, здоровые, мол, были. И Штейна мне поверил.

— Но ведь ты не можешь все время так действовать,— возразил я.— Что-то придется тебе делать, может, и людей расстреливать заставят. Не уйти ли тебе лучше из полиции? Опасное это дело.

Так мы распрощались и больше я его не видел. У меня было много работы в отряде, и в Кобыльниках я уже не бывал. Узнал только, что из полиции Степан ушел и сидит дома.

В мае сорок второго года, возвращаясь с операции, я заглянул к Денисенкам. Степана дома не оказалось.

Отец его рассказал:

— Хотел Степка поговорить с вами, Кузьмич. Да на прошлой неделе нелегкая погнала его в Освею к дружку. Там его прижали и предложили выбор: или служить в полиции, или ехать в Германию на работу. Согласился ехать на работу. Потому что дают несколько дней на подготовку, можно побыть дома. Он очень хотел встретиться с вами и переговорить, посоветоваться. Просил прийти к нему завтра на встречу. Да вот еще...

С этими словами Денисенок протянул мне что-то тяжелое, завернутое в тряпку. Это был пистолет и патроны к нему.

У себя в отряде, в штабе, мы посоветовались с товарищами, как быть. Они решительно запретили мне отправляться на встречу со Степаном, мотивируя тем, что, если ему будет нужно, то и сам найдет, как связаться с нами. Рисковать же безопасностью отряда нельзя: может быть, все это провокация. Пришлось подчиниться. В эту же ночь в деревне появился Сергеевский отряд. Партизаны искали полицейского Степана Денисенка, но он сумел каким-то образом бежать. Вскоре Денисенок уехал в Германию.

Так зревшее решение присоединиться к партизанам не осуществилось по воле слепого случая.

После войны Степан Денисенок вернулся из Германии в родное село, а потом переехал куда-то на Украину.

17 ноября 1941 года вечером в квартире Владимира Симацкого собрались коммунисты. Однако не все из приглашенных могли явиться, требовалось сохранять строжайшую конспирацию.

В конце декабря собрались еще раз. Кроме Симацкого и меня были Антон Литвинов, Виталий Владимиров, Игнат Морачковский, Иван Горский, Иван Петриенко, Афанасий Воробьев.

Давно уже прекращено хождение по местечку. Где-то на ближних улочках и в переулках вокруг дома сидят на лавочках и завалинках свои люди, расставленные Павлом Цалпаном. Если появятся немцы или посторонние, подадут сигнал. На столе разложены карты, стоит самогонка. На всякий случай.

Симацкий коротко рассказывает о том, что сделано каждой группой по подготовке к партизанской борьбе.

Мы обсуждаем вопрос о создании подпольных партийных организаций на территории района и об организации их деятельности. Было решено в Освее оставить группу под руководством Симацкого и Литвинова, в Красове это дело поручили Григорию Лукашонку. В каждом сельсовете оказались свои люди, способные возглавить подпольную партийную работу. В Кохановичском сельсовете — Иван Петриенко, в Совейковском — Владимир Хвеженко, в Сеньковском — Игнат Морачковский, в Сухоруковском — Кирилл Мядюта и Александр Шаврак, в Задеженском — Николай Балтрушевич и Сергей Жвирбля, в Малашковском — Мартин Белобородов и Владимир Подолинский, в Киселевском — Степан Семенчук, Фома Николенко, Константин Яськин и другие.

Пришло время действовать с оружием в руках, нужно было уходить в лес.

Полковник Горский посоветовал не спешить с созданием отряда. Это, мол, дело сложное. Нужно оружие, продовольствие, базы. Пока можно заниматься подготовкой. Вступать сейчас в открытую борьбу с немцами еще рано. Эта затея обречена на провал, так как враг, бесспорно, сильнее партизан. Нужно ждать наступления армии. Вот тогда и ударить.

Я передал указания партии о необходимости быстрого развертывания партизанской борьбы в тылу врага.

Коммунисты не поддержали предложение Горского.

Не ждать прихода Красной Армии, а организовывать партизанские отряды, создавать в тылу противника невыносимые для него условия и этим оттягивать с фронта его воинские части, парализовать коммуникации, помогать местному населению, попавшему в фашистское рабство, уничтожать живую силу и технику врага — такими были наши задачи.

После обмена мнениями было решено ускорить создание партизанского отряда. В райцентре Освея следовало подготовить и вооружить двадцать человек. Это должен был сделать Владимир Симацкий. В Кохановичском сельсовете Ивану Петриенко поручили создать группу из десяти человек. Игнат Морачковский, Владимир Хвеженко, Кирилл Мядюта, Григорий Лукашонок должны были сделать то же в других сельсоветах.

Таким образом, для начала готовилась группа до восьмидесяти человек. Завершить эту работу следовало через месяц.

Острая дискуссия не прошла зря. Товарищи единогласно решили 10 февраля приступить к боевым действиям. Мы учитывали, что суровая зима 1941 года будет мешать фашистам проникнуть к местам партизанских стоянок, гарнизоны врага пока еще малочисленны, их можно уничтожить силами небольшого отряда и обеспечить себя боеприпасами и питанием. Руководству подпольного центра было поручено разработать конкретный план действий.

Сборный пункт для вооруженных групп назначили в лесу у деревни Лисно.

Несмотря на то, что Горский не сразу поддержал идею о создании отряда, коммунисты все же решили, что во главе этого отряда должен стать он, так как полковник был самым опытным командиром из всех собравшихся. Комиссаром отряда выбрали меня.

Когда утром товарищи стали расходиться, Владимир Симацкий отозвал меня в сторонку.

— Есть важные сведения, Иван. О твоем присутствии в районе уже узнали враги. За тобой охотятся. Будь осторожен.

Я и сам начал подозревать это. Надо было куда-то исчезнуть из района на некоторое время.

Итак, я шел в город Витебск. Это путь около двухсот километров туда и столько же обратно. Вполне достаточно для месячной туристской прогулки, если не считать, что на каждом шагу могли проверить мою личность и арестовать.

Путешествие в Витебск несколько отдаляло возможный арест. Но основная его цель состояла в том, чтобы установить связь со своими людьми в Полоцке и Витебске для получения от них нужной информации.

Шел по большаку. Мимо проносились машины. «Дай, думаю, попробую счастья». Решил «проголосовать». Грузовая машина, скрипнув тормозами, остановилась. Выглянул шофер:

— Куда? — спросил он.

— Да куда довезешь. Мне в Витебск...

— Эге! Знакомый, кажется. Захаров? Директор МТС?

— Бывший, бывший... Да и я тебя вроде знаю...

В кузове лежала рыба, которая предназначалась немцам.

Машина мчалась в Полоцк. Разговорились. Знакомый шофер был очень доволен жизнью в оккупации и возможностью заработать на подлости и всяческих махинациях. Я тоже был доволен, что еду, а не иду пешком, и что знакомый шофер поверил мне, будто бы я работаю директором мельницы под Витебском.

В Полоцке простились. Шофер дал мне три большие рыбины. Я не отказался: годится для маскировки и в пищу тоже.

И опять под ногами дорога. Иду, размахивая рыбой, связанной за головы веревочкой.

Сзади тормознула автомашина. Оглядываюсь. Немецкая, легковая. Шофер открыл дверцу:

— Эй, рус! Рыбка дать! — и показывает на рыбу.

Признаться, отдавать немцу-шоферу рыбу мне не хотелось. Но и отказывать тоже было опасно. Стал объяснять ему, что мне надо в Витебск и если он меня подвезет, то отдам ему одну рыбу. Рыбы были свежие, большие. И немец согласился. Я решил подъехать, счи-

тал, что под охраной фашиста в полной безопасности докачу до места. Но в Оболи он вдруг остановил машину, взял одну рыбу, а мне велел вылезать. Я вылез, а немец уехал. Дело шло к вечеру, пришлось искать ночлег. Это было довольно опасно. В местечке находился вражеский гарнизон, и позднее хождение по улицам могло привлечь внимание патрулей. Решил устраиваться на ночь в ближайшей деревне, где не было немцев.

Назавтра продолжил путь в Витебск. Там у меня на примете было одно место, где я рассчитывал на ночлег.

В квартире на Гоголевской улице оказались лишь братья Сазоновы, Дмитрий и Иван. Это были юноши комсомольского возраста, приветливые, серьезные. После нескольких слов мы поверили друг другу. Ребята начали рассказывать о том, что знали. На всякий случай на столе были разложены игральные карты. В разгар беседы в дверь постучали. Мы стали играть в «дурака». В комнату тем временем вошел сосед-подросток. Он покрутился вокруг стола, внимательно разглядывая нового человека, затем ушел.

— И чего его черт принес? — задумчиво произнес Дмитрий.— Вроде бы и не стоит его опасаться... А впрочем, кто знает...

Уйти куда-либо ночью нельзя было: город усиленно патрулировался, и без специальных пропусков немцы хождение запретили.

— Во всяком случае, до рассвета опасаться нечего, потому что до утра этот парень никуда не пойдет, даже если и вздумает донести о незнакомом человеке,— решил Иван.

Рано утром я ушел. Даже не ушел, а постарался незаметно выскользнуть из дому, чтобы не искушать судьбу. Какое-то внутреннее чувство подсказывало, что необходимо срочно исчезнуть. Прощаясь с братьями Сазоновыми, я надеялся увидеть их еще раз, даже просил раздобыть мне какие-либо сведения о верных людях, с которыми можно связаться.

Позже стало известно, что после моего ухода, приблизительно через полчаса, дом оцепили фашисты. Они арестовали братьев, долго пытали их, но ничего не добились. На свободе осталась их мать, в то время ушедшая по каким-то своим делам из города. Дальнейшая

судьба этих мужественных, готовящихся к вооруженной борьбе парней мне неизвестна.

Утро было пасмурным и морозным, дул пронизывающий ветер. Куда идти? Где найти очередное пристанище? Не болтаться же так вот бесцельно по улицам. Даже присесть нельзя. Казалось, что на меня враждебно смотрят не только патрули, но и холодные окна домов. Ноги сами собой зашагали к выходу из города.

Позади остались последние домики Витебска. Опять только дорога, длинная дорога впереди. Куда ведет она?

Навстречу показались санки, запряженные тощей лошаденкой. На санках старик в треухе.

— Здравствуйте, дедушка!

— Здравствуй, милый человек!

— Куда ведет эта дорога?

— Ты что, с неба свалился? — хитро сощурился старик.— Али не тутошний?

— Угадал, не тутошний. И с неба. Потому и спрашиваю,— улыбнувшись пошутил я.

— Смотри, не ровен час, не того спросишь, так обратно на небо дороги не найдешь. На Оршу тракт энтот идет. Годится?

— Годится, дедушка, годится. Спасибо!

Память сразу же подсказала: «Высочаны!» Это ведь недалеко, километров двадцать пять, не больше. В стороне от больших дорог, в лесу. У тестя Дмитрия Кореннова можно и отдохнуть, и подкормиться.

Вскоре дорога свернула влево, запетляла между перелесков, перекинулась через небольшую речушку, взбежала на холм, и я оказался на пороге коренновского жилья.

— Примете незваного гостя?

— Заходи, Иван, чего мнешься! — встретила теща.

Ни о чем не расспрашивая, накормила, напоила молоком и уложила в постель — наступала ночь. Тесть вел разговоры о житье-бытье, о том, что с войной стало голодно, здоровье пошатнулось и что фашисты еще, бог миловал, в Высочаны не заглядывали. Только в шести верстах, на станции Крынки, засел гарнизон. Правда, есть уже волостная управа, где заседают бургомистр, секретарь и два полицая.

— Пока,— тяжело вздохнул тесть,— еще живем...

Утром за завтраком родичи рассказывали о жизни и событиях в деревне. Дни здесь тянулись размеренно, как будто бы и никакой войны не было. Даже больница работала. Довоенная советская больница. В ней лечились наши раненые красноармейцы и командиры. Только об этом говорили шепотом.

— А где же берут для больных питание и медикаменты? — спросил я.

— Люди помогают. Несут в больницу кто что может: картошку, морковь, сало, яйца... Медикаментов, конечно, нет, бедствуют раненые.

Больница в Высочанах и люди, работающие в ней, спасающие жизнь нашим бойцам в тылу у фашистов, заинтересовали меня. Сын соседей, Борис Баранов, ходил туда колоть дрова. Я решил с ним познакомиться, а через него и с работниками больницы.

Баранов знал обстановку лучше Кореннова и многое мне рассказал. Врачи, работавшие здесь раньше, ушли в армию или эвакуировались. Остались на месте только фельдшер Александра Дунченок, медсестры Полина Германова и Ксения Соловьева, повариха и сестра-хозяйка в одном лице Феня Сосновская. В самые трудные дни им стала помогать врач из Минска Анна Ефимовна Горелышева.

Теперь она заведующая.

Заметив мой интерес к работникам больницы, Борис предложил познакомить меня с этими людьми. Мы отправились с ним пилить и колоть дрова.

Через день-два, сидя на кухне у печки и с удовольствием поглощая ароматную рассыпчатую картошку, я слушал рассказы о жизни нескольких мужественных женщин и конюха Алексея Прудникова.

И Феня, и Анна Ефимовна почему-то прониклись ко мне доверием, хотя мало знали, кто я, и уж совсем не могли знать о моих планах.

Надо сказать, что в годы войны я убедился в существовании какого-то шестого чувства, вроде интуиции, помогающего людям открывать друг другу сердца, под любой маской угадывать истинную сущность человека.

Коренновым я был родственник, они могли даже и не задумываться над причинами моего пребывания в

селе. Но Барановы, Сосновская, Горелышева? Почему они доверились мне в том, за что могли поплатиться жизнью?

Теперь, через много лет, я узнал о том, что жители Высочан не оставили без внимания мое появление в селе. Они говорили между собой, что я партийный работник и очутился у них неспроста. Но никто из них и не думал сообщать немцам или полицаям о своих предположениях. Только среди таких дружных и честных советских людей, как высочанцы, могли происходить удивительные события, о которых поведали мне Анна Ефимовна и Феня. Об этом же рассказали мне и письма бывших раненых много лет спустя.

Анна Ефимовна Горелышева до войны работала ассистентом кафедры судебной медицины Минского мединститута. Из города ушла 25 июня 1941 года. До Орши добиралась пешком, как и многие минчане. Здесь повезло, удалось забраться в поезд, отправляющийся в наш тыл. Но налетели фашисты и разбомбили состав. Снова пришлось идти пешком. На станции Рудня люди узнали, что впереди немцы, дорога перерезана. Вот тогда-то и пришло решение идти в Высочаны, к матери.

В больнице было много раненых, а из обслуживающего персонала только фельдшер и сестры. Горелышева решила работать, как и подсказывал ей долг врача.

Это была нелегкая работа. Без медикаментов, без продуктов, всегда под угрозой появления и проверки немцев. Раненые приходили с оружием, в больнице хранить его было нельзя. Да и после некоторой поправки его не все могли брать с собой. Нужно было это оружие спрятать и сохранить.

Занялся этим делом конюх Алексей Трофимович Прудников и Володя Горелышев.

Я стал заходить в больницу каждый день. Анна Ефимовна поведала мне и о другом. Оказывается, повар Феня Сосновская сохранила радиоприемник, надежно спрятала его, и теперь они слушают передачи советского радио. Горелышева рассказала, что где-то в районе Высочан действует группа военных, оставшихся в тылу у фашистов. Старшим у них, по рассказам местных жителей, командир по фамилии Солодовник или Солодовников. Он не раз бывал в больнице, забрал с собой часть выздоравливающих, просил медикаменты.

Я попытался разыскать эту группу. Горелышева написала мне справку, что я работаю в больнице дезинфектором. С этой справкой и необходимыми инструментами я бродил по деревням, побывал даже в Лиозно. Но найти группу Солодовника не удалось.

Нужно было уходить из Высочан. Меня ждали в Освее. На прощание Анна Ефимовна написала мне еще одну справку о том, что я работаю дворником в Высочанской больнице, дала десяток яиц и килограмм масла. Справка и продукты нужны были для того, чтобы можно было обратиться к коменданту станции Крынки. У меня были кое-какие планы.

Гостеприимные Высочаны остались позади. Никогда больше дороги жизни не приводили меня сюда. С некоторыми высочанцами, работавшими в больнице, пришлось встретиться только после войны. И нельзя не сказать хотя бы несколько слов о том, какую большую работу в тылу у врага вели эти замечательные люди.

До немцев все-таки дошло, что в высочанской больнице находятся на излечении раненые красноармейцы и командиры. Они решили проверить это, но о доносе стало известно и Горелышевой. В больнице, рассчитанной на двадцать коек, находилось сорок раненых. Надо было их как-то спасать. Тех, кто мог ходить, развезли по деревням, оставили у надежных людей. Самые крепкие ушли на поиски партизан. Но около десяти человек никуда отправить нельзя было: они нуждались в постоянной медицинской помощи. Перевести их в деревни — отправить почти на верную смерть.

Решили рискнуть. Организовали родильное отделение, всех раненых переодели, повязали на голову платочки. Там же поместили маленьких ребятишек, которые громко плакали, создавали шум.

В общей палате осталось пять человек, переодетых в гражданскую одежду. Их выдавали за местных жителей. К «счастью», эти бойцы были больны тифом, а не ранены.

Пришли немцы. Проверили пятерых в общей палате и убедились, что это не раненые. В родильное отделение Анна Ефимовна их не пустила, разрешила лишь посмотреть издали. Немцы поверили и ушли. Только после этого женщины почувствовали страх и расплакались. Стоило хоть одному немцу зайти в «родильное

отделение» и понять, что их обманывают, как все были бы расстреляны.

После войны в высочанскую больницу прибыло письмо от офицера Советской Армии Константина Павловича Фирсова, который благодарил доктора Горелышеву за спасенную жизнь. Он был один из тех тяжелораненых, кого укрыли в «родильном отделении».

Стали известны мне и печальные события, связанные с деятельностью патриотов. Впоследствии были расстреляны врач этой больницы Анна Николаевна Мамонова, делавшая операции в партизанском отряде, санитарка Яськевич, занимавшаяся распространением листовок среди населения, и конюх Алексей Прудников.

У комендатуры станции Крынки я немного помедлил, но, заметив на себе взгляд часового, решительно направился к коменданту. Поклонился и молча положил перед ним узелок с яйцами и маслом. Это произвело на него хорошее впечатление, и он не без любезности спросил, что мне нужно. Я стал рассказывать, что работаю дворником в больнице, о чем написано в справке, но очень хочу попасть в Освею. Так что покорнейше прошу у господина коменданта пропуск.

— А зачем тебе так далеко идти, в какую-то Освею? — спросил он.

— Видите ли, господин комендант. Я работаю дворником, а по специальности агроном. В Высочанах нет другой работы, а в Освее есть. Мне оттуда прислали письмо, что в земуправу агроном нужен. Вот я и собрался...

— Земуправа? Гут, гут. Новый порядок помогать? Гут. А как ты здесь оказался?

— Когда началась война, так я, извините, сюда перебежал, чтобы меня, значит, в армию не забрали.

— Дезертир? Гут, гут...— и похлопал меня по плечу.

Хлопает он меня по плечу, а у меня коленки дрожат: а вдруг да проверит? Но пронесло. Пропуск был у меня в руках, и я свободно мог идти дальше.

И вот опять Оболь. Механик Чапаевской МТС Хитров как-то рассказывал, что здесь живет его шурин Стефан Антонов. Сейчас день. Можно походить и поискать.

Родственники Хитрова встретили настороженно и

отчужденно. На просьбу разрешить переночевать ответили, что семья великовата и места нет. Людей в комнатке и в самом деле было немало. Но когда Антонов услышал, что мне известно, где сейчас находится Хитров, он мгновенно изменил свое отношение. Все вышли из комнаты. Я рассказал, что Хитров находится сейчас в Красной Армии, передает привет. Мне предложили ночлег. Вечером пришла старшая дочь хозяина. Она была членом партии и, очевидно, имела некоторые связи с подпольем. Она рассказала, что ее брат, рабочий лесопильного завода, также имеет связи с подпольной организацией. Утром она принесла мне свежую «Правду». Это было сюрпризом! Видно, в Оболи уже взялись за дело. Значит, народная борьба развивается повсеместно.

С пропуском в кармане я отправился в Полоцк. Во второй половине дня вступил на его улицы. Не мешало бы и отдохнуть. Но где? Не поискать ли давнего моего друга, Бернарда Геронимовича Бибика? Правда, несколько лет уже как мы встречались с ним только от случая к случаю. Но я решительно зашагал в сторону Советской улицы, где он жил до войны. Кто-нибудь из его семьи должен же быть дома. Полоцк был так внезапно захвачен врагом, что мало кто успел эвакуироваться.

На стук в дверь никто не отозвался. Спросил у соседей. Они рассказали, что Бернард в Красной Армии, а жена с сыном живут на окраине, по Лагерной улице, в направлении ко Второй Боровухе.

Я пошел на Лагерную. Там, у старшего брата Прокофия Глудкова, и жила Юлия. Меня пригласили в дом, накормили, обогрели, рассказали о своей жизни и о том, что от Бернарда давно нет никаких вестей.

Особенно не таясь, я спросил у Юлии, можно ли разузнать об обстановке в Полоцке. Она даже не удивилась, услышав такую необычную просьбу. Как будто заранее знала, что мне нужно.

— Я плохая помощница тебе в этом деле, нет нужной квалификации,— ответила, улыбнувшись, Юлия,— а вот братья, Прокофий и Петр, знают многое. С ними ты можешь говорить прямо. Верь им, как мне.

Оказалось, что Петр не только хорошо информирован, но и связан с подпольем. Он познакомил меня с по-

лоцким бургомистром Д. Б. Петровским, который, как я узнал впоследствии, был руководителем подпольной группы, много сделавшей в развертывании борьбы с врагом.

Однако использовать в дальнейшем связи с полоцким подпольем мне не пришлось, так как моя работа в Освее пошла далекими от Полоцка путями.

Судьба моих новых друзей сложилась драматично. Чтобы избежать ареста, Петр в 1942 году был вынужден уйти в партизаны. Юлию и Прокофия в 1943 году немцы арестовали, долго держали в лагере в Боровухе, а затем выпустили, сохранив за ними наблюдение. Фашисты, видимо, рассчитывали выйти через них на партизан. При отступлении немцы вновь арестовали советских патриотов, но подошедшими частями Красной Армии они были освобождены. Трагичен жребий Петровского, который был схвачен в конце 1942 года фашистами и погиб.

Ломалась, корежилась привычная жизнь. Смерть перестала удивлять людей, она не щадила никого. Все были равны перед ней. Шла юность дорогами испытаний, но ни сомнения, ни муки не могли заглушить горячей, беспредельной любви к жизни, той любви, что побеждает смерть. В вихрях противоречий оставалась нетронутой простая и скромная, чистая и беззаветная любовь. Любовь сына к матери, юноши к девушке, к Родине, той, что звала на бой.

Так думал Владимир Вестенберг, медленно пробираясь через сугробы. По сторонам улицы скупо, тлеющими угольками светились окна хат деревни Прошки.

Вестенберг ненавидел не немцев, а фашистов, одетых в шинели немецких солдат, войну, которая помешала ему учить детей и радоваться жизни.

Владимир Вестенберг родился на Витебщине в семье поволжского немца, оказавшегося в Белоруссии. Старик Иосиф Вестенберг много странствовал в поисках лучшей доли, даже побывал в Америке. Но и там не нашел счастья. Он возвратился на Витебщину еще перед революцией. Великий Октябрь предоставил равные права людям разных национальностей. Это была дорога к счастью, такому желанному, ранее недостижимому. Много переживший немец-труженик одним из первых вступил в белорусский колхоз. Дети учились.

В 1931 году глава большой семьи умер. Но дети не бросили учебу. Благодаря Советской власти, наравне со всеми, они получили образование.

После окончания Полоцкого педагогического техникума Владимира направили в Прошковскую школу. Это был стройный, мускулистый юноша, великолепный спортсмен и страстный математик. Он был всегда спокоен, уравновешен, добр. Ему очень хотелось поступить в педагогический институт, на физико-математический факультет. Но пришла война, и все переменилось.

— Женя? Ты? Добрый вечер...— растерянно поздоровался Владимир, увидев знакомую фигуру.

— Здравствуй, Володя.

Помолчали. Женя ждала, поглядывая на него, а Вестенберг мучительно искал слова, которые нужно сказать, и никак не мог найти.

— Пойдем, не будем здесь стоять, а то нас, пожалуй, заподозрят в том, что мы заговорщики,— пошутила девушка.

От этих слов стало легче. Владимир улыбнулся и пошел рядом с Женей. Ему хотелось идти медленно и долго. Идти и видеть ее профиль, слышать знакомый голос, льющийся словно звонкий лесной ручеек.

— Была у Мани... Вечером места себе найти не могу,— сказала девушка.

— Я сегодня вот что раздобыл,— показал Владимир ручную гранату.

А сам думал совсем не об этом. Ему хотелось сказать Жене, что она замечательная девушка и что сегодняшний вечер очень хорош, несмотря ни на что.

Незаметно подошли к дому Жени. Постояли немного.

— До свидания, Володя, я пойду,— мягкая ее ладонь коснулась руки молодого человека.

Владимир легонько сжал ее. Пальцы Жениной руки дрогнули, потом выскользнули...

— До свидания...— сказал он в ответ.

Скрипнул снег под ногами девушки, стукнула дверь, и Владимир остался один. Он улыбнулся чему-то своему, и его охватило теплое, радостное чувство.

Тревожными становились февральские ночи. Усиленные патрули все чаще появлялись на улицах Освеи.

Группы немцев и полицейских то и дело совершали неожиданные налеты на деревни, искали кого-то, пугая людей. С приближением весны враги стали проявлять беспокойство. Видимо, почувствовали, что народ этой непонятной страны всколыхнулся, что тыл стал непрочен. То и дело появлялись переписанные от руки листовки с призывом смелее бить оккупантов, люди отказывались выходить на работу, исчезали полицаи, а частенько убитыми находили и немцев.

По ночам гремели взрывы, звучали выстрелы. В одном месте оказывался взорванным мост, в другом — сожжен склад, в третьем — подбита автомашина.

Фашисты срочно усиливали свои гарнизоны. Машины с солдатами можно было видеть то в одной деревне, то в другой. Приближалась весенняя гроза.

Подполье в Освейском районе росло. В нем принимало участие около ста двадцати человек. Единый партийный центр держал в своих руках все нити подготовки к открытой вооруженной борьбе.

Казалось, все было готово для создания первого партизанского отряда. Однако усилившаяся активность фашистов помешала осуществлению наших планов. К назначенному сроку 10 февраля в лес у деревни Лисно пришли немногие. Отсутствовал и командир отряда полковник Горский.

Как стало известно позже, Горский не посчитался с планами подпольной организации, а продолжал готовиться к переходу через линию фронта. В апреле с одним из разведчиков Красной Армии он и осуществил свой замысел.

В связи с изменившимися обстоятельствами подпольный центр решил отложить сбор. Первая неудача многому нас научила. Мы изменили тактику подготовки, место сбора, характер встреч. Было предусмотрено несколько вариантов организационного оформления отряда.

Шла весна 1942 года.

Подпольщики накопили уже некоторый опыт в борьбе против фашистских захватчиков.

В Киселевском сельсовете действовала партийная

группа, душой которой были учитель Константин Яськин и Степан Семенчук. Коммунисты-подпольщики, помимо агитационной работы, занимались сбором оружия и боеприпасов, совершали диверсии. За зиму сорок первого-сорок второго года они уничтожили восемь гитлеровцев и сожгли четыре автомашины. Одновременно писали и размножали листовки, призывавшие народ к сопротивлению врагу. Семенчук организовал хранение и ремонт оружия.

Изготовление и распространение листовок — опасное дело. Особенно в условиях сельской местности, где на учете каждый человек, а незнакомец сразу бросается в глаза. Печатали листовки в Освее с помощью Симацкого. Константин Яськин приносил их к себе в деревню Буды. В пути он оставлял некоторую часть верным людям, а кое-где читал крестьянам.

Однажды утром, выглянув, как обычно, в окно, он заметил на улице полицейских. Они что-то искали, заходя в каждый дом. Константин вспомнил, что у него в пиджаке осталось несколько листовок. А в это время на крыльце уже послышался топот ног. Что делать? На счастье, в эту пору топилась печь. Листки полетели в огонь.

Ничего не объясняя, полицаи начали обыск. Что они искали, неизвестно, но вскоре покинули дом. Константин облегченно вздохнул: пронесло.

Велась борьба и в других местах. Подпольщики Коханович во главе с Иваном Петриенко взорвали мост, уничтожили полицейского.

Много хлопот доставили фашистам патриоты Совейковского сельсовета. А. В. Пилецкий, С. И. Дернович, В. А. Музыник под руководством коммуниста Владимира Хвеженко организовали хорошо продуманную диверсию.

Многие немецкие машины работали с газогенераторными установками, топливом для которых служили сухие древесные чурки. Их заготавливали в разных деревнях. Подпольщики высверливали в этих чурках отверстия, вставляли туда взрывные заряды и аккуратно маскировали их. Снабженные чурками-минами автомашины взрывались обычно в пути.

Долгое время гитлеровцы не могли догадаться, в чем дело, а когда поняли и начали искать организа-

торов диверсии, то ничего сделать не смогли. Найти наших товарищей было уже невозможно.

Владимир Хвеженко, проявивший себя способным и инициативным руководителем подпольной группы, пытался вначале уйти в советский тыл, но, как и многие, не смог этого осуществить. Он возвратился в свою деревню Авгули Совейковского сельсовета и сразу же стал сколачивать подпольную группу. Помимо уже названных в эту группу вошли А. Гарбуков, В. Пилецкий, П. Вишняков, А. Жук и другие.

Сельские коммунисты собирали оружие, вели среди крестьян агитацию, направленную на срыв мероприятий оккупантов. По предложению Симацкого, Хвеженко стал инспектором управы по вопросам образования.

В одну из своих поездок по району он зашел к своему другу Игнату Морачковскому в деревню Муквятица. Оказалось, что тот тоже сколотил группу, только из комсомольцев. Сергей Маринский, Арсений Маринский, Геня Зинькевич, Рая Вознович, Франя Маринская, Эдик Маринский, Витя Подгайский, Кузьма Якушев не теряли времени напрасно. Юные патриоты хранили в тайниках девять винтовок, ручной и станковый пулеметы, боеприпасы. Они организовали даже диверсию: сожгли деревянный мост.

Владимир Хвеженко ездил по деревням, активизируя очаги пожара, из которого впоследствии вспыхнуло пламя партизанской войны на Освейщине.

Что касается работы инспектора управы, то с ней Хвеженко «не справился». По фашистскому образцу он не организовал ни одной школы. За что и был снят с занимаемой должности.

Таял снег.

Мартовское солнце, выглядывая из-за облаков, гнало быстрые, игривые ручейки. Снег темнел, бурые проталины становились большими, обнажая истосковавшуюся по теплу землю.

— Весело! — топая по раскисшей дороге, сказал Иван Петриенко.

— Что говоришь? — не понял идущий рядом Николай Сличный.

Повернув к нему улыбающееся лицо, Иван хитро подмигнул.

— Весело, говорю! Весна!

— Уж так весело, что дальше некуда,— буркнул Николай.

Сапоги, обляпанные грязью, с трудом отрывались от земли.

Трудно было по первому взгляду определить, что эти двое шли на свое первое боевое задание. За их плечами свисали мешки с толом, а в кармане Петриенко лежал бикфордов шнур. Они никогда раньше ничего не взрывали. Петриенко был пограничником, причем хозяйственником, а Сличный — мелиоратором райзо. Оба веселые и добродушные, они любили от души посмеяться, хорошо поесть, а при случае и выпить по маленькой...

Путь их лежал к речушке, которая пересекала шоссейную дорогу Освея — Стрелки. Шоссе было магистралью, по которой двигались немецкие грузовые автомашины на Полоцк. Подпольный центр решил приступить к диверсиям. Взрыв моста на шоссе должен был явиться началом партизанской войны.

За деревней Марково друзья пошли осторожнее. Приближаясь к цели, они перестали разговаривать, старались не привлекать к себе внимания. Идти стало легче, под сапогами зацокал булыжник. Потом свернули к реке, присели на обломанные ветки прибрежных деревьев. Закурили.

Быстро темнело. Небо заволокло тучами. Поблескивали редкие звезды. Движение на дороге прекратилось. Подождали еще час. Все спокойно. Начало подмораживать.

— Полезли! — скомандовал Петриенко.

Хотя никого поблизости не было, двигались осторожно, стараясь не шуметь. Пакеты с толом распределили так, что взрыв должен был поднять сразу весь мост. Еще раз проверили, все ли сделано так, как надо.

— Готово? — спросил Николай.

— Давай!

Вспыхнув, огонек пополз по шнуру. Партизаны бросились в сторону. Позади полыхнуло яркое пламя, осветившее кустарник, речушку, рваные облака. Громыхнул взрыв. Воздушная волна толкнула в спины.

— Здорово, так вашу!.. — выкрикнул Иван.

— Весело! — отозвался Николай.— Люблю весенний первый гром.

Взрыв был таким сильным, что, как мы узнали позже, в соседних деревнях повылетали стекла в окнах. Услышали его и в Освее, километрах в восьми от моста. Гарнизон был поднят по тревоге. Немцы не смогли сразу догадаться, что и где произошло. Ощетинившись пулеметами, в боевой готовности ждали утра.

На обочине проселочной дороги Петриенко и Сличный разошлись. Николай ушел в свою деревню, а Иван, стараясь успеть затемно вернуться к месту встречи с товарищами, быстро пошел в Лисно.

Немцы обнаружили взорванный мост утром, когда вернулась в Освею первая машина, которая не смогла проехать дальше. Место взрыва оцепили и долго исследовали каждый клочок земли вокруг, опасаясь мин. Только к вечеру выяснилось, что мин нигде нет. Солдаты с собаками тщетно искали следы тех, кто совершил диверсию. Но снег таял быстро, и следы исчезли.

Несколько дней длились восстановительные работы. Движение в сторону Полоцка было прервано. Мост находился в таком месте, что наладить объезд или временную переправу было труднее, чем устранить повреждение.

Когда Петриенко пришел утром в Лисно, его так сильно хлопали по плечам и поздравляли, что он попросил пощады.

Тут же был разработан план действий на ближайшее время. Группа местных жителей под руководством Филиппа Денисенко, в которую входили Михаил Родионов и Иосиф Бляхман, стала готовить базу для отряда, а мы с Иваном Петриенко решили совершить «экскурсию по району».

После нескольких теплых дней опять подморозило, выпал снег. Немцы усилили охрану ряда объектов, рыскали по дорогам в поисках «бандитов». Места, по которым нам предстояло идти, были большей частью открытыми, безлесными.

В Борисово заглянули к Семенчуку. Степан обрадовал складом оружия, мин и тола. Особенно нужна была взрывчатка. Все это самым спешным образом следовало переправить в лес возле Святого озера.

— Будет сделано,— заверил Семенчук.

Пошли дальше. В густом кустарнике у шоссе решили заночевать. Расположились, но спать не хотелось. Думали, что подкараулим какую-нибудь одиночную машину. Однако было тихо. И как всегда, пришли воспоминания. Рассказывал Петриенко.

Война застала Ивана прокурором Сенненского района. Вместе со всеми, как и было приказано, он эвакуировался. Добрался до Ржева. Там встретился с работниками Витебского обкома партии и был направлен в тыл к фашистам. Спецгруппа, в которой он находился, обосновалась в дретуньских лесах под Полоцком. Ребята ходили в разведку, иногда совершали небольшие диверсии. Вернувшись однажды с задания, Петриенко никого на месте не нашел. Долго искал, пытался хоть что-нибудь узнать о группе, но ничего не узнал.

Что делать? Среди местного населения знакомых нет, а один в лесу не воин. И решил бывший прокурор идти в Освейский район. Здесь он служил в пограничных частях, здесь же и женился.

Так оказался Иван в Кохановичах у тещи. Но время не позволяло сидеть сложа руки. Нужно было выполнять задание партии. Первым помощником Петриенко стал А. П. Глуздов, ветеринарный фельдшер, подвижный и умный старик. С его помощью Иван стал создавать подпольную группу.

Вскоре в деревне Вышнарово появился еще один помощник — Николай Сличный. У него был радиоприемник. Начали слушать сообщения Москвы, писать листовки и распространять их. Группа быстро росла. К Ивану присоединились Михаил Грицкевич, Тихон Родионов и другие. Когда удалось установить связь с задежинской подпольной группой, стало еще веселее.

В Задежье работали Николай Болтрушевич и Сергей Жвирбля. В их группу входили Петр Литвинов и старый путиловский рабочий, участник Октябрьской революции Леонид Павлович Ковзель. Оказалось, что эти товарищи уже взорвали два моста, собрали много оружия и боеприпасов, в особенности противотанковых мин. Эту опасную работу выполнял Петр Литвинов, знавший немного подрывное дело.

— Ты не думай, что у нас ничего нет,— сказал Петриенко.— Имеем семнадцать винтовок, два ручных пу-

лемета и пятьдесят тысяч патронов. Даже около полсотни кож на сапоги есть.

Так мы проговорили до самого утра.

Злые, невыспавшиеся, шли мы по дороге к деревне Салино. Всегда разговорчивый, Иван на этот раз молчал. Вдруг сзади послышался стук колес. Нас догоняла повозка, в которой сидел какой-то человек. Мы продолжали идти дальше. Одежда на нас была крестьянская, а в карманах и за поясом брюк — пистолеты и гранаты. Снаружи ничего не было видно.

Повозка приблизилась. Стала заметна белая повязка, завязанная кое-как на левом рукаве. Вот так встреча! Полицай.

— Рассчитаемся? — с невинным видом, засовывая руку в карман, спросил Петриенко.

— Нет, здесь нельзя.

И в самом деле, стрелять было опасно: рядом деревня Сахоново, выстрелы могли услышать.

— Здравствуйте, господин полицейский,— засеменил рядом Петриенко.— Сделайте милость, подвезите немножечко.

— А кто такие? — грозно спросил страж «нового порядка».

— Жители, господин начальник. Из Сахоново. В волость идем.

Я и Петриенко умоляюще поглядели на полицая. Он подумал и согласился. Мы уселись немного позади него. Завязался разговор, из которого выяснилось, что господин полицейский ехал по важным делам из Кохановичей в Сухоруковскую волость.

Дорога пошла густым кустарником. Можно было начинать. Сильным движением Иван сжал полицаю локти. Глухо бухнул выстрел пистолета, приставленного к затылку. Труп быстро сволокли в кусты, забросали хворостом и снегом. Лошадку метров через пятьсот оставили у дороги, а сами пошли пешком.

Долго молчали. Говорить не хотелось. На душе был неприятный осадок. Все-таки убили человека. Хоть и подлеца. Но иначе не могло быть. Шла война, и перед нами был враг.

В волости мы появились днем, открыто. Немцев здесь не было. Заглядывали они сюда редко, потому что дороги в этих местах были плохие. Кроме того, во-

лостной центр состоял из хуторов. Бургомистром здесь Филипп Кузьмин. Мы решили проверить, что он за человек. Партизанам особенно необходима связь с людьми, состоящими у немцев на службе.

Кузьмина в волостной управе не оказалось. Он был по делам в соседней деревне Шевроки. Дежурный нас не знал. Он охотно поверил, что прибыли представители из районной управы, и побежал звать своего шефа.

Зайдя в комнату, бургомистр побледнел. Видно было, что он догадался, что за «представители» сидят перед ним.

— Здравствуйте,— нерешительно поздоровался он.

— Здравствуй, господин Кузьмин. Да ты не бойся. Садись, потолкуем. Будешь умницей, ничего плохого тебе не сделаем. Ты ведь пока, как нам известно, никого пакостного людям не сделал.

— Я работаю по принуждению, Иван Кузьмич. Не по своему желанию.— Бургомистр говорил, слегка заикаясь. Было видно, что он сильно волновался.

— Мало сейчас не делать плохого,— сказал я.— Народ борется, и каждый честный человек должен внести свой вклад в общее дело. Ты это учти! В отряд тебя не зовем, работай бургомистром. Это может пригодиться. Ты будешь помогать нам, выполнять некоторые задания. Справочки кое-какие, продукты, сведения...

Кузьмин согласился и пригласил нас к себе пообедать.

Поскольку есть хотелось, то отказа не последовало. Все трое важно вышли из комнаты. Дежурный во дворе поклонился.

— Прошу, господа,— пропустил вперед Кузьмин.

— Что вы, что вы! — ответили мы.— Просим хозяина показывать дорогу.

Кузьмин понял, что мы хотя и идем к нему обедать, но держимся осторожно. Ели молча. Уходя, попросили показать кратчайшую дорогу на Веснино. Но за деревней повернули в другую сторону — в Бычиково, где должна была состояться встреча с подпольщиком Мядютсй.

Наша осторожность, видимо, не была напрасной. Как я узнал позже, Кузьмин не сдержал своего слова. Он продолжал усердно служить врагу, за что после войны был осужден советским судом.

Вскоре мы были в Бычиково.

— Здравствуй, Кирилл! Как жизнь? — поздоровались мы.

Мядюта, бывший колхозный бригадир, в предвоенное время стал председателем колхоза. А теперь был одним из организаторов подполья. После первых общих слов я попросил:

— Докладывай, как идут дела.

— Все в порядке. Ребята рвутся в партизанский отряд. Скоро ли?..— ответил бывший предколхоза.

— Это неплохо, что рвутся. Но придется немного повременить. Пускай сойдет снег... А пока готовьтесь.

Мы дали пароль к нашему связному, который должен был помочь ребятам в случае опасности.

— У меня,— продолжал Кирилл,— кое-что наклевывается с латышами. Наверное, можно будет установить связь. Недавно в нашей деревне был оттуда один человек, к родственникам приходил. Он говорит, что у него есть небольшая группа верных людей, которые хотят бороться с фашистами, но в Латвии это трудно организовать.

— И ты его ввел в курс дела?

— Что вы, Иван Кузьмич! И виду не подал. Так, одни душеспасительные разговоры. Но парень, кажется, неплохой. Проверим как следует, тогда и доложу результаты.

Долго здесь задерживаться мы не могли и двинулись дальше.

В трех километрах от Освеи есть деревня Кончаны, рядом с которой работал до войны небольшой льнозавод. Немцы пока еще не смогли пустить его на полную мощность, но все же добились, что лен, который им удалось собрать, кое-как обрабатывался.

Мы решили уничтожить этот завод.

Дождь лил, долгий, нудный. Ночь была такая темная, что в двух шагах ничего не было видно. Медленно шли мы вдоль заводского забора. Прислушивались. Тихо, только ветер шумит. Местные жители рассказывали, что завод охраняется, и нам хотелось выяснить, где расставлены часовые. На сторожевой башне мелькнул огонек. Значит, один часовой там, курит, наверное. Идем дальше. Слышно только, как побулькивает керосин в бутылке, которую прихватили с собой еще в де-

ревне Видоки. У ворот послышался какой-то шум. Мы прижались к земле, стали слушать.

Петриенко вдруг начал хихикать.

— Ты чего?

— Храпит часовой. С присвистом, музыкальный, видать.

Обошли весь завод, но больше часовых не обнаружили. Решили проникнуть на его территорию через ворота. Внизу была щель такой величины, что позволяла проползти на ту сторону. Миновав эту преграду, еще раз прислушались к храпу часового и тихо, уже во весь рост, пошли к зданию, где находилась паровая машина.

На ощупь стали искать локомобиль. Под руками зашуршало. Это была костра — отходы от обработки льна. Лучшего и желать не надо.

— Лей! — сказал я шепотом.

Петриенко разбрызгал керосин, не спеша положил в сторонке бутылку. Чиркнул спичкой. Вспыхнуло, рванулось пламя, кругом загудело, затрещало. Мы бросились бежать. Не от немцев, а от пламени, которое в одно мгновение охватило сухую, как порох, костру.

У ворот никого не заметили. «Музыкальный» часовой, видимо, еще не проснулся.

Через полкилометра остановились и поглядели назад. Вдали билось и плясало большое пламя.

Мы вышли на дорогу.

— Что-то от тебя попахивает керосином, товарищ Петриенко. Не ты ли устроил этот пожар? — пошутил я.

— Да что ты, Иван Кузьмич! Никакого отношения не имею к этому делу. А керосинчик скоро отмоется. Видишь, как льет.

— Нечего сказать, погодка вполне партизанская. Куда же теперь? В Прошки направимся?

— Пошли! — согласился Иван.

К Прошкам мы подходили уже днем, мокрые и грязные.

— Обсушиться бы, обогреться бы и поспать бы,— мечтательно заметил Петриенко.

— И поесть бы...— добавил я.

— Это само собой разумеется.

У самой деревни в лесу остановились. Пожар на льнозаводе мог потревожить немцев и заставить их бро-

ситься на поиски партизан. Правда, мы были почти уверены, что в Прошках тихо. Айзсарги и немцы не часто жаловали в чужой район. Однако проверить надо было. Понаблюдали. Не заметив ничего подозрительного, подошли к крайнему дому.

— Немцы или полицаи есть? — спросили у хозяйки.

— Нету. Идите смело,— ответила она.

Григорий Лукашонок оказался дома.

— Располагайтесь. В случае чего, посигналят. У нас теперь везде наблюдательные посты. Тревожно становится. Могут немцы нагрянуть. Ночью льнозавод сожгли. Слыхали?

Мы ухмыльнулись.

— Слыхать не слыхали, а видеть — видели.

Пока сохла одежда, а мы подкреплялись с дороги, Григорий рассказывал о делах. В конце прошлого года прошковцы наладили хорошую связь с подпольщиками-латышами. Руководителем там Александр Гром, двадцатилетний парень. Он никогда не сидит на одном месте. Ребята подружились и решили не терять связи друг с другом. У латышей оказалось тоже немало оружия...

Гром с товарищами устроились на работу и стали выкорчевывать пни для смолокуренного завода. Завод, правда, никакой продукции не дает, но зато ребята могут свободно бывать на территории Белоруссии и встречаться с прошковскими комсомольцами.

В марте было решено все имеющееся у латышей оружие перебросить на склад Михаила Лукашонка.

В тот вечер в Прошках были танцы. Играла гармошка, веселилась молодежь. Встретиться можно было, не вызывая излишних подозрений, только на вечеринке.

За бревенчатыми стенами стояла холодная и темная ночь. Но в школе было жарко. Владимир Вестенберг танцевал с Женей. Всюду мелькали знакомые лица.

Первым исчез Василий Лукашонок. Спустя немного отправились «выпить» братья Михаил и Петр Лукашонки.

— Пошли, директор, угостим,— громко уговаривали они Вестенберга.

Но тот, как и было договорено, упорно отказывался. Ребята, махнув на него рукой, ушли.

— Ну и темнотища! Ничего не вижу,— воскликнул Петр Лукашонок, выходя из школы, и тут же столкнулся с кем-то.— Так и на человека можно наступить... Пошли, человек, выпьем...

— Пошли,— отозвался Василий Лукашонок.

Ребята вышли на тропу, повернули к границе. Сзади еще были слышны звуки гармошки.

Вдоль границы текла небольшая речушка Синюха, по-латышски — Зилупе. Три тени проскользнули к прибрежным кустам. Оглядевшись и прислушавшись, ребята присели и стали ждать.

Со стороны немецкого гарнизона, который находился в одном километре, в деревне Заборье, послышался лай овчарки. Потом опять все стихло.

Василий глянул на светившийся циферблат часов. Стрелки приблизились к двенадцати. Невдалеке раздался чей-то свист, погодя — еще один.

— Лодка,— тихо сказал Василий.

— Банка,— послышался ответ, и вслед за этим из кустов на другом берегу показались две фигуры.

Это был Александр Гром. Рядом с ним шел Михаил Дубро.

— Что принесли?

— Два ручных пулемета и мешок патронов.

Ребята разделись и, стараясь не шуметь, полезли в холодную воду. Через несколько минут оружие было на белорусском берегу. А к утру пулеметы и патроны уже лежали в землянке.

Две ночи работали парни, пока не переправили все оружие.

— Кроме этого,— продолжал рассказывать Григорий,— ребята переписывали листовки, разъясняли населению смысл фашистской грабительской политики.

— А этот Гром — человек надежный? — спросили мы Лукашонка.— Ты его знаешь хорошо? Кто он, откуда?

— Биографией интересуетесь? Анкету он у нас, сами понимаете, не заполнял, но ребятам нашим о себе рассказывал кое-что, и я с ним беседовал. Кстати, в наших Прошках у него есть несколько родственников. Так что человек он не совсем незнакомый.

Родился Александр в деревне Заборье, в Латвии. Отец его жил бедно. А семья была большая — девять

детишек мал мала меньше. Все есть хотят. Старшие ребята ходили на заработки едва ли не по всем окрестным деревням.

Между прочим, отец и мать Грома — русские, только давно живут в Латвии, привыкли к обычаям, латышский язык для них как родной.

В шестнадцать лет Александр уехал в Ригу к старшему брату. Там стал работать маляром, сначала ходил в подсобниках. В Риге парень познакомился с людьми, которые вели революционную борьбу за счастье латышского народа.

В 1940 году, когда Латвия стала Советской республикой, Гром вступил в комсомол и активно включился в строительство новой жизни. Молодой рабочий идет служить в органы НКВД.

Перед оккупацией Латвии Александр Гром эвакуировался в тыл. В Пскове он получил задание вернуться в родные места и обосноваться там. А потом начать работу...

Вот он и обосновался, но связи с теми, кто его послал, пока наладить не может.

— Спасибо, Григорий, за добрую встречу,— поблагодарил я.— А теперь вот что: начинаем создавать отряд. Кое-кого из ваших возьмем с собой. Прежде всего хотелось бы поговорить с Василием Лукашонком. Пошли за ним.

Василий пришел быстро. Мы посоветовали ему, как строить работу организации на ближайшее время. Совместно решили, кого взять в отряд.

К вечеру собрались все комсомольцы. Настроение у них было приподнятое, боевое. Им сообщили, что комсомольская организация будет пока продолжать работу в условиях подполья, а когда партизанский отряд сформируется, их тоже возьмут туда.

Темнело. Нужно было устраиваться на ночлег. У Григория оставаться не следовало. Мы распрощались с ним и ушли. Уже в полной темноте тихо постучали в дом Петра Фроленка. Открыла Женя. Она не удивилась нашему появлению.

— Брат дома? — спросил я.

Вышел Петр и, узнав нас, пригласил в дом. Там мы и остались ночевать. Перед выступлением полагалось выспаться.

Утром Петр с сожалением взглянул на худую одежонку Ивана Петриенко. Потом, ничего не говоря, куда-то вышел. Вернувшись через несколько минут, так же молча протянул ему пальто. Иван был на высоте блаженства.

В тот же день нас познакомили с товарищами, которые попали в окружение и не смогли пробиться за линию фронта, а теперь осели в Прошках. Старший лейтенант Алексей Трофимов, лейтенант-артиллерист Михаил Кошелев были вооружены автоматами и пистолетами, старший сержант Николай Муранов имел автомат. Они с радостью согласились уйти в партизанский отряд, но попросили отсрочку.

— Поймите нас правильно,— говорил Трофимов,— морально мы готовы. Но отправляемся не на прогулку. Нужно подготовиться. Вещи, оружие, продукты...

Кошелев и Муранов сказали то же самое.

— Но если это нужно,— твердо и прямо глядя мне в глаза произнес Алексей,— мы выступим сейчас же.

— Хорошо. Трех часов вам хватит? Готовьтесь,— ответил я.— Сбор в лесу за деревней. А ты, Гриша, пошли кого-либо в лесные землянки за товарищами, которые там скрываются. Пусть возьмут все, что нужно, и выходят к дороге. Там и встретимся. Ты с нами пойдешь?

— Я вас провожу,— ответил Лукашонок и тут же отправил в лес гонца.

Дорога уходила в глубь леса. Мы шли молча, ощущая приподнятость, даже торжественность. Это была дорога в новую жизнь, неведомую и тревожную. От сознания того, что наконец-то мы начинаем то, ради чего, собственно, я и был послан в тыл врага, было легко и радостно.

Вдруг впереди за стволами сосен мелькнули какие-то фигуры.

— Свои,— успокоил Григорий Лукашонок.

Да, это были свои люди. Первые бойцы нашего партизанского отряда.

— Здравствуйте, товарищи! — громко сказал я.— Присядем перед большой дорогой, заодно и познакомимся. Вы Ахмедьяров?

— Так точно! — четко, по-военному, ответил смуглый молодой человек с узкими улыбающимися глаза-

ми.— Старший лейтенант Галим Ахмедьяров, казах, 1911 года рождения, член партии.

— Расскажите, пожалуйста, о себе подробнее.

— Хорошо. Перед войной работал в аппарате ЦК компартии Казахстана. Был призван в армию для переподготовки. После окончания курсов оставили в кадрах. Войну начал в 4-м стрелковом полку 98-й стрелковой дивизии. Под Невелем был контужен и ранен. В бессознательном состоянии попал в плен. Завезли в Даугавпилс. Там наши врачи меня вылечили. 15 августа прошлого года совершил побег. Скрывался у крестьян в Латвии. В конце января перешел на территорию Белоруссии. Проживал в деревне Василевщина. Связь держал с Лукашонком. По его совету ушел в лес.

— Понятно. Будете командиром взвода. Только его надо еще создавать. С кем я еще не знаком?

— Сержант Фаддей Волков! — несколько смущаясь, доложил следующий.— Я беспартийный, пулеметчик. Моя часть попала в окружение. Так вот и оказался в Прошках...

Потом встал рядовой Леонид Баленко, двадцатилетний парень, по специальности телеграфист. Он служил в погранвойсках в Эстонии. В сентябре 1941 года был контужен и в бессознательном состоянии попал в плен. Находился в лагере для военнопленных в городе Режице, Латвийской ССР. В конце ноября совершил побег. Александр Гром помог ему перебраться в Прошки.

С остальными я был знаком. Все освейцы. В блокноте появились фамилии: Исаак Смирин, Давид Шнеер, Евгений Бордович, Леонид Гельфанд, Пинхоз Солитан...

Записал я и Николая Иванова, бывшего пограничника.

Вечером по дороге к деревне Лисно шагала вооруженная группа в 13 человек. Нечего и говорить, что все мы были очень рады.

Когда подходили к деревне Игналино, была уже ночь. Легкий морозец подсушил землю. Запах весны так и витал в воздухе. Дышать было легко. Мы шли быстро и не чувствовали усталости.

— Пройдем с миром или насолим врагам немножко? Как, товарищи, настроение? — спросил я.

— Насолим! — весело отозвались партизаны.

Быстро разыскали дом бургомистра А. С. Гудковского. Там же находилась местная управа. Постучали. Ни звука в ответ. Постучали сильнее. Даже шороха не услышали. Когда уже собирались ломать дверь, она открылась, и на пороге появилась женщина, очевидно, жена бургомистра.

— Где бургомистр?

— Нету, уехал.

Мы рванулись в дом. Постели были смяты, а в задней комнатке открыто окно.

— Удрал...

Произвели обыск, забрали всю документацию управы. Среди бумаг были данные, в которых обозначалось, у кого из крестьян что можно было изъять в пользу «великой Германии». Нашли также списки на угон молодежи в рабство. Были еще разные инструкции и указания фашистской военной администрации.

Тем временем во дворе собрались местные жители.

— И кто вы такие будете, добрые люди? — спросил писклявым голоском какой-то старичок.

— Партизаны, папаша!

— Смотри ты! — удивился он.— А что вы будете делать, ежели не военная тайна?

Пока горел костер из документов управы, мы рассказали о своих намерениях, о необходимости всем с оружием в руках бороться против оккупантов.

Мужики согласно кивали головами.

— А бургомистра, значит, от вас убег,— допекал нас все тот же старичок.— Зеленые потому что. Тактики не знаете. Надо было дом окружить...

— Ты вот не учил бы, папаша, а действовал,— разозлились хлопцы.

— А ты учись у старого человека, не гордись,— миролюбиво уговаривал «папаша».— Я уже стар, но тоже, может, в отряд пойду...

Когда мы стали собираться в путь, дотошный старик ткнул пальцем куда-то в темноту и посоветовал:

— А вы, солдатики, еще один объект атакуйте.

— Какой такой объект?

— Да вот у нас кажинный день продухты отбирают... Изымают молоко, масло, сметанку, яйца. И все это увозят немцы, чтоб они подавились.

Вместе с ним мы пошли на молочный пункт. Продукты взяли для отряда, а аппараты, которые там находились, и бидоны поломали. На прощание сказали, чтобы крестьяне не сдавали немцам продукты и не ходили на работу.

— Все равно все уничтожим! Так и передайте бургомистру, если появится.

Позже связные рассказывали, что бургомистр больше в деревне не появлялся. Партизаны его тоже не встречали. Молочный пункт никто не восстанавливал.

Ранним утром, когда рассвет уже разогнал тьму, но дымка тумана еще висела над лощинами, мы вышли на опушку леса. Слева раскинулось озеро Лисно. Решили отдохнуть. Прилегли под деревьями, перекусили наспех. А через час направились на север, в промежуток между озерами Лисно и Белое. На северо-востоке от Белого начинались болота, тянувшиеся на много километров. Только местный житель, хорошо знающий здешние леса, мог найти безопасную дорогу к небольшому островку в середине топей. И еще одна коварная особенность была у этих мест. Мы с Петриенко испытали ее на себе в период подготовки базы. Чтобы сократить дорогу, однажды решили пройти прямо через болото. Шли несколько часов, уже начали изнемогать от усталости, как вдруг обнаружили, что пришли на то же место, откуда вышли.

— Вот черт, крутит как! — выругался Иван.— Давай еще раз рискнем! Не может быть, чтобы не пробились.

Пошли еще раз. И вторично, проплутав по колено в холодной воде до дрожи в зубах, оказались в том же месте, откуда вышли.

Вот сюда мы и направились. Только тогда, когда нам стали известны гати, скрытые под водой от непосвященных, болота превратились для нас в отличное укрытие от врага.

Наконец мы на острове. Брошен на землю груз, который был с нами, вещевые мешки.

— Вот моя деревня, вот мой дом родной!

— Поздравляю с новосельем!

— Смотри ты, какая благоустроенная квартира!

— Ничего, только далековато бегать в сельпо,— шутили промеж себя ребята.

С новым положением освоились быстро. Стали устраиваться на жительство. Заполыхал небольшой костер, на котором варился суп. Одни сушили портянки, другие сооружали шалаши, третьи чистили оружие.

Несмотря на отсутствие непосредственной опасности, лагерь был военным. Партизан проинструктировали о правилах внутреннего распорядка, выставили наблюдательный пост. После отдыха все ознакомились с расположением, изучили подходы.

Близился вечер. Партизаны первого освейского отряда сидели у небольшого костра, вспоминали недавнее прошлое, рассказывали о близких, мечтали о далекой тогда еще победе над врагом.

Это был удивительный вечер, полный такой радости, которая приходит к человеку тогда, когда им совершено очень важное дело в жизни.

Сегодня это было так. Мы еще не могли знать, что нас ожидает, увидеть солнечные и хмурые дни будущего. Но я чувствовал, что наступил перелом. Очень важно было начать. Громко сказать, что мы есть. Мы — народные мстители, партизаны. Тот, кто хочет бороться с врагом, тот, кому необходимо слово поддержки, потянется к нам. Каждый, кто поймет, что в жестокие дни войны нельзя оставаться в стороне, будет с нами.

Мне виделись разгорающееся пламя народной борьбы, новые десятки и сотни бойцов под партизанскими знаменами... И к чувству радости начали примешиваться тревожные мысли о завтрашнем дне. Нет, не страх за свою жизнь в преддверии будущих боев беспокоил меня. Беспокоили заботы о том, как укрепить и развить начатое дело.

УПОРНЫЕ БОИ

Жизнь в лагере наладилась, стала размеренной, тихой. Казалось, и войны нет, если не считать того, что мы изучали оружие, строили землянки, ходили на задания.

Прошло две недели. Отряд рос. Теперь на базе было больше ста человек.

В один из дней к нам примчался связной, Эдик Симацкий. Переведя дыхание, сообщил: группа немцев на трех машинах должна завтра проехать из Освеи на Дриссу.

Надо сказать, что немцы не афишировали своих передвижений. И узнать об этом было нелегко, если бы...

Дело в том, что в комендатуре стала работать тихая и исполнительная девушка Варя Ефимова. Появилась она в Освее уже после ее оккупации. Пешком прошла от самого Минска.

После окончания десятилетки Варя твердо решила быть учительницей. Так она стала студенткой Минского пединститута имени Горького.

В первые же дни войны вместе с другими студентками-однокурсницами она стала дежурить в горкоме комсомола. Но, явившись однажды утром на дежурство, девушка не нашла горкома. Здание было разрушено прямым попаданием бомбы. Минск горел.

Поток беженцев бурлил, устремляясь на восток. Куда деваться девятнадцатилетней девушке, которая только вступала в жизнь? Заданий ей никто не давал, на востоке родственников нет, и она пошла домой, на север.

Друзья по освейской школе Людвиг Геродник и Эдик Симацкий посоветовали ей идти в немецкую комендатуру.

— Это может нам пригодиться, не бойся,— напутствовал ее Людвиг.

И Варя стала работать. Чистила картошку, мыла полы. Девушка неплохо знала немецкий язык, хотя и делала вид, что ничего не понимает. Солдаты болтали, а она слушала.

Так Варя узнала, что группа немецких солдат отправляется в отпуск в Германию. «Надо предупредить»,— подумала она.

У Ефимовой было условленное место для связи с Городником и Симацким. Она побежала туда и оставила записку.

Эдик извлек сообщение из «почтового ящика» и прибыл в отряд.

Партизанам было приказано готовить оружие и боеприпасы. Тем временем мы с командирами разработали план. Решили встретить фашистов на дороге между деревнями Красное и Каменка. Место было довольно удобным: вдоль дороги тянулся кустарник, а за ним, с южной стороны, начиналось болото, которое мы хорошо знали. В случае необходимости можно было отступить в этом направлении и скрыться в лесу.

Как только стемнело, восемнадцать человек вышли на задание. Помимо оружия ребята были нагружены противотанковыми минами.

Ночью прибыли к месту засады. Расставили на дороге и по обочинам мины, тщательно их замаскировали. Теперь оставалось ждать.

Предполагалось, что на трех машинах будет ехать около шестидесяти солдат противника. Нас было меньше. Поэтому следовало действовать очень четко и быстро. Любое промедление или плохая маскировка могли привести к нежелательным результатам. С двух сторон от места засады находились вражеские гарнизоны — в Освее и Дриссе. Заслышав звуки боя, немцы могли быстро прислать подкрепление.

Учитывая это, на операцию отвели полчаса времени.

Партизаны рассредоточились вдоль дороги. В сторону Освеи с интервалами в двести метров поставили пять наблюдателей. Они должны были сообщить о приближении противника. Непосредственно на месте боя оставалось тринадцать человек. Первую машину мы

планировали пропустить на минное заграждение, а остальные расстрелять в упор.

Ночь была прохладная, к утру подморозило. Пока было темно, партизаны бегали в лощину греться. К рассвету всякое движение пришлось прекратить, чтобы не демаскировать себя.

— Товарищ командир,— шепотом жаловались ребята,— замерзаем, зубы начинают выбивать пулеметную дробь.

— Привыкайте, хлопцы. Жаркое время впереди, отогреетесь.

Наконец рассвело. На дороге начали появляться местные жители пешком и на подводах. А немецких машин все нет и нет. Мы забеспокоились. Крестьяне могли подорваться на минах или обнаружить нас. Пришлось всех проходящих останавливать и отводить в ямы за кустарником. Задержанным объясняли, кто мы и с какой целью здесь находимся. Они подчинялись нашему требованию и прятались в безопасном месте. Там же укрывали и повозки с лошадьми.

Но вот наблюдатели сообщили, что на дороге появилась одна машина. Остальных не было видно. «Почему? — думали мы.— Или изменились планы оккупантов, или остальные машины задержались в пути?»

— Пока не стрелять! — передал я по цепи.— Пускай наедет на мину.

Однако машина резко затормозила. Сидевший в кабине офицер заметил неосторожное движение одного из партизан.

— Огонь! — прозвучала команда.

Николай Иванов ударил из пулемета по кабине и убил офицера и шофера. Николай Глазов пулеметным огнем не позволял противнику изготовиться к стрельбе из кузова. Чья-то бронебойно-зажигательная пуля попала в запасной бак. Вспыхнул бензин, и машина загорелась. Первым бросился к ней Михаил Кошелев. В кузове это заметили, и солдат швырнул в него гранату. Имант Судмалис очередью из пулемета срезал немца. К счастью, второпях фашист забыл снять гранату с предохранителя. Взрыва не последовало.

В коротком бою было уничтожено двадцать три оккупанта. Только одному удалось бежать. Позже мы узнали, что он разделил участь остальных.

Надо было торопиться. Мы быстро собрали оружие, выгрузили ящики с патронами. Пламя полыхало все сильнее, в машине начало что-то взрываться. Трофеев оказалось немало, среди них запас продуктов: вино, конфеты и шоколад.

Поскольку дорога оставалась заминированной, крестьянам показали, где можно обойти опасный участок.

По болоту стали отходить с места боя. Все были основательно нагружены, многие несли еще немецкие автоматы и по две-три трофейные винтовки. Шли по колено в воде, то и дело проваливаясь в болотную жижу.

— Ну как, ребята, не холодно?

— Согрелись, товарищ командир,— вытирая потное лицо, ответил за всех Глазов.

В деревне Немытьки, километрах в четырех от места засады, мы взяли подводу, погрузили на нее трофеи и двинулись дальше. В лесу сделали привал, отдохнули. Некоторые партизаны переоделись в немецкую форму.

В одной из деревень нашу группу крестьяне приняли за немцев. Когда мы появились на улице, везде было пусто, все жители попрятались, и только услышав русскую речь, самые смелые подошли к нам, решив выяснить, кто мы.

— Выходи, народ, это свои! — крикнули они.

Собралась почти вся деревня. Расспрашивали о бое, поздравляли с удачей. Партизаны угощали мужчин куревом, а женщин шоколадными конфетами.

Проходя через деревни, мы показывали трофеи. Все были рады за нас. Многие мужчины стали собираться к нам в отряд.

Через час к месту боя прибыло подкрепление — 15 солдат на грузовике. Высадились фашисты, не доезжая до сгоревшей машины, а шоферу приказали проехать дальше и развернуться. Включив скорость, шофер начал объезжать сгоревшую машину, а потом стал разворачиваться. Но тут раздался взрыв. Столб дыма, земли и куски машины высоко поднялись в воздух.

Стрельбу услышали и местные пособники немцев. С другой стороны к этому же месту мчался на повозке полицейский. Он торопился узнать, что за бес-

порядки творятся на вверенной ему территории. Возница гнал лошадь так, как велело ему начальство. И вдруг... Сильным взрывом крестьянина оглушило и отбросило в сторону.

Когда он очнулся, оказалось, что задняя часть повозки разбита в щепы, а полицейский убит.

Переполошившиеся немцы послали за минерами. Прошло немало времени, пока дорога была очищена. Фашисты настолько перетрусили, что не надеялись даже на минеров. Опасаясь еще какого-нибудь подвоха, они собрали из близлежащих деревень крестьян, построили во всю ширину дороги и прогнали перед собой.

К счастью, все мины были обезврежены и никто не пострадал.

Однако этим дело не кончилось. На обочине дороги лежала горка наших противотанковых мин. Немецкие солдаты, чтобы не оставлять их у дороги (чего доброго, партизаны опять поставят), стали стрелять по ним. Одна пуля попала в детонатор, и мощный взрыв потряс землю. Пять фашистов оказались убитыми, несколько ранеными.

Фашистским воякам явно не повезло. В деревнях стали говорить: «До чего же незадачливыми оказались немецкие солдаты и офицеры, даже с обезвреженными минами не умеют обращаться»...

Отзвук взрывов прокатился далеко по лесу, но еще дальше пошла весть о том, что народные мстители усиливают удары по врагу. После этой операции к нам каждый день стали прибывать новые люди.

Еще до засады на шоссе в отряд прибыли прошковские подпольщики. Больше они уже не могли оставаться в деревне, это становилось опасным. В группе, которую привел Григорий Лукашонок, были Василий и Петр Лукашонки, Владимир Вестенберг, Петр Смычков. Всего пришло двенадцать человек.

Несколько позже из Освеи и других мест прибыли: Афанасий Воробьев, Виталий Владимиров, Павел Цалпан, Игнат Морачковский, Владимир Хвеженко, Антон Литвинов, Иван Плиско, Владимир Подолинский, Александр Шаврак.

В связи с созданием партизанского отряда «Иванова», как мы стали его называть, возникла необходимость внести коррективы в партийную работу. У нас

оказалась сильная и достаточно опытная группа коммунистов, которая могла объединить все подпольные партийные, комсомольские и патриотические организации района и взять на себя руководство ими.

Провели по этому вопросу партийное собрание. Товарищи горячо говорили о насущных делах. Коротко были подведены итоги подпольной деятельности, намечены дальнейшие задачи коммунистов в свете постановления ЦК КП(б)Б от 29 июня, директивного письма от 18 июля 1941 года о переходе в подполье и развертывании партизанского движения в Белоруссии. Избрали бюро из трех человек. В него вошли Иван Петриенко, Игнат Морачковский и я. Бюро поручили возглавить всю партийную работу в отряде и районе. Секретарем избрали меня. Тут же приняли решение о роспуске партийного центра в Освее. Из его прежнего состава на нелегальном положении остался один только Владимир Симацкий, остальные были уже в отряде.

Изменили мы также и структуру подпольных связей. В тех населенных пунктах, где имелись коммунисты, было решено создать партийные группы, подчинив их парторганизации партизанского отряда. По этому принципу рекомендовали построить и комсомольскую сеть. Кроме того, договорились смелее создавать инициативные группы патриотов, которые не являлись членами партии или комсомольцами.

Об этих изменениях мы сообщили всем партизанам. Однако систему связи знали только члены бюро. Это делалось с целью охраны подпольных организаций от возможных провалов.

Каждый день кто-нибудь стремился найти отряд, чтобы вступить в него. Однако найти нас было не так просто. Кроме партизан и руководителей подпольных групп всего два-три человека знали наше расположение. Через систему связных мы знали обо всем, что делалось в районе. О каждом новом человеке, который искал нас, получали информацию незамедлительно. Связные направляли всех, кто не внушал подозрения, в Лисно. Яков Зунда и Филипп Денисенок дополнительно проверяли людей, сообщали о них в отряд.

И только кого мы достаточно знали и кому могли доверять — только тех принимали в отряд. На первых порах иначе поступать мы не могли.

Иногда пополнение приходило самым необычным образом.

До нас стали доходить сведения, что в районе появилась группа неизвестных людей, выдающих себя за партизан. Вызывало подозрение поведение незнакомцев. Появляясь в какой-нибудь деревне, они сразу же начинали конфискацию. У крестьян изымали одежду военного образца, продукты. Зачастую требовали самогонки. Несколько мужчин «мобилизовали» — насильно зачислили в свою группу.

Крестьяне стали настороженно относиться ко всем партизанам. Это нас обеспокоило. Однако найти этих людей никак не удавалось. После каждого посещения деревни группа исчезала в неизвестном направлении, и было трудно угадать, где она появится вновь.

Встретиться пришлось неожиданно и при невыгодных для нас обстоятельствах.

Шли мы однажды с Григорием Лукашонком лесом, от нашей базы километрах в двадцати. Возле деревни Микуленки вышли на опушку леса.

— Стой! Руки вверх! — раздался грозный окрик.

Из-за кустов выглядывал направленный в нашу сторону ствол ручного пулемета. Рядом виднелась голова в военной фуражке. «Попались...»,— пронеслось в голове.

Решил схитрить:

— Лукашонок! — громко скомандовал я,— передай в отряд: окружить деревню, подготовиться к бою.

— Есть! — крикнул в ответ Григорий и быстро исчез в кустах.

— Стрелять буду! — уже не так решительно повторила голова.

— А зачем тебе стрелять? — тяну я время.

— Руки подымай вверх! Сказал — значит, подымай!

— Не горячись, дорогой. Ты здесь один против целого партизанского отряда. Забирай лучше пулемет и пойдем к твоему командиру.

Голова в кустах зашевелилась, и вскоре из-за них показалась коренастая фигура. Уже более миролюбиво постовой сказал:

— Значит, вы партизаны? И мы тоже партизаны.

— Вот и хорошо, пойдем. Ваши в деревне?

— А как же, рядом.

— И много вас?

— Ну, ну! — ощетинился коренастый.— Ты не очень... Не расспрашивай.

Пошли молча. В деревне на нас косо поглядывали местные жители. Особенно удивлялись знакомые: почему Захаров оказался в этой компании?..

Во дворе одного из домов сновали люди в военной форме, стоял часовой.

— Позови командира! — потребовал коренастый.

Пока ходили за командиром, я пытался найти хоть одно знакомое лицо. Никого. Коренастый куда-то ушел. Захотелось курить. Одна за другой ломались отсыревшие спички. Вот досада.

— Прикуривайте, Иван Кузьмич! — услышал я тихий голос.

Рядом со мной стоял Семен Андреевич Боборыкин, бывший председатель одного из освейских колхозов.

— Ты у них? — спросил я.

— У них. Да ты будь осторожен. Наш командир горячий человек...

— Будем вместе действовать. В случае чего поддержишь?

— А что делать?

— Если не пойдут к нам в отряд, то заставим или ликвидируем. Согласен?

— Хорошо. У нас есть неплохие ребята, они с удовольствием пойдут к вам.

На крыльцо вышел мужчина со сверлящим взглядом. Резко шагнул по ступенькам вниз.

— Командир отряда Николай Дельцов.

— Захаров,— ответил я.— Как живете? Много у вас людей?

— Двенадцать. А живем,— в глазах промелькнула гордость,— посмотрите сами. Прошу к нашему шалашу!

Стол в «шалаше» был завален всякой снедью, стояли бутылки с самогоном. Вокруг него сидели вооруженные люди. Дельцов широким жестом поставил передо мной стакан и перевернул над ним бутылку. Пахучая жидкость забулькала, быстро выливаясь из горлышка. Перелившись через край стакана, растеклась по столу.

«Волнуется, сукин сын»,— подумал я.

В это время отворилась дверь и в комнату ворвался запыхавшийся Григорий Лукашонок.

— Приказание выполнено, товарищ командир! Деревня окружена. К бою готовы. До первого выстрела, как приказано...

Голова Дельцова нервно дернулась:

— Не доверяете нам, командир? Мы разве не советские люди?

— Да нет, это для ускорения дела,— ответил я ему.— Просто хочу предложить вам вступить в наш отряд. Вас мало, и вам трудно, конечно. А в нашем отряде продуктов достаточно, одежда тоже найдется... Ну как, согласен? Подумайте, товарищи. Война идет сейчас всенародная. Враг страшный, жестокий. В такой обстановке мы должны быть вместе.

— Выйдем на минутку, командир? — предложил Дельцов.

Мы вышли, сделали несколько шагов от крыльца.

— Что делать с нами будешь, если пойдем с тобой?

— Станете партизанами. Будете воевать с фашистами.

— Отряд наш расформируешь?

— Ты останешься командиром взвода.

Мы опять зашли в дом. Видно, оставшиеся там поговорили между собой, решили что-то в отсутствии Дельцова. Боборыкин внимательно посмотрел на меня и чуть кивнул головой.

— Предлагаю всем перейти в наш партизанский отряд,— громко сказал я.— Только все, что взяли в деревне, отдайте. Согласны?

Видно было, что без особой радости, но согласился каждый из присутствующих.

Вышли из деревни вместе.

— А где же отряд? — спросил Дельцов.

— Увидишь.

Идем дальше. Дельцов то оглянется, то посмотрит на меня.

— Так где же отряд, командир? Что-то не вижу никого. Ты шутить не вздумай. Мы мигом...

— Нет здесь отряда! Я на испуг вас взял. До отряда дойдем к вечеру. Пошли, чего остановился!

— Эх, едрена-матрена! Не знал... Так бы не согласился идти к вам.

— Но теперь поздно!

— Поздно, командир, поздно.

Вновь прибывших сразу же распределили по взводам. Дельцова тоже вначале зачислили рядовым. Вскипел он, схватился за пистолет. Начал возражать.

— Тихо. Не кипятись, малый. Ты не дома. Соблюдай порядок. А то мы пушечку у тебя отымем,— ласково пообещал Петриенко.

— А в случае чего и не долго...— выразительно поиграл пистолетом Кошелев.

Дельцов смирился. Утихомирились и остальные любители «воли». Пообвыкли, втянулись в многотрудную партизанскую жизнь, начали ходить на задания, стали хорошими бойцами.

Может показаться, что Дельцов слишком легко и быстро отказался от желания быть самостоятельным командиром небольшого отряда. Ведь он мог и не подчиниться мне с Лукашонком. Надо, однако, учесть, что в его группе собрались знающие меня освейцы. Все они, и Дельцов тоже, были честными советскими людьми, хотели сражаться с врагом, но не понимали, как строить свои взаимоотношения с населением, и допускали известную долю анархизма.

Николай Дельцов стал хорошим боевым товарищем, был командиром взвода, некоторое время замещал комиссара отряда имени Фрунзе. Он с честью прошел всю войну. Правительство отметило его заслуги орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны».

На наш островок трудно было пройти даже летом. Молодой ельник и сочная трава зеленым ковром покрывали этот клочок земли. Среди мелколесья росли красавицы сосны. Рядом вилась болотистая речушка. Это был тихий край, если не считать гомона диких уток. Непуганные птицы низко пролетали над нами или смело садились у самой партизанской кухни, которая располагалась на склоне холма, у воды.

Дежурные перекидывались шутками:

— Слышь, Петра! Подсади на вертел вон ту толстенькую!

— Ну и жисть в партизанах! Благодать! Бери любую утку, жарь и ешь!

Но утки сами в котел не шли. А ловить их или стре-

лять было запрещено. Шум у партизанской стоянки мог привлечь внимание фашистов.

В самом сухом месте, у землянок, на вершине холма было многолюдно. Лежали на свежей траве, покуривали трофейный табак, чинили порванную одежду, переговаривались. День сегодня особенный. Весь отряд собрался вместе после успешного выполнения очередного задания. И к тому же надо было, хотя и с опозданием, отпраздновать Первомай. Было решено отметить его шикарным обедом и торжественным собранием с докладом. Трофеи позволяли организовать пир с первым и вторым блюдами. А относительно доклада мнение было единодушным: подготовить и зачитать.

Чего греха таить, не очень-то любили мы до войны доклады на торжественных собраниях. Мы знали заранее, что скажет оратор. И во время торжественной части старались отсидеться в буфете или тихонько потолковать с соседом о житье-бытье. Так было. А теперь каждому хотелось послушать пусть трижды известный доклад. Он напоминал всем мирное, довоенное время.

Комиссар Петриенко вместе с группой комсомольцев колдовал над «боевым листком». Литературная часть была в порядке: каждый предлагал, о чем надо написать и как это лучше сделать. Хуже обстояло с оформлением. Из-под загрубевших пальцев «художника» буквы выходили неровными. Но он старательно выполнял порученное ему дело.

— Это те не из пулемета стрелять! Тут дело тонкое, интеллигентное,— язвили шутники.— Там жми себе на гашетку, знай пали — попадешь, нет ли, не так уж заметно, а тут все видно...

— Ты, брат, не слушай их,— советовал Петриенко.— Пиши себе. Скоро собрание.

Начальник штаба Алексей Трофимов, воспользовавшись свободной минутой, записывал события прошедших дней в дневник. Скупые, торопливые строки рассказывали о будничных делах народных мстителей, о делах, которые на самом деле были полны героизма. В такие минуты партизаны обходили его стороной, чтобы не мешать. Они одобряли это занятие: люди после войны должны знать имена воевавших здесь, в краю лесов и озер.

Прибытие связного на базу — всегда событие. Всем

интересно узнать новости. Чаще всего связные бывают молчаливыми. Только по их глазам партизаны пытаются узнать, радостную или печальную принесли они весть. На этот раз ничего секретного не было.

Услышав шум, Трофимов поднял голову.

— Что случилось? — спросил он у пробегавшего мимо партизана.

— Пополнение прибыло!

Оказывается, в Лисно пришла группа латвийских подпольщиков под командованием Александра Грома. Прошковцы радовались больше всех. Еще бы! Латыши — боевые друзья и почти все старые знакомые. В последнее время большинство из них жило в Прошках, ребята копали корчи для смолзавода. Вскоре латышей привели на базу.

После обеда в лесу состоялось собрание.

Торжественные и радостные, слушали партизаны доклад о положении на фронте и на Большой земле. С трудом удалось раздобыть эти сведения. Немцы распространяли лживые слухи о якобы победоносном шествии фашистской армии, о взятии ими Москвы.

Но Москва жила и не сдавалась!

Вечером у костра звучали песни, слышался смех. Ребята вспоминали разные события из своей партизанской жизни.

Владимир Вестенберг глядел на пляшущие языки пламени и думал о Прошках. Ребята почти все ушли в отряд, а девчата остались в деревне. Им сейчас, наверное, трудно. Даже праздника не могут отметить так, как хочется. Надо быть осторожными. Сейчас, наверное, собрались у кого-нибудь... Ему вспомнилась Женя Фроленок. На ней большая ответственность. Женя осталась секретарем комсомольской организации вместо Василия Лукашонка. Как хотелось быть сейчас там, рядом с ней! Может быть, он в чем-либо помог бы ей?

— Ребята, расскажите, как вас «полиция» арестовывала! — попросили Петра и Василия Лукашонков партизаны.

— Страшное было дело,— откашлявшись, начал Петр.— Мы уже собирались уходить в отряд. Все дела в Прошках были закончены. Надо было решать, как это сделать, чтобы не пострадали после ухода родители.

И все услышали эту довольно забавную историю.

Утро началось обычно. Григорий ушел по делам к соседям, Василий отправился пахать в поле, а Петр работал в огороде. Вдруг он услышал на улице шум. Выглянул и увидел большую группу полицаев, за которыми шли встревоженные односельчане.

К калитке бросились двое и схватили Петра.

— Попался, сволочь! — орал полицай и тыкал в спину арестованного винтовкой.

Вскоре под конвоем провели Григория. Немного позже, уже у самого дома, схватили возвращавшегося с поля Василия.

— Ты арестован! — объявили ему.

— За что? — удивленно спросил Василий.

— Ах, ты еще спрашиваешь за что? Сам не знаешь? — куражился полицай.— Собирайся! В комендатуре разберемся, бандит!

Жители тревожно переговаривались. Они ничего не могли сделать. Да и кто примет всерьез женщин и стариков.

Полицаи производили в домах арестованных обыски. Родные и близкие плакали и причитали. Арестованных прогнали через всю деревню как преступников.

Когда немецкие прихвостни скрылись в лесу, обнаружилось, что никто не знает, откуда они: из Освеи, Заборья или другого гарнизона.

А в лесу Василий Лукашонок ругал «полицая» Павла Малышева:

— Ты почему меня так сильно ударил? Дорвался? Может, и в самом деле захотел в полицию?

Тот смущенно оправдывался:

— Так я ж старался, чтобы как лучше, чтобы похоже...

Партизаны хохотали. Инсценировка с арестом людей прошла успешно. Теперь к семьям ушедших в лес не могло быть никаких претензий: они арестованы полицией.

Выяснить правду не представлялось никакой возможности, так как в Прошки наведывались немцы и полицаи из Латвии и Калининской области. Там были свои комендатуры и своя система подчинения.

Исчезновение основной группы латышей-корчеко-

пов тоже было приписано аресту. Но на сей раз говорили, что их арестовали партизаны, разгромившие гарнизон в Шкяуне.

Поздно расходились партизаны спать. Наступал новый боевой день.

В Латвии, на самой границе с Освейским районом, есть местечко Шкяуне (по-русски Полищино). Немцы расположили здесь ряд своих учреждений и гарнизон. Гитлеровцы и айзсарги шныряли во всех направлениях, грабили население, угоняли молодежь в Германию, выслеживали партизан.

Мы решили разгромить этот гарнизон. Но прежде следовало тщательно разведать численность и вооружение врага, систему его обороны, подготовить план нападения. Для этой цели как нельзя лучше подходила группа под командованием Александра Грома. Латыши отлично знали местечко и были связаны со многими его жителями.

Гром с товарищами ушел к Шкяуне и начал изучать противника.

Вскоре штаб отряда располагал исчерпывающими сведениями о численности гарнизона и расположении огневых точек.

В местечке находился полицейский участок. Там инструктировались и рассылались по окрестным населенным пунктам полицейские. Административное управление занималось учетом работоспособной молодежи и организовывало ее угон в Германию. Размещалось здесь и гестапо, которое все ближе и ближе подбиралось к подпольным организациям на территории Латвии. Работала военная пересыльная почта. Вблизи было несколько сильных гарнизонов и погранзастав.

Партизаны только еще пробовали свои силы. И немцы не предполагали, что они так опасны. Поэтому в местечке вели себя беспечно, сильной охраны не выставляли.

Подготовка к операции проходила в большой тайне. О ней никто не догадывался. Знала только группа Александра Грома, которая вела разведку.

Нас беспокоило, что, если бой затянется, немцы могут получить подкрепление. Подходы к гарнизону были неудачны — открытая местность. Озеро и болота оставляли лишь узкий подход к местечку.

Когда прикинули, сколько же понадобится человек для организации засад и прикрытия, то оказалось, что для нападения на гарнизон в местечке сил не хватает. К этому времени в партизанском отряде насчитывалось около ста пятидесяти человек. На обеспечение тылов и флангов нужно было не менее ста партизан. Для атаки оставалось только пятьдесят бойцов.

— Мало,— мрачно сказал начальник штаба.

— И все же нужно найти выход. Операцию мы обязаны провести, как бы это трудно ни было,— возразили ему.

Спорили долго. Предлагали различные варианты.

— Послушайте! — вспомнил вдруг комиссар Иван Петриенко.— Я вчера проходил через Лисно, и ребята мне сказали, что прошлой ночью в Изюбрице ночевала группа партизан. Но это не наши, я проверял. Значит, какие-то другие... Может, и не партизаны?

— Куда пошли? — оживились все.

— В сторону Юхович. Где они сейчас — неизвестно.

Новость была интересной. Если это не полицаи, то в районе появился новый партизанский отряд. Надо было срочно выяснить.

Григорий Лукашонок и Михаил Кошелев с группой людей, знающих местность, отправились на поиски.

Двое суток с нетерпением ждали мы их и уже начали было подумывать, не случилось ли чего, как вдруг появились наши разведчики. Кошелев доложил, что задание выполнено. Установлена связь с партизанским отрядом имени Сергея из Россонского района. Отряд пока небольшой, созданный из групп погибшего Сергея Моисеенко и Дубняка. Командует им Степан Корякин.

— Быстро что-то у вас получается. Как это вам удалось с первой встречи установить связь? И вам поверили? — спросил я.

— Конечно, не все так просто,— ответил Григорий Лукашонок.— Нас даже арестовали для выяснения личностей. Помог знакомый учитель Виктор Савельевич Езутов. Раньше он работал в Прошковской школе. Когда район оккупировали, перебрался в Россонский район к родителям. Там был в подполье и вместе с учителем из Россон Петром Мироновичем Машеровым

ушел в партизаны. Виктор Савельевич дважды бывал у нас в Прошках и предлагал примкнуть к ним. Пришлось признаться, что и мы тоже кое-что делаем в этом направлении...

Вместе с разведкой прибыли связные от Корякина. Они сказали, что отряд скоро перебазируется в здешние леса.

Через несколько дней к нам пришел Дубняк с группой своих товарищей. Только сейчас мы узнали, что это была подпольная кличка Петра Мироновича Машерова. Встреча была радостной. Еще бы! Наши силы росли!

Мы подробно ознакомили друг друга с обстановкой в районах действий отрядов. Оказалось, что отряд имени Сергея тоже не имел связи с Большой землей. Правда, мы посылали связного за линию фронта. Но прошло вот уже два месяца, а его все нет.

Больше всего нас интересовал вопрос, пойдет ли отряд имени Сергея с нами на разгром гарнизона в Шкяуне. Петр Миронович выслушал наше предложение и ответил, что их отряд примет участие в этой операции.

Приближалась суббота. Отряды были в полной готовности.

— Все необходимое сделано. По нашим планам часть немцев-пограничников должна быть в субботу приглашена на вечеринку с выпивкой,— докладывал Александр Гром.— Есть основания полагать, что они порядком накачаются и вряд ли будут боеспособными. Но это побочная деталь. Главное — в расположении огневых точек. Оно нам известно.

В ночь с пятницы на субботу около двухсот партизан вышли из лагеря. Нас провожала теплая июньская ночь. Не чувствовалось даже легкого дуновения ветра. Двигались без разговоров и шума. Населенные пункты обходили. Успех зависел от неожиданности. За ночь нам предстояло дойти до Прошек: прямыми дорогами от нашего лагеря двадцать восемь километров. А если учесть, что отряду придется петлять по лесам, обходить болота, большие и малые озера, переходить многочисленные речушки, то расстояние значительно удлинялось.

Коротки летние ночи. Надо спешить. Быстро и осто-

рожно идут люди. Извилистая лента дороги смутно сереет под ногами. Ноют плечи, на них — оружие, сумки с патронами. Слышны только скрип колес, поступь лошадей да треск веток.

Из-за крон деревьев показался узенький серпик луны. Черные краски остались только в тени. В сером сумраке колышатся: голова лошади, верхушки деревьев, фигуры идущих рядом товарищей.

Когда рассвело, мы уже были возле Прошек. Стрелки часов показывали половину пятого.

После отдыха еще раз проверили оружие, боеприпасы, побеседовали с бойцами. Каждая группа получила задачу и была подробно проинструктирована. Шкяуне находилось километрах в десяти.

С наступлением темноты снова тронулись в путь. Обойдя Домоново, перед Авгулями повернули вправо. Вскоре наперерез колонне из придорожных зарослей вышли наши разведчики. Группа Александра Грома держала гарнизон под непрерывным наблюдением.

Разведчики повели боевые группы к перекресткам дорог, ведущих в соседние гарнизоны, которые следовало отрезать.

Темная ночь и отличная работа разведчиков Грома, хорошо изучивших местность, помогли всем без шума занять исходные рубежи. Насколько это было возможно, мы охватили Шкяуне так, чтобы удар был нанесен одновременно по всем опорным пунктам врага.

В черное небо взвилась ракета — и со всех сторон ударили пулеметы, автоматы, винтовки. Партизаны рванулись на улицы местечка. Их встретил редкий огонь противника. Нападение партизан было настолько неожиданным, что ни немцы, ни айзсарги не смогли оказать организованного сопротивления. Вскоре стрельба утихла. Лишь кое-где слышались автоматные очереди и одиночные винтовочные выстрелы.

Внезапно там, где находились продовольственные склады и казармы, громыхнул взрыв, взметнулось пламя. На улицах сразу стало светлее. Ребята окружили казармы, где жили айзсарги. Видя безнадежность сопротивления, они стали поспешно выходить из боя. Вскоре все учреждения немцев были в наших руках.

Пока шел бой за местечко, к северо-западу от него в засаде находились партизаны под командованием

Галима Ахмедьярова. Через некоторое время они заметили, что по зилупскому шоссе приближаются три машины. Это были немцы, спешившие на выручку шкяунскому гарнизону. Ребята насторожились. Передняя машина оказалась броневиком. Вот он уже почти рядом...

Последовали ослепительная вспышка и взрыв. Машина резко накренилась и стала. Партизаны нетерпеливо поглядывали туда, где находился командир. Немцы обогнули броневик и бегут по дороге. Два партизанских пулемета держат бегущих на прицеле. Но вот выстрел из пистолета. Огонь! Застрочили пулеметы, семь автоматов, ударили винтовки. Неожиданно для врага стал бить партизанский миномет. Немцев с дороги как ветром сдуло. Галим Ахмедьяров внимательно следил за ней. Вот одна фигура за другой бросились назад, к машинам, за бугор.

Две тени метнулись в сторону партизан. Метрах в двадцати скатились в кювет. Это было непонятно. Несколько партизан поползли к ним навстречу.

— Сдавайтесь! Обещаем жизнь!

В ответ молчание. Тогда в кювет полетели гранаты. Послышался стон. И наступила тишина. Галим Ахмедьяров сам пополз туда. Лейтенант жандармерии и солдат были мертвы. С офицера сорвали погоны, забрали оружие.

А над местечком полыхало зарево. Через несколько часов в небо взлетела ракета: сигнал отхода. Задача выполнена. Группа Ахмедьярова снялась с засады и пошла на соединение с отрядом.

В самом местечке все было кончено быстро, если не считать полицейского участка, расположенного в кирпичном здании с приспособленным для обороны подвалом. Услышав первые выстрелы, полицейские заняли круговую оборону. Попытки отряда выбить их из подвала ни к чему не привели. Чтобы избежать потерь, решили поджечь здание.

Закончив операцию по уничтожению немецкого гарнизона и всех оккупационных учреждений, мы подвели беглые итоги: рассеян гарнизон, сожжены два продовольственных склада и один вещевой, перестали существовать волостное и полицейское управления, местная почта, телефонная станция. Взято двое плен-

ных. Партизаны в полном составе вышли из Шкяуне. У нас потерь нет.

Чувствовалось уже приближение рассвета, когда отряды, сопровождая обоз трофеев, вышли из местечка. На возах были винтовки, пулеметы, боеприпасы, обувь, форменная немецкая одежда, кожа для подошв, около двадцати тонн сахару, деньги, табак и медикаменты.

Паспорта и списки тех, кого фашисты собирались угнать в Германию,— сожгли.

В лесу возле Прошек решили провести дневку. По данным разведки, немцев вблизи не было. Можно и отдохнуть. Позже население местечка и окрестных деревень рассказывало, что немцы восприняли разгром гарнизона как нападение десанта Красной Армии.

Под кустами, на траве у лесных тропинок лежат усталые партизаны. Вот, крепко сжав руками винтовку, спит огромного роста мужчина. Шапка нахлобучена на глаза, чтобы было темно. Из-под телег торчат во все стороны ноги в сапогах, ботинках, а то и в изрядно поношенных туфлях.

Только не спят часовые, они вслушиваются в лесные шумы.

— Теперь можно и поразвлечься,— объявил во второй половине дня комиссар, когда все отдохнули.

Ребята зашевелились, сдвинулись в кружок. Тихая песня полилась над лесом. Хрипловатые басы пожилых партизан переплетались с чистыми голосами молодых.

— Эх, ма! Тряхнуть, что ли, стариной, братцы! — поведя плечами, крикнул темпераментный Саша Бокий.

Появился он у нас недавно, и никто толком не знал, откуда он и что делал до войны. Знали только: Бокий — костромич. Всегда, когда речь заходила о Костроме, он вздыхал и грустно улыбался.

— Не пойте такие песни, братцы, а то плакать хочется.— И Саша выразительно всхлипнул.

Все повернули головы к нему, ожидая, какое он еще выкинет коленце.

А Саша стал расстегивать пуговицы пиджака, развязывать узел темного галстука в горошинку.

— Смотрите, что делается,— удивились партизаны, глядя на Бокия.

А тот быстро снял с себя пиджак, галстук, рубашку, бросил их в траву... И тут все увидели, что на нем надет другой пиджак, другая рубашка и галстук. Так Саша молча сбрасывал с себя один костюм за другим. Вот перед ним уже порядочная гора вещей. И как это он ухитрился все на себя надеть?

— Ловкость рук! — объявил Саша, когда номер с раздеванием был закончен.

— И никакого мошенства? — спросил кто-то.

— Мошенство, друг мой, было раньше,— подмигнул Бокий.

— Вот это здорово!

— Ну и фокусник!

— Давай, друг, покажи еще что-нибудь! — раздались голоса.

Бокий задумался на мгновение, а потом азартно тряхнул головой.

— Была не была, хлопцы! Смертельный номер...

Он помолчал. В лесу установилась напряженная тишина. Все ждали, что будет. Саша повернулся ко мне:

— Товарищ командир, у вас есть часы?

— Есть,— ответил я.

— Если разрешите, ваши часы сейчас исчезнут совершенно незаметно.

Я покосился на часы. Они были на месте.

— Ну что ж, попробуй...

Бокий стал рассказывать какую-то историю. Но я, признаться, не слушал, а все время следил за часами.

— Где ваши часы, товарищ командир? — внезапно спросил Саша.

Я поднял руку, но часов на ней не было! А Бокий невозмутимо подозвал к себе одного из зрителей.

— Нехорошо, братец, воровать часы, нехорошо! Я пошутил, а ты воспользовался случаем и утащил... Нехорошо!

— Да ты что? Не брал я,— смущенно отвечал молодой партизан.

— Вот видишь, какой ты плохой человек. Нет того, чтобы признаться и раскаяться. Так еще и отпираешься. Что у тебя в карманах?

Партизан стал выворачивать карманы. В одном из них оказались часы. Саша с поклоном преподнес их

мне и извинился. А партизаны восторженно аплодировали.

Один за другим стали показывать свои способности другие. Читали стихи, пели, лихо отплясывали.

А в это время происходило вот что. Опомнившись после ночного боя, немцы и айзсарги собрали подмогу в соседних гарнизонах и начали погоню.

По следам, отчетливо видным на песке, крупный отряд гитлеровцев стал догонять нас. Немцы и айзсарги вошли в Прошки. Но деревня встретила их пустыми улицами.

В двери дома старосты Бориса Борисовича Прошко бесцеремонно забарабанили чьи-то кулаки.

— Открывай, свинья!

В сени ввалился айзсарг и потребовал:

— Чтобы через тридцать минут была подвода! Да пошевеливайся быстрей! А не то...

Делать нечего. Кряхтя и охая, что, мол, и лошади теперь не лошади да и людей нет, Борис Борисович побрел организовывать подводу. Зашел в дом Петра Фроленка.

— Знаешь что? — тихо заговорил староста.— Немцы гонятся за партизанами. Приказали мне дать им подводу. Видимо, пулеметы повезут. Ничего я не мог придумать иного, как посадить их на твоего «пинтюля». Любой ценой они не возьмут с него большой рыси. Да и человек нужен такой, чтобы не подгонял. Так что лучше тебя никого найти не мог. Запряги кое-как да и в дороге повозись с упряжью, чтобы наших не догнали...

Пока староста и Петр обсуждали, что и как сделать, Женя Фроленок лихорадочно думала, чем помочь партизанам. Внезапно в ее голове возник другой, как ей казалось, еще более надежный план.

— Сестра! — позвал Петр.— Сходи-ка за конем.

Женя надела длинный в клетку сарафан, подвязалась куском старого бинта, накинула на голову большой, свисавший до земли платок и вышла на улицу, волоча за собой уздечку. Брат предупредил, чтобы сестра шла за конем огородами, но она не послушалась.

На перекрестке стояла толпа немцев и айзсаргов. Женя направилась к ним.

— Девочка,— остановил ее айзсарг, хорошо гово-

ривший по-русски,— где же ваши люди? Куда ни зайди, никого дома нет.

— Люди попрятались,— ответила Женя, наивно и доверчиво глядя на айзсарга.— В деревне было очень много партизан, так все мужчины спрятались.

— А что, они вас грабили?

Вокруг Жени стали собираться карателя.

— Если грабят, это еще не так страшно,— спокойно ответила девушка.— А вот, говорят, если кто из мужчин с ними не пойдет, тех стреляют.

— А ты сама, девочка, видела партизан?

— Видела,— кивнула головой Фроленок.

Толпа придвинулась к Жене. Подошло несколько офицеров.

— Ну, а какие они собою?

— Разные.

— Страшные? Бородатые?

— Нет, не бородатые и не страшные.

— А какая у них одежда?

— Всякая. Как носят в деревне.

Двое в немецкой форме стояли в стороне и о чем-то говорили. Спрашивающий айзсарг показал на них.

— В такой одежде были?

— Когда туда шли,— Женя показала в сторону Шкяуне,— не были, а оттуда — были.

— А какое было у них оружие?

— У них не было оружия...

Двое, что стояли в стороне, что-то сказали айзсаргу, и тот, разрядив винтовку, показал Жене:

— Такие у них были?

— Да, да! Такие были,— как бы спохватившись, заговорила девушка.— И еще другие.

Она взяла винтовку, наклонила ее над землей, приставила у мушки два растопыренных пальца, изображая ножки ручного пулемета, и пояснила, что таких винтовок было много.

Потом айзсарг взял карабин.

— А такие были? — спросил он.

— И такие были. Только у них вот здесь,— Женя показала на ствол,— толстое железо с дырками. А вот здесь, внизу, круглая баночка.

Айзсарг повернулся к двум стоявшим в стороне и сказал по-немецки:

— Русиш автоматс...

Дальше Женя ничего не поняла. Догадалась, что допрашивающий ее айзсарг — переводчик, а стоявшие в стороне два немца — самые здесь старшие. И хотя они ближе не подходят, но внимательно слушают, что говорит эта, простоватая на вид и словоохотливая русская девушка.

— А много таких у партизан было? — снова повернулся к ней айзсарг.

— Вот таких было много, почти у каждого,— не моргнув глазом, ответила Женя.

— Что же у них было еще?

— Ну, были,— как бы силясь припомнить, поморщила лоб Женя,— у каждого вот такие, с кулак, подвешенные у пояса на ремнях и в карманах.

На вопрос, что еще видела девушка у партизан, Женя немного помедлила, а потом пригнулась и показала, как бы определяя высоту, что было еще что-то, чего и сама рассказать толком не умеет, но толстое, короткое, на двух колесиках, а посредине такой вот щиток.

— И много таких было?

— Нет. Таких немного. Мальчишки насчитали только двенадцать.

— И еще видела,— добавила Женя,— ну, такая жердь, длинная и толстая, на больших колесах, как у автомобиля. На лошадях везли.

— А сколько таких было?

— Только одна.

Затем каратели спросили, сколько было партизан.

— Много-премного! — ответила Женя.

— А все же сколько? — не отставал айзсарг.— Скажи хоть приблизительно.

Но этого Женя сказать не могла. Уперлась, и только. Она просто не знала, какую цифру лучше назвать. Тогда переводчик показал на толпу немцев и айзсаргов, что находились на улице, и спросил:

— Их столько было, сколько здесь наших?

Женя пристально всмотрелась в толпу и прикинула, что на улице находится человек сто. Затем медленно проговорила:

— Н-нет, не столько. Больше.

— Во сколько раз? — поинтересовался переводчик.

— Раза в три,— уточнила Женя.

Переводчик и немецкие офицеры переговорили о чем-то между собой, затем спросили:

— А куда ты, девочка, идешь?

— За конем, брат мой вас подвозить будет,— ответила Женя, показывая на уздечку.

— Иди домой, лошадь нам не нужна,— распорядился переводчик.

Вскоре раздалась команда и немцы с айзсаргами оставили деревню, но пошли не в сторону Красова — вслед за партизанами, а на Освею вокруг озера через Совейки.

Так юная патриотка, рискуя жизнью, отвела удар от партизан. Об этом мы узнали гораздо позже, от самой Жени. А пока спокойно ожидали вечера в лесу у деревни Прошки.

Когда раздалась команда готовиться к походу, уже смеркалось. Отряд скрытно двигался к лагерю. Нам предстояло пересечь шоссе Себеж — Освея. Однако надо было сначала разведать, нет ли там засады.

На опушке леса, в трех километрах от Красова, мы остановились. Решили дождаться полной темноты и доклада разведки. Тем временем я собрал командиров, чтобы обсудить план перехода шоссе и предусмотреть неожиданности. Пока мы разговаривали, уже стемнело. В это время с поста, выдвинутого к деревне Красово, сообщили, что ими задержан велосипедист, который хочет увидеть командира отряда. Пришлось выйти к нему навстречу.

Велосипедист оказался знакомым. Это был освейский фельдшер Толкачев.

— Что пожаловал к нам? — спросил я.

— Меня прислал к вам Владимир Симацкий и велел лично вам передать, что между озером и Василевщиной этой ночью для вас будет сброшен груз с самолета,— ответил Толкачев.— Симацкий просил, чтобы вы направили туда отряд для приема и охраны груза.

— Все? — осведомился я, рассматривая курьера.

— Все,— ответил фельдшер.

— Благодарю за сообщение, но с Симацким я не знаком. Слыхал, что есть такой в Освее, немцам продался. А чем нам следует заниматься, мы и сами знаем. Так что, дорогой, проваливай отсюда, да побыстрее, пока мы тебя не арестовали. У нас это быстро делается.

— До свидания! — торопливо попрощался фельдшер, садясь на велосипед.— Мое дело передать. А вы как знаете.

Вся эта история была очень подозрительна. Во-первых, Толкачев был известен, но в связных у нас не числился и вряд ли должен был знать о существовании связи между отрядом и Симацким. Во-вторых, откуда Симацкий мог знать, где мы находимся? В-третьих, как попали к Симацкому сведения о грузах для нас, если в центре о нашей с ним связи ничего не известно? И в-четвертых, нам очень не нравилась местность, названная фельдшером: настоящая мышеловка.

Может быть, вся эта история подготовлена немцами, чтобы нас ликвидировать?..

После обсуждения решили послать в названное место разведку. Из нашего отряда Г. Лукашонка, А. Козловского, Л. Баленко, В. Лукашонка, И. Смирина и В. Вестенберга. Из сергеевского отряда тоже несколько человек. Разведчикам было дано задание действовать скрытно, ни в коем случае себя не обнаруживать.

Неприятные сведения принесла и группа обеспечения безопасности нашего движения. В том месте, где мы должны были пересекать шоссе, у деревни Кострово, немцы устроили засаду. Очевидно, враги успели собраться с силами и предпринять против нас ответные действия. Обойти засаду стороной не представляло бы особого труда. Но с нами был обоз, который мы не хотели бросать. Пробиваться с боем — значило нести потери.

Надо было искать другое решение.

По данным, которые спешно собрали у населения, стало ясно, что немцы организовали засады почти на всех перекрестках дорог, по которым наш отряд мог пройти на базу. Но враги знали местность плохо. После тщательного изучения обстановки мы все же нашли лазейку.

Переправившись через реку в Игналине, отряды прошли по бездорожью вдоль берега Освейского озера несколько километров к югу. Места были довольно болотистые, опасные, но обоз удалось провести. Южнее деревни Нижнее Любасно мы пересекли шоссе. Немцев здесь не было. Они продолжали караулить нас у Кострова, километрах в четырех отсюда. Другая засада

была южнее, километрах в пяти, на пересечении дорог Освея — Лисно и Себеж — Стрелки.

Уже начинало светать, когда наша колонна скрылась в лесном массиве возле деревни Городиловичи. Здесь отряды расположились для отдыха и выяснения обстановки. Численность карателей, которые охотились за нами, была неизвестна. Дальнейшие их планы также оставались загадкой. Особенно нас волновал вопрос: знают ли враги расположение партизанского лагеря? В связи с этим возникал другой вопрос — можно ли двигаться к себе «домой», как мы называли стоянку за Лисно, или следует искать другое пристанище?

Обоз очень затруднял нашу маневренность.

Некоторые предлагали уйти на новую, временную стоянку и пробыть там до окончания карательной экспедиции. После ухода немцев можно будет вернуться на старое место.

Однако большинство командиров и партизан решило, что надо сразу двигаться в свой лагерь.

— Немцев там не будет. Они не смогут найти нашу стоянку,— убеждали сторонники возвращения «домой».— В крайнем случае, мы заранее узнаем об опасности и изменим маршрут.

Решили идти «домой». Это было опасно. Обоз находился под угрозой. Так хорошо проведенная в Латвии операция могла плохо закончиться в своих лесах. Но что сделаешь?

Осторожно подошли к Лисно. Немцев там не оказалось.

— Вот видите,— говорили сторонники возвращения на старую стоянку,— немцев здесь нет. Они и не догадываются, куда мы пойдем.

Пока партизаны завтракали, разведка выяснила обстановку.

Сведения оказались не очень утешительными. После разгрома гарнизона в Шкяуне немцы всполошились. Срочно был собран карательный отряд около девятисот человек. В основном это были кадровые военные. Фашистские офицеры решили применить нашу тактику: организовать засады. Они блокировали все дороги у Освейского озера, проходы между озерами Негерица, Лисно и Белое. Короче говоря, на всех подходах к деревне Рудня были немецкие подразделения.

Врагам удалось нащупать район, где находился наш лагерь.

Просидев всю ночь в засадах, фашисты к утру обнаружили, что мы обошли их. Тогда подразделения, стоявшие на пересечении дорог у лисненского озера, спешно перебазировались в Рудню. Рядом наш лагерь. Почти все жители этой деревни знали, где расположена наша база.

Немцы стали искать себе проводника. Но все, к кому они обращались, только удивленно пожимали плечами и отвечали, что ничего не слышали о партизанах. Фашистские молодчики настаивали, угрожали расстрелом. Но руднянцы упорно отказывались вести. Тогда каратели решили прочесать окрестные леса. Машины укатили в Себеж.

Но один карательный отряд, насильно взяв с собой проводника из Рудни, все же отправился на поиски.

Хмуро и неприветливо встретил незваных гостей сосновый бор. Медленно двигалась колонна. Враги искали партизан и вместе с тем побаивались встречи с ними. Еще ни один солдат не сталкивался в бою с народными мстителями.

Глухими тропами ведет немцев Исаак Филиппович Терехов. Он кружит, петляет... Немецкие офицеры то и дело поглядывают в карту, на компас, но ничего путного установить не могут. Кругом — одни сосны, такие похожие друг на друга, повороты тропинок, перекрестки, которых нет на карте и которые так трудно запомнить. Такие же тревожные, как шум сосен, бродят в голове мысли у старого колхозника. Где-то совсем рядом партизанский лагерь. Надо незаметно провести врагов мимо, чтобы они больше не возвращались сюда. Ведь если сами начнут шарить, то могут найти партизан. Можно бы и удрать в непролазную чащобу, да опасно, догадаются, что они здесь.

Что же предпринять?

Проблуждав порядочное время, капитан, командир немецкого подразделения, потребовал вести отряд в Лисно. Каратели злобно поглядывали на Терехова, что-то лопотали. Он понял только одно слово, которое осталось в памяти с давних времен: цушиссен — расстрелять. Старик знал, что грозит человеку, который не пошел на предательство. Решение созрело быстро. Ко-

гда отошли на несколько километров от лагеря, Терехов рванулся в сторону.

Какое-то мгновение немцы растерянно глядели ему вслед, но и этого оказалось достаточно, чтобы скрыться за стволами сосен и елей. Густой лес почти не просматривался. Фигура проводника несколько раз мелькнула в просветах и исчезла. Трассы автоматных очередей хлестнули ему вслед, но на их пути стояли мощные стволы деревьев.

Об этом мы узнали позже. Теперь же старались выяснить обстановку. Из Малашково пришли связные и рассказали, что вчера группа фашистов из карательного отряда остановилась у них на ночлег.

Каратели выставили посты и занялись конфискацией продуктов у населения.

Внезапно у въезда в деревню со стороны Кобыльников послышалось несколько выстрелов. Фашисты всполошились, бросились туда. На дороге лежали трое убитых, в стороне стояла запряженная в телегу лошадь. В повозке мешок с хлебом. Это были партизаны Семен Боборыкин, Пимхоз Солитан и Синютин, которые собирали у населения хлеб для партизан. Они, видимо, не предполагали, что в Малашкове могут быть враги, и без всяких предосторожностей въехали в деревню. Немецкий пост встретил их огнем. Фашисты палили с перепугу.

Суровым молчанием встретили ребята сообщение о гибели своих товарищей. Встали, обнажили головы.

— Поплатятся, гады! — прозвучал в тишине чей-то голос.— Только бы встретиться!

Мы рассчитывали, что противник из Рудни уйдет в Себеж. Вряд ли фашисты будут нас ждать в руднянских лесах. Но из осторожности было решено выслать вперед боевой дозор из тридцати человек под командованием лихого взводного Михаила Кузьмина.

— Задача тебе такая,— сказал я.— Разведай километра два и, если все в порядке, присылай связного. Сам двигайся дальше. Если обнаружишь врага, постарайся устроить засаду и встретить его достойно. После короткого боя отрывайся и делай вид, что заходишь в тыл. Сам возвращайся к отряду. Ясно?

— Так точно, товарищ командир,— четко ответил Кузьмин.— Разрешите выполнять?

Старший лейтенант Кузьмин пришел в отряд в период его организации. Оказавшись в тылу врага, Михаил начал пробиваться к линии фронта. Прошел почти всю Латвию и на стыке с Белоруссией узнал, что в Освейском районе появились партизаны. В деревнях рассказывали о взрывах мостов, о сожженном льнозаводе. Но найти отряд было нелегко. Некоторые местные жители знали, конечно, где он располагается, но дорогу не показывали.

Из разговоров и рассказов людей Кузьмин сделал вывод, что партизаны находятся где-то у Лисно. Так он и оказался недалеко от отряда. Однажды связные сообщили о человеке, который ищет партизан. Мы встретились с ним, поговорили, проверили, насколько это было возможным, и приняли в отряд.

Итак, Кузьмин со взводом отправился на задание. Как только разведчики покинули своих, они рассредоточились и стали продвигаться скрытно по краям дороги. Через некоторое время идущие впереди услышали шум. По дороге двигалась масса людей. Это оказались немцы. Разведчики быстро залегли.

Каратели шли в Лисно. Это был тот самый отряд, который искал наш партизанский лагерь у деревни Рудня и от которого сбежал Терехов. Немцы, видимо, не ожидали встречи в лесу с партизанами, тем более на дороге, и потому шли без всяких предосторожностей, даже без передового охранения.

Что значит непуганые немцы в первые дни вооруженных столкновений с партизанами!

А у наших разведчиков были с собой даже станковые пулеметы. Их успели установить на выгодные позиции. И пулеметчики ждали команды. Каратели все ближе, ближе...

— Огонь!

Партизаны ударили из всех видов оружия. Первыми же очередями головная колонна немцев была срезана. Остальные рассыпались и открыли ответный огонь. Вступили в бой вражеские минометы. Мало-помалу растерянность фашистов прошла, и они приняли боевой порядок. Огонь с их стороны усилился.

Разведчики быстро вышли из-под обстрела. В этой стычке партизаны не потеряли ни одного человека. Немцев же полегло немало. Дальше все развивалось

так, как мы и предусматривали. Ребята сделали маневр, показывающий, будто они заходят в тыл карателям, и скрылись в лесу.

В это время в Лисно услышали стрельбу и приняли меры для встречи противника. Обоз отослали в сторону от места предполагаемого боя и замаскировали. Взвод Галима Ахмедьярова развернулся вдоль южного берега озера Лисно. Такое расположение мешало противнику обойти деревню вдоль берега. Кроме того, с этого места было удобно простреливать дорогу.

В южной части деревни находился мост через болотистую речку Свольну. Южнее моста начинались топкие болота, севернее — большое озеро. Противник мог пройти только через мост. Именно в этом месте были сосредоточены наши основные силы. С ручными пулеметами здесь залегли Имант Судмалис, широкоплечий молодой латыш, и Василий Лукашонок.

Судмалиса привели к нам прошковские комсомольцы, он попросил принять его в отряд. Одет был в добротный костюм, на нем была рубашка с галстуком. Это нас насторожило: что-то больно чист для наших нелегких времен. Латыши и Александр Гром его не знали в лицо, хотя и слышали о нем. Поговорили с ним, но ничего особенного не выяснили. В доказательство того, что он может быть полезным человеком, Имант сказал, что владеет немецким языком и способен подделать любой документ.

Это еще больше насторожило нас. Началась проверка. Через Грома установили его личность.

До войны Имант был секретарем одного из уездных комитетов комсомола, членом ЦК ЛКСМ Латвии. Оказавшись на оккупированной территории, он попытался создать подполье. Но на первых порах возникли большие трудности. Немцы и айзсарги бдительно следили за каждым человеком. Иманта многие знали, и оставаться в Латвии стало невозможно. Поэтому он перешел в Белоруссию и начал искать партизан.

У нас Судмалис стал пулеметчиком. Отличался он мужеством и необычайной выносливостью. Обычно он брал с собой ручной пулемет, винтовку и много боеприпасов. Весь этот груз Имант носил легко.

Теперь Судмалис, расставив ножки пулемета, следил за дорогой. На гребне холма, с которого спускалась

дорога, показались немцы. Они опять шли беспечно, считая, видимо, что разогнали партизан. Однако не тут-то было!

Подойдя к мосту, фашисты неожиданно для себя попали под плотный огонь наших пулеметов, автоматов и винтовок. Враг оказался в таком положении, что не имел возможности развернуться для боя. Немцам пришлось действовать на очень узком участке.

Несколько оправившись, они пошли в атаку. Однако интенсивный ружейно-пулеметный огонь отбросил их к пригорку. Сверху немцам было удобнее стрелять. Но партизаны подготовили для себя неплохие укрытия. Вражеские мины хотя и рвались в нашем расположении, но не причиняли особого вреда.

Позиция Иманта находилась тут же, у церкви, метрах в пятнадцати от дороги. Ему была поставлена задача — не пропускать врага по дороге. Не обращая внимания на разрывы мин и свистящие пули, Судмалис стрелял, прильнув к пулемету. Атаки следовали одна за другой, хотя после каждой из них на подступах к Свольне оставались вражеские трупы.

— Патроны, патроны! — изредка выкрикивал Имант, и его пулемет хлестал по врагу очередями горячего свинца.

— Товарищ командир! Комиссар передает, что патроны кончаются,— услышал я голос ближайшего ко мне партизана. Взглянул на циферблат часов: бой длится два с половиной часа.

Подали сигнал отхода. Прикрываясь складками местности, партизаны начали перебегать к лесу. Имант Судмалис отходил последним. Это было открытое место, простреливаемое противником. Но Судмалис то и дело оборачивался и, припав на колено, стрелял из пулемета. Слева от него, с берега озера, вел огонь боец взвода Ахмедьярова Фаддей Волков. Когда все партизаны собрались в лесу за Лисно, Волков еще продолжал стрелять. Он не ушел с занимаемой позиции, хотя и получил сигнал отхода. С большим трудом немцам удалось окружить пулеметчика и забросать его гранатами.

В это время над Лисно появились три вражеских самолета, вызванные, очевидно, по радио, и принялись бомбить наши позиции. Бомбы падали туда, где уже никого не было.

Постепенно все стихло. Обнаружив, что партизаны ушли, каратели поднялись с земли и со всеми предосторожностями направились в сторону Освеи. Они так спешили, что не заглянули даже в деревню, сожгли лишь попутно шесть домов, стоявших у дороги. Преследовать партизан они не решились. На подводах, покрытых брезентом, везли убитых. Стонали в открытых повозках раненые. Это были их «боевые трофеи».

Мы же, взяв с собой обоз, пошли в обход озерца Страдное и через деревню того же названия быстро добрались до Латыгова, а от него к деревне Ардавская. В лесу решили остановиться на ночевку. Отошли мы не далее семи километров от места боя. Расставили посты, начали готовить ужин. Наиболее выносливых послали на поиски отставших. Отход был быстрым и поэтому не все успели собраться.

Постепенно подошли все. Люди устали, многие были мокрые — отступая, пришлось вплавь преодолевать Свольну, пробираться болотами. Партизаны из взвода Ахмедьярова отходили вброд и вплавь через лисненское озеро.

Когда появилась наша медсестра Лида Павловская, нельзя было удержаться от смеха, хотя все очень уважали ее за неоднократно проявленную храбрость. Она пришла в лагерь босая и без платья, в одних трусиках. При отходе на берегу Свольны сбросила с себя одежду, оставила ее там, а сама переплыла.

Ребята смеялись от души, расспрашивали ее, как это она успела раздеться под огнем противника. К счастью, в обозе нашлась женская одежда, в которую и нарядили Лиду.

Недосчитались мы тогда только Фаддея Волкова и Михаила Кошелева. Михаил находился со взводом Ахмедьярова. Ребята видели, как он бросился вплавь через озеро и исчез в камышах. Мы с грустью предположили, что он утонул. Но на следующее утро Кошелев явился. Он, оказывается, и не собирался тонуть, просто очень устал и решил переночевать в деревне.

Вернулись из-под Василевщины и наши разведчики. Вид у них был — нарочно не придумаешь: мокрые, в грязи с ног до головы. Вытирая потное лицо, Григорий Лукашонок стал рассказывать.

Разведчики, как и следовало, действовали осторож-

но. У Василевщины оставили четырех наблюдателей, где фельдшером была обещана выброска груза. Шесть человек пошли к берегу озера в район Милевщины. В случае появления самолета, оттуда тоже все будет видно. Партизаны рассчитывали, что на лес груз вряд ли будут сбрасывать. Сбросить могли на поле, недалеко от озера. Возле Милевщины организовали наблюдение. Место было выбрано с расчетом на скрытый отход кустарником к лесу или к озерным камышам. В самой деревне договорились с парнишкой, чтобы тот наблюдал за противником и, если что-нибудь увидит, немедленно сообщил.

Среди ночи к ним прибежал этот парнишка и рассказал, что появились немцы. Движутся в район нашего наблюдения. Нужно было спешно уходить. Разведчики просидели в камышах всю ночь, но никакого самолета не было. На рассвете осторожно пошли дальше. Когда отошли с километр от Милевщины, Григорий посмотрел в бинокль и увидел, что фашисты начали прочесывать лес. У Красово партизаны вышли на берег и отправились на соединение со второй группой. Четыре человека, что остались у Василевщины, попали в более тяжелое положение и еле выбрались: кругом были немцы.

Обе группы встретились возле Лисно.

— Ваше задание выполнено, товарищ командир,— закончил Лукашонок.— Потерь почти нет. Только одну винтовку нечаянно утопили в камышах...

Похоже, что все это было затеяно немцами. К сожалению, следствия тогда по этому делу мы не провели: было много других хлопот.

Снова заскрипели подводы, послышались веселые голоса. После двух успешных боев смелее и тверже шагали партизаны.

Отряд двигался на новое место стоянки.

ДРУГИЕ ЗАБОТЫ

Утро было удивительно тихое, ласковое. Пряный запах земли, согретой солнечными лучами, плыл по лесу.

— Люблю я вот так на зорьке рыбку половить. Шалашик на бережку, ушица в котелке кипит, выплескивается на угли... Хорошо!

— А тут тебе бутылочка, на удочке привязанная, в водичке плавает...

— Бывали деньки!

— Чего ж ты, Степан, огорчаешься? Шалаш у нас есть и костер, само собой, имеется. Речка Пижевка под боком. За чем же остановка? Лови себе рыбку и наслаждайся.

— Без «московской» не та ушица...

— А я бы любую сейчас съел и косточек не оставил.

Так говорили между собой трое партизан, лежа на полянке в невысокой траве. Метрах в десяти, в гуще леса, виднелся свежесложенный шалаш. Пахло чем-то вкусным.

— Кашу варят,— определил любитель рыбалки.

— Как в мирное время...

И в самом деле, ничто не напоминало, что сейчас идет война и не далее чем в десяти километрах отсюда шныряют немцы. Тихо, задумчиво стояли сосны и ели. Где-то далеко гитлеровские полчища рвались в глубь нашей страны, и с ними вели ожесточенные бои части Красной Армии.

А здесь...

Тихо, мирно кипит в котле на кухне каша. Да, пожалуй, только усталые и обросшие лица людей, лежащих под деревьями, и трофейные автоматы, повешенные на суки и просто прислоненные к стволам деревьев, свидетельствовали о том, что и здесь — война.

Партизанский лагерь еще не успел обжиться. Для

людей это место приспособлено не было, но зато соответствовало важнейшей задаче — видеть врага первым. Вокруг стоянки все хорошо просматривалось сторожевыми постами. Ближайшее урочище Щуны, где когда-то были хутора, находилось километрах в трех. Дороги были не ближе.

К юго-западу раскинулись болота.

Все оборудование бивуака состояло пока из двух шалашей: один для больных, другой для продуктов.

— Хватит загорать,— объявил подошедший посыльный,— начальник штаба вызывает.

Трое партизан привычно взяли оружие и направились к дереву, под которым располагался штаб. Там уже собирались бойцы, которым предстояло перебазировать старый лагерь.

Штабом руководил Алексей Трофимов. Он сидел на пне, а все остальные — на траве. Подошедшие пристроились рядом.

Трофимов порылся в карманах, извлек какую-то бумажку и прочитал по ней фамилии партизан, которым предстояло ехать на старую базу, отметил, кто прибыл.

— Заберете все имущество,— сказал он.— Особенно отвечаете за боеприпасы и оружие. Помните, нельзя оставить ни одного патрона! Всех людей перевести сюда. Разрушать ничего не надо, может пригодиться. Старшим группы назначается Михаил Родионов.

Трофимов встал. И тотчас встали все, кто здесь был.

— Задача ясна, товарищи?

— Так точно! — ответил Родионов.

— Значит, так: бери повозки и айда, Михаил. Будь здоров,— уже совсем неофициально попрощался Трофимов.

— А как же каша? — нерешительно спросил Степан Семенчук, любитель рыбной ловли.

— Поедим, конечно, и в путь. А уха — за тобой!

К вечеру группа Родионова благополучно добралась до старого лагеря. Все, кто там был, радостно высыпали навстречу. Начались расспросы: «Ну, как там?.. Заждались вас».

Когда отряд был на операции, в лагере оставалось только несколько стариков, женщин и больных. Для охраны имущества и людей были оставлены двенадцать партизан под командованием Андрея Есипова.

— Мы уж и не знали, что думать,— говорил Андрей.— Третий день ждем, а никого нет. Ни слуху ни духу... И трое наших хлопцев не вернулось — Боборыкин, Солитан и Синютин из сергеевского отряда. Все еще ждем.

— Нету их...— тихо сказал Степан и снял шапку.— Нарвались на немцев...

Все молча обнажили головы.

— Мы тут тоже чуть концы не отдали. Большие силы немцев прошли совсем рядом... Как они нас не обнаружили, просто непонятно.

Когда все было погружено на телеги, бойцы последний раз оглядели свое пристанище.

— Прощай, обжитый лагерь...

Сколько еще раз партизанам предстояло менять лагеря, привыкать к ним, родниться с каждым кустиком, с каждой раскидистой ветвью! Кочевая, беспокойная партизанская жизнь... Приходишь усталый, измученный после боя, и кажется тебе, что жесткая лесная трава лучше любого матраца. Только бы коснуться ее, кинув себе под голову вместо подушки шапку. А если дождик? Прижмешься к теплому сосновому стволу... Конечно, промочит! Но все равно мил тебе партизанский «дом», пусть даже в нем нет крыши. Мил тем, что здесь твои товарищи, друзья и братья по духу и крови.

На берегу Пижевки, маленькой речушки со смешным названием, собирались партизаны, чтобы отдохнуть, привести себя в порядок, поговорить о будущем...

— Чижик-пижик, где ты был? — пропел весельчак Саша Бокий.— Имя Пижевка произошло от чижика-пижика, наверное,— добавил он.

— Не чижик-пижик, а чижик-пыжик,— поправил Сашу какой-то знаток.

Однако спор не успел разгореться, так как комиссар Петриенко повел речь о другом.

Кратко подвел итоги проделанного. Кроме того, надо было подумать над будущим. Оно рисовалось, мягко говоря, не совсем четко. Всем было ясно, что действовали мы правильно. Боролись с врагом. Но какого-либо плана, согласованного с армией, у нас не было.

Вместе с тем мы понимали, что в нашей борьбе должна быть такая согласованность.

— Надо нам, товарищи, связаться с Большой зем-

лей. Условия сейчас для этого подходящие: лето. Кроме того, сила у нас уже настолько велика, что действовать в одиночку мы не имеем права. Наш отряд должен стать частью всего сражающегося народа, разумной его боевой единицей, действующей согласованно с вооруженными силами. В обмундировании и боеприпасах мы пока не нуждаемся, продукты у нас тоже есть. Но нет рации, газет, брошюр, книг. Мы хотим знать, что делается сейчас на фронтах, как живет наш народ в тылу. И должны рассказать об этом населению района. Совершенно, товарищи, необходимо установить связь с Витебским обкомом партии,— как бы вслух размышлял Петриенко.— Попытка установить такую связь была предпринята еще в период организации отряда, в конце 1941 года. Но она оказалась неудачной. В январе учитель Дединской семилетней школы Лавриненко вместе с женой согласился перейти линию фронта, чтобы установить связь. Подпольная партизанская организация оформила им необходимые документы. Товарищи отправились. Но до сего времени их нет...

Партизаны внимательно слушали комиссара. Каждый из них готов был пойти на опасное задание.

— Теперь опять придется посылать кого-нибудь для связи. Но сейчас мы пошлем маленькую группу. Рискнем еще раз...— Комиссар помолчал и решительно добавил: — И будем рисковать до тех пор, пока не установим связь. Это нужно!

После собрания, когда начало темнеть, мы вызвали к себе Михаила Родионова и Андрея Есипова, недавно вернувшихся из старого лагеря.

— Пойдете?

Партизаны молча кивнули в ответ.

— Задание у вас нелегкое,— сказали им.— Надо перевести через линию фронта несколько стариков и детей партизан. Их оставить в советском тылу, а самим искать Витебский обком и ЦК Компартии Белоруссии. Все передать о наших делах, получить указания и возвратиться обратно. Как вы сами понимаете, идти придется очень осторожно. Маршрут такой. Смотрите...

Партизаны наклонились над схемой. Лучик карманного фонарика выхватил из темноты белый листок бумаги. Длина маршрута составляла более двухсот километров.

Группа Родионова ушла настолько незаметно, что об этом событии никто даже не догадывался.

Дорога на восток... Дорога туда, где встает солнце. Нелегок путь по лесным тропам и проселкам. Пешеходу обычно всегда помогают люди. А сейчас?.. Сейчас лучше меньше их встречать. Смерть и страдание принесли с собой враги на нашу землю. Всякая нечисть и дрянь всплыла на поверхность. Предателей не так уж много, но попробуй угадай, кто перед тобой?

Рисковать нельзя. Надо сохранить людей, которых сопровождает маленький отряд, пересечь линию фронта и связаться с ЦК.

Родионов вел товарищей от деревни к деревне, ночуя в лесу. Иногда делали привалы у тех, кому, несмотря на осторожность, верили.

Рассвет. Солнечные лучи с трудом проникают в чащу. Деревья как бы расступаются навстречу золотому потоку. Из-за стволов стали просматриваться крыши хат. Это была русская деревня Хвошня. Разузнав, нет ли немцев и полицейского поста, маленький отряд вошел в нее. У околицы несколько крестьян рассказали, что бургомистр вместе с полицаями отобрал у них почти весь скот и передал его немцам.

Родионов и Есипов переглянулись. Они поняли друг друга. Крестьяне показали, где живет предатель. Его вывели за деревню.

— Именем советского народа за службу врагам и грабеж народа ты приговариваешься к смертной казни...

Сухо прозвучал пистолетный выстрел.

Маленький отряд продолжал путь к линии фронта. Осторожность и осторожность. Сейчас это главное оружие.

Пока группа Родионова выполняла задание, в партизанском отряде дела шли своим чередом.

Освея... Самый северный районный центр Белоруссии. До революции это было маленькое местечко, возникшее когда-то на большом торговом пути к древнему Полоцку. В годы Советской власти оно росло, превратилось в красивый поселок на берегу большого Освейского озера.

Теперь здесь хозяйничают фашисты.

С первых же дней оккупации района в Освее рас-

положился вражеский гарнизон. Численность солдат постепенно увеличилась до роты. В домах поселка разместились отряд полицейских, СД, комендатура, районная управа и множество разнообразных учреждений, порожденных оккупационным режимом. Фашистов и их приспешников набиралось немало. Все они чувствовали себя здесь в относительной безопасности. Хотя в районе и появились партизаны, но на гарнизон в городском поселке не нападали — слишком неравными были силы.

Взгляните на карту, и вы увидите, как надежно защищена Освея. С севера и востока — озеро шириной в шесть и длиной в двенадцать километров. С запада проходит граница с Латвией, которую тщательно охраняют немецкие гарнизоны. С юга открытые поля позволяют далеко просматривать всю местность. Лесов, которых так опасаются фашисты, близко нет. Шоссейные дороги связывают Освею с Дриссой, Себежем, Полоцком и другими крупными гарнизонами врага. Помощь освейскому гарнизону может быть оказана достаточно быстро.

Партизаны частенько поглядывали в сторону Освеи, почесывали затылки: надо бы стукнуть, но...

Однако после долгих раздумий решили добраться до оккупантов и там. К этому времени у нас был уже опыт разгрома гарнизона в Шкяуне.

Владимир Симацкий, который все еще продолжал работать в Освее, получил задание проверить численность противника, его вооружение и расположение огневых точек. Подпольщики должны были вести регулярное наблюдение за врагом и сообщать обо всем в отряд. Кроме того, командование направило в Освею с целью разведки партизан: Игната Морачковского, Людвига Геродника, Эдика Симацкого, Ивана Степанова и некоторых других.

На улицах городского поселка стали появляться молчаливые люди. Но немцы уже не были такими беспечными, как в первые дни. В каждом из освейцев они готовы были видеть партизана. Опасались ходить по одному.

Обер-лейтенант Вилли Фишке водил на поводке огромную овчарку. Иногда он натравливал ее на кого-нибудь, просто так, без видимой причины, для удоволь-

ствия, и радостно хохотал, глядя, как собака рвала клыками человеческое тело. Освейцы хорошо знали этого садиста и обходили его стороной. Знали они также, что герр Фишке не простой, а образованный человек, даже одно время преподавал в университете. На фронте он пробыл недолго, около месяца, а затем прочно укоренился в Освее в качестве усмирителя «восточных рабов».

Здесь пока еще было тише, чем на фронте.

Разведка нами велась с помощью живших в поселке своих людей. Была среди них и Таня Якумович. Девушка давно хотела уйти в отряд. Однако Людвиг Геродник сдерживал ее порывы, приказывал ждать и давал отдельные поручения.

Когда Людвиг с Эдиком появились снова, Таня взмолилась:

— Заберите, мальчики!

— Ты вот лучше-ка походи по улицам, посмотри повнимательней, потом нам расскажешь,— ответили они ей.

И Таня гуляла и смотрела.

Людвиг с Эдиком тоже не теряли времени зря. Они пытались найти Варю, которая работала в комендатуре.

Но девушка исчезла.

Как оказалось, СД заподозрило ее в том, что она пыталась отравить немецких солдат, всыпав яд в котел на кухне. Девушка успела скрыться. Тогда немцы расстреляли ее брата.

Позже, в сентябре, Варя Ефимова пришла к нам в отряд.

Разведчики с помощью подпольщиков получили все необходимые сведения и переправили их командованию.

Когда поступили первые разведданные, начальник штаба Трофимов начал разработку операции. Но оказалось, что для ее проведения у нас маловато людей.

— Мы не сможем полностью отрезать соседние гарнизоны, потому что для атаки на городской поселок нужны немалые силы,— докладывал Трофимов.

И начальник штаба начал показывать, где и что у нас остается неприкрытым.

Однако и оставлять в покое гарнизон в Освее тоже

нельзя — он был последним оплотом фашистов в нашем районе, единственной помехой в нашей боевой деятельности. Гитлеровцы все более наглели, нещадно грабили мирное население, проводили массовые репрессии.

Разгром этого гарнизона очень приободрил бы местное население и вместе с тем дал бы возможность пополнить боеприпасы и запасы продуктов.

В субботу 20 июня отряд был поднят по тревоге. Быстро собрались и вышли из лагеря в направлении деревни Городиловичи. Партизаны строили всевозможные догадки, пытаясь выяснить, куда мы идем. Однако им об этом не говорили: внезапность следовало обеспечить всеми средствами.

У Городилович отряд остановился на привал. Теперь всем сообщили о цели похода. Отряд разделили на боевые группы и каждой поставили конкретную задачу.

Вечерело. Запыхавшись, прибежал связной разведки Петр Казусь и сообщил, что большой отряд немцев в 2 часа дня ушел из Освеи в направлении деревни Кохановичи. Мы повеселели. Однако следовало торопиться: враги могли вернуться или вызвать подкрепление.

Правда, нас начали одолевать сомнения, почему немцы ушли из гарнизона? А если они узнали о наших замыслах и готовят нам ловушку?

Пришлось отправить группу партизан на поиски противника с заданием при необходимости вступить с ним в бой и задержать, насколько будет возможно.

Десять километров до Освеи прошли за полтора часа. В 12 часов ночи отряд незамеченным вошел в райцентр. На перекрестках главных улиц, у выездов были поставлены усиленные посты. Остальные партизаны приступили к выполнению заданий по плану. Петриенко с группой занялся ликвидацией полицаев и других немецких пособников. Их поднимали прямо с постелей. Однако некоторые, услышав первые выстрелы, успели спрятаться. Окружили дом, где жил переводчик Кузьмин. Он предал немало честных советских людей. Кузьмин пытался выскочить из дому и скрыться. Выстрел свалил его с ног. Врач Воробьев посмотрел на предателя и сказал:

— Готов...

Партизаны ушли.

Когда стало тихо, Кузьмин поднялся и, хромая, исчез в ночной темноте. Исчез он так, что долгое время никто его нигде не видел и ничего о нем не знал.

Лишь через несколько лет, уже после войны, Кузьмин был опознан в Миорском районе. Он устроился бухгалтером в райкомхозе. Его судили как немецкого пособника.

Часть партизан во главе с Галимом Ахмедьяровым направилась к складу «Заготзерно», где хранилась заготовленная немцами пшеница. Группа Павла Малышева обеспечивала подачу подвод. Вскоре из Освеи потянулся обоз с хлебом.

Лида Павловская с группой партизан искала медикаменты в немецкой аптеке.

По главной улице поселка под конвоем партизан на виду у всех провели Владимира Симацкого и других освейских подпольщиков. Делалось это для того, чтобы обезопасить их семьи от преследования немцев.

К пяти часам утра все было кончено. Все оккупационные учреждения были разгромлены, документы изъяты.

Отряд направился в свой лагерь.

Немецкий гарнизон в городском поселке Освея перестал существовать. Однако через некоторое время его восстановили.

Пока отряд громил в районе немецкие гарнизоны, маленькая группа Родионова двигалась к линии фронта. Днем она подошла к железнодорожной станции Бычиха. По всем данным, там были немцы. Железная дорога охранялась. Переходить ее засветло было рискованно. Пришлось ждать вечера. Михаил Родионов пошел выяснить обстановку в ближайшую деревню. Остальные остались в укрытии. Хозяйка дома, куда он зашел, рассказала, как лучше всего осуществить переход.

Ночью, принимая все меры предосторожности, партизаны переправились вброд через речку, протекавшую возле Бычихи, и обошли немецкие посты.

Близость фронта чувствовалась по всему. Отчетливо была слышна артиллерийская стрельба. Бойцы то и дело натыкались на немецкие воинские части, стоящие в обороне.

В небольшой деревеньке у линии фронта случайно узнали, что здесь скрывается от фашистов какой-то военный. Партизаны разыскали его. Он оказался в тылу из-за ранения и самостоятельно не мог передвигаться, но отлично знал местность и расположение противника.

Он и помог партизанам перейти фронт.

Маленький отряд Родионова вышел к своим у города Торопец. Тут же все были задержаны и под конвоем доставлены в штаб воинской части. Процедура выяснения личностей не заняла много времени. Партизан накормили, а потом начались расспросы. В штабе оказались корреспонденты военных газет. Они любопытствовали особенно. Разговорам не было конца.

Но Родионов торопился выполнить задание. Он потребовал, чтобы его и Есипова быстрее отправили в Витебский обком партии.

В обкоме их встретил секретарь Иван Андреевич Стулов. Там долго не задерживали. Подробно расспросили о положении дел в отряде, дали инструкции, задания, снабдили литературой, договорились о дальнейшей связи, обещали прислать рацию и многое другое, необходимое отряду.

Родионов передал в фонд обороны большую сумму денег и облигаций, которые были собраны нами у местного населения.

К линии фронта партизан подвезли на машине, показали наиболее удобные проходы, сообщили пароль и пожелали всего наилучшего.

Возвращаться домой было легко и радостно. Теперь продвигались уже не только пешком. Почти все спутники Родионова и Есипова остались на Большой земле. Малой группе стало легче.

В некоторых местах удавалось даже ехать.

Еще шел где-то лесами, возвращаясь в отряд, Михаил Родионов, а мы уже почувствовали, что связь с нашими установлена.

Родионов был первым нашим связным. Впоследствии группы партизан регулярно ходили за линию фронта, доставляли военному командованию ценные сведения, получали оружие и боеприпасы. Одновременно переводили через линию фронта детей, стариков, семьи партизан.

11 июня с группой бойцов в район прибыл бывший инструктор Освейского райкома партии Петр Петрович Кузьминов. Разыскал нас. Рассказал, что его направил сюда Витебский обком партии.

Кузьминова мы встретили хорошо, приняли его и товарищей в наш отряд. Партизаны, знавшие Кузьминова по довоенному времени, были очень довольны, говорили ему, что правильно поступил, что прибыл именно в свой район.

— Вместе создавали колхозы, вместе их будем защищать!

В тот же день в расположении лагеря появился связной из отряда Машерова. Он передал, что нам надо немедленно прислать людей за специальной группой, которая сброшена на парашютах и должна была оказаться в нашем отряде, но по ошибке попала к ним. Туда отправился начальник штаба Трофимов. В районе Ровного Поля его уже ждали три человека. При них была рация.

Когда они прибыли в наше расположение, оказалось, что ими командует женщина.

— Мария Ивановна Васильева,— представилась она и предъявила документы.

«Год рождения 1897?» Я пристально взглянул на нее:

— Никак бы не дал вам сорок пять лет. Ну, от силы тридцать — тридцать пять. Это так на самом деле или тоже для конспирации?

— Это настоящее,— улыбнулась Мария Ивановна.

Мы разговорились. Васильева рассказала о себе, о своей жизни и довоенной профессии.

Родилась Мария в семье учителя и пошла по стопам отца. До революции было нелегко получить образование. Но с 1915 года она стала учить сельских ребятишек. То же делала и в дни Октября, когда дорога к знаниям открылась всем. В годы коллективизации принимала активное участие в создании колхозов и два года была председателем колхоза «Ленинский луч», Слободского района, Смоленской области. В 1939 году за активное участие в коммунистическом воспитании подрастающего поколения и общественную деятельность Мария Васильева была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Такой чести она

удостоилась одна на весь район. В 1940 году Мария Ивановна стала членом партии.

Когда началась война, Васильева эвакуировалась в тыл, а в марте 1942 года добровольно встала в ряды защитников Родины. Ей предложили работать в разведке, и она согласилась. После соответствующей подготовки командованием 4-й ударной армии Западного фронта была направлена в наш отряд. С ней прибыли Полина Тарконова, 1923 года рождения, и Виктор Зинин, 1924 года, радист. Все они назывались — Васильевы и должны были изображать из себя одну семью.

Мы проверили по возможности этих людей и предоставили им в отряде все необходимые условия для работы.

Теперь мы были связаны с Красной Армией!

Солнечный июльский день... Партизаны, вернувшиеся с задания, отдыхали. Неожиданно для всех в лагере появился Михаил Родионов.

Тотчас же собрался весь отряд. Михаила окружили, стараясь не пропустить ни слова.

— Только все по порядку, подробненько,— просили товарищи.

Долго рассказывал Родионов, а в конце зачитал письмо Витебского обкома КП(б)Б.

После собрания командование отряда обсудило результаты похода Родионова. Обком рекомендовал вести борьбу небольшими отрядами. Да мы и сами чувствовали, что держать значительное количество людей в одном месте трудно и рискованно. После похода в Освею людей в отряде прибавилось. Поэтому было решено приступить к созданию бригады, отряды же разместить в разных местах района.

В это же время из-за линии фронта к нам прибыл представитель Витебского подпольного обкома партии Анна Порфирьевна Корнеева. Встретили ее как родную. Еще бы! До войны она была первым секретарем Освейского райкома комсомола, многих знала в нашем отряде лично. А если учесть, что всего несколько дней тому назад Корнеева была в Москве, то понятно, почему она сразу же оказалась в тесном кольце наших партизан. Спрашивали, как выглядит Москва, просили почитать свежие центральные газеты, интересовались положением на фронтах.

Верхом на лошади в сопровождении группы партизан Аня Корнеева ездила по району. Она побывала во многих деревнях, на летучих митингах рассказывая о Москве, о нашей армии, о ходе войны на всех участках советско-германского фронта.

Корнеева много сделала, чтобы помочь Владимиру Хвеженко в налаживании комсомольской работы. Она помогла нам осуществить ряд указаний обкома в отношении организации партизанского движения.

В дальнейшем Корнеева не раз бывала у нас, прорываясь через линию фронта, иной раз верхом на коне.

Говорят, что слухом земля полнится, а в партизанских лесах вести летят на крыльях. Так и до нас докатился слух, что в Россонском районе объявился какой-то прибывший из-за линии фронта отряд. Ребята одеты в новенькое военное обмундирование, вооружены автоматами. Командует ими капитан.

Даже назвали его фамилию — Петраков.

Нам очень хотелось увидеть живых свидетелей того, что происходит на Большой земле. Это чувство понятно только тому, кто партизанил и подолгу не видел своих людей «оттуда». Живое общение было дороже газет, информаций по радио. Пока мы искали этот спецотряд, его представители появились в нашем расположении сами. Часовые, как и положено, доложили о прибытии незнакомых. После проверки документов я понял, что передо мной Андрей Иванович Петраков и его комиссар Александр Васильевич Романов.

О многом тогда переговорили мы. Расспросам не было конца. Нас интересовали дела на фронтах, а гостей — положение во вражеском тылу.

Прощаясь, мы договорились о постоянной связи. В нашем партизанском деле это всегда полезно.

О появлении отряда Петракова вскоре узнали и фашисты. Они даже попытались обнаружить его и расправиться с ним. Но ничего из этой затеи у немцев не получилось.

Пребывание петраковцев в нашей партизанской зоне взбадривало, подымало боевой дух людей. Товарищи часто встречались с населением и партизанами, рассказывали о положении дел в стране. Их считали представителями Красной Армии, начавшей наносить первые ощутительные удары по врагу.

Вскоре Петраков, Романов и Казарцев посетили нас вторично. Их уже приняли как своих. Встреча состоялась в лесу, недалеко от урочища Щуны, где под открытым небом расположился штаб отряда.

Из разговора стало ясно, что этот визит имеет определенные практические цели.

— Хотим договориться с вами,— начал Петраков,— об одной операции. Как вы смотрите на такую возможность? Было бы очень полезно для нашей армии уничтожить железнодорожный мост в районе разъезда Бениславского. Но этот орешек не по зубам одному нашему отряду. Там сильная охрана. Кстати, Григорий Иванович Казарцев уже произвел разведку, так что нам в общих чертах уже знакома система обороны этого моста. Для успеха операции нужны большие силы. Что если ударим несколькими отрядами? Как думаешь, Иван Кузьмич?

Дело было, конечно, полезное. И не мне бы от него отказываться, если бы не осада Освейского гарнизона. Очень уж нам хотелось доканать гауптмана Рихтера. Мы уже не позволяли его солдатам вылезать за пределы гарнизона. Операция с мостом срывала наши планы. Кроме того, у нас было указание секретаря Витебского обкома партии Стулова об организации на базе нашего отряда партизанской бригады. Следовательно, пора было разворачивать эту работу.

Уже и решение райкома партии было принято, утвержден командный состав бригады.

Однако Петраков сумел-таки убедить, что взрыв моста более важен, чем осада Освеи. Я согласился. И мы приступили к детальному обсуждению предстоящей операции. Пока мы мудрили над картой, Григорий Иванович успел переписать себе в блокнот наших командиров, комиссаров и начальников штабов.

Уходя, Петраков осведомился, как мы смотрим на объединение освейского, россонского и дриссенского отрядов в одну бригаду. Видимо, он решил, объединив нас всех, создать более крупное партизанское соединение.

Я ответил, что если будет указание обкома партии, то и разговаривать не о чем. Вообще же говоря, это вопрос серьезный, о нем надо еще подумать.

Как оказалось позже, я был прав. Обком партии ка-

тегорически запретил всякие объединения без ведома руководящих партийных органов.

Расстались мы дружески, подробно договорились о том, что делать каждому. Операция по уничтожению моста вступила в фазу активной подготовки.

Штаб в это время проводил переформирование. Несколько дней в лагере все разговоры сводились только к одному: кто где будет.

Первыми ушли с нашей обжитой стоянки партизаны отряда имени Орджоникидзе. Командовать им поручили Галиму Ахмедьярову. Они направились в лес между Морачковом и Селедцовом, где и обосновали свою базу.

Вслед за ними в район озера Страдного вышла группа под командованием Владимира Симацкого. Новый отряд получил имя Жданова, а после гибели командира в октябре 1942 года стал называться именем Симацкого.

Отрядом имени Фрунзе, который назывался до этого отрядом «Иванова», стал командовать старший лейтенант Ваграм Калайджан. Выделился в отдельное подразделение артиллерийский дивизион Михаила Кошелева.

Командиром отряда имени Пархоменко назначили Николая Глазова. В сентябре 1942 года этот отряд уже под командованием Анатолия Медведева ушел в западные районы Белоруссии.

В сентябре же был организован еще один отряд — имени Котовского под командованием Анатолия Шамаля.

В ночь с 3 на 4 августа отряд имени Фрунзе под командованием Ваграма Калайджана занял рубежи для прикрытия операции в районе Бениславского разъезда. В его задачу входило не допустить подхода подкреплений противника из Свольны и ударить с тыла по охране объекта. Борковичское направление прикрывал отряд имени Калинина под командованием И. М. Кухаренко. Основной удар наносили отряды имени Сергея, Щорса и «Бесстрашный». Группой подрывников руководил командир Дриссенской бригады Петр Мандрыкин. Общее руководство взял на себя капитан Петраков.

Бой был тяжелый, но партизаны добились успеха.

Большой силы взрыв разметал тяжелые мостовые конструкции.

Командование группы армий «Центр» направило командиру 201-й охранной дивизии генералу Якоби депешу, в которой гневно вопрошало, почему на участок Полоцк — Дрисса — Двинск, охраняемый частями 201-й дивизии, падает восемьдесят процентов всех диверсий. Начальство требовало объяснений, как случилось, что было допущено уничтожение моста западнее Полоцка.

Использовав момент, освейский гарнизон 4 августа покинул городской поселок. Машины мчались в Дрису. Теперь на территории нашего района не было ни одного немецкого солдата.

Вскоре после сформирования бригады оперативная группа партизанского движения при Военсовете 4-й ударной армии прислала нам рацию «Север» и двух радисток — Ольгу Игнатьеву и Полину Ковалеву.

Ольга Александровна Игнатьева родилась в 1924 году в городе Торопце. Весной сорок первого года окончила среднюю школу. Война застала ее в Великих Луках. Девушка сразу пошла в народное ополчение, куда ее зачислили санинструктором. В ноябре она была принята на радиокурсы. Полина Дмитриевна Ковалева родилась в 1922 году в Гомельской области, была в армии телеграфисткой, а после окончания курсов вместе с Игнатьевой направлена в нашу бригаду.

В архиве сохранился документ.

Вот он: «Командиру и комиссару партизанской бригады Захарову. В ваше распоряжение направляется радиостанция «Север» за № 1889 и радистки т.т. Игнатьева и Ковалева.

Приказываю немедленно создать все необходимые условия для нормальной работы радиостанции и радистов, установить регулярную связь со Штабом партизанского движения Калининского фронта. По прибытии к вам радиостанции доложите немедленно и разверните ее работу.

Начальник опергруппы партизанского движения при Военсовете 4-й ударной армии старший батальонный комиссар Соколов».

Так появилась у нас вторая радиостанция. Нечего и говорить о том, как это нам помогало.

Мы предприняли все, что было возможно, для обеспечения нормальной работы рации. Помимо осуществления регулярной двухсторонней связи, радистки принимали сообщения Совинформбюро. Мы их размножали и рассылали по отрядам.

Через рацию в одну и другую сторону шел поток разнообразной информации. Девушки трудились с утра до ночи, несмотря на усталость, передавая и принимая донесения и приказы.

Вот несколько выписок из архивных материалов, которые, может быть, помогут представить обстановку тех далеких лет.

«Тов. Эйдинову. Сегодня на шоссейной дороге через Дриссу перед самым городом взорван мост».

«Тов. Калинину. Спущено под откос три эшелона. Выведено из строя 2 паровоза, 26 вагонов с живой силой, 9 с боеприпасами. Противник понес большие потери».

«Тов. Пономаренко. По состоянию на первое сентября 1942 года вокруг Освейского района находятся следующие гитлеровские гарнизоны: Борковичи, железнодорожная станция — 300 человек, Свольна — 235 человек, Дрисса — 260 человек и в самом городе Дриссе — 850 человек... На разъезде Устье — 185 человек. Станция Бигосово — 620 человек... Вдоль границы на территории Латвии от Бигосово до местечка Шкяуне застав и кордонов — 10. Численность войск и айзсаргов до 2 тысяч человек»...

В подобных документах указывалось вооружение противника, ежедневно с ноября 1942 по сентябрь 1943 года сообщалось о движении поездов из Полоцка на Двинск и обратно, указывалось количество вагонов и наименование груза.

Из штаба прибывали телеграммы самого различного содержания.

Однажды девушкам удалось засечь передачу, которую вел фашистский агент, обосновавшийся в Калининской бригаде. Текст ее передали в наш центр. Там радиограмму расшифровали, а потом был обнаружен и сам агент.

Человека этого у нас никто не знал. Задержали его уже у латышских партизан, куда он успел перебазироваться. Во время допроса шпион во всем признал-

ся и выдал еще несколько агентов, которых удалось обезвредить.

А Игнатьева и Ковалева работали до конца боевых действий нашей бригады и были награждены.

Однажды в августе начальник караула сообщил, что задержан неизвестный человек, который просит доставить его к командиру. Привели. Смотрю — Лавриненко. Вот здорово!

— Откуда ты? — спросил я.

Смотрю, вид у него отличный, настроение веселое.

Стал он рассказывать о своих приключениях.

В январские морозы наш товарищ отправился в нелегкий путь. Шел вместе с женой, которая решила делить с ним все тяготы и опасности.

От деревни к деревне, лесными тропами и дорогами, что вились среди пустынных заснеженных полей, шли они на восток. Свинцовой тяжестью наливались ноги, ломило спину, но шли, шли... Стало еще труднее, когда от неимоверного напряжения и простуды свалилась с ног жена. Попробовали денек переждать. Но лучше не становилось.

— Брось меня, иди, в Освее ждут указаний подпольщики! Оставь в деревне. Не пропаду, кругом свои люди...

Но он не оставил ее. Раздобыл саночки и повез. И опять лесные тропы, заснеженные дороги, злой, колючий ветер, мороз...

Перед самой линией фронта дорогу пересекли две темные фигуры.

— Стой! Кто такой?

Двое неизвестных грозно надвигались на него. Один из них пошатывался. Остро запахло самогоном.

— Давай документы! — старательно выговаривая слова, потребовал один из них.

«Полицаи!» — мелькнула мысль.

Делать было нечего. Протянул выданные в Освее Симацким документы. Раньше не приходилось их показывать. Как-то теперь будет?

Полицаи повертели бумажки, буркнули себе под нос что-то и сказали:

— Шо-то у тебя морда подозрительная? А ну, пойдем в комендатуру! Давай-давай!

Пьяные полицаи повели арестованных в ближай-

шую деревню, где находился немецкий пост. Куда может удрать этот человек, который везет на саночках больную женщину? Полицаи о чем-то разговаривали и смеялись.

А Лавриненко думал о своем. Надо уходить, потому что документы, очевидно, не спасут. Но как это сделать?

Один он давно бы сумел убежать. Но вдвоем...

Дорога повернула в лес. Заваленные снегом сосны и ели обступили их.

И Лавриненко решился на отчаянный поступок. Он резко повернулся к полицаю и, растопырив пальцы, ткнул ими в пьяные глаза. Потом бросился на другого. Он не помнит, как действовал, чем убил. Только когда пришел в себя, увидел мертвого полицая. Второй с диким криком рвался куда-то бежать, но натыкался на колючие стволы деревьев. Жена лежала на саночках с широко открытыми глазами.

Дрожащей рукой Лавриненко схватил за веревочку и побежал. Куда он бежал? Подальше от дороги, от этого места...

Потом упал в снег и, тяжело дыша, стал слизывать холодные пушистые хлопья. Глянул в глаза жене. В них уже не было ужаса. Она улыбалась измученно, но ласково.

Посты 4-й ударной армии задержали их при переходе линии фронта. Лавриненко устало сел в снег и, подняв руки, дал себя обыскать.

Жену положили в госпиталь, а его начали водить по штабам, разведотделам, в контрразведку. Кроме фальшивых немецких документов, у него ничего не было. Никаких серьезных доказательств, что он не немецкий шпион, у него тоже не было. Начали проверять его показания, устанавливать личность.

— Побыстрее, товарищи, подпольщики ждут помощи, нужно установить с ними связь,— упрашивал Лавриненко.

Но ему не верили. Правда, за решеткой не держали, но он находился под наблюдением и отлучаться никуда не имел права.

Наконец разыскали одного бывшего жителя Освеи. Это был работник НКВД. Но в Освее он не жил с двадцать третьего года и представлял ее по тому времени.

А район и городской поселок сильно изменились.

— Где в Освее церковь? — спросил этот товарищ.

— Церкви в Освее нет,— ответил Лавриненко.

— А где расположен костел?

— Костела тоже нет.

— Тогда скажи, где находится Харьково?

— Харьков? — переспросил Лавриненко.— На Украине!

— Что-то не совсем правильно. Харьково — деревня возле Освеи. А церковь и костел в Освее есть.

Судьба Лавриненко резко изменилась, и его посадили под арест.

Но через несколько недель разыскали еще одного освейца. Этот товарищ знал ее в последние годы перед войной.

— Правильно,— заявил он.— В нашем поселке церкви и костела давно уже нет. Лавриненко мог и не знать, что они там были. Ведь работал он учителем, как сам говорит, только два года в этой школе. Харьково — маленькая деревушка, и не великий, конечно, может ее знать. Освейский парень,— заключил он.

Лавриненко освободили.

Данные о нем собирали два месяца. Однако бывшего учителя и теперь не торопились отпускать в тыл. Положение там, говорили ему, за это время изменилось. В разведотделе армии решили послать Лавриненко в тыл со своим заданием. Он был зачислен на военную службу и послан на курсы разведчиков.

Прошло еще некоторое время.

— И вот я теперь здесь, Иван Кузьмич. Правда, в апреле 1942 года я уже был в Освейском районе, но к вам не заглянул, так как был очень ограничен во времени. Чем могу помочь сейчас? Но мне, пожалуй, самому нужна помощь. Армии требуются сведения о вражеских силах в районе, бланки немецких документов и многое другое.

Недолго побыл у нас Лавриненко.

Вторично уже с двумя девушками-разведчицами заглянул к нам по пути в Латвию.

Третий раз с теми же девушками шел в Ригу. Обещал, возвращаясь, отдохнуть у нас денек. Но ни он, ни девушки больше к нам не вернулись. И я их больше никогда не встречал.

Только после выхода в свет первого издания этой книги я получил письмо от одной из разведчиц. Клавдия Александровна Соловьева-Календюк живет и работает в Витебске.

Со времен гражданской войны привыкли к образу партизана в таком варианте. Из-за ели выглядывает человек в кубанке с красной полосой наискось и с винтовкой в руках. Партизанские действия рисуются как блестящие налеты и быстрые исчезновения после боя в чаще лесов. Со словом «партизанщина» обычно связываются анархичные неорганизованные акции.

Если вы попытаетесь представить нашу жизнь в таком плане, то это будет глубокое заблуждение. В действительности все обстояло иначе.

Что самое трудное было в нашей жизни?

На этот вопрос нелегко ответить. Опасность погибнуть или, что еще хуже, попасть в руки врага? Это, конечно, страшило. И вместе с тем никогда такие вопросы не являлись первостепенными. Были у нас и отважнейшие ребята, люди, которые, кажется, совершенно не знали страха, были и трусы. Но в большинстве случаев партизаны — самые обыкновенные люди, которые воевали, потому что надо было защищать Родину. Вместе, рядом с товарищами, они чувствовали себя смелее и сильнее врага во много раз. Ходили в атаки, дрались врукопашную, устраивали засады, спускали под откос воинские эшелоны противника и не поддавались панике.

Труднее всего было, пожалуй, когда кончались боеприпасы, когда нечего было есть, нечего надевать. Любой героизм отступал перед лицом таких неурядиц.

И мы занимались не только войной. Вели хозяйство. Оно расширялось, когда бойцов становилось больше. Вопросы обеспечения не сходили с повестки дня у командования ни на один день.

Чтобы лучше бить врага, нужно было привлекать в наши ряды больше людей. Но чем больше приходило к нам новичков, тем труднее было с оружием, питанием и обмундированием.

Заботы были почти мирные. Организовали на кустарный лад местную промышленность. Вели заготовки продовольствия. Обеспечивали сельское хозяйство всем необходимым. Помогали весной засеять поля, а

осенью убрать урожай. Беспокоились о содержании и кормлении скота.

И совсем мирно выглядела машинистка в летнее время, где-нибудь под деревом печатавшая деловые бумаги.

Существовала и еще одна не менее важная сторона деятельности командования отрядов и бригад. Это повышение уровня сознательности партизан и мирного населения деревень. Большое внимание подпольный райком партии, все территориальные и отрядные партийные организации уделяли агитационно-массовой и пропагандистской работе. На местах ее проводили комиссары отрядов.

Подпольный райком партии. Только относительно можно было назвать его подпольным. На самом деле он никогда таким не был. Мы и не считали нужным скрывать имена людей, принадлежавших к этой руководящей организации. Все члены райкома были партизанами, носили оружие, жили в отрядах. Скорее надо было именовать его партизанским райкомом партии. Кто действительно находился в подполье,— это наши пропагандисты, агитаторы и другие представители, которые жили в населенных пунктах, где еще зверствовали немецкие оккупанты или их прихвостни — полицейские.

После создания партийной организации, о чем я уже упоминал, мы вели самую разностороннюю работу и среди бойцов-партизан, и в деревнях. К июню 1942 года она объединяла до двухсот коммунистов.

В начале июля, когда Михаил Родионов принес из-за линии фронта письменное указание Витебского обкома партии о необходимости реорганизовать партийную группу нашего отряда в подпольный райком партии, мы так и сделали. Это и на самом деле было необходимо. Только райком мог возглавить всю работу в районе. Он в то время был партийной и Советской властью в одном лице, занимался всеми видами политической и хозяйственно-организаторской деятельности.

Коммунисты единодушно одобрили рекомендацию обкома и избрали бюро в следующем составе: П. П. Кузьминов, А. П. Гарбуков, И. К. Захаров. Одновременно был создан и резервный состав бюро, на слу-

чай провала или гибели основного. Однако эта мера, на наш взгляд, была излишней. Дело в том, что некоторые товарищи там, в советском тылу, не совсем ясно представляли себе здешнюю обстановку. Подчас от нас требовали такой конспирации, которая была совершенно не нужна.

Помнится такой случай, который произошел уже в 1944 году в Москве. После перехода линии фронта я поселился в специальной гостинице, на Арбате. Ко мне приехал Петриенко.

Портье остановил его и спросил, кто нужен. Иван Петриенко сказал, что идет к Захарову.

— Такого у нас нет,— вежливо ответил ему дежурный администратор.

— Как так нет? Да я точно знаю, что здесь он! — горячился Иван.

— Вы ошибаетесь. Захарова у нас нет, поверьте нам.

Но его не так легко можно было успокоить. Он вытащил из полевой сумки свои документы и, потрясая ими перед администратором, стал доказывать, что он заместитель командира бригады. Документы внимательно прочитали, повертели в руках, затем позвонили куда-то и только после этого проводили ко мне.

Сидя в номере, мы долго смеялись над такими порядками: там, в тылу у немцев, не боялись за нас, а в Москве предосторожности...

Надо сказать, что второй состав бюро так и не приступал к своим обязанностям. Товарищи, входившие в него, зачастую присутствовали на заседаниях и выполняли текущую партийную работу. И если бы что-нибудь с нами случилось, то не избежали бы такой участи и они.

Урочище Щуны — прекрасное, живописное место. Казалось, сама природа специально создала эти места для отдыха и туристских походов. Вода в Пижевке прозрачна, как слеза. Чистая, прохладная, вкусная...

На одной из полян, под раскидистыми елями, 27 июля 1942 года собрались члены райкома партии. Люди вели себя запросто. Сидели и стояли, обменивались новостями, шутили. Кроме членов бюро здесь при-

сутствовали руководители отряда имени Фрунзе, кандидаты на должности командиров и комиссаров вновь образуемых отрядов.

Сидел под деревом, поблескивая очками, и секретарь райкома комсомола, он же помощник комиссара бригады по комсомолу, Владимир Хвеженко.

С докладом об усилении политико-воспитательной работы среди населения выступил второй секретарь райкома Петр Петрович Кузьминов. Это был спокойный, немногословный человек, среднего роста. Ему было в то время лет под сорок. Скромный и трудолюбивый, он пользовался авторитетом среди всех, кто его знал. В 1935 году Кузьминова прислали в Совейки для укрепления колхоза, где он работал бригадиром до 1937 года. Потом стал председателем сельсовета, был выдвинут на работу в райком партии. Там и застала его война. Позже он попал в партизанскую бригаду Миная Шмырева. По предложению Витебского обкома согласился работать у нас и, пройдя значительное расстояние через занятую врагом территорию, явился к нам.

Говорил Петр Петрович негромко, медленно. В манере излагать свои мысли чувствовалась уверенность. Слушали его внимательно.

— Связь с народом,— сказал Кузьминов,— у нас крепкая. В какую деревню ни придешь — везде наши люди есть, преданные партии, Советской власти. Сейчас только в одной Освее сохранился немецкий гарнизон. Но и он мешает, из-за него трудно работать. Однако и в гарнизоне, в самом логове врага, действуют коммунисты. Тесно связаны с народом, пользуются уважением и большим авторитетом наши пропагандисты члены партии Степан Семенчук, Кирилл Мядюта, Игнат Морачковский и многие другие. Умное и доброе слово, сказанное сейчас коммунистом,— дело великое. Сейчас пропагандисты — единственно достоверный источник информации. Люди хотят знать правду о ходе войны, и они должны ее знать. Слово коммуниста вселяет бодрость в сердца, уверенность в нашей скорой победе.

Особенно приятно отметить, что вместе с коммунистами большую воспитательную работу проводят простые советские люди, беспартийные, такие, как учительница из Веснино Матрена Лучкова, председатель

колхоза имени Дзержинского Герасим Фроленок, колхозник Яков Бунда, Филипп Денисенок и другие.

Как вы помните, несколько дней назад жители деревни Стрелки прислали к нам в отряд подарки для партизан. Сколько было радости, когда наши ребята получили скромные, но согретые теплом сердец платочки с надписями, кисеты, мундштуки, мыло, перчатки... А ведь это инициатива учительницы Матрены Лучковой.

Недели три назад Матрена Федоровна рассказала жителям Стрелков об успехах Красной Армии и партизан. Она показала им газету, журнал. Эти издания мы получили с Большой земли самолетом. Газета и журнал вызвали бурю восторга, все потянулись к ним, всем хотелось почитать, потрогать листы своими руками.

— Не волнуйтесь, товарищи! Все смогут почитать. И не только это,— заверила их Лучкова.— Скоро у нас будут свежие газеты!

После этой беседы крестьяне долго не хотели расходиться.

Петра Кузьминова сменил Виталий Филиппович Владимиров. Готовясь к проведению бюро райкома, он проделал большую работу по организации бригады. А сейчас докладывал о том, как развивается партизанское движение в районе, говорил о реорганизации отряда в бригаду.

Тут же бюро утвердило командный состав отрядов.

А потом редактор партизанской газеты «Ленинский путь» Ефим Лукашонок прочитал текст новой листовки. В ней рассказывалось о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну, о зверствах оккупантов на временно захваченной территории, содержались призывы встать на защиту своей Родины, не поддаваться провокации немецких пособников, агитирующих поехать на работу в Германию.

Нелегко развернуть отряд в бригаду, набрать более тысячи человек. А затем обуть, одеть, накормить, обеспечить оружием. Приближалась зима. Нужны были валенки, полушубки, лыжи... Тысячу человек не будешь кормить от случая к случаю. Нужно иметь надежную продовольственную базу.

Да и об ограбленном фашистами населении тоже надо было подумать.

Так встал перед нами самый сложный, почти что мирный вопрос: как организовать партизанское хозяйство?

На плечи райкома и командования бригады легли заботы далеко нелегкие и, надо сказать, не совсем обычные. Дело заключалось главным образом в налаживании производства всего необходимого.

Вот тут-то и сказался народный характер партизанского движения. В наших рядах воевали специалисты всех нужных нам профессий, мастера на все руки, истинные таланты.

Когда мы рассказали партизанам о наших нуждах и планах, десятки людей предложили свои услуги. Честно говоря, раньше как-то не приходилось видеть такого энтузиазма, такой трудовой самоотверженности, какая была на территории, занятой врагом и отвоеванной у него.

Или это не замечалось?

На полях района в 1942 году созрел неплохой урожай. Видно, ничто не может отвлечь крестьянина от привычного труда. Правда, оккупационные власти вначале не мешали обрабатывать и засевать поля, ухаживать за посевами. Видимо, немцы надеялись собрать урожай для себя. А теперь район почти целиком был освобожден от оккупантов и хозяевами стали партизаны. Часть предателей была уничтожена, многие приспешники врага удрали подальше, опасаясь справедливого суда. Остались засеянные ими лучшие участки земли.

Райком партии обязал командование отрядов создать специальные хозяйственные подразделения и возложить на них ответственность за оказание помощи населению в проведении полевых работ, заготовку для себя хлеба и картофеля с таким расчетом, чтобы этих продуктов хватило до следующего урожая.

За каждым отрядом закрепили конкретные населенные пункты. Партизаны охраняли крестьян во время уборки урожая, помогали им быстрее закончить сельскохозяйственные работы.

Это было далеко не легким делом, так как фашисты тоже рассчитывали на урожай и предпринимали набе-

ги с целью забрать только что убранное зерно. Особенно напряженно было вблизи фашистских гарнизонов, что стояли в Дриссе и Вигосове. Во время уборки партизаны выставляли крупное охранение, устанавливали на подходах к полям пулеметы.

Однажды из Дриссы вышел специальный отряд фашистов и полицейских численностью до 150 человек, с подводами. Грабители отправлялись на хлебозаготовки. Им дали возможность пройти в деревню Нижнее Фомино.

Рассыпавшись по дворам, заготовители стали искать продукты. Но не только зерна и картофеля, а и людей не нашли. Деревня была пуста. Понатаскав кое-каких вещей, фашисты собрались и поехали дальше по направлению к Юралову. Не встречая на пути никого, они шли без обычных предосторожностей.

Внезапно раздался залп из сотни винтовок и пулеметов. Были пущены в ход гранаты. Это оказалось для немцев полной неожиданностью. Теряя людей и повозки, грабители бросились назад в Нижнее Фомино.

Там они немного пришли в себя. Погони не было. Начали опять грабить. Несколько забыв неудачу, фашисты направились в Дриссу. Двигались уже знакомой дорогой и были уверены, что партизан возле самой Дриссы нет.

Однако командир отряда имени Котовского Анатолий Шамаль оказался хитрее. Вторая засада подпустила грабителей почти вплотную и так накрыла их перекрестным огнем, что немцы не смогли организовать никакой обороны. Оставив повозки с награбленным хлебом и крестьянским скарбом, фашисты кинулись кто куда.

Погибло их немало. Партизаны захватили обоз и приехали в Нижнее Фомино. Все награбленное имущество возвратили крестьянам, которые с приходом партизан вернулись в свои дома.

А где же хранили убранный урожай? — спросит читатель. Все было предусмотрено. В глубине лесов, в глухих и безлюдных местах были подготовлены специальные хранилища. Крестьянское зерно находилось под охраной партизан. Специальные склады имел каждый отряд.

Знали о них очень немногие.

Захваченный у врага обоз котовцы использовали для перевозки хлеба и картофеля в свои тайники.

Этой осенью мы особенно почувствовали, как поддерживает нас народ.

Обмолот производился в основном коллективно на конных молотилках, которые наши умельцы собрали и отремонтировали. Работали весело, как до войны в колхозах. Шутили, смеялись, даже пели, так радовала людей обстановка привычного труда. Хотя среди работающих мелькали бойцы с оружием, это был почти мирный, радостный труд.

В деревнях нами были учреждены специальные коменданты, которые принимали сельскохозяйственные продукты в счет госпоставок, организовывали их хранение и выдавали населению квитанции. Сельскохозяйственная продукция принималась в пределах установленных норм, выработанных подпольным райкомом партии: с каждого хозяйства 50 килограммов зерновых, 32 килограмма картофеля и овощей, 200 граммов шерсти. Лица, которые не имели посевов и скота, от поставок освобождались.

Нужно сказать, что население не придерживалось этих норм. Обычно сдавали продуктов гораздо больше.

В зоне Кохановичского и части Сухоруковского сельсоветов хорошо работал партизанский комендант учитель Леонид Михайлович Юхневич. С помощью населения и бывшей продавщицы из Освеи Марии Галатенок он обеспечивал снабжение отряда имени Орджоникидзе.

Его помощница показала себя истинной патриоткой, храброй женщиной. В тяжелые времена, часто с риском для жизни, она укрывала у себя раненых партизан и военнопленных, бежавших из немецких лагерей.

Приемный пункт отряда имени Орджоникидзе был организован в деревне Селедцово. Партизан Петр Филиппович Лукашонок, который был приемщиком, еле успевал оформлять документы. Обозы стояли в длинной очереди. Под покровом ночи повозки уезжали в расположение продовольственных тайников.

В тот год Юхневич и Лукашонок переправили в склады 150 тонн зерна и около 200 тонн картофеля и овощей.

Когда Красная Армия освободила район от окку-

пантов, Лукашонок открыл свои склады и передал местным властям 65 тонн зерна. Его потом раздали населению.

Примеров проявления патриотизма со стороны местного населения было много. Староста партизанской деревни Еськово Иосиф Цыро организовал коллективный обмолот зерна и отправку его на приемный пункт. Сам лично он сдал шесть центнеров хлеба.

Жители деревни Семеново вспомнили доброе мирное время и с развернутым красным флагом поехали на приемный пункт. Они привезли 10 тонн зерна.

Но самым характерным, пожалуй, является случай с Анной Яковлевной Бурдой из деревни Рубчики. Жила эта немолодая женщина одиноко, сын был в армии, и ей приходилось справляться с хозяйством одной. Весной 1942 года партизаны привезли ей семенное зерно для посева, так как у нее ничего не было. Помогли вспахать и засеять небольшой клочок земли.

Учитывая тяжелое положение, комендант даже не намекнул ей о сдаче хлеба.

Анна Яковлевна ждала, что к ней приедут и возьмут зерно. Но никто не ехал. Тогда она взвалила на плечи мешок и отправилась с ним прямо в отряд.

— Что же это вы меня обижаете? Аль я враг какой? Ведь и мой сыночек где-то воюет с супостатом. Вот хлебушек... Принесла, сколько подняла. Нехорошо. Надо было прислать ко мне лошадку, я бы погрузила вам побольше. Уродило много ныне.

Хотя мы и контролировали территорию Освейского района, помогать населению в уборке урожая было делом не легким. Фашисты часто врывались в деревни, когда там не было наших групп, и жестоко мстили тем, кто помогал партизанам. Так, в Городиловичах немцы расстреляли бывшего начальника пожарной охраны Освейского района Новикова, который активно помогал заготовлять для нас продукты.

Таких случаев было немало.

В Дубровах жил наш человек Иван Слобода. Он собирал и передавал нам оружие, боеприпасы, продукты. Карателям удалось схватить его. Патриота долго избивали, пытаясь получить какие-нибудь сведения о партизанах, а затем расстреляли вместе с женой. Дом сожгли.

Недавно я встретился с его сыном Александром, который в тот трагический час находился у соседей и только поэтому остался жив. Сейчас он работает заместителем председателя республиканского Комитета народного контроля, удостоен звания Героя Социалистического Труда.

К ноябрю 1942 года по бригаде было заготовлено более 500 тонн зерна и около 600 тонн картофеля и овощей. В распоряжении наших хозяйственников имелось более сотни голов крупного рогатого скота.

Этому способствовала огромная политико-воспитательная работа, проводившаяся среди мирного населения. Пропагандисты подпольного райкома партии много сделали для того, чтобы организовать правильные взаимоотношения партизан и населения. Как и в довоенное время, райком осуществлял повседневное руководство посевной и уборочной кампаниями. Отличие было в том, что это делалось в опасной обстановке и от проводимых мероприятий зависела жизнь сотен партизан, судьба народного движения в районе.

Само собой разумеется, что мы не могли рассчитывать на дотации от государства. Осуществлялся полный хозрасчет.

Конечно, по мере возможности, мы старались оказывать людям также и помощь. Предоставляли на время тем, кто в этом нуждался, лошадей и молотилки, обеспечивали семенами.

Недавно в моих руках оказались интересные документы. В заявлении на имя командования бригады крестьянка из деревни Миловиды Марья Колесник писала: «Настоящим прошу вашего распоряжения о том, что закрепленная лошадь на совместное пользование с В. И. Дашкевичем по обработке посевов и уборке урожая, (...) он как мужчина обижает меня, не всегда представляет лошадь, а только подсменивается и отвечает, что можешь купить себе лошадь и пользоваться, сколько нужно. А я ведь привыкла пользоваться и трудиться сообща. Считаю, что сейчас, когда мы сами хозяева в районе, то тоже так должно быть, а покупать не собираюсь и к тому я одиночка-красноармейка. Прошу вашего содействия в этом вопросе».

В этом заявлении, в котором сохранена стилистика оригинала, выразилось многое. Такие просьбы были

не единичны. Люди обращались к командованию бригады как к представителям законной Советской власти.

В период уборки урожая и обмолота мы организовывали социалистическое соревнование и поощрение передовиков. Семья колхозницы Ломоносовой за быструю и качественную уборку зерновых была премирована овцой с ягненком. Партизаны Н. Морачковский и П. Гобрусенок, помогавшие населению, получили благодарность в приказе по бригаде и подарки.

Отряд имени Орджоникидзе под руководством комиссара Н. Малиновского в течение двух суток убрал и обмолотил урожай в деревнях Чургли, Выдрицкие, Нарубни, Червонцы, Гороватки. Отдельные партизаны, отличившиеся на уборке, получили поощрительное увольнение на трое суток.

Большую помощь населению в уборке урожая оказал отряд имени Жданова. Партизаны под руководством Егора Еременко убрали и обмолотили хлеб в деревнях Кострово, Красово, Церковно, Любасно, Дуброво. За оказание помощи населению этих деревень Егору Еременко приказом по отряду была объявлена благодарность.

Мы пополняли свою продовольственную базу не только мирным путем. Применялись и свои, партизанские, методы.

24 августа 1942 года разведка донесла, что возле железной дороги в районе станции Дрисса пасется угнанное немцами стадо коров. Мы послали туда группу бойцов, которая тихо и весьма аккуратно выполнила свою задачу. После ряда приключений стадо было доставлено в наше расположение.

В нем оказалось 40 голов скота.

Для переработки зерна за Миловидами, в лесу, была построена мельница. За сутки она могла смолоть более пяти тонн зерна. Золотые руки были у нашего мастера Александра Ангудовича. Он собрал мельницу почти из хлама. Заведовал ею партизан-ленинградец И. Г. Запольский. Они обеспечивали мукой не только свою бригаду, но и наших соседей из других зон, а также местное население.

При каждом отряде имелась своя небольшая пекарня. Раньше хлеб для нас выпекали в деревнях. Теперь мы обходились своими силами.

Были в отрядах и походные кухни. Наши медики во главе с военврачом Воробьевым следили за тем, чтобы у партизан не было заболеваний цингой. По возможности использовали свежие овощи. Часто готовили рыбные блюда. Специальные группы из местного населения снабжали отряды свежей рыбой, благо недостатка в озерах в нашем районе нет. Особенно хорошо ловилась рыба в озере Лисно. Здесь этим занимался опытный специалист Яков Зунда.

В лисненском озере водится много угря. Его жир мы использовали для смазки оружия.

В лесах работали оружейные мастерские. Сельский механизатор Степан Семенчук был нашим главным оружейником. Он ремонтировал, казалось, совершенно негодные винтовки, пулеметы, автоматы. Неутомимый изобретатель, он переделывал десятизарядные винтовки СВТ в автоматические.

Александр Ангудович восстанавливал 45- и 76-мм пушки, которые нам удавалось где-нибудь раздобыть. Обычно, если в пушке был неисправен замок, партизаны производили выстрел с помощью металлического стержня, по которому ударяли тяжелым предметом.

В сельской кузнице Ангудович изготовлял хорошие ударные трубки, и пушка начинала работать, как с исправным замком. Он же ремонтировал и станковые пулеметы.

В отряде имени Орджоникидзе была мастерская по выработке кож и овчин. Заведовал ею Деменков. Прекрасный специалист кожевенного дела Зайцев, довольно пожилой человек, давал отличную продукцию.

С утра начинали стучать молотки и в сапожной мастерской Антона Юхневича. Сапожники не только чинили старую обувь, но изготовляли новую. До сих пор вспоминают бывшие партизаны добрым словом замечательного специалиста Ивана Гавриленко, который сшил за время войны не одну пару отличных сапог.

Швейная мастерская полностью обеспечивала нужды бойцов в ремонте и пошиве одежды.

Такие мастерские имелись во всех отрядах нашей бригады.

В одном только отряде имени Симацкого до наступления холодов изготовили 295 пар кожаных сапог и отремонтировали 734 пары.

Иван Кузьмич Захаров
(фотография 1944 года)

Антон Иванович Сергушко

Павел Антонович Цалпан

Афанасий Федорович Воробьев

Владимир Владимирович
Симацкий

Антон Игнатьевич Литвинов

Василий Ильич Лукашонок

Евгения Устиновна Фроленок (Громова)

Владимир Иванович Хвеженко

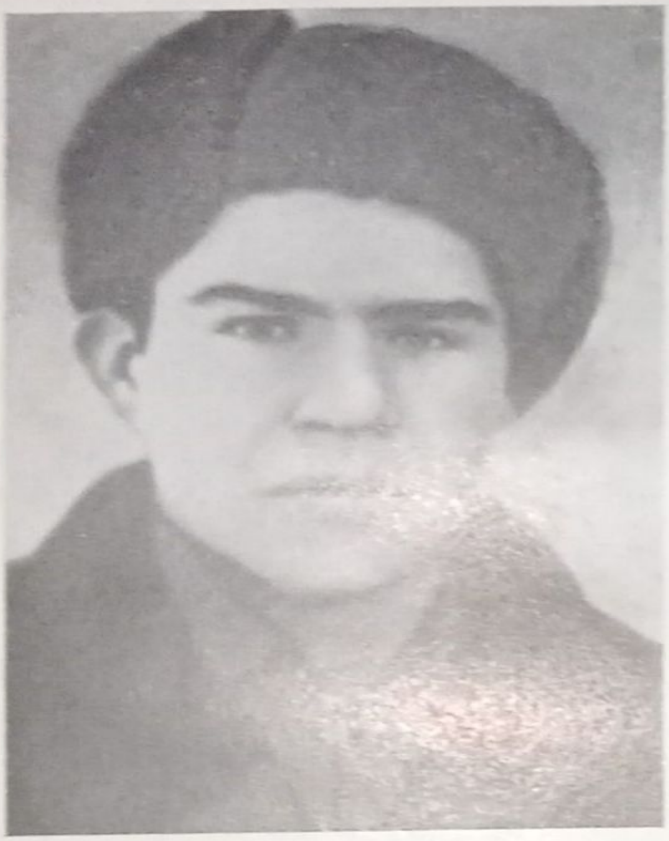
Николай Иосифович Сличный

Александр Михайлович Гром

Встреча командиров партизанских отрядов Освейского и Россонского районов. Справа налево: П. М. Машеров, Н. Е. Гиль, С. Б. Петровский, И. К. Захаров, А. М. Гром (июнь 1942 года).

Людвиг Иосифович Гередник

Галим Ахмедьярович Ахмедьяров

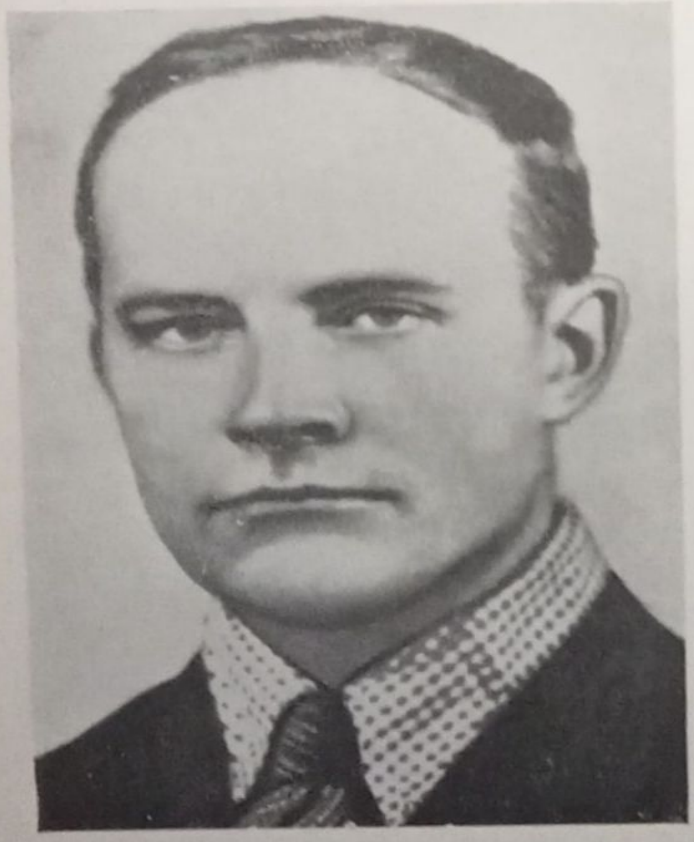
Александр Евменович Бокий

Алексей Иванович Трофимов

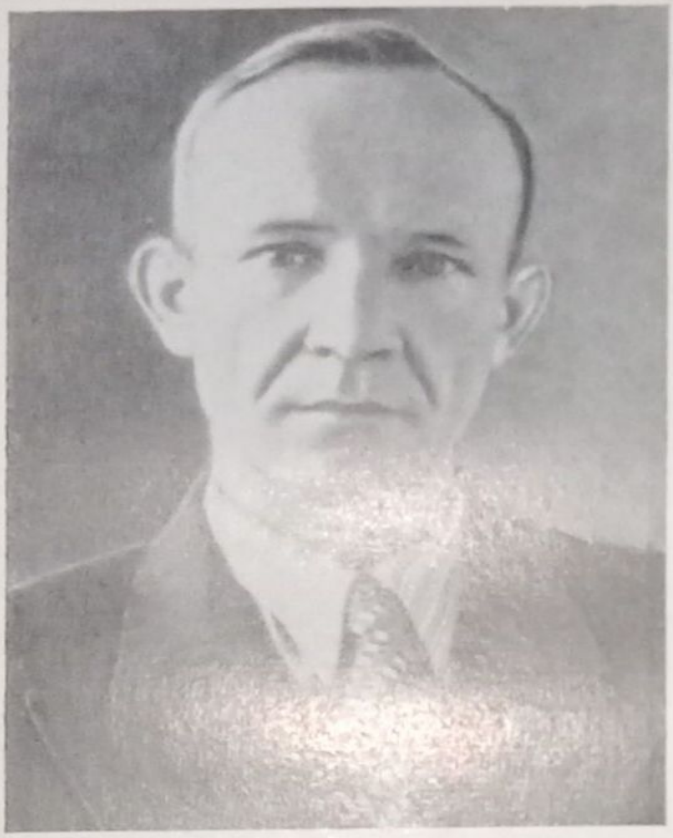
Радистки партизанской бригады имени М. В. Фрунзе Ольга Игнатьева (слева) и Полина Ковалева (август 1944 года).

Имант Янович Судмалис

Ефим Васильевич Лукашонок

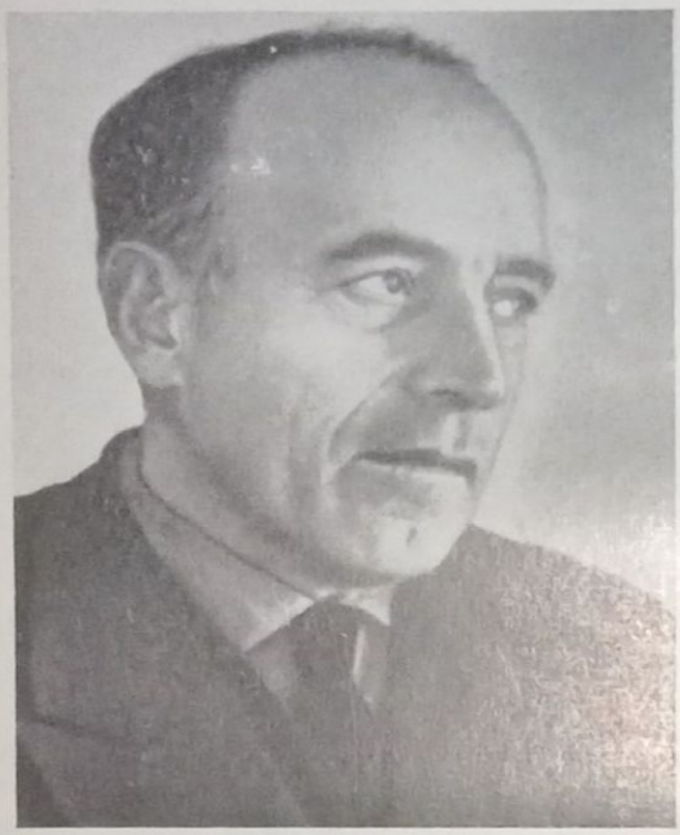
Леонид Михайлович Юхневич

Яков Иосифович Зунда

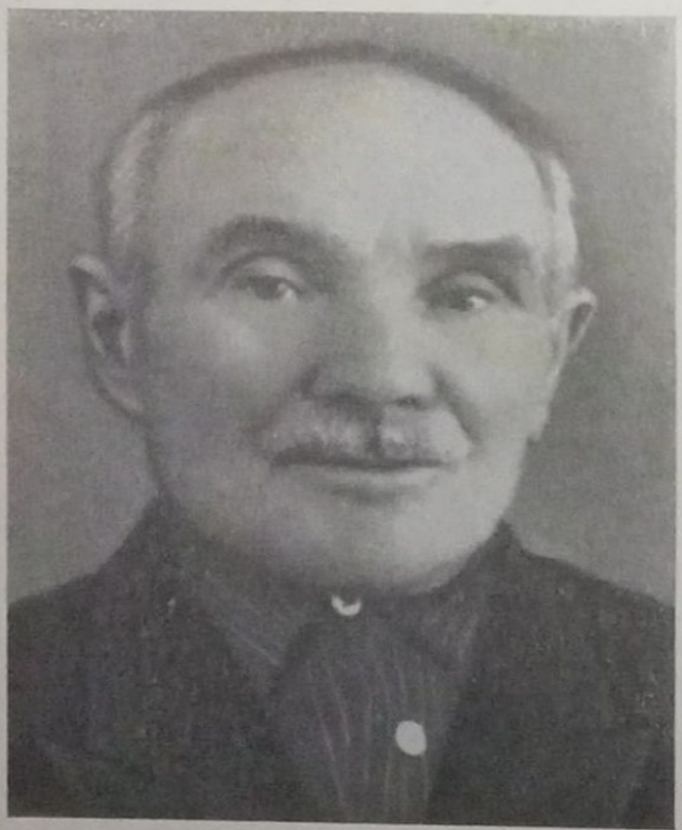
Степан Семенчук (слева) и его помощник по сбору оружия и оборудования баз Семен Микуленок.

Константин Петрович Яськин

Петр Семенович Смычков

Герасим Яковлевич Фроленок

Михаил Андреевич Шипило

Петр Петрович Литьяков

Павел Алексеевич Пизан

Александр Федорович Бардадын

Андрей Алексеевич Новоевский

АСВЕЙСКАЯ ТРАГЕДЫЯ

Лютуюць нямецка-фашысцкія каты. Патокі нявіннай крыві льюцца там, дзе ступае нага фашысцкага звера. Апіянёныя крывёю, гітлераўскія нягоднікі не спыняюцца ні перад чым. Нож і атрута, агонь і сякера, шыбеніца і аўтамат — усё пускаюць у ход нямецкія людаеды, каб толькі зняв ечваць, катаваць, знішчаць совецкіх людзей. Кроў стыне ў жылах ад страшэнных злачынстваў фашысцкай зграі. Здаецца, няма канца садызму, лютасці акупантаў.

Яшчэ зусім нядаўна чалавечая свядомасць была патрасяна страшэннымі злачынствамі немцаў у Краснадарскім краі. Гэта—масавае атручванне совецкіх людзей, забойствы хворых і дзяцей атрутнымі газамі ў машынах смерці—«душагубках».

ЖУДАСНАЯ КРЫВАВАЯ ТРАГЕДЫЯ РАЗЫГРАЛАСЯ НЯДАЎНА У АСВЕЙСКІМ РАЁНЕ ВІЦЕБСКАЙ ОБЛАСЦІ

У страшэнную пустыню ператварыўся гэты прыгожы куток зямлі беларускай. У ім нельга пазнаць ранейшы цудоўны вазёрны край, шчодры і багаты. Усё, што доўгія годы ствараліся тут асвейскія калгаснікі, загінула пад цяжкім ботам нямецкіх катаў-акупантаў.

Гэта было ў сакавіку. Усяго некалькі дзён лютавала тут арда нямецкіх карацеляў. За гэтыя некалькі дзён заплечных спраў майстры дашчэнту спалілі ўсе 158 насялёных пунктаў раёна (3.450 жылых дамоў), спалілі раённы цэнтр Асвею і мястэчка Кахановічы, спалілі 9 дамоў соцкультуры, 12 сярэдніх і 90 няпоўных сярэдніх школ, 4 дзіцячыя дамы, 6 больніц і 2 ветлячэбніцы, 3 машынна-трактарныя станцыі і 3 вялікія млыны. Нямецкія варвары не пашкадавалі і святыні верующых: яны спалілі дзве праваслаўныя царквы і тры касцёлы.

З халодным садызмам дзікіх звяроў немцы-карацелі спалілі жывымі і ўтапілі ў рацэ Свольна 3.639 мірных жыхараў. І хто-ж яны? Гэта 2.118 дзяцей да 12-гадовага ўзросту. Гэта 310 старыкоў звыш 50-гадовага ўзросту.

І гэта яшчэ не ўсё. Карацелі схапілі і пагналі на катаргу ў праклятую Нямеччыну 2.615 мужчын і жанчын. Грабежнікі-немцы забралі ў насельніцтва апошнюю жывёлу, увесь хлеб і хатнія пажыткі совецкіх людзей.

Ахвяры нямецкага тэрору падвяргаліся жудасным катаванням і здзекам. На грудзях і спіне 8-гадовага хлопчыка Юхневіча (вёска Бялыні) нямецкія каты выразалі пяціканцовыя звёзды, а затым кінулі яго ў палаючы дом. Ягонай мацеры яны адрэзалі грудзі, а сямігадовай сястрычцы Веры нажом распаролі жывот. Затым іх таксама кінулі ў бушуючае полымя. Такі-ж страшэнны лёс напаткаў сям'ю Жаравых з вёскі Барысава. Знявечаныя, але яшчэ жывыя, жанчыны і дзеці былі ўтоплены ў рацэ Свольна.

Адрэзванне грудзей, выразванне пяціканцовых звёзд на спінах совецкіх людзей—гэта яшчэ не ўвесь арсенал жахлівых нямецкіх катаванняў. Многім сваім ахвярам немцы выкручвалі рукі і ногі, скручвалі

галовы. У некаторых вёсках немцы нават насаджвалі на калы дзяцей—хлопчыкаў і дзяўчынак.

Гэтыя жудасныя катаванні прымяняліся ў масавым парадку. Зняве-чаных і поўжывых людзей акупанты, звычайна, зганялі ў адзін дом, свіран або пуню. Наглуха зачыніўшы будынак, яны аблівалі яго бензі-нам і падпальвалі. Людзі гарэлі, паміралі павольнай, пакутлівай смерцю.

Большасць сваіх ахвяр немцы вынішчалі шляхам спальвання. Вось асобныя вытрымкі з акта аб зверствах нямецка-фашысцкіх акупантаў у Сухарукаўскім сельсавеце:

«...Вёска Мухаваціца, якая складалася з 25 двароў, спалена поўнасцю. Знойдзены трупы 13 зажыва спаленых і 1 расстралянага мірных жыхароў. Узрост, імёны загінуўшых устанавіць не ўдалося.

Вёска Чарнікова, якая складалася з 18 двароў, спалена поўнасцю. Знойдзены трупы 20 зажыва спаленых мірных жыхароў.

Вёска Каралёва—25 двароў—спалена поўнасцю. Знойдзены 16 трупаў зажыва спаленых мірных жыхароў, старыкоў і дзяцей...».

Такі-жахлівы малюнак і ў астатніх дзевяці знішчаных вёсках гэтага сельсавета, як і ўсіх 158 знішчаных насялёных пунктах раёна, у раённым цэнтры Асвея і мястэчку Кахановічы, у вялікіх пасёлках Задзежжа і Сарочына.

А катаванні бізунамі і гумавымі палкамі, падвешванне на крук за сківіцу ці рэбры, масавае гвалтаванне дзяўчат і жанчын! Усяго не пералічыш. Немцы—вопытныя каты. Яны па магчымасці замятаюць сляды сваіх злачынстваў. Яны знішчалі, спальвалі і тапілі ўсіх, хто трапіў ім у рукі. Так, маў, лепш—не будзе сведак, не будзе абвінаваўцаў.

Але абвінаваўцы ёсць! Есць і мсціўцы! Гэта—паўстаўшы беларускі народ, гэта—узброеныя народы Совецкага Саюза. І калі сёння нямецкія злачынцы яшчэ не ўсе злоўлены, калі яны яшчэ прадаўжаюць спальваць і катаваць нашых людзей, то заўтра іх агідныя трупы будуць гойдацца ў петлях на плошчах нашых гарадоў і сёл. Мы адпомсцім! У дзень расплаты мы прыпомнім ім і зруйнаваны куток беларускай зямлі, прыпомнім ім асвейскую трагедыю.

Мацней сціскай вінтоўку, партызан! Да помсты цябе кліча кроў замучаных совецкіх людзей. Жыві толькі адной думкай, толькі адным імкненнем — біць акупантаў.

Партызан! Забі ката, душы немца-акупанта, знішчай крывавых гітлераўскіх вылюдкаў, адсякай іх брудныя лапы. Забі гітлераўца, інакш ён цябе заб'е.

Вораг лютуе, бо адчувае блізасць сваёй катастрофы. Вогненнае кальцо вакол зграі гітлераўскіх забойцаў з кожным днём сціскаецца. Б'е і гоніць немцаў на захад наша слаўная Чырвоная Армія. Узмацняюць свае ўдары па гітлераўскай Германіі нашы саюзнікі—Англія і Злучаныя Штаты Амерыкі. Не мінаваць фашысцкім катам справядлівай кары за ўсе свае брудныя і крывавыя справы.

Смерць гітлераўскім людаедам!

ПРАЧЫТАЙ І ПЕРАДАЙ ДРУГОМУ

Б2621 Выдание ЦК КП(б) Беларусі 2308
1943 год

Листовка ЦК КП(б)Б о злодеяниях немецких оккупантов в Освейском районе весной 1943 года.

Антон Семенович Нарубин

Сергей Иванович Мочрбля

Группа партизан-подрывников отряда имени М. В. Фрунзе.

Командный состав партизанской бригады имени М. В. Фрунзе. Лежат (слева направо): Т. Ф. Родионов — нач. штаба бригады, М. Н. Кузьмин — командир отряда, И. К. Захаров — командир бригады, И. Ф. Петриенко — зам. командира бригады, Г. А. Ахмедьяров — командир отряда. Сидят (слева направо): С. В. Гребенкин — командир отряда, П. Е. Руденко — комиссар отряда, В. И. Хвеженко — секретарь подпольного райкома комсомола, пом. комиссара бригады по комсомолу, П. П. Кузьминов — второй секретарь подпольного райкома партии, И. И. Степанов — пропагандист райкома партии. Стоят (слева направо): Ф. А. Николенко — комиссар отряда, М. И. Грицкевич — зам. командира бригады по разведке, И. А. Морачковский — начальник разведки бригады, П. Л. Шкляров — комиссар отряда, А. И. Литвинов — комиссар отряда, В. П. Калайджан — командир отряда, А. А. Шамаль — командир отряда.

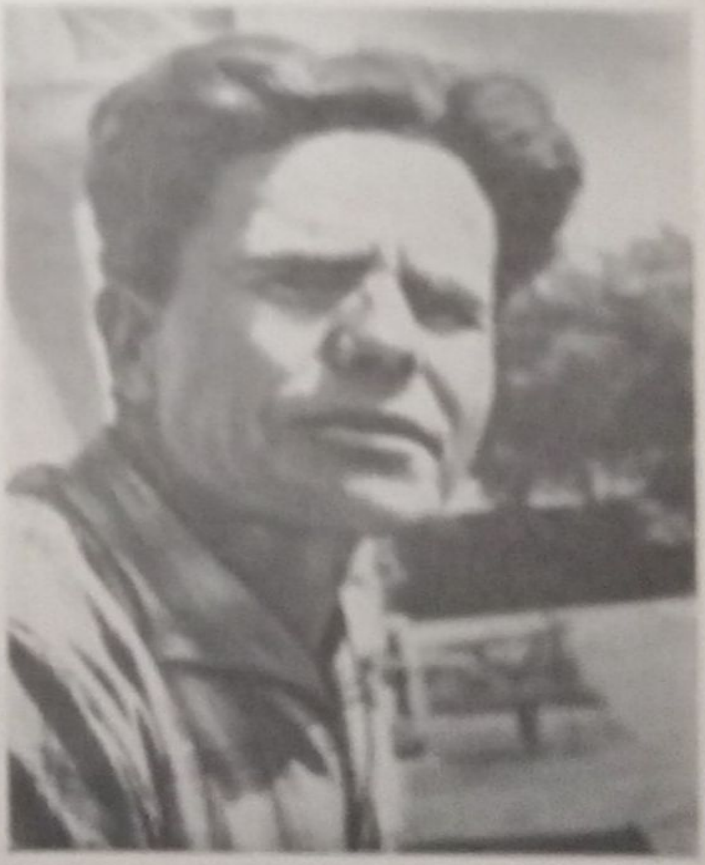
Расстрелянные фашистами мирные жители деревни Беляны, Освейского района (весна 1943 года).

Анатолий Андреевич Шамаль

Отомар Петрович Ошкалн

Николай Петрович Муранов

Курган Дружбы на стыке трех братских республик.

Если говорить о всей бригаде, то наша партизанская промышленность к зиме 1942 года пошила и отремонтировала 500 полушубков, сваляла и подшила 620 пар валенок, изготовила 400 пар лыж.

Понятно, что мы не в состоянии были влить в свои боевые ряды всех желающих. В хозяйственных частях и работали в основном те специалисты, которые просились к нам в отряды.

Характерен такой случай. В Кохановичах жил глухонемой Михаил Войтехович Силицкий. Он собрал и сохранил несколько новеньких винтовок, два автомата, три пистолета и около десятка цинковых ящиков с патронами. Силицкий поставил условие, что все это отдаст, если только его возьмут в отряд. Но глухонемой не мог быть бойцом. С трудом уговорили его работать в мастерских.

Всю войну прошел с нами этот замечательный человек.

Очень многое в условиях партизанских боевых действий зависело от организации медицинской службы. С кадрами медиков на первых порах были немалые трудности. Мы считали, что нам еще повезло. В наших рядах оказался замечательный специалист своего дела, опытный организатор медико-санитарной службы военврач второго ранга А. Ф. Воробьев. До того как Афанасий Федорович попал в партизаны, он руководил медслужбой дивизии.

Ближайшей его помощницей была медсестра Лидия Павловская. Вдвоем они оказывали медицинскую помощь больным и раненым еще тогда, когда у нас был небольшой отряд.

Самоотверженно трудились эти люди и в условиях крупного партизанского соединения. Немало энергии, выдумки, инициативы требовалось от них, чтобы добыть медикаменты, перевязочный материал, инструментарий. Воробьев и Павловская ухитрились даже открыть курсы по подготовке медсестер. Через эти курсы прошли Евгения Совейко, Лидия Качарина, Клавдия Дудкина и другие девушки.

Позже в бригаду прибыли опытные армейские фельдшера Александр Иосифович Морачковский, Анатолий Афанасьевич Черемисов и Тимофей Андреевич Дочкин. Это были умелые и энергичные товарищи. Та-

кое пополнение дало возможность выделить в каждый отряд квалифицированного специалиста.

Вскоре у нас начал работать небольшой партизанский госпиталь, который довольно успешно справлялся с задачей возвращения в строй раненых бойцов бригады. Вот отдельные примеры.

В одном из боев получил тяжелые ранения бывший секретарь прошковской комсомольской организации пулеметчик Василий Лукашонок. У него были повреждены бедро, голова, глаз, плечо. Казалось, что такие тяжелейшие ранения неизлечимы. Но упорство и мастерство Афанасия Федоровича сделали невозможное. Василий не только остался жив, но и вернулся в строй.

Доктору Воробьеву обязаны своим излечением Аркадий Яськин, раненный в бедро, Иван Амельченко, у которого пострадала нога, Константин Барохо, пулеметчик, уложивший в одном из боев десять гитлеровцев, и другие партизаны.

Как оказывалась помощь раненым?

Это особая, большая тема, которая здесь только упомянута.

Операции производились в примитивных условиях. Невыносимые страдания испытывали и хирург, и раненый. Никаких обезболивающих средств не было.

— Потерпи немножко, родной. Все будет в порядке,— успокаивал Афанасий Федорович оперируемого, орудуя перочинным ножом или финкой.

Сестра крепко держала раненого, вскакивающего от нестерпимой боли. Сердце обливалось кровью, когда хирург брал в руки обыкновенную садовую пилу и без наркоза производил ампутацию...

Доктор Воробьев поистине творил чудеса.

Переломы костей верхних конечностей лечили, делая так называемые неподвижные «аэропланные» повязки. Больным с поврежденными челюстями вливали через резиновую трубочку питательный раствор из яиц, молока, меда и кипяченой воды. При тяжелых операциях, когда больному приходилось особенно туго и врач боялся, как бы не наступил шок, в качестве наркотического средства применяли самогон...

Местное население проявляло трогательную заботу о раненых. Из окрестных деревень несли яйца, молоко, сметану, масло, мед.

Однажды меня поразила такая картина. Осматривая госпиталь, я увидел партизана, у которого область лица вокруг рта была скреплена... проволокой.

— Что это? — спросил я у Воробьева.

— Это? Работа осколка. Все разворотило. Но зубы целы. Решили скрепить в надежде, что срастется. Применили проволоку. А что еще можно сделать? Когда ткани срастутся, проволоку удалим, и, глядишь, нормальным человеком будет. Даже красивым.

Через полмесяца я снова увидел этого партизана. Начальник медслужбы был прав. Парень был здоров и хорошо выглядел.

Конечно же, нам очень не хватало медикаментов. Их запасы пополнялись при налетах на вражеские гарнизоны. Кое-что из лекарств сбрасывали наши транспортные самолеты.

Глубокой осенью сорок второго года, перед фашистской карательной экспедицией, были обнаружены массовые заболевания партизан чесоткой. «Что делать?» — ломал я голову.

Афанасий Федорович предложил построить в лесу баню, помыться и продезинфицировать одежду. За три дня вся бригада прошла через санобработку. В землянках навели идеальную по нашим условиям чистоту. Понимая всю ответственность этой операции, партизаны действовали четко и энергично. Инфекция была побеждена.

По мере роста численности и активизации действий бригады больше становилось у медиков пациентов. Госпиталь уже не мог принять всех раненых, а его работники еле справлялись со все возрастающим потоком людей.

Да и у Воробьева становилось все больше работы. Партизанские отряды зоны все чаще обращались за помощью к нашему врачу.

Это определило решение командования расширить госпиталь, укомплектовать его дополнительными кадрами. А. Ф. Воробьева освободили от непосредственной работы в госпитале, оставив за ним общее руководство медико-санитарной службой бригады. Начальником госпиталя был назначен фельдшер с 25-летним стажем Александр Иосифович Морачковский. Уроженец деревни Сеньково, Освейского района, он после службы в

Красной Армии на должности фельдшера вернулся в свой район и стал работать в больнице.

В партизанском госпитале этот замечательный человек проявил себя смелым и энергичным руководителем. Во время карательной экспедиции, когда фашисты бомбили дома, в которых размещался госпиталь, Морачковский вместе с сестрами выносил раненых в лес, а ночью возвращал обратно. Так продолжалось целую неделю, пока фашисты не уничтожили деревню. Тогда работники госпиталя за одну ночь перебазировались в другой населенный пункт.

Большое мужество и редкое самообладание проявил он в декабре сорок третьего года, когда, пробиваясь сквозь вражеское кольцо, форсируя водные преграды, партизаны шли на соединение со своими войсками. Александр Иосифович спас всех раненых, которые находились на его попечении. В тех жестоких условиях это был подвиг.

Наконец-то осуществилась и мечта Тани Якумович. Ее взяли в отряд имени Фрунзе. Она участвовала в строительстве базы возле Микулино, охраняла партизанский госпиталь, была поваром, ходила в разведку. И никогда не расставалась с винтовкой, которую оставил ей незнакомый красноармеец.

Вспоминая прошлое, я вижу, что эта девушка, такая же, как тысячи ее сверстниц, обыкновенная в своих помыслах и делах, воплотила в себе очень важную особенность нашей молодежи. Она не совершала беспримерных по смелости подвигов, ибо такое выпадает на роду не всем. Но она была одной из многих тысяч тех, кто, идя славной дорогой отцов, выстоял в этой войне и победил.

РАЗВЕДКА ДЕЙСТВУЕТ

Вечер был тихий, ласковый, теплый. Еле уловимые грибные запахи смешивались с легким ароматом хвои. Иногда доносился горьковатый дымок костра...

Солнце ушло за вершины деревьев. Сизый сумрак начал выползать из-за дальних стволов. И вдруг багровые всполохи зажгли вершины елей, а потом прыгнули по стволам вниз. Косые столбы пламени вырвались откуда-то сверху и осветили пространство между деревьев.

— Смотри, Женя, смотри! — восторженно говорила девушка в темной юбке и белой кофточке в горошинку, подымая с колен подруги голову и машинально поправляя сбившиеся каштановые волосы.— Смотри, как полыхает! Сколько живу, никогда такой красотищи не видела. Огонь, самый настоящий огонь!

— А мне что-то кровь в этом закате видится... И грустно, Маша, почему-то стало...

— Женечка, как ты не понимаешь! Смотри, смотри! Какой живой цвет! Он такой... Ну, радостный.

Яркие лучи заката потухли так же внезапно, как и возникли. Девушки сидели молча. Радостное настроение Марии Печкуровой пропало. Она села рядом с подругой, прижалась к ней.

Тихая, грустно-протяжная песня родилась почти неслышно и, дрожа, стала рассказывать, как тяжело девушке, насильно отданной за нелюбимого. Суровые, хрипловатые голоса партизан сплетались с грудными женскими и выводили задушевную и печальную мелодию, полную боли и тоски.

— Я вот слушаю песню эту и думаю, что про Белоруссию поют. Про горькую ее судьбу... А я не в силах помочь чем-либо. Я все бы сделала,— тихо сказала Маша.— А меня никуда не пускают. Даже винтовку забрать хотели,— последнее она проговорила с такой

обидой, что Владимир Вестенберг, который почему-то всегда бывал там, где Женя, невольно рассмеялся.

— Эх ты, воин! Тут нас, мужиков, хватает. Гляди, сколько их здесь! А будет еще больше. Все берутся за оружие. По всей республике!

— Молчи, «мужик»! — усмехнулась Женя.— А то договоришься до того, будто девушек вообще не надо принимать в отряд, поскольку они есть существа слабые.

— Да ты меня не так поняла! Я просто хотел сказать...

— Вот и надо говорить так, чтобы тебя сразу понимали,— навалились на Вестенберга девушки.

— Я хотел сказать, что мы вас в обиду не дадим, что мы за своих близких жизни не пожалеем,— с жаром ответил Владимир.

Женя как-то вся напряглась при этих словах, улавливая в них что-то недосказанное и радостное. Она протянула руку и сжала его жесткую ладонь.

— После войны,— прервала затянувшееся молчание Маша,— после войны я опять буду учиться...

— А я вернусь в школу и напишу на классной доске большими буквами: «Мир! Здравствуй, мир!» Скажу своим ученикам: «Стройте, ребята! Стройте новые дома, клубы, школы, стройте новую красивую жизнь, потому что теперь уже никогда не будет войны».

— Это невозможно! — в глазах Маши появились слезы.

— Что невозможно?

— Мне очень хочется этого... Но я не могу в это поверить.

— Ты не веришь, что кончится война и ребята снова сядут за парты?

— Вы простите меня,— всхлипывая, проговорила Маша,— но я так хочу, чтобы в нашей Освее снова все было, как раньше...

Быстро темнело. Оставались заметными только легкие отблески костра и силуэты людей на его фоне.

Это был особенный вечер. Последний вечер в одном отряде. Завтра в этом лагере останется только штаб бригады, подпольный райком партии и отряд имени Фрунзе. Остальные товарищи уйдут на новые базы. Вчера об этом говорил комиссар. Нужно было расставать-

ся со многими из тех, кто стал за короткое время жизни в лесу так дорог.

— Симацкий, Бадыль, Шакуров, к командиру! — раздался чей-то голос.

Потом кто-то быстро прошел к штабу. Женя поймала себя на том, что она то и дело посматривает в ту сторону и прислушивается к голосам. Остальные тоже были в напряженном ожидании.

— Кого же отправят на новое место? — выразил общее настроение Вестенберг.

Организация бригады была и для нас, руководителей, нелегким делом. Надо было распределить людей, учесть личные пожелания, да так, чтобы общее дело не пострадало. А многие в отряде сдружились, как бы породнились и ни за что не хотели расставаться, расходиться по разным отрядам.

Да и подобрать командный состав было нелегко.

Практически эта работа выглядела так. Подбирались командир, комиссар и начальник штаба. Им придавалась маленькая группа в несколько человек. Вот и весь новый отряд. Эти группы должны были сами набирать себе людей, искать оружие, начинать, по существу, с пустого места.

Но зато командиры в такой обстановке приобретали опыт в организационных делах, приучались к самостоятельности.

В тот вечер, накануне выхода на новые базы, мы не все знали о людях, немало было сомнений.

Сейчас к нам в штаб должны зайти Симацкий, Бадыль и Шакуров. Отряда имени Жданова нет, а руководители есть. Но это ничего. Будет!

Что же я знаю о Симацком, новом командире? Многое. Но еще раз проверяю себя. Дело не простое...

В землянку пришли приглашенные. Вопрос о назначении Симацкого командиром был решен, но хотелось еще раз взглянуть в глаза этому человеку, поговорить с ним.

Отряд, как оказалось, был уже готов к выходу на новую базу. Уточнили ряд деталей.

И тогда я спросил Владимира:

— Как бы связаться со Штейном?

— С Иваном? — нахмурился Симацкий.— Не советую, сволочь он... Ну что? Я пошел.

Землянка опустела. То, что Штейн не гладкий и его голыми руками не возьмешь, я чувствовал давно.

Родился Иван Штейн в семье кулака-латыша, прижившегося в белорусской деревне Борки. Детство и юность этого человека прошли, наверное, счастливо. Жил он в богатой семье. Но в 1923 году Советская власть отняла у отца землю, а его самого сослала в Сибирь. Трудно сейчас сказать, как сложилась дальнейшая судьба Ивана Штейна. Во всяком случае в родных местах его не видели вплоть до прихода немцев. Он появился вместе с ними и устроился на работу в районную управу.

В скором времени Штейн возглавил освейскую полицию.

Хотя внешне он и изменился за долгие годы, но узнать Ивана было нетрудно. Многие были с ним знакомы.

— Кулацкая морда,— шепотом говорили крестьяне.

Лучшим другом Штейна был староста Савицкий из деревни Гальковщина, они не раз пили вместе самогон. Эта дружба тянулась с давних времен, а в новой обстановке приобрела особенное значение. Приспешниками начальника освейской полиции оказались Петр Можейко из деревни Дедино, полицай Барохо, Владимир Торченок, которому Штейн поручал аресты советских людей, изменники Сергей Белевич, Серафим Петушенко, Леонид Старостенко, выдавшие фашистам не одного советского человека.

Все эти предатели не ушли от возмездия народа: партизаны их расстреляли.

Но все же сам Штейн представлял наибольшую опасность. Он хорошо знал местность, людей. Мы начали за ним охоту, полагая, что в первую очередь необходимо убрать именно его.

Но Штейн был хитер и ловок.

Фашистский прихвостень вел себя так, что ни один житель еще не погиб от его руки. Убивали другие, а он ухитрялся оставаться в стороне.

В дни, когда в Освее проводилось массовое уничтожение евреев, Штейна перевели заместителем бургомистра. Очевидно, это было понижением. Начальником полиции стал М. И. Батехо. Когда расстрелы закончились, Батехо исчез. Его как корова языком слизала.

А Штейн опять всплыл в роли начальника полиции.

В начале 1942 года немцам стало известно о том, что в районе появились партизаны. Связные передали, что гитлеровцы знают мою фамилию и ищут меня. Штейн с отрядом полицейских то на машинах, то верхом на лошадях метался по району. Его отряд появлялся в самых неожиданных местах. Начальник полиции выспрашивал у крестьян, знают ли они, где скрывается Захаров, где находятся партизаны, сулил деньги, поил самогоном.

Я чувствовал, что кольцо вокруг меня сжимается и нам вот-вот придется встретиться. Какова-то она будет, эта встреча? Работать становилось все опаснее: Штейн повсюду раскидывал свои сети.

Бывал он и у наших связных, осторожно выпытывал, где я, каждый раз заводил хитрые разговоры. Может быть, он что-либо знал?.. Определить было трудно.

В конце апреля 1942 года я подходил к Лисно. Лес кончился, и тропа зазмеилась по полю. В кустах на опушке я оставил оружие, как это делал всегда, отправляясь к Зунде. Обычная осторожность: если меня поймают, то хоть Яков Зунда уцелеет. Кроме того, без оружия я никак не походил на партизана. И еще скажу, что к своим связным я ни разу не ходил вечером или ночью, только днем, открыто.

Это внушало меньше подозрений тем, кто нас видел.

До домика Зунды оставалось шагов двадцать, как вдруг откуда-то появился полицейский. Поворачивать назад было поздно. Спокойно, стараясь вести себя невозмутимо, подхожу к дому и медленно поднимаюсь на крыльцо. Полицейский ничего не спросил, только ощупал глазами. Нарочно медленно миную сени. Толкнул дверь в избу.

Яков Зунда сидит за столом и разговаривает с каким-то человеком в штатском.

Что делать? Начал хозяин дома.

— Здравствуй, соседушка,— приветливо встретил меня Зунда.— Садись, закуривай. Так вот я и говорю вам, господин...— продолжал Яков говорить с человеком, который сидел против него.

Но тот выразительно глянул на хозяина, и старик запнулся. Человек встал, безразлично осмотрел меня, затем подошел к окну и, убедившись, что полицейский

на месте, прошел в соседнюю комнату. Там о чем-то завел разговор с женой Якова.

— Так что, пойдем рыбачить? — спросил я громко.

— Прихворнул я малость,— ответил хитрый старик,— хочешь, сам иди, а я в другой раз.

— Коли так, то делать нечего... Займусь другими делами. Бывай.— И я так же не спеша вышел из дома.

Полицейский у крыльца был чем-то занят. «А вдруг спохватится?» — думалось мне.

Я ждал окрика, выстрела в спину...

Вот и лес. Облегченно вздохнул и вытер на лбу пот. Пронесло! Сунул руку в карман и похолодел. В ней лежала пригоршня пистолетных патронов.

Поймали бы с ними — не оправдаться тогда рыбкой...

«Кто же был у Зунды? Начальник полиции,— мелькнула мысль.— Штейн! Темное гражданское пальто, сапоги, карман справа немного оттопыривается: там пистолет».

Так почему же он меня не задержал?

Старик уже позже, когда мы встретились вторично, рассказывал:

— Как ушел ты, Кузьмич, Штейн сразу же приказал собрать всех полицейских. Их много было в деревне. А у меня спросил: «Кто это был такой?» Сосед, говорю, а сам еле живой стою. А вдруг начнет допрашивать? «Сосед, значит?» — спрашивает он и на меня так это внимательно смотрит. Аж у меня все внутри похолодело. Конец, думаю. Потом сели на автомашины и умчались в Освею.

Итак, после моего ухода Штейн удрал в гарнизон.

Почему? Тут все ясно.

Догадался, кто был у Зунды. Решил быстрее проскочить лесок, где наши партизаны могли разбить его отряд. Понимал, что они не упустили бы такого случая, если бы были близко.

Штейн полагал, что мы рядом. Но почему не арестовал меня, почему выпустил? Этого я не знаю до сих пор.

Надо сказать, что попытки Штейна напасть на след отряда, разыскать партизанских связных ни к чему не привели. Положение этого фашистского прислужника вновь пошатнулось.

Комендант при всех кричал на него и грозил сгноить в карцере, если тот не установит местонахождение партизан и их сообщников. Штейн чувствовал, что над ним сгущаются тучи, а в реальности угроз господина коменданта сомневаться не приходилось.

Тогда начальник полиции начал аресты в Освее и окрестных деревнях. У него были смутные подозрения и никакой уверенности, что арестованные люди связаны с партизанами. Но это ничего не меняло. Главное, надо было как-то оправдаться перед комендантом.

И он доложил ему, что все арестованные — партизанские связные, во время допросов должны проболтаться.

В руки полиции попал учитель Константин Яськин, его жена Мария, жившие в Будах, был арестован Михаил Севастьянов и Михаил Мороз из Белян, схватили также Дусю Орешенко из Борисова, Маринского с отцом из Освеицы и многих других. Начались допросы, сопровождаемые жестокими избиениями. Но врагам ничего не удалось узнать.

Все арестованные и в самом деле оказывали партизанам кое-какую помощь, но ничего конкретного об отряде не знали, кроме Яськина, который был руководителем подполья в Киселях. Однако и этих мизерных сведений они врагу не выдали.

До тех людей, которые были хорошо осведомлены о партизанских делах, Штейну добраться не удалось. Но он старался вовсю. На дороге к Лисно полицаи арестовали партизана Мартина Белобородова, у которого при обыске обнаружили листовки. Не получив от него никаких показаний, его тут же расстреляли. В Великом Селе расстреляли коммуниста Сергея Лукашонка, который еще не успел установить с нами связь.

Не дремали и мы. Наши разведчики сделали все возможное, чтобы подорвать доверие немцев к Штейну и спасти арестованных. Организовано это было следующим образом.

С первых дней оккупации молодой тракторист Иван Степанов, живший у самого леса в деревне Ярохи, помогал своему другу Степану Семенчуку собирать оружие и боеприпасы. Во время первой нашей диверсии на шоссе взрывались мины, найденные и сохраненные ими.

Иван Степанов хотел сразу же уйти с нами, но мы приказали ему оставаться на месте. Такой человек, как он, был полезен именно вне отряда. Смелый, сообразительный, он был вместе с тем прекрасным актером. Из него получился неплохой партизанский разведчик.

Выполняя ответственное и опасное для жизни задание, он несколько месяцев прослужил в полиции. Удостоверение полицейского позволило ему беспрепятственно перевозить большие партии оружия и выполнять другие наши задания. Никто из односельчан и не подозревал, что Иван по ночам незаметно уходит из деревни и вместе с партизанами совершает диверсии.

Однажды вместе с Семенчуком они зашли в Стрелки. Идут спокойно, уверенные, что немцев там быть не может. Вдруг им послышался шум моторов. В деревне оказались четыре немецкие автомашины. Солдаты нагружали их картофелем. Хлопцы посчитали врагов и решили, что их не так уж много. Меткими выстрелами они стали снимать одного за другим. Фашисты не успели опомниться, как были уничтожены. Они даже не смогли оказать сопротивление.

Как потом выяснилось, при каждой машине был шофер и солдат. Всего восемь человек. Иван Степанов и Степан Семенчук сожгли машины и пошли дальше.

Ивану Степанову мы и поручили одно весьма тонкое и рискованное дело. Он должен был еще больше втереться в доверие к немцам. Этому способствовало и то обстоятельство, что лучший друг Штейна староста Савицкий был родным дедом Степанова.

И вот Иван воспылал самыми нежными чувствами к своему влиятельному родственнику, стал частенько помогать ему по хозяйству и вообще проявлять всяческие знаки внимания. Он поддакивал деду, когда тот ругал Советскую власть и похваливал фашистов. В общем, все было по-родственному, как у лучших друзей.

Отправляясь однажды к деду, Иван решил сделать круг и заглянуть в деревню Святицу, чтобы встретиться с местными комсомольцами. Ребята должны были передать в отряд несколько пулеметов. До этого он не был знаком с ними. Но назвал пароль, и они ему поверили, передали оружие.

А назавтра утром староста Савицкий с внуком въез-

жали в Освею. Полицейские, проверявшие всех, знали их и даже не остановили. Возок старосты подкатил к крыльцу комендантского дома. Немец-часовой, получив разрешение, пропустил старосту и Степанова в комнаты. Иван тащил большую корзину с красной смородиной — подарок господину коменданту от Савицкого. Комендант отнесся к прибывшим весьма благосклонно. Старика он уже знал, а с внуком охотно познакомился. Он пригласил старосту и его родственника пройти с ним на базарную площадь, где будет лично говорить с населением.

Переводчик Кузьмин и Штейн сопровождали господина коменданта. Речь его была очень выразительной. Все ясно поняли, что за связь с партизанами будут расстреливать, что надо помогать «великой Германии» и что немецкие власти только и делают, что заботятся о благе белорусского народа.

Вдруг Иван с ужасом заметил в толпе крестьян из Святицы. Он попытался спрятаться за спины комендантской свиты, но не тут-то было! Парни, узнав его, стали один за другим выбираться из толпы. Они приняли его за предателя.

Степанов похолодел от мысли, что эти хлопцы могут с ним расправиться и тогда он не сможет выполнить важного задания.

Ругая себя за легкомыслие, Иван вернулся со всеми в дом коменданта.

Фашистские холуи долго говорили о партизанах, гадали, где они могут находиться, а в конце беседы поручили Степанову связаться с ними. Комендант предложил ему стать их разведчиком. Иван долго не соглашался, говорил, что партизан ни разу в глаза не видел, не знает, как их найти, и очень боится. Однако, когда все стали уговаривать, сдался. Ему выдали махорки для подкупа партизан и отпустили.

Вечером Степанов был в отряде. Мы стали раздумывать над тем, что «ценного» можно сообщить фашистам. Сведения должны быть правдивыми, но уже устаревшими.

И стал Иван то сам лично, то через деда Савицкого передавать немцам «ценные» данные. Нередко, наведываясь в Освею, ему удавалось узнавать многое о действиях штейновской агентуры в немецком гарнизоне.

В виде особой чести комендант допускал его даже на гарнизонную кухню.

Степанов постоянно держал нас в курсе событий в поселке, узнавал о судьбе арестованных.

Освея была нами блокирована. Фашисты могли выезжать из нее не более чем километров на пять. Но когда запас продуктов кончался и им приходилось подтягивать пояса, оккупанты собирали побольше полицейских и отправляли их на заготовки. Полицейские врывались в деревни, быстро собирали у населения продукты и удирали.

Однажды такой бандой командовал сам Штейн. Полицейские решили подкормиться в Стрелках, километрах в десяти от Освеи. Они быстро грузили на машины все, что попадалось под руку. Штейн при этом уговаривал крестьян:

— Я знаю, что вы помогаете партизанам. А вот нам не хотите. Вы давайте партизанам, как и прежде, но не забывайте давать и немецкой власти.

В отряд примчался связной и рассказал об этом. Мы были километрах в пятнадцати от Стрелков. Пока добрались до деревни, полицейские успели удрать.

Вскоре немцы все же заподозрили Ивана Степанова и стали проверять его донесения. Об этом стало известно нам. Однажды сам Иван столкнулся нос к носу с агентом Штейна. Это произошло недалеко от нашего лагеря. Степанов понял, что враги выследили партизан и его, и вынужден был застрелить агента на месте. После этого ходить в Освею стало опасно.

Однако, надеясь на перемену обстановки, Иван не терял связи с немцами. Через Савицкого он сообщил, что появляться в Освее боится, так как партизаны, мол, стали за ним следить. Сведения будет передавать через дедушку.

Сообщения Степанова наводили страх на врага. Немцам казалось, что вокруг Освеи скапливается огромная партизанская армия. А между тем Штейн со своими агентами ничего путного доложить не мог. Авторитет его падал катастрофически.

В это время через Степанова мы передали коменданту освейского гарнизона гауптману Рихтеру письмо, в котором предлагали встретиться для переговоров. Комендант почему-то обрадовался этому и похвалил внука

Савицкого. Он ответил, что согласен на переговоры, и спрашивал об условиях.

Так началась переписка.

Во втором письме мы предложили Рихтеру прибыть на переговоры 12 июля 1942 года к деревне Городиловичи, на опушку леса, что с правой стороны по направлению к деревне Лисно. Состав делегаций: по 3 человека без оружия. Безопасность коменданта и его людей гарантировали.

Рихтер ответил, что он готов принять нас у себя в кабинете, обещает нам полную безопасность, дает на этот счет слово офицера и уже приказал своим солдатам не преследовать нас в течение трех часов после нашего ухода.

Затем пригрозил, что если на переговорах, которые будут вестись в наших интересах, мы не придем к согласию, то будут немедленно расстреляны пять заложников.

Время встречи назначил в воскресенье 9 июля в 11 часов дня. Можно прийти и несколькими днями позже.

Мы, конечно, в гарнизон не пошли. В категорической форме написали, что настаиваем на предложенном нами месте встречи, так как не уверены, что с нами ничего плохого не случится. Мы же коменданту обеспечиваем полнейшую безопасность.

Дальше разъяснили, что все наши люди при нас, а кто арестован в Освее, мы не знаем, наших заложников нигде нет.

Данные о гарнизоне, его численном составе, вооружении, расположении огневых точек у нас имеются самые полные. Так что если 12 июля комендант не прибудет на переговоры, предлагаем ему оставить Освею. Иначе никто из немцев и их приспешников не уйдет оттуда живым. Разбить гарнизон у нас сил хватит.

Вместе с письмом послали немного литературы, полученной нами из-за линии фронта. Пусть господа знают действительное положение дел.

Когда комендант получил наше письмо с агитационно-пропагандистской литературой, он немедленно освободил арестованных заложников. А вскоре весь гарнизон бежал из Освеи. Видимо, немцы испугались наших угроз, а сил укрепить гарнизон у них не было.

Именно в эти дни мы готовили взрыв Бениславского моста. Операция осуществлялась с привлечением значительных сил партизан, так как нужно было обеспечить прикрытие и сбить вражеский заслон. Очевидно, Рихтер сумел узнать о том, что партизаны готовятся к боевым действиям, и воспринял это как исполнение нашей угрозы освейскому гарнизону.

Когда отряд имени Фрунзе направился к Бениславскому мосту, из Освеи прискакал наш человек и сообщил, что немцы упаковывают вещи и грузятся на автомашины. Что-либо предпринять мы уже не могли, было поздно.

К утру фашистский гарнизон бежал в Дриссу.

Позже нам рассказали, как Штейн произносил прощальную речь, когда гарнизон собирался перебазироваться в Дриссу. Собрали митинг. Начальник полиции говорил о том, что, мол, трудно будет местному населению без немецкой охраны. В Освею начнут приходить партизаны и требовать продукты. Но что делать? Придется давать. А когда вернутся немцы, они расправятся с партизанами.

Больше Штейн в районе не появлялся. Позднее стало известно, что он был назначен начальником управы в местечке Борковичи, Дриссенского района.

А затем и вовсе исчез из нашего поля зрения.

Однако в последнюю ночь перед выходом новых отрядов на свои базы я еще не знал, что Штейн больше нам не встретится. Думалось, а вдруг удастся выведать у него что-нибудь важное. Симацкий-то с ним был близко знаком. А лишняя информация никогда не мешает.

Уходили ребята на новые места. Хоть и в одной бригаде, но не рядом. Как поведут они себя на самостоятельном пути?

Дельцова мы назначили комиссаром отряда имени Фрунзе. Поверили ему. Времена были тогда особые, и человек раскрывался не сразу.

Много, очень много я видел людей, которые не всегда шли по прямой линии. Менялись взгляды, характеры и даже убеждения. Вот, кажется, трус человек, хапуга, подлец, которого под горячую руку расстрелять можно, но повременишь, присмотришься, в дело пустишь — все меняется, становится этот человек совсем другим. Не так это быстро выходило и не всегда.

Но бывало. Люди рисковали жизнью, искупали вину кровью, а это многое значит.

Таким был и Дельцов. Он стал хорошо, смело воевать, правильно вести себя. Преданность народу доказал на деле. Назначили его комиссаром. Всю войну прошел он с нами, не подвел.

А Владимир Симацкий не дошел с нами до победы. Недолго довелось ему встречаться с врагом в открытом бою. Вступив в должность командира отряда имени Жданова, Симацкий начал почти с пустого места, с названия. В его подчинении было только десять бойцов. За короткий срок Владимир Владимирович сумел развернуть отряд в полнокровную боевую единицу. Уже во второй половине июля сорок второго года он повел своих товарищей на первые боевые задания.

Прибывший 15 июля в Освею, вражеский гарнизон начал свою «деятельность» с попыток провести несколько карательных акций. Так, в частности, каратели узнали, что их бывший сотрудник командует партизанским отрядом и располагается совсем рядом, в Лисно. На охоту за Симацким и его отрядом были брошены две машины солдат. Однако «охотники» сами оказались в сетях. У Кобыльников они попали под сильный огонь партизан отряда имени Жданова. Автомашины карателей были обстреляны из пулеметов и минометов. Оставив убитыми 15 солдат и двух офицеров, немцы удрали в Освею.

Постепенно от диверсий на дорогах и засад отряд Симацкого перешел к боевым операциям наступательного характера.

Ночью 17 октября ждановцы подошли к латышской деревне Заборье. Там, на бывшем кордоне, стоял немецкий гарнизон численностью около тридцати человек. С помощью местного партизана Михаила Дубро Симацкий заранее все разведал и действовал наверняка. Внезапным броском партизаны надеялись ошарашить противника, опрокинуть и уничтожить растерявшихся врагов. Но война почти всегда оборачивается неожиданностями. Фашисты сумели выстоять и организовать оборону, обрушив на наступающих шквал пулеметного и минометного огня.

Симацкий с гранатой в руке рванулся вперед, чтобы подавить вражеский пулемет, но был сражен его оче-

редью. Казалось, не выдержат, дрогнут партизаны. Но вместо убитого командира поднялся начальник штаба Сергей Жвирбля.

— Вперед! — скомандовал он.

Через несколько минут огневые точки были подавлены, враг уничтожен.

Потом хоронили своих товарищей: Владимира Симацкого, Василия Евсеева, Степана Пилецкого, Терентия Аржаника...

А отряду присвоили имя его первого командира.

После войны останки В. В. Симацкого были перенесены в Освею. Надпись на могильном столбике гласит, что здесь похоронен командир отряда Освейской партизанской бригады Владимир Владимирович Симацкий, погибший в бою 17 октября 1942 года.

— Ребята, потрясающая новость,— объявил друзьям Вестенберг.— Самые новые данные. Только никому ни слова!

Друзья Вестенберга давно просились на задание. Таня вообще только и мечтала о подвигах, но ее никуда далеко не пускали, и она уже собиралась идти жаловаться командиру.

— Так вот, друзья,— таинственным шепотом продолжал Владимир.— Григорий с латышами идут в разведку в Латвию. Представляете ситуацию? Есть шанс. Можно попроситься.

— Идея! — засуетились остальные.— Пошли!

— Стоять на месте! — строго сказал Вестенберг.— Так вы все дело сорвете. Всем нельзя.

Владимир и братья Петр и Василий Лукашонки побежали в штаб.

Скоро они вернулись. По их унылым лицам можно было понять: отказали.

— Эх, не повезло,— мечтательно произнес Василий.— Ребята в Прошках побывают, дома...

— Может, письмишко черкнуть? — подумал вслух Алексей Блинов.

И он тут же, примостившись у пня, начал писать. Пример оказался заразительным. Ребята усердно заработали карандашами. Каждому хотелось написать раньше других.

Владимир перечитал свое письмо в Прошки и объявил:

— Внимание! Кончай писать. С письмами надо делать вот что.

И несколько помедлив, как бы еще сожалея о принятом решении, Вестенберг порвал письмо и бросил в костер.

— Почему? — всполошились остальные.

— Ребята-то в разведку идут. А если что случится?

— А что, это верно. Все может произойти,— поддержал Вестенберга Петр.

Еще несколько писем полетело в огонь.

— Вы себе как хотите, а я пошлю,— решительно заявил Блинов.

Это было вечером 8 июля 1942 года.

Григорий Лукашонок проверил людей и выступил в поход. Он то и дело оглядывался, хотя знал, что оглядываться не принято. Если пошел, то иди вперед — и все тут. Однако он оглядывался и видел, как тают в глубине ночного леса огоньки костров. Вот они пропали, и стало совсем темно.

Лес кончился неожиданно. Какие-то строения проступили на фоне посветлевшего неба.

— Красово,— сказал кто-то из ребят.

Да, это было Красово. Небольшая деревушка, в которой разведчики решили немного передохнуть. Григорий подсветил фонариком циферблат часов. За полночь. В деревне — ни огонька.

До Прошек совсем недалеко — всего восемь километров. Лукашонок тронул карман, где лежали два вчетверо сложенных листка. Блинов и Трофимов упросили-таки его взять письма. Хоть и нельзя. Знал, что нельзя, а взял. Ничего, дескать, обойдется...

Группа расположилась на отдых. В деревне проснулись, начали угощать партизан, немцев не было. Григорий взял у одного из жителей свой велосипед, который когда-то оставил ему на хранение, и решил подъехать домой, в Прошки. Тем временем подойдет и группа. «Так и товарищей не задержу, и дома побываю»,— думалось ему.

Дорога была разбитая, в ухабах, к тому же то и дело приходилось ехать в гору. Григорий часто слезал с велосипеда. Светало. Вспотевший Григорий иногда останавливался, и тогда чувствовал прохладное дуновение утреннего ветерка.

Вот и знакомая развилка. Можно ехать прямо, по большаку, тогда въедешь сразу на главную улицу, а если свернуть вправо на лесную тропинку, окажешься в деревне незаметно. Из-за деревьев можно посмотреть, висят ли белые простыни. Если висят, то немцев нет. Это условный сигнал, который вывешивают комсомольцы.

Григорий остановился и задумался: «Как ехать?» Еще ни разу немцы не ночевали в Прошках, боялись партизан. Приезжали днем. Еще рано, и немцев в деревне быть не может.

И он поехал прямо по большаку.

Остановись, Григорий! Не пренебрегай осторожностью!

Но никто не сказал Григорию этих слов. Он хотел побывать дома, увидеть семью. И забыл об опасности. Рисковал не только собой. Ведь Григорий Лукашонок — звено целой цепи.

Какое-то смутное предчувствие появилось на миг в его душе. Он остановился, слез с велосипеда и осмотрелся. Все в порядке. На нем обычный черный костюм, пистолет в кармане пиджака, две гранаты на ремне. Вперед!

А в это время в деревне были немцы. Много немцев.

Несмотря на то, что был только пятый час утра, карательный отряд готовился в дорогу. Вчера вечером эсэсовцы прибыли из Себежа, произвели обыск в некоторых домах, выставили охрану и расположились на ночлег. И вот теперь собирались уходить. Посты на окраинах деревни были сняты. На перекрестке улиц, у сарая, колонна начала строиться. Сейчас прозвучит команда и карательный отряд покинет Прошки.

Но в это время из-за поворота на большой скорости появился велосипедист. Фашисты удивленно глянули в его сторону, а тот, резко затормозив, упал с велосипеда, и тут же в колонну карателей полетела граната.

Это было так неожиданно, что никто даже не успел схватиться за оружие. Граната попала в голову солдата, и тот упал. Но взрыва нет. Секунда, две, три... Нет взрыва...

И граната уже полетела в сторону, прозвучала короткая автоматная очередь.

Человек у велосипеда дернулся и затих.

Фашисты рассыпались в разные стороны. На въездах в деревню притаились засады.

— Кто этот бандит? Он из вашей деревни? — кричал эсэсовский офицер на старосту Бориса Прошко.

— Н-не знаю его,— запинаясь, отвечал староста, глядя на Григория Лукашонка.

Он был мертв. Лицо командира группы разведчиков стало покрываться белизной.

— Обыскать! — приказал офицер.

Солдаты извлекли из карманов убитого какие-то бумаги, взяли пистолет, гранату.

Гестаповец в пенсне просматривал документы.

— Лукашонок! — отрывисто прочитал он.— Он из этой деревни? О! Дас ист...

Эсэсовский офицер крикнул что-то стоявшим неподалеку солдатам, и те, схватив Бориса Прошко, потащили старосту в сторону.

— Валюшка, они его убили,— с плачем вбежали женщины в дом Григория Лукашонка.

— Не может быть, что вы... Как это?.. Не верю!

Послышался сильный удар, распахнулась дверь и в дом ворвались эсэсовцы.

— Твой муж бандит! Мы ему сделали капут! Собирайся!

— Сам ты бандит, фашистская сволочь! — крикнула Валентина, с ненавистью глядя на офицера.

Удар в лицо свалил ее с ног. Немцы вытаскивали из дома ценные вещи и обкладывали его соломой. Огонь вспыхнул сразу с двух сторон и быстро пополз вверх.

А в это время фашисты грузили вещи на повозки.

Другая группа немцев расправлялась с семьей Юлии Лукашонок, которой было адресовано письмо Трофимова. Она спасла в свое время этого человека, выходила его, раненого, поставила на ноги, полюбила...

Жилище ее теперь пылало, а в спину упирался ствол немецкого автомата.

Дом старосты Бориса Прошко опустел: близкие, узнав о случившемся, разбежались, попрятались кто где.

К полудню гитлеровцы стали собираться в дорогу. Они уводили с собой семью Юлии Лукашонок, из деревни Гаврилино привели родных Блинова, взяли старосту, а жену и детей его почему-то искать не стали.

Тело Григория крестьяне отвезли на кладбище и похоронили.

Каратели угнали с собой даже годовалого сына Григория Володю, старуху-мать и пятнадцатилетнюю сестренку Аниську.

В Себеже их долго пытали, подвергали страшным издевательствам, хотели узнать что-нибудь о партизанах. Но никто ничего не сказал. Всех арестованных фашисты расстреляли, лишь одного пощадили — Володю. Оставили его местной жительнице Гудковской. Сироту стала воспитывать эта добрая женщина. Но спустя некоторое время немцы забрали его и увезли.

Дальнейшая судьба Володи неизвестна.

Через несколько дней каратели налетели на Прошки. Они оцепили дом Бориса Прошко, но там была только его жена Ефросинья. Дочь с остальными членами семьи находилась в лесу. Это их спасло. Фашисты обшарили всю деревню. Из дома вытащили все вещи Прошко, погрузили на подводы. Пьяные эсэсовцы занялись грабежом и на несколько минут оставили без присмотра Ефросинью. Она воспользовалась этим и скрылась.

Тогда эсэсовцы сожгли ее дом.

В это время травили собаками мать Василия Лукашонка, а эсэсовский офицер кричал:

— Где твой сын? У бандитов?

Избитую и искусанную собаками женщину бросили в беспамятстве. Ее тоже, может быть, арестовали бы, но помешали соседи.

Весть о гибели одного из основателей партизанской борьбы в районе пришла в лагерь на следующий день.

Владимир Вестенберг, потрясенный неожиданной гибелью своего боевого товарища, молча ходил между деревьями, исчезал в глубине леса, потом возвращался. Злыми глазами смотрел он на Трофимова и Блинова.

Таня плакала. Откровенно, не стесняясь своих слез. Впервые так сильно потрясло ее горе. Потрясло и разрушило привычные представления о войне. Нелепая смерть человека, которого Таня близко знала и очень уважала, заставила увидеть все вокруг в новом свете. Она понимала, что идет битва не на жизнь, а на смерть, видела, как гибнут в боях партизаны, знала о зверствах фашистов. Но теперь смерть приблизилась вплотную,

оглушила. Девушка восприняла тяжелую утрату не разумом, а чувствами. И чувства восстали против смерти.

Неожиданная, нелепая гибель одного из лучших наших товарищей была одной из ступеней той школы жизни, которую мы проходили в партизанской войне. Это была школа для всех, даже для самых опытных. Может быть, только три или четыре человека в отряде имели опыт партизанской войны. В большинстве своем партизаны были люди молодые, горячие и не всегда расчетливые. Жизнь беспощадно учила каждого.

Я стоял под сосной и курил. Тяжело было переживать утрату. А сколько еще таких жертв впереди — и в бою, и по оплошности. Но воевать надо. На территории района мы были полными хозяевами. Теперь надо было выходить на шоссейные и железнодорожные пути, совершать диверсии за пределами нашего района. Однако партизан, знающих подрывное дело, было мало. Надо что-то придумывать. Мы уже и обком партии просили прислать нам группу подрывников. Однако их пока не было, а время не ждало.

От этих мыслей меня отвлек чей-то голос.

— Иван Кузьмич, скажите, неужели надо обязательно убивать? — Рядом стояла Таня и, глядя прямо мне в глаза, ждала ответа.

Этот неожиданный вопрос поразил меня. «В нашем положении,— подумал я,— мысль Тани — страшная мысль. Она расхолаживает, снижает боевую активность».

— Сейчас, девочка, надо убивать! — твердо ответил я.— Если не убьешь врага ты, он убьет тебя... Убьет так же, как убили нашего Григория.

Таня вздрогнула от этого напоминания, глаза ее потемнели, но она упрямо продолжала:

— Нужно убивать людей, да?

— Да! — резко ответил я и повернулся, чтобы уйти.— Если те, которых убивают партизаны, останутся живы, то могут погибнуть десятки наших товарищей. Жалость к врагу — преступление, предательство. Мы на войне, и нечего играть в куклы. Уезжайте в Освею. Живите там, если вас не трогают те, кого вы сейчас жалеете!

— Я не жалею, я не про это...— со слезами в глазах сказала девушка.

Но я ушел и дальше не стал слушать.

Эта девушка, как совесть, заглядывала мне в душу и задавала те вопросы, которых я себе не хотел задавать.

Умение убивать — не самое лучшее умение в жизни. Но если враг вероломно напал, топчет и разоряет нашу землю, не щадит никого, если он сам беспощадно убивает наших людей, так с какой стати жалеть его?

Не все понимает эта девчонка. Ее гуманизм еще не окреп в горниле войны, она еще не боец. Боец умеет гасить жалость в сердце, когда идет бой.

Партизаны уходили на задания, выполняли их и приходили обратно. Иногда не возвращались. Как Лукашонок, как другие. В эти минуты я никогда не жалел врага.

А своим хотелось сказать:

«Воюйте так, чтобы жить! С умом воюйте, помните, что вы еще нужны. Вам рано умирать. Вы имеете полное право жить на освобожденной земле. Вы ни в чем не виноваты».

Да, надо было уметь воевать. Воевать по-партизански: смело, дерзко и расчетливо. Мы постоянно напоминали об этом всем уходящим на задания. Но всего не предусмотришь. На месте каждый должен ориентироваться сообразно обстановке.

Однажды пять разведчиков, среди которых был Иван Степанов, ехали верхом в Бигосово. Впереди была деревня Росица, в которую ребята и решили заехать. Там их ожидала встреча с нужными людьми.

Выехав на опушку леса, хлопцы стали наблюдать за деревней, но так ничего и не заметили. Собственно, опасности не предполагалось, так как ни немцев, ни полицаев в Росице раньше не было. Поэтому они смело поскакали к деревне.

Пронзительный свист заставил разведчиков остановиться. К ним бежал человек и махал руками. Пригляделись: наш связной. Разведчики быстро развернулись — и в лес.

— Тьфу, черт,— ругался связной.— Еле успел. Пришлось кругом обходить. Понаехали за продуктами полицаи, с ними немцы, целый взвод, наверное. Вот бы вы влипли...

Степанов представил себе встречу с немцами в не-

выгодном для себя положении. Чем бы она окончилась, неизвестно.

— Вишь ты,— сделал он вывод,— нельзя, оказывается, без проверки соваться даже в безопасные места.

Переговорив со связным, хлопцы решили пугнуть заготовителей. Из того же леска стали стрелять по деревне. Потом, галопом промчавшись вдоль поля, оказались с другой стороны деревни. Постреляли. Немцы тоже открыли огонь, а потом умолкли.

Вечером разведчики осторожно пробрались в деревню. Там стояли только повозки, груженные картофелем и другими продуктами. Немцы и полицейские, боясь окружения, поспешно бежали. Не успели даже распрячь лошадей. Обрезали гужи и ускакали.

Солнце клонилось к закату. Лучи его позолотили фигуру девушки, приближающуюся к шлагбауму у въезда в Кохановичи. На дороге маячила тощая фигура часового. Девушка подошла ближе и нерешительно шагнула в сторону, чтобы обойти солдата, но тощий, уперев в живот приклад автомата, тоже шагнул в сторону. Он продолжал бесцеремонно ощупывать глазами девушку.

Молодая крестьянка шагнула в другую сторону, но перед ней все так же молча стоял немец с автоматом и нагло ухмылялся. Рука его оторвалась от приклада и потянулась к подбородку девушки; она, вздрогнув от неожиданности, отшатнулась, испуганно прижав к груди небольшой узелок.

— Ганс! — противным писклявым голоском позвал тощий немец.

Из стоящей рядом будки вышел Ганс, автомат его висел на плече стволом вниз.

— О-о! — радостно замычал он,— русиш медхен!

Пошатываясь, он вышел на дорогу. Руки его ловко схватили девушку. Узелок оказался у тощего, а Ганс быстро ощупал ее всю... Она с отвращением отшатнулась от немца.

Ганс хохотал.

— Ты куда идешь? — неожиданно чисто по-русски спросил он.— Откуда?

— К тетке своей... Из Освеи я...— Голос ее дрожал.

Она протянула немцу бумажку — справку из волостной управы.

В бумажке было сказано, что Марья Козлова проживает в Освее и направляется к тете в Кохановичи. Часовые повертели бумажку, попытались еще раз обнять девушку и пропустили ее в местечко.

Таня медленно шла по улице, пытаясь вспомнить, где находится дом тети Фроси, у которой она была лет шесть тому назад. А мысли девушки возвращались к недавнему разговору.

В штабе бригады несколько дней назад ее спросили:

— Есть у тебя в Кохановичах родственники?

— Есть. Тетка.

— Хочешь отдохнуть у нее денька два? Найти ее сможешь?

Но отдыхать Таня не хотела.

— Короче, сможешь сходить в Кохановичи на разведку? Побываешь у тетки и все такое... Но если попадешь к немцам в руки, сама понимаешь...

— Смогу,— тихо и просто ответила Якумович.

А теперь каждая жилка дрожала в ней, она все время спрашивала себя, сможет ли выдержать, если... Но, стараясь быть спокойной, шла по улице и смотрела. Ей надо было узнать о фашистах как можно больше. Навстречу то и дело шли немцы, полицаи, но никто не обращал на девушку внимания.

Постепенно Таня начинала припоминать знакомые улицы. Теперь она была уверена, что найдет скромный деревянный домишко своей тети, который находился где-то на противоположном конце местечка.

И вдруг... Таня едва не остановилась от неожиданности: навстречу ей шел Людвиг Геродник. Вернее, шел полицейский с повязкой на рукаве. Но как похож — копия! Они поравнялись. Полицай внимательно и, как ей показалось, удивленно посмотрел на нее. Она отвернулась: это он, Людвиг! Девушка ждала, что он окликнет. Что тогда делать? Почему он здесь, а не в отряде? Но тот не окликнул. Посмотреть назад девушка побоялась.

Тетя была дома. Она удивилась и обрадовалась, увидев племянницу. Растягивая слова, пропела:

— Где же ты сейчас, моя красавица?

До позднего вечера сидели они обнявшись в пустой

комнате. А Таня рассказывала о своей жизни, о родных и знакомых.

— Только я не в Освее живу, теточка. Я в партизанском отряде теперь. И тут у вас по делу. Если боишься, уйду утром. А хочешь — помоги...

Пожилая тетя, жившая одна в своем маленьком домике, сразу же ответила:

— Дядька твой, красавица моя, воюет где-то. Ты вот тоже при настоящем деле состоишь. И я, бог даст, в стороне не останусь. Говори, что надо?

Два дня пролетели быстро. Таня многое узнала о силах немцев, о системе их обороны. Людвига она больше не видела и спрашивать о нем никого не стала. Надо было уходить в отряд.

На прощание обнялись.

— Прощай, тетя Фрося. Не знаю, увидимся ли скоро, да и вообще...— тихо сказала девушка.

Вышла Таня из местечка без проверки. Часовые на этот раз были другие и не обратили на нее никакого внимания.

К вечеру она подходила к расположению отряда. Часовые оказались незнакомыми и остановили ее. Девушка назвала пароль и через пятнадцать минут была в штабе. Встретили ее радостно.

— Как поживает тетя? — весело спросил начальник разведки.

Таня подробно доложила обстановку.

— Мне непонятно только одно. В Кохановичах я встретила на улице в форме полицая человека, очень похожего на Геродника. Скажите, он в лагере? — с надеждой спросила Таня.

— К сожалению, его здесь нет. А относительно вашей встречи в Кохановичах мы проверим. Пока что об этом никому не рассказывай.

Обеспокоенные нарастанием народной борьбы, немцы стали прочнее обосновываться в районе. Так был создан гарнизон численностью свыше трехсот человек в Кохановичах и ряде других населенных пунктов. В местах дислокации гарнизонов спешно строились оборонительные сооружения: дзоты, проволочные заграждения, рылись траншеи. Гарнизон в Кохановичах нам сильно мешал. Он располагался на перекрестке шоссейной дороги Дрисса — Освея и дороги на Полоцк.

Местечко находилось на границе с Дриссенским районом и стояло на пути партизан к железной дороге.

Было решено разгромить этот гарнизон.

В налете должны были участвовать три отряда и артиллерийский дивизион бригады имени Фрунзе и два отряда Дриссенской бригады Георгия Петровича Герасимова. Партизанская разведка обеспечила командование всеми необходимыми данными о противнике.

Вечером 8 августа в деревне Стрелки стали собираться партизаны.

Первыми на улице появились бойцы отряда имени Фрунзе, с ними прибыл и штаб бригады.

Двое парней лет по восемнадцать стояли у забора и восхищенно смотрели на четкий строй партизан.

— Смотри, как настоящие солдаты идут. Только по одежде видно, что не красноармейцы.

— А вон там, в пятом ряду, идет знакомый дядька!

Парни улыбались. Но тут послышалась команда разойтись, и на тесной деревенской улочке все смешалось. Затерялись и эти два парня в разноликой толпе. Люди хлопали друг друга по плечам, смеялись, о чем-то оживленно разговаривали. Только по винтовкам, заброшенным за спину, можно было отличить наших ребят от местных, да еще по мелькнувшей при повороте головы алой полоске на фуражке.

И все же деревня стала похожа на военный лагерь: на окраинах стояли часовые, по улицам ходили вооруженные люди.

Когда совсем стемнело, прибыли друг за другом отряды имени Орджоникидзе, Жданова, Котовского, Суворова и Сергея. За ними прогромыхали пушки нашего артдивизиона.

— Ого-го! — восхищались партизаны и местные жители, глядя на 122-мм гаубицу.

— Сила!

Раздавался смех, слышались шутки. И как-то не хотелось верить, что через несколько часов эти веселые, жизнерадостные люди пойдут в атаку, некоторые упадут, скошенные пулями, другие сойдутся врукопашную в смертельном бою.

На обочине, у перекрестка дорог, присели командиры отрядов, комиссары, работники штаба бригады. Началось совещание перед боем.

Небо затягивало тучами. Одна за другой угасали звезды. Повеял ветерок, прохладный и влажный. Порывы его участились, стали сильными.

Стрелки часов подходили к двенадцати.

Вот и даны последние указания, все, вроде, предусмотрено. Начиналась, если говорить языком штабистов, сама операция. А по-человечески, начиналась борьба не на жизнь, а на смерть. С командой «шагом марш» будет сделан первый шаг к тому, что называется боем. И всегда перед ним почему-то думается о себе, о возможной смерти, о своих близких, которые где-то ждут тебя.

Владимир Вестенберг закинул за спину ручной пулемет, оглянулся по сторонам. Друзья рядом. У перекрестка дорог он узнал Таню. Она стояла возле походной кухни и разговаривала с поваром Марией Печкуровой. Владимир помахал Тане рукой. Она заметила его и пошла рядом.

— И ты здесь, Таня? — обрадовался Владимир.

— Надо. Ну, будь... Пусть все будет хорошо. До встречи!

Она подала ему руку, отошла, а потом вернулась и поцеловала.

Шли молча. Вестенберг задумался, вспомнилось прошлое. Картины одна за другой проносились перед его мысленным взором. Вспомнилось прощание с Женей. Ее глаза, грустные и ласковые, долго смотрели на Владимира. Он так и не сказал ей ничего о том, что любит...

После быстрого, безостановочного марша отряд бесшумно подошел к сельскому кладбищу. До Кохановичей оставалось с полкилометра. Стрелки часов показывали один час сорок минут.

— Можно отдохнуть,— тихо повторилась команда.

Владимир прилег возле чьей-то могилы. Какое-то странное чувство охватило его. Кто знает, что будет завтра... Стало жутко. И он пошел туда, где было больше людей.

Ага, вот еле заметные огоньки. Партизаны торопливо курят, пряча в рукав цигарки.

Шелестят листья, немного успокаивают. Чтобы отвлечься, ребята начинают говорить о Кохановичах.

— Немцы живут в кирпичной школе. Там их казар-

мы. Посты расставлены на всех дорогах и возле МТС,— сказал кто-то.

Каждый представляет себе этот путь под огнем, во тьме августовской ночи.

— Скоро начинается учебный год,— вздохнул Вестенберг.

И все с радостью переключаются на эту тему, рассказывают о своей учебе, о детях, об учителях. Ах, с каким удовольствием лежащие возле могил мужчины нарушали в школе дисциплину, как они боялись строгих учителей, которым, несмотря на это, часто портили нервы! Строгость боя их, кажется, совсем не пугает...

— Первый взвод,— послышался голос командира Иванова,— за мной!

Взвод быстро выдвинулся вперед и оседлал дорогу между школой и МТС. В усадьбе МТС залаяли собаки. Потом стихли.

Второй взвод залег в непосредственной близости от Кохановича, за кладбищем. Отсюда предстояло наступать.

Левее расположились другие подразделения отряда имени Фрунзе. На пригорке развернулся артиллерийский дивизион и приготовился к стрельбе прямой наводкой. Орудия не имели прицелов, так как были получены не с заводов, а найдены в лесах и отремонтированы в партизанских мастерских. Сегодня они проходили проверку, испытание боем.

Кохановичи были охвачены полукольцом: слева от дороги, что вела на Стрелки, сосредоточились партизаны отрядов имени Орджоникидзе и Жданова, а ребята из отряда имени Суворова прикрывали дорогу из Задежья. Отряд имени Сергея занимал позиции со стороны Вышнарово.

В три часа ночи над кладбищем взвилась зеленая ракета. Шипя и разбрасывая искры, она описала широкую дугу и упала где-то возле парка. И почти тотчас же воздух рванул артиллерийский залп, потом второй, третий...

Вспышки разрывов снарядов служили ориентиром. Орудия били по школе, а отряды наступали, сбивая на ходу охранение немцев. Больше десяти ручных и станковых пулеметов партизан вели обстрел противника. Артподготовка длилась пятнадцать минут. Выполнив

свою задачу и пробив в нескольких местах обращенную к кладбищу стену школы, артиллеристы снялись с позиций и ушли в укрытие.

Партизаны ворвались в Кохановичи.

Опомнившиеся фашисты открыли ответный огонь, стали занимать оборону. С чердаков, даже с деревьев стреляли они по партизанам.

Чем ближе к школе подтягивались партизанские цепи, тем сильнее становился огонь противника. Гитлеровцы успели радировать в Дриссу и ждали оттуда помощи. Дрались поэтому ожесточенно, стремясь продержаться подольше. Наши радисты поймали передачу, она шла открытым текстом. Дорогу на Дриссу партизаны не блокировали, так как едва ли смогли бы выдержать напор крупных сил дриссенского гарнизона. Расчет строился на быстроте натиска.

Плотный огонь гитлеровцев заставил партизан залечь и начать перестрелку. Но вот второй взвод ворвался в парк.

Немецкий автоматчик забрался на дерево, не давая пулеметному расчету в составе Петра Смычкова и Михаила Лукашонка подняться из канавы.

— Ах, вот где ты, гадина! — выругался Михаил, прицеливаясь, и немец, ломая сучья, рухнул вниз.

Петр Смычков подстрелил второго автоматчика, укрывшегося на чердаке кирпичного дома.

Иван Плиско и Василий Кичигин заставили замолчать еще несколько огневых точек врага. Огонь противника ослабел, и отряд рванулся вперед.

Во двор школы полетели гранаты. Перерезав колючую проволоку, партизаны ворвались во двор. Справа, преодолевая сопротивление врага, продвигался взвод Николая Иванова. Ребятам пришлось нелегко: надо было бежать под огнем по совершенно открытой местности.

Первым подбежал к школе Исаак Смирин. Он взобрался на бочку, чтобы увидеть, где засели немцы. Вдруг как-то странно дернувшись, выпрямился и упал вниз, выронив винтовку. Николай Иванов очередью из автомата полоснул по чердаку, где в дверном проеме мелькнула фигура немецкого автоматчика. Немец повис в дверях.

Вскоре взвод занял школу.

В это время на окраине местечка, где расположилось в засаде отделение Блинова, вспыхнула схватка. Путь наседавшему противнику преградили десять партизан. Тяжелой дробью застучал пулемет в руках Вестенберга, его поддержали винтовки. Немцы, стремясь вырваться из кольца, продвигались вперед. Их было, очевидно, не менее сотни. Сильным ударом они расчленили партизанскую засаду.

Владимир Вестенберг продолжал стрелять, отрезая врагу выход из местечка. Фашисты стали обходить его. Но пулеметные очереди продолжали косить врага.

Положение тем не менее становилось серьезным, и Блинов приказал отделению отходить. Маскируясь в высокой ржи, партизаны вышли из боя. Владимира с ними не было. Но стрельба в том месте, где он находился, не прекращалась.

Вдруг пулемет смолк. Убит пулеметчик или отступает? Но через минуту пулемет заработал снова. Партизаны решили прорваться к товарищу. И тут пулемет смолк опять. Стало тихо...

Позже мы установили, что Вестенберг был три раза ранен, потому и не мог отойти вместе со всеми. Он стрелял до последнего и, будучи окруженным, застрелился, чтобы не попасть живым к врагу. Героический поступок отважного пулеметчика взволновал всех.

Во время боя партизаны захватили немецкие штабные документы и пытались увести несколько автомашин. Но машины никак не заводились, и их пришлось поджечь.

А из дриссенского гарнизона спешили на помощь. Крупные силы немцев на автомобилях с приданной артиллерией подошли к окраине местечка и развернулись для боя.

Мы решили отойти.

Что же было достигнуто в этой операции? На первый взгляд, она получилась бесполезной. Немцы снова оказались в местечке, а мы отступили. Четыре наших товарища не вернулись из боя: Владимир Иосифович Вестенберг, Исаак Маркович Смирин, Федор Петрович Забело и Николай Иванович Коликин.

Может быть, мы были тогда плохими командирами, с точки зрения кадровых военных, и не рассчитали своих сил? Возможно. Но зато мы нанесли фашистам

ощутительные потери — не один десяток оккупантов убили и ранили. Главное же — оставаться в Кохановичах немцам больше стало невозможно.

Положение близлежащих гарнизонов в связи с этим стало еще более сложным: хозяевами на дорогах были партизаны, доставка боеприпасов и продовольствия затруднились.

Однако трудно было поверить, что немцы смирятся с потерей района. И в самом деле, через некоторое время разведка донесла, что враги собирают крупные силы и намереваются предпринять экспедицию в район действия нашей бригады.

Все отряды тотчас были выведены в засады, которые устроили на самых больших дорогах, где предполагалось движение противника. Двое суток ждали партизаны, но немцев так и не дождались. Все было спокойно, если не считать одного любопытного эпизода.

Отряд имени Фрунзе в ночь с 27 на 28 августа 1942 года прибыл для выполнения задания в Стрелки. Деревня стоит на перекрестке двух дорог, возвышенное место позволяло наблюдать за окрестностями. Тут и расположились.

Сразу же вокруг деревни выставили посты, оборудовали огневые точки. Утром прибыла кухня. Сменяя на постах друг друга, партизаны позавтракали.

Было тихо. Движения на дорогах почти никакого. И вдруг над лесом зарокотал самолет. Он шел низко, едва не задевая за верхушки деревьев. Мотор работал с перебоями. На фюзеляже и крыльях были видны опознавательные знаки врага. Видимо, фашистские летчики пытались дотянуть до Дриссы, рядом с которой они могли сесть и устранить неполадки.

Ребята открыли по самолету огонь из всех видов оружия. Мотор захлебнулся и стих. Самолет сел тут же, за деревней. Летчиков было трое. Они спрыгнули на землю и принялись устранять неполадки. Двое полезли под машину, третий стал проворачивать пропеллер.

Шамаль с группой партизан своего взвода скрытно приблизился к самолету, стремясь отрезать немцам путь к отступлению. Но в это время пулеметчик, позиция которого находилась на кладбище, очевидно, заволновался. Его поразил сам факт приземления вражеского самолета. Кроме того, он увидел, что немцы проворачи-

вают пропеллер, а партизаны из деревни не показываются. Пулеметчик решил, что самолет вот-вот взлетит и тогда ищи ветра в поле. Упускать такую возможность было жалко. И парень ударил из станкового пулемета по машине.

Услышав звуки пулеметных очередей, партизаны Шамаля открыто побежали к самолету.

Два летчика были убиты. Третий бросился к кустам, которые начинались метрах в тридцати. Пока партизаны до них добежали, он успел скрыться.

В самолете оказались секретные документы, карты с нанесенной на них линией фронта и указанием дислокации воинских частей. Партизаны сняли с загоревшейся машины оружие и оборудование — то, что могло пригодиться. Пламя быстро охватило весь самолет.

Однажды разведка донесла: в Совейковском сельсовете фашисты решили создать полицейский отряд численностью около двухсот человек. Уже начали проводить агитацию, но дело двигалось слабо.

Мы решили воспрепятствовать этому и направили туда своих разведчиков.

Немцы запугали крестьян тем, что будут отправлять в Германию и даже расстреливать тех, кто откажется служить в полиции. Им удалось завербовать В. Совейко, Л. Дуброва, Кревеля из деревни Дуброво; Игната Жука, Карпа Ерохо, Циба Бубовича из деревни Теплюки, а также по одному-два человека из Давыдово, Понизово, Каширино, Нарушево, Перепечки и Харьково.

Наши разведчики встречались с народом, беседовали, стали приглашать желающих в партизанский отряд. И многие из тех, кого немцы запугивали, ушли к нам, иные разбежались по родственникам в отдаленные деревни. Так и не удалось врагу создать полицейский отряд: набрали едва ли два десятка человек.

Готовясь к карательной экспедиции 1943 года, оккупанты активно вели разведку. Незадолго до Нового 1943 года ко мне обратилась делегация католиков из Освеи с просьбой разрешить им проведение богослужения.

— Кто же вам запрещает богу молиться? — ответил я им.— Молитесь.

— Но у нас нет помещения и ксендза,— сказали делегаты.

— Ну, уж этим делом партизаны не занимаются.

— А можно нам пригласить священнослужителя из Дриссы?

«Ах, вот оно что! — подумал я.— В Дриссе немцы. И ксендз оттуда? Интересно»...

— Пусть едет.

Мы приняли все меры к тому, чтобы ксендз беспрепятственно проследовал в Освею к этим людям. По дороге его не только никто не задержал, но он не увидел ни одного партизана.

Во время богослужения наши ребята, знающие польский язык, находились среди верующих католиков. Но ничего подозрительного не заметили.

Тогда я решил заглянуть к священнослужителю и побеседовать с ним. Встретил ксендз меня очень любезно, предложил выпить кофе или самогону, но я отказался.

Говорил божий слуга витиевато и долго, излагал свои мысли о жизни народа, о святой миссии тех, кто служит богу.

Под конец спросил:

— Можно мне будет вернуться в Дриссу, товарищ командир?

— Товарищ, говорите вы?..— ответил я.— Возвращайтесь. Ваша жизнь в безопасности.

— Не могу ли я быть вам полезен? Деньгами или молитвами?

— Можете. Говорите людям правду. Рассказывайте о том, что делают фашисты на нашей земле. Прощайте!

Больше святой отец в наших краях не появлялся. Разведка выяснила, что он был послан в партизанскую зону с целью сбора сведений о наших силах. Однако поездка получилась неудачной: ничего не смог извлечь шпион в сутане для своих хозяев.

Столкнулись мы в то время еще с несколькими попытками проникновения противника в наши ряды. Однажды в дверь моей землянки кто-то постучал.

— Разрешите?..

Сначала я увидел шикарный чуб, который явно не умещался под фуражкой, а потом и самого Михаила Грицкевича, моего заместителя по разведке.

— Давай, давай, заходи.

Щеголеватая фигура изогнулась под низким потолком, скрипнули до блеска начищенные сапоги.

— Здравия желаю! — козырнул Михаил.— Есть новости.

Он попробовал выпрямиться, но, коснувшись головой потолка, решительно сел на скамью.

— Хлопцы шпиона поймали,— выпалил Грицкевич.— Гречухина.

— Шпиона, говоришь? Где?

— Да вот, ходили «железку» проверять. Перед Дриссой наткнулись на какого-то типа. Кто такой, спрашиваем. Говорит, что партизан из Дриссенской бригады. Был, мол, в плену у немцев, удалось бежать. Хлопцы и привели его в штаб.

— Так почему ты думаешь, что он шпион?

Грицкевич шумно потянул носом и безаппеляционно заявил:

— Нюхом чувствую. Шпик!

— Давай его сюда. Посмотрим, что за тип.

Конвоиры ввели задержанного и вышли из землянки.

— Здравствуйте,— тихо поздоровался Гречухин.

Он смотрел на нас и терпеливо ждал вопросов. То, что ему не ответили на приветствие, его, очевидно, не смущало. Весь его вид говорил: «Я понимаю, что меня подозревают. Проверяйте. Ничего не боюсь».

— Рассказывай, кто ты и откуда. Все рассказывай,— потребовал Михаил.

И мы услышали историю о том, как он во время боя попал в плен. На допросах подвергался жестоким пыткам, но ничего не сказал. Дважды пытался бежать, однако безрезультатно. Просто удивительно, почему фашисты его до сих пор не расстреляли. И вот сегодня ему удалось выпрыгнуть из товарного вагона, в котором его куда-то везли.

— А теперь куда путь держишь? — осведомился Грицкевич.

— Обратно.

— А почему оказался у нас? А?! — тряхнув чубом, Михаил впился взглядом в глаза Гречухина.

Тот пожал плечами, как бы удивляясь подозрениям, и ответил:

— Выпрыгнул я. Ушел в лес, а там ваши ребята меня и задержали.

Грицкевич глянул в его сторону и сердито сказал:

— Врешь! Леса там нет.

Эти слова как плеткой стеганули по задержанному, но он взял себя в руки и спокойно сказал:

— Я говорю правду.

Грицкевич резко поднялся и, выхватив пистолет, шагнул к нему.

— Подожди, Миша. Надо проверить.

— Я кровью своей искуплю плен. Я не вру,— взмолился Гречухин.

— Хорошо,— сказал я.— Пусть пока поживет у нас. А потом будет видно. Поселите его куда-нибудь. Пусть в баньку сходит, поест.

По лицу Гречухина промелькнуло подобие улыбки.

— Ну, что ж. Пошли, провожу.— И они вышли.

Через десять минут Михаил вернулся.

— Распорядился обо всем. И наблюдение за ним установил. Негласное, так сказать. Пусть гуляет.

— Молодец! А теперь проверь его версию в Дриссе.

Через три дня из Дриссы от наших связных пришло письмо. Гречухин действительно был партизаном у дриссенцев, попал в плен, подвергался пыткам и не выдержал. Стал предателем. Его направили в специальную школу по подготовке провокаторов и шпионов. Накануне ухода из Дриссы в отряд Гречухин зашел с немецким офицером в столовую и весь вечер пьянствовал.

Там они обругали девушку-официантку за то, что она их медленно обслуживала. А эта девушка была связной наших разведчиков.

И вот Гречухин опять перед нами. Повторяет историю своей горемычной судьбы.

— Все прекрасно, милый. Просто отлично! Только вот не скажешь ли ты, как зовут офицера, с которым пропьянствовал весь вечер в Дриссе? Помнишь ли официантку, которая слишком медленно вам подавала?

Лицо Гречухина залила мертвенная бледность.

— Значит, помнишь,— констатировал Михаил.

— Жизнь сохраните, жизнь! Все расскажу,— срываясь на визг, запричитал провокатор.— Только не убивайте!

Он упал на колени и пополз к нам.

— Встать, мерзавец! Говори!

И он стал говорить. Шестьдесят предателей закончили шпионскую школу и были направлены в партизанские отряды и бригады. Он вспомнил имена, вспомнил, куда посылали шпионов.

Через день после того, как мы связались со штабом партизанского движения, Гречухин был отправлен на самолете в его распоряжение.

Работа разведчиков, особенно подпольщиков, незаметная, но трудная и опасная. Она приносила партизанам неоценимую пользу. Наши разведчики разоблачили немало шпионов и провокаторов, которых засылали к нам враги.

В Дриссе на радиоузле работал подпольщик Пликсицкий. Он был связан со всеми нашими друзьями в городе. С бригадой связь осуществлялась через Антона Семеновича Нарубня и других.

Во многих немецких гарнизонах постоянно находились наши «глаза и уши», как называли партизаны разведчиков. Враги, надо полагать, знали об этом или предполагали присутствие у себя под боком наших людей. Во всяком случае, с помощью провокаторов они неоднократно пытались выяснить фамилии наших связных.

Однажды в дом к крестьянину Машкетову из деревни Гаврилино, что возле Прошек, зашли двое. Они обратились к хозяину и сказали ему, что являются латышскими партизанами и им неплохо бы раздобыть немного продуктов. Если хозяин может, то пусть принесет им поесть на опушку леса.

Поблагодарили и ушли.

Ничего не подозревая, Машкетов, собрав немного продуктов, пошел на опушку. Был он простой, честный человек и, хотя с партизанами никакой связи не имел, не захотел отказывать им в питании.

В лесу его схватили айзсарги, среди которых были и те двое. Крестьянина пытались допросить, а потом расстреляли.

А вот в Прошках у нас был действительно свой человек, связной Герасим Яковлевич Фроленок, пожилой человек, бывший председатель колхоза.

Однажды ранним утром, когда Герасим Яковлевич

еще лежал в постели, его разбудил осторожный стук в окно. Старик поднялся, открыл дверь и впустил незнакомого человека с винтовкой за плечами.

— Доброе утро, Гераснм Яковлевич!

— Утро доброе, мил человек,— ответил Фроленок, встретив нежданного гостя в сенях.

Оглянувшись назад, человек с винтовкой тихо спросил:

— Давно ушли наши?

Старик быстро окинул его взглядом и удивленно пожал плечами:

— Какие ваши?

— Ты что! Партизаны, наши.

— Я, мил человек, не знаю ни ваших, ни каких других партизан. Откель же я могу знать, давно они ушли аль нет?

— Они должны были встретиться со мной у тебя. Да я вот задержался.

Тем временем Гераснм хорошо рассмотрел новенькую винтовку на старой веревочке, рваные сапоги, дряхлую одежду и сытую физиономию незнакомца. «Не видел я что-то таких партизан,— подумал он.— Больно одежда нищая, а морда — кирпича просит».

— Вот что я тебе скажу, мил человек,— доверительно прошептал Фроленок.— Если ты не уберешься сейчас, то я в полицию побегу.

Человек, помявшись, пошел к дверям:

— Насчет полиции ты поосторожней, а то мы умеем...— И он выразительно показал на винтовку.

Когда «партизан» ушел, Гераснм передал нашим людям, что по деревне ходит провокатор, а сам помчался сколько было силы к коменданту немецкого гарнизона деревни Заборье.

— Господин комендант,— задыхаясь от быстрой ходьбы, заговорил старик.— По нашим Прошкам ходит партизан с винтовкой и ждет других!

— О! Молодец! Гут! — Комендант был совершенно доволен.

Он послал в деревню с Фроленком несколько солдат, которые арестовали незнакомца. Последний даже и не пробовал сопротивляться.

С этого времени наш хитрец вошел в доверие к фашистам.

Однажды к нему пожаловали два офицера.

— Господин Фроленок,— на чистом русском языке сказал один из них,— мы ценим вашу преданность новому порядку. Поэтому и решили к вам обратиться. Я и комендант гарнизона Шкяуне делаем вам выгодное предложение: вы должны помочь нам найти Ивана Захарова, главного у этих лесных разбойников. Он должен быть у нас живой или мертвый. За его голову мы заплатим вам хорошо — тридцать тысяч марок.

Говорил все время один, а второй, не знающий, очевидно, русского языка, поддакивал с важным видом:

— Я, я! Гут!

— Что-то маловато... А? — начал торговаться Герасим, а сам в это время лихорадочно думал, как быть, как держать себя. И что означает такое предложение?

— Как же мало, господин Фроленок? Переведите на русские деньги. Вы сможете купить целое хозяйство!

Старик зашевелил губами, подсчитывая, сколько он заработает на предательстве, подумал еще немного и согласился.

— Хорошо. Только я никогда его не видел и даже не имею представления, какой он, Захаров.

Офицер подробно описал Герасиму Яковлевичу мой внешний вид. Рассказал даже о манерах и привычках.

Когда немцы ушли, Фроленок предупредил об этом разговоре наших подпольщиков. Я перестал появляться в тех местах, так как немцы могли организовать облаву.

Около месяца старик «ловил» меня, а потом, когда водить немцев за нос стало опасно, исчез из деревни.

После карательной экспедиции в марте 1943 года в бригаду перестали поступать сведения из Бигосова. Люди, которые передавали нам разведданные, были арестованы фашистами. В апреле нам срочно понадобились сведения о состоянии бигосовского гарнизона. Решили отправить туда бригадных разведчиков.

Утром по дороге на Бигосово катила повозка. На сене сидели и о чем-то разговаривали трое: старик с вожжами в руках и парень с девушкой. У железнодорожного переезда их остановил немецкий часовой. Как всегда, он потребовал документы. Старик, кряхтя, слез с повозки и стал вытаскивать из карманов тряпицы с деньгами, различные бумажки, отыскивая нужную справку. Молодица тоже сошла с повозки и кокетли-

во стала поправлять платье. Часовой с удовольствием заметил, что молодица не без внимания поглядывает в его сторону. Наконец, старик отыскал нужную бумажку и протянул ее немцу. Тот повернулся спиной к девушке и стал читать документ.

В это время сильный удар сзади оглушил его. Старик быстро заткнул часовому рот и вместе с девицей, которая ловко орудовала невесть откуда появившейся веревкой, связали его. Втроем они бросили часового в повозку и помчались в обратную сторону.

В это время появился второй немец. Увидев, что его товарищ исчез, а по дороге мчится повозка, он открыл вслед ей стрельбу.

Вскоре на дороге появилась погоня.

— Ну, хлопцы, держись! — скомандовал старик, снимая искусственную бороду.

Это был Иосиф Обухович, командир взвода разведки отряда имени Котовского. А девушка была... парнем-партизаном, который довольно неплохо сыграл свою роль, а сейчас, отбросив сено, улегся за ручной пулемет и открыл огонь по немцам. Он сразу охладил пыл преследователей.

Партизаны благополучно ушли от погони и привезли языка, который сообщил все, что знал о положении в гарнизоне.

Наши разведчики и подпольщики были людьми большого мужества. Без преувеличения можно сказать, что ни одна операция не проводилась без учета разведывательных данных. Население очень помогало партизанам, всегда предупреждало об опасностях. Однако и немцы не сидели сложа руки. Они ткали вокруг нас паутину провокаций и предательства. И им иногда удавалось наносить нам ощутительные удары.

Едва ли не в каждом населенном пункте у нас были свои подпольщики. Верные помощники партизан через специальных связных регулярно сообщали обо всех интересующих нас событиях. Численность и вооружение противника, передвижение воинских частей, положение в гарнизонах, готовящиеся налеты на партизан и мирных жителей — все интересовало нас. Обычно наши разведчики имели своих связных. Встречались с ними периодически в определенных местах.

Саша Фиш, разведчик из отряда имени Симацкого,

как обычно, отправился на встречу к своему связному в деревню Черная Грязь. На этот раз Саша должен был получить сведения о гарнизоне в Себеже. В полночь вместе с двенадцатью партизанами он подошел к деревне. Было тихо. Долго лежали разведчики в кустарнике у деревни, слушали.

Все было, как и всегда.

— Немцев не чувствуется вроде бы,— размышлял вслух Фиш.— Пойдем!

Вместе с Лидой Борохо и Иваном Транчонком подошли к первым домам. Шли осторожно, прислушивались. Никого. У дома, в котором жил связной, как и было договорено, Лида остановилась. Саша скрылся в темноте двора. Иван пошел дальше, чтобы понаблюдать, нет ли какой опасности.

Не успел он пройти и сотню метров, как кто-то сзади зажал ему рот. Потом на него навалились и связали по рукам и ногам.

Лида успела крикнуть, прежде чем ее заставили умолкнуть. Несколько фашистов выкручивали ей руки.

Голос Лиды услышал Саша и понял, что дела плохи. Он выскочил на улицу и увидел немцев. Враги были везде. Фиш залег тут же у дороги и открыл огонь из автомата.

Партизаны, которые оставались в кустах, услышав выстрелы и крики в деревне, попытались прорваться на выручку товарищам, но были остановлены огнем фашистов. Они так и не смогли пробиться в деревню.

Позже мы провели расследование и установили, что в деревне было более сотни карателей. Они оцепили ее и устроили засады вокруг дома связного. Очевидно, они знали о предстоящей встрече. Кто-то выдал наших разведчиков. Саша мужественно оборонялся, пока были патроны. Уничтожил немало немцев. Но насевшие со всех сторон фашисты все же взяли его живым.

Достоверных сведений о том, кто предал наших товарищей, что с ними стало, нет и сегодня. Связной после событий этой ночи исчез бесследно.

Нелегок был труд разведчиков. В любую погоду, днем и ночью шли они в логово врага, тысячи самых неожиданных опасностей подстерегали их. При выполнении боевых заданий погибли Эдуард Симацкий, Макар Морачковский, Семен Бекис, Адольф Пилецкий,

Петр Татаринов, Леонид Гельфанд, Андрей Есипов и многие другие.

Десятки безвестных героев с риском для жизни добывали ценнейшую информацию о передвижениях вражеских войск, их численности. На железнодорожных станциях и во вражеских гарнизонах работали замечательные советские люди. Многие из них неизвестны и сейчас, ведь державшие с ними связь разведчики нигде их настоящих имен не записывали.

Передо мной потрепанная тетрадь, исписанная аккуратным девичьим почерком. Это рабочие записи нашей радистки, которая передавала сведения на Большую землю.

Одним из заданий Белорусского штаба партизанского движения был сбор разведданных для командования нашей армии. Записи в этой тетради имеют отношение к очень тяжелому периоду. В эти дни партизаны вели кровопролитные бои с карательными частями противника. В бою были все. Каждый человек был на счету. Но несмотря на это, разведданные передавались регулярно. Дробный перестук радиопередатчиков каждый день нес через фронт важные сведения.

«7 января 1943 года из Дриссы на Полоцк прошли эшелон из 34 вагонов угля, второй эшелон из 21 цистерны бензина, третий — с 40 вагонами продуктов, четвертый эшелон состоял из платформ, на которых находились грузовые автомашины, окрашенные в белый цвет, пятый состав укомплектован 24 вагонами, в которых находилось до 2 тысяч солдат. Шестой состав — 28 вагонов боеприпасов, седьмой — 22 вагона санитарного порожняка.

8 января 1943 года на Полоцк проследовали первый состав из 42 вагонов с продуктами, два паровоза, второй — 25 вагонов угля, третий — 32 вагона боеприпасов, четвертый — 40 платформ, груженных соломой, в которой замаскированы пушки и танки. В пятом составе — 36 площадок со щитами для постройки бараков, в шестом — 30 платформ с грузовыми автомобилями, окрашенными в белый цвет».

Такие же лаконичные записи рассказывали и о движении в сторону Латвии.

«7 января 1943 года. Два состава порожняка. Третий — из 40 платформ, груженных битыми автомаши-

нами. Четвертый состав из 17 платформ, заполненных искалеченными пушками, 40 платформ с мотоциклами. Пятый — 36 вагонов с солдатами-пехотинцами. Четыре состава подряд, всего 117 вагонов, с солдатами.

8 января 1943 года. Первый эшелон с металлоломом. Второй — 25 платформ разбитых самолетов, транспортеров и автомашин. Третий и четвертый состояли из 54 вагонов, нагруженных солдатами мехчастей. Два эшелона порожняка, три паровоза резерва. Один состав из 27 вагонов с ранеными».

Ежедневно до 14 июля 1943 года передавала наша рация подобные сведения.

Разведчики нашей бригады имели достаточно полные данные о противнике. 11 февраля в нашем штабе была составлена любопытная сводка. В ней говорилось, что на станции Свольна численность гарнизона составляет 235 человек, вооруженных пушками и пулеметами. На схеме были указаны все огневые точки. На станции Дрисса 260, а в самой Дриссе 1115 фашистов. На станции Бигосово 680 солдат и команда ремонтных рабочих в 200 человек. На полустанке Устье железнодорожная охрана состоит из 185 человек.

В апреле 1943 года мы узнали, что в Себеже оккупанты создали лжепартизанский отряд численностью в 140 человек. Этот отряд был укомплектован подонками самых разных мастей: уголовниками, предателями, националистами.

Одели их так же, как партизан, снабдили обычным для народных мстителей оружием. Мнимым партизанам была обеспечена полная поддержка оккупационных властей и воинских формирований вермахта. Перед отрядом предателей ставилась задача дискредитировать партизанское движение, подорвать доверие народа к действиям партизан.

Кроме этого, фашистское командование рассчитывало, что лжепартизаны смогут ликвидировать руководство партизанских отрядов и бригад. Это сборище бандитов должно было постоянно менять места действий, а в случае разоблачения уходить в другие районы.

Зная обо всем этом, мы были начеку.

Рассчитывая, что партизаны будут отмечать Первое мая и потеряют бдительность, лжепартизанский отряд направился перед праздником к тому месту, где по их

данным должен был базироваться штаб нашей бригады.

Но данные у врага оказались неточными.

Дойдя до деревни Мозалевщина, бандиты повернули к лесному массиву, где располагался штаб партизанского отряда имени Фрунзе. Здесь их уже ждал взвод фрунзенцев. Внезапный огонь из винтовок и автоматов ошеломил врага. Сразу было убито несколько лжепартизан. Не приняв боя, бандиты отступили к Дриссе.

Впервые столкнувшись с таким формированием врага, мы не придали ему особого значения и не стали преследовать бандитов. Это было ошибкой. Как мы узнали позже, по пути в Дриссу они стали проводить «мобилизацию» в партизаны. Собрали около ста мужчин с женами и даже детьми. В урочище Женский бор недалеко от Коханович всех «мобилизованных» расстреляли. Больше в нашей зоне эти «партизаны» не появлялись.

Недавно стало известно, что главарь лжепартизан был убит еще во время войны, а его заместитель и некоторые другие бандиты после войны были арестованы и преданы суду.

Вломившись в человеческие судьбы, война сыграла с ними не одну злую шутку, создала множество самых невероятных ситуаций. Рухнули привычные представления о логике событий. К примеру, ты советский человек, обыкновенный, простой. Ты любишь Родину, свой народ. Ты вырос вместе с Советской властью, это твоя власть. А вот война бросила тебя на службу к твоим врагам, врагам твоего народа. Теперь ты работаешь у них. Ты — представитель фашистской администрации, скажем, финансовый агент.

Вот ты, Прокоп Руденко, например, бредешь устало по проселку. Близится осень. В зелень и желтизну врываются яркие брызги калины. Красные капли на желтом. Ты помнишь, Руденко, Октябрьские праздники? Везде красный цвет боевых революционных знамен. И ты, председатель райисполкома, на трибуне.

А теперь ты бредешь по проселку один. Ты — фашистский прихвостень, служишь им. Где твой партбилет? Спрятал, чтобы не дотянулась до него рука врага. Он дорог тебе, как жизнь. Так почему же ты не с теми, кто бьет фашистских гадов? Где твое место?

Место Руденко, бывшего председателя исполкома одного из районов в западных областях Белоруссии, было там. Его оставили в тылу врага, чтобы создавать партизанские отряды. Но все попытки выполнить это задание ни к чему не привели. Оставаться там было опасно: Руденко все знали. Пришлось уйти в Освейский район, где служил в армии.

Немцы взяли Прокопа на работу. Это было самым безопасным вариантом в то время. «Мы не трогаем коммунистов, которые добровольно приходят к нам работать»,— говорили гитлеровцы, лицемерно приглашая к себе. И он рискнул, пошел к ним на работу. Но совесть коммуниста не давала покоя, чувствовал он себя гадко. Хотел бросить все это и не мог. Не знал, куда деться. Вокруг глухая стена ненависти. Фашисты ненавидели и ждали удобного случая, чтобы расправиться с бывшим предрика. Местные жители тоже ненавидели.

Все стало на свое место, когда к Руденко явились партизаны Давид Шнеер и Иосиф Бляхман.

— Мы все про вас знаем,— лаконично сообщили они.— Вам предлагается уход в партизанский отряд. Нечего кормить оккупантов.

Это было сказано резко, с презрением, но Прокоп был рад. Это был единственный выход. Только в бою, только в борьбе с врагами можно хоть в небольшой степени искупить свою вину перед народом.

Теперь он идет в отряд.

Надо сказать, что Руденко воевал хорошо. От рядового бойца он прошел путь до комиссара отряда имени Жданова. В 1943 году, когда отряд выполнял задание по подрыву железной дороги, Прокоп Руденко погиб от вражеской пули.

Разные пути вели людей в партизаны, в ряды народных мстителей. Многих удалось нам вырвать из вражьего стана и вернуть к жизни.

Работали у немцев, а потом ушли в партизаны и хорошо воевали впоследствии Назаров из деревни Стельмаки Себежского района, братья Горбулевы из Дриссы, фельдшер Трипуть и многие другие.

Большое внимание подпольный райком партии уделял воспитанию тех советских граждан, которые по каким-либо причинам оказались в рядах гитлеровской армии и на другой службе у врага. Специальные пропа-

гандисты проникали во власовские части. Наша подпольная типография издавала листовки, призывающие молодежь из гитлеровских добровольных отрядов уйти с пути предательства. Вот одна из этих листовок, выпущенная в январе 1943 года тиражом более пяти тысяч экземпляров.

«Смерть фашистским оккупантам!

К молодежи, поступившей в гитлеровские добровольные отряды!

Юноша! Совсем недавно мы считали тебя своим товарищем. Сегодня ты продал свою Родину, свой народ, своих товарищей и друзей. Ты испугался фашистских угроз и пошел в «добровольческий» отряд бороться с партизанами.

На кого ты поднял руку? На своего отца, брата, друга, которые борются в рядах народных мстителей за жизнь и счастье своего народа, за свободу и независимость. Раньше ты, может быть, был честным парнем. Теперь ты, спасая свою шкуру, за глоток самогона, кроху хлеба, за грязный серый мундир с железными пуговицами продался фашистским разбойникам. Ты продал Родину, которая воспитала и вырастила тебя. Ты стал гитлеровским холуем и убийцей. Неужели ты думаешь, что своим предательством купил себе жизнь?

Ты глубоко ошибаешься. Если тебе и удастся сейчас избежать партизанской пули, то ты погибнешь от красноармейского штыка. Не надейся на фашистов, они сами убьют тебя до того, как побегут от ударов Красной Армии. Вот факты: под Ржевом гитлеровский обер-лейтенант, удирая, собственноручно застрелил двух русских, служивших в гитлеровских отрядах. Такие факты имеются... и в Белоруссии.

Тебе известны успехи Красной Армии, которая день за днем наносит сокрушительные удары по оккупантам. Красная Армия придет в твой город или деревню, и наступит и твой черед ответить народу за свое предательство. Ты предстанешь перед справедливым грозным судом. Народ ничего не забудет и не простит тебе, ибо предателя, как говорил великий русский писатель М. Горький, «сравнить не с кем и не с чем... Даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы...» Подумай об участи, которая ожидает тебя. Но знай, время не терпит.

Если ты уйдешь из «добровольческого» отряда сейчас и придешь со своим оружием к партизанам, ты еще сможешь искупить свою вину. Родина простит тебя, если ты сам вернешься к ней. Поступи так, как многие юноши города О. в Белоруссии. Они получили фашистское оружие, убили гитлеровских офицеров, несколько охранников и пошли в партизанский отряд. Там их хорошо встретили, дали им возможность стать честными людьми. Вот тебе путь, по которому ты можешь пойти. Дело за тобой! Не медли. Помни: время не ждет. Торопись!»

В конце июля 1943 года мы узнали, что в Себеж прибыл батальон власовцев, который проходил специальное обучение в Берлине. Очевидно, этим изменникам немцы не очень доверяли, так как оружия еще не выдали. Мы заинтересовались новым пополнением фашистских войск.

Командиру разведки отряда имени Симацкого Михаилу Шипило было поручено установить с прибывшими связь и попытаться привлечь на нашу сторону.

Михаил отлично знал не только местность в районе Себежа, но и многих жителей. До войны Шипило работал шофером в этих краях и объездил все вокруг. Сам он был родом из деревни Кострово. Молчаливый, застенчивый, какой-то незаметный, он отличался от других партизанских разведчиков, которые славились веселым и лихим нравом. Однако на деле Шипило проявлял недюжинную смекалку и настоящее мужество. Кроме того, он умел хранить тайну. Никто никогда не знал его связных и людей, с которыми он работал. Только после войны я узнал, что одним из верных помощников Михаила была девятнадцатилетняя Лида Колмычевская, старшая пионервожатая Лисненской семилетней школы из деревни Денисенки. Она собирала для Михаила Шипило информацию, скрывала у себя нужных нам людей. В поисках разведданных Лида доходила до Себежа. С девушками-комсомолками она собирала оружие, боеприпасы и передавала их в отряд.

Комиссар отряда имени Симацкого Фома Николенко утвердил Колмычевскую секретарем подпольной комсомольской организации деревни Денисенки. Семья Лиды была уничтожена оккупантами.

Сейчас она работает в Минске, в райкоме партии.

Недели через две Михаил доложил, что задание выполнено и связь с власовцами установлена. Как он ухитрился это осуществить, мы так и не узнали. Кратко говоря, воевать против партизан власовцы не стремились. Одни из них попали к немцам на службу с целью остаться в живых и при первой возможности перейти к своим, чтобы продолжать вооруженную борьбу против оккупантов, другие — не выдержали пыток и издевательств. Вот почему многие власовцы согласились перейти к нам. Однако мы не торопились организовывать переход, так как оружия им немцы все еще не выдали.

Принимать же людей без оружия мы считали преждевременным.

Вскоре наметились первые признаки провала этой операции. Немцы тянули с вооружением батальона, стали вызывать то одного, то другого на допрос. Начались аресты. Каким-то путем фашисты узнали о нашем замысле и приняли решительные меры. Согласившиеся перейти уходили без оружия, не дожидаясь общего сигнала.

Многим удалось бежать в различные партизанские отряды.

6 августа из власовского батальона в штаб бригады прибыли подполковник Федор Тихонович Леусов и полковник Виктор Иванович Пасчац. Они едва успели уйти от ареста. С каждым из них в отдельности мы долго беседовали.

Из их рассказов удалось выяснить немало ценного о планах фашистов в нашем районе и о положении в Германии. О себежском гарнизоне также были получены исчерпывающие сведения.

Как только мы радировали об этих событиях в штаб партизанского движения, за Леусовым и Пасчацем прибыл специальный самолет, и они улетели.

Причины неудачи с переходом батальона мы так и не выяснили. Очевидно, сами подпольщики были недостаточно осторожны.

Несмотря на это разведчики не теряли надежды на успех. Они упорно продолжали искать дорогу к сердцам тех, кто по разным причинам оказался в рядах врагов.

В сентябре удалось связаться с пограничным пос-

том в деревне Ксеверино. Пост охранял границу с Латвией. Это было нелегкое и довольно-таки рискованное дело. Начать решили с командира власовского кордона Ивана Оленникова. Удалось выяснить, что Оленников родился в 1915 году и, следовательно, был молод. Имея звание лейтенанта, в одном из боев он попал в плен и, чтобы не умереть в лагере с голоду, согласился служить в «добровольческом» отряде.

Оленников сам стремился связаться с партизанами. Уничтожить маленький пограничный кордон не составляло большого труда. Но партизанские разведчики продолжали налаживать связь с власовским командиром.

Вскоре он согласился передать партизанам все вооружение своего подразделения, подготовить и привести в бригаду людей. В ночь с 23 на 24 сентября около деревни Ксеверино сосредоточился отряд имени Фрунзе. Партизаны были готовы встретить власовцев и в случае необходимости помочь им, если начнется погоня.

Как только стемнело, Оленников выстроил своих подчиненных перед казармой. Оружие оставалось в помещении. Несколько наиболее верных помощников, которые были в курсе событий и готовились к переходу, вооружившись автоматами, закрыли доступ в казарму.

Раньше Оленников отправил в дозор самых преданных фашистам власовцев. И теперь говорил солдатам все, что только могло прийти ему в голову. Он тянул время. В эти минуты его помощники вытащили затворы из винтовок и автоматов. Один из них подал знак, что все в порядке. Пришла пора действовать.

— Прошу спокойно выслушать все, что я вам сейчас скажу,— начал Оленников.— Оружие обезврежено, стрелять из него пока нельзя. Кроме того, все вы находитесь под прицелом автоматов. Я не мог с вами раньше поговорить. Теперь же могу сообщить, почему вы здесь стоите. Сейчас вы возьмете свои личные вещи, оружие, продукты, и все мы перейдем в партизанский отряд. Мы — русские люди. Пока на нас нет крови наших братьев и сестер, наше наказание будет смягчено. В бою с фашистами мы искупим свою вину. Если мы не сделаем этого, то погибнем собачьей смертью. Тот, кто сейчас попытается нас предать, погибнет тут же. Рядом партизаны. Они готовы нам помочь. А теперь по местам!

Люди быстро разошлись. Забрали все, что только было возможно. На повозки погрузили боеприпасы, продукты, оружие.

Через несколько минут все опять стояли в строю. Бежать никто не пытался. Но лица у многих были хмурые.

Тревожило будущее, ответственность перед ним.

В пути один солдат попросился «в кусты». Его подождали, окликнули, но он не вернулся. В отряд прибыло 26 человек. Постепенно их стали привлекать к боевым операциям.

Иван Оленников показал себя с самой лучшей стороны и вскоре стал начальником штаба отряда имени Жданова. Воевал он хорошо вплоть до перехода линии фронта.

Сложными дорогами идет человек. В мирные дни, когда нет угрозы для жизни, эта сложность ему не всегда видна. Война высветляет все пути, словно через увеличительное стекло укрупняет наши достоинства и недостатки, выставляет на суд людей пороки.

В бою все происходит мгновенно. Атакующий в любую минуту может упасть... Казалось бы, что на войне человека нужно воспринимать таким, каков он есть, а не таким, каким может быть.

И все же, как это ни парадоксально, война не только обнажала характеры людей, но и меняла их. Иной раз бросала в черную бездну предательства, ломала волю, отнимала разум. Но чаще всего закаляла, очищала от ошибок, вызывала из глубин душ людских самоотверженную решимость.

Мне приятно сегодня, через много лет после событий, изображенных в книге, сознавать, что в вихре войны, на грани жизни и смерти, мы врачевали людские души, возвратили многим заблудившимся их имена, боролись за человеческую личность. Это была в высшей степени партийная работа, кропотливая и важная, создававшая человека новой формации.

ОСВЕЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В тяжелые для нашей Родины дни вдохновителем и организатором всенародной борьбы с немецко-фашистскими оккупантами явилась испытанная в боях ленинская партия. Коммунисты были впереди и в работе среди широких слоев населения, и в бою. Опираясь только на чувство гнева, стремление изгнать врага с родной земли, мы не смогли бы достигнуть тех успехов, которые позволили к июлю сорок второго года очистить от вражеских гарнизонов всю территорию района.

Постоянная связь с массами, идейно-воспитательная работа помогли поднять на борьбу огромную армию народных мстителей, спаять их сознанием сыновнего долга перед многострадальной Родиной, наладить боевую дисциплину.

Врага били не только партизанские автоматы и пулеметы, не только снаряды и мины. Честное, мужественное партийное слово помогало людям находить свое место в рядах бойцов, обретать веру в непобедимость великих идей Ленина.

Хотя мы и не имели регулярной связи с Большой землей, однако делали все возможное, чтобы люди в тылу врага читали изданные в Москве газеты, слушали по радио голос нашей непокоренной столицы. Мы проводили беседы, собрания, митинги, старались держать население в курсе военно-политических событий.

На одном из таких собраний в деревне Червонцы колхозница Мария Черноок сказала: «Мне, детки, шестьдесят пять лет уже. Четырех сыночков вырастила. Спасибо Советской власти, были и одеты, и накормлены. А теперь сынки мои воюют в Красной Армии за нашу власть, за нашу землю, чтобы ее фашистская нечисть не поганила. Одна я, старуха, осталась теперь.

Невестку мою насильно угнали в ихнюю Германию на каторжные работы. Гитлеровские палачи разграбили и сожгли мой дом. Сил у меня уже осталось мало. Но я еще могу помочь вам отомстить фашистским гадам!»

И таких примеров было много.

Большую помощь в организации борьбы против немецко-фашистских захватчиков и в работе среди населения нам оказывали Витебский обком партии, ЦК КП(б)Б и лично Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Нам присылали газеты, журналы, брошюры. Старались своевременно доставлять основные постановления ЦК КП(б)Б, обкома, Секретари обкома партии и обкома комсомола не раз бывали в бригаде, встречались с бойцами, разъясняли боевую обстановку на фронтах и в тылу.

В сентябре сорок второго года к нам прибыли член бюро обкома партии, секретарь Витебского обкома комсомола В. И. Лузгин и комсомольские роботники А. Жавнерко, А. Раханов, В. Позняк. Они доставили приказ штаба партизанского движения и решение Витебского обкома партии по этому приказу. В документах говорилось об активизации действий партизанских отрядов и согласованности ударов по врагу.

Лузгин и его помощники много сделали для подготовки бригады к таким операциям. Они побывали в отрядах, провели инструктивные беседы, разъяснили партизанам и населению военное и политическое значение готовящихся диверсионных действий.

Решались ими и организационные вопросы, связанные с партийной и комсомольской работой. В частности, Лузгин и его товарищи помогли претворить в жизнь решение о введении в партизанских бригадах должности помощника комиссара по комсомолу.

Проявляя большую заботу о нашей бригаде, штаб партизанского движения присылал к нам в качестве пополнения опытных командиров, подрывников, радистов, обеспечивал боеприпасами и медикаментами.

Накануне празднования нами юбилея Октября решено было усилить пропагандистскую и политико-массовую работу среди населения. В деревнях были проведены собрания, на которых прочитаны доклады о 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, об ответах И. В. Сталина на вопросы коррес-

пондентов зарубежной прессы, о решениях партии и правительства по усилению борьбы в тылу врага, о втором фронте и т. д.

Для партизан были введены политзанятия по два часа в неделю, ежедневные информации по самым актуальным вопросам. Это делалось даже в боевых условиях, в любую свободную минуту и во время коротких привалов.

Приближался праздник. Райком партии решил встретить его так, чтобы это событие еще больше укрепило у населения района веру в нашу победу. Тридцать восемь пропагандистов отправились в самые отдаленные населенные пункты, читали доклады, беседовали с населением.

В честь двадцатипятилетия Советской власти начался сбор средств на постройку самолетов и бронепоездов. В тылу врага советские люди отдавали Родине последние свои сбережения. Иосиф Шандело и Андрей Глуздов передали в штаб бригады 40 тысяч рублей. На митингах и собраниях крестьяне говорили о том, что все отдадут для победы. И эти выступления не были голословными. Более 150 тысяч рублей облигациями, около 120 тысяч рублей наличными деньгами передали жители Освейщины в фонд обороны страны.

Любовно готовили они подарки для партизан. Одни только фрунзенцы получили более трехсот пар шерстяных перчаток, около ста восьмидесяти пар теплых носков. Среди подарков были теплые рубахи, полотенца, кисеты и другие вещи. Для наших госпиталей местные жители регулярно присылали белый материал для перевязок, постельные принадлежности. Увеличился и приток бойцов.

Желающих сражаться с врагом оказалось столько, что мы не могли всех принять.

По нашим подсчетам, свыше полутора тысяч человек были боевым резервом нашей бригады. А люди не хотели сидеть без дела. В это время мы получили указание Витебского обкома партии о проведении мобилизации в ряды Красной Армии на добровольных началах.

В середине сентября 1942 года 411 добровольцев в сопровождении группы вооруженных партизан под командованием Петра Литвинова были отправлены за ли-

нию фронта. В качестве подарка нашей армии мы передали 110 лошадей и 18 коров.

Эта операция была тщательно подготовлена, маршрут разведан заранее. В пути следования наши разведчики связывались с соседними отрядами, получая у них исчерпывающую информацию о расположении противника. Жители деревень, через которые пролегал путь группы, оказывали ей всемерную помощь. Железную дорогу и шоссе переходили по ночам, чтобы не привлечь внимания немцев. Телеги через железнодорожное полотно переносили на руках.

Линию фронта переходили у деревни Дрозды. Два дня просидели в кустах у большака: машины шли одна за другой. Дорогу удалось пересечь только на вторую ночь.

Когда форсировали реку Усвяча и преодолели малопроходимое болото Великий Мох,— опасность миновала. Предельно усталые, люди свалились на землю и уснули. Они были на своей территории.

Во второй половине сентября еще 500 добровольцев в сопровождении партизан отправились к фронту. Однако им было несравненно тяжелее. Командир группы Ваграм Калайджан понял, что с обозом не пройти. Пришлось просачиваться через оборону противника. Все мобилизованные были переданы командованию армии. А партизаны вернулись к тому месту, где оставили обоз. Ребята получили 50 автоматов, 35 снайперских и беззвучных винтовок, несколько ручных пулеметов и много боеприпасов.

В районе железнодорожной станции Дретунь партизанам не удалось пройти незамеченными. Завязался упорный бой. Когда прорвались, пошли дальше.

Хочется сказать несколько слов о командире этой группы. Старший лейтенант Ваграм Калайджан появился у нас в августе 1942 года по направлению штаба партизанского движения. Нам очень были нужны грамотные военные, и Калайджана назначили командиром отряда имени Фрунзе. Вскоре он показал себя как способный и смелый командир. За боевые дела дважды был представлен к награде. В апреле 1943 года самолетом он был отправлен за линию фронта для продолжения службы в армии.

В декабре третья группа численностью в 500 чело-

век направилась к линии фронта. Этот поход был самым тяжелым. Гитлеровцы сосредоточили на пути прохождения нашей группы много войск. С тяжелыми боями продвигались наши товарищи, часть из них погибла. Линию фронта перешли не все, некоторым пришлось возвращаться обратно.

Только мы закончили разбор этой операции, как дежурный доложил, что прибыл какой-то человек из Латвии и просит его выслушать.

Часовой пропустил в дверь незнакомого.

— Пизан Павел Алексеевич,— представился он.

Документы это подтвердили. Но вместе с тем и вызвали некоторое недоумение.

— Это что такое? — с явным подозрением осведомился Галим Ахмедьяров, указывая на отпечаток пальца в паспорте.— За что сидел в тюрьме? Признавайся.

Остальные документы тоже вызвали ряд вопросов. Павел Пизан предъявил комсомольский билет, а также воинский документ, свидетельствующий о том, что его владелец является лейтенантом армии буржуазной Латвии.

Не смущаясь, что мы его приняли с такой настороженностью, Павел Алексеевич объяснил, что во всех паспортах в буржуазной Латвии делали отпечатки пальца. Для этого вовсе не нужно было попадать в тюрьму. Воинское звание он получил в те годы, когда вынужден был служить в латвийской армии, и об этом не сожалеет, так как командирские навыки могут помочь в борьбе с фашистами.

А комсомольцем он стал по убеждению. Тогда, когда в Латвии установилась Советская власть.

Пока мы знакомились с документами Пизана, поступили дополнительные сведения. Как выяснилось, Павел является командиром группы латышских патриотов, которые связаны с разведчиками отряда имени Фрунзе. Пизан поддерживал связь с Кириллом Мядютой, коммунистом, руководителем подполья в Сухоруковском сельсовете. Маленький отряд Пизана снабжал партизан разведывательными данными, собирал оружие. Латыши были для наших партизан отличными проводниками.

Особенно много пользы принесли они во время диверсий на участке железной дороги Индра — Краслово.

— Я пришел к вам вместе с товарищем Казусем, вашим разведчиком,— продолжал Павел Алексеевич.— Сейчас у нас трудные условия для работы. В любое время могут арестовать. На границе Латвии и Белоруссии усилена охрана. Переходить границу запрещено. За нарушение расстреливают на месте. Уже не один человек поплатился жизнью за попытку нарушить приказ оккупантов. Немцы хватают всех здоровых мужчин и мобилизуют в армию или на работу в Германию. Мы не можем там дальше оставаться. Я и товарищи просим зачислить нас в отряд.

Мы согласились принять группу латышей в нашу бригаду. Причем надо было сделать это так, чтобы не ставить под угрозу их семьи. Было решено совершить нападение на фашистский гарнизон в волостном центре Асуне. Этот гарнизон находился в сорока километрах от нашей базы. Для проведения операции выделили отряды имени Фрунзе, Котовского и Орджоникидзе.

Ночью 18 декабря 1942 года партизаны ворвались в Асуну. В коротком, но жарком бою погибли Василий Мядюта и Михаил Макаров. Враг потерял более двадцати человек. Во время этого налета партизаны инсценировали арест группы Пизана якобы за пособничество оккупантам.

Однако в составе нашей бригады они воевали недолго. В январе 1943 года латыши были переданы в формирующийся латышский отряд. Павел Пизан вскоре стал командиром отряда.

До нового 1943 года оставалось не так уж много времени. Выполняя план боевых действий, отряд имени Симацкого провел в декабре успешную операцию против айзсаргов на территории Латвии. Возвращались партизаны домой с большим обозом. Между Шкяуне и Заборьем передовое охранение напоролось на засаду. Обнаружив ее, партизаны Матяс, Морачковский и Маркевич даже растерялись.

От неожиданности они не знали, что делать.

Вернуться к отряду и предупредить уже невозможно, потому что он вот-вот должен показаться на открытом месте.

И разведчики принимают единственно правильное, хотя и весьма рискованное для них решение: завязать бой, чтобы в отряде узнали об опасности по возникшей

впереди перестрелке. У ребят был ручной пулемет и автоматы. Они залегли и открыли огонь.

Приблизительно через час айзсарги начали охватывать отважную тройку с флангов. Создавалось критическое положение, нужно было отходить, тем более что, по расчетам разведчиков, отряд должен был уже находиться на безопасном расстоянии. Матяс приказал товарищам отходить к лесу, а сам остался прикрывать их автоматным огнем. Достигнув опушки, ребята должны были в свою очередь прикрыть его отход.

Не успели Морачковский и Маркевич далеко отойти, как к Матясу стала приближаться группа айзсаргов с собакой. Они даже перестали стрелять: очевидно, заметили, что перед ними один партизан, и решили взять его живым.

Матяс бросился бежать.

Вдогонку за ним пустили собаку. Удачной очередью партизан уложил овчарку. А когда достиг опушки леса, увидел, что деревья густо опутаны колючей проволокой.

Враги приближались. Одновременно с этим сзади раздались длинные пулеметные очереди. «Все, конец»,— подумал Матяс и ничком упал на землю. А пулемет продолжал строчить. Партизан оглянулся и увидел, что айзсарги залегли и отстреливаются от его товарищей. Не теряя времени, Матяс бросил на проволоку шинель и скрылся в лесу.

Почувствовав себя в безопасности, сел отдохнуть, а тут подошли и его боевые друзья.

Можно было идти на соединение с отрядом, но сделать это оказалось не так просто: перейти латвийскую границу уже нельзя, айзсарги были начеку. Пришлось уйти в леса Латвии, чтобы пересечь границу в другом месте.

Боеприпасы кончались, есть тоже уже нечего...

Двое суток пробирались трое отважных разведчиков в свой отряд. Там уже решили, что они погибли, выручая товарищей. И какова же была радость всех, когда, голодные и измученные, они появились в родном лесу!

Одним из условий нашей силы и уверенности в успехе было боевое содружество партизанских бригад, действовавших на стыке трех республик. Примером такого взаимодействия явилась операция против фашистского

гарнизона в местечке Вецслобода, Лудзенского района Латвии.

В ночь с 11 на 12 января 1943 года большие группы партизан вышли к латвийской границе. Здесь были отряды из Дриссенской, Фрунзенской бригад, из бригады имени Рокоссовского. К операции привлекались латышский и литовский отряды, отряд Калининской бригады. В общей сложности в бою участвовало около тысячи человек.

Мы предусмотрели все случайности и оставили группы для наблюдения за противником в гарнизонах Дрисса и Сарья. По пути следования блокировали гарнизоны Шкяуне, Заборье и Пырдово.

Атаковали Вецслободу внезапно. С севера наступал отряд имени Орджоникидзе под командованием Галима Ахмедьярова, с юга — отряд имени Щорса под командованием Петра Машерова, с востока — латыши под командованием Вилиса Самсона, отряд бригады Рокоссовского под командованием Владимира Дормена, отряд дриссенцев под командованием Ивана Кухаренка.

Руководил этой операцией А. В. Романов.

В гарнизоне была уничтожена охрана, разгромлены телефонная станция, почта, спиртзавод, склады, четыре полицейских участка. Партизаны увозили на свои базы богатые трофеи. На триста подвод было погружено 400 мешков хлеба, 65 мешков сахара, 4 тонны шерсти, мануфактура, бочки с бензином, велосипеды, радиоприемники. Захватили даже рыбу, икру и варенье...

На обратном пути было много шуток, веселых разговоров. Из донесений наших разведчиков и допроса пленных мы знали, что враг готовит против партизанской зоны большую карательную экспедицию. Мы же показали фашистам, что не боимся их и готовы к встрече.

Борьба не стихала ни на один день. Она даже усилилась. Сотни вооруженных людей были всегда начеку и отбивали любую вылазку врага. Бойцы партизанских отрядов одновременно учились, овладевали нелегким военным искусством. Хозяйственники шили полушубки, делали лыжи, ремонтировали оружие, готовили обувь, мололи муку, выпекали хлеб.

Как начиналась блокада?

Первые тревожные вести, принесенные нашей раз-

ведкой, поступили в штаб бригады в середине декабря. Медленно, но решительно немецкие воинские части стали подбираться к нам. Еще не было точно известно, насколько велика приближающаяся опасность, еще неразгаданными оставались замыслы фашистов, но мы насторожились.

В декабре 1942 года противник сделал вылазку из Дриссы, но перед Кохановичами встретил сильное сопротивление. Партизаны открыли плотный огонь, убили и ранили около десяти солдат. Оккупанты не стали продолжать бой и повернули обратно. Обозленные неудачей, они сожгли в Козловщине два дома. В этом бою погиб наш боевой товарищ Александр Степанович Колесник.

Это было лишь началом карательных акций фашистов.

Через три дня разведка выяснила, что на станции Борковичи и на разъездах Бениславском и Дегтярево высадились два батальона карателей. Вместе с ними выгружено десять танков.

Мы считали, что нам не миновать встречи с этими частями.

В напряженном ожидании прошло несколько дней. Откуда же еще пожалуют в нашу зону немцы? Трудно было понять, что затевают враги. Вроде бы все утихло, но 28 декабря перед Кохановичами вновь появились атакующие цепи оккупантов. На этот раз врагов было еще больше, чем раньше: до 1000 человек.

Однако их опять встретили огнем партизаны и заставили отступить.

Прошло еще немного времени. Каратели начали наступление от Бигосова на Сарью. Вторая колонна двигалась из Дриссы на Кохановичи. Противник, по-видимому, не ожидал встретить на этих направлениях достаточно сильное сопротивление. Однако мы не оправдали его надежд. К Кохановичам и Сарье были подтянуты отряды нашей и Дриссенской бригад. Кроме того, в этой зоне оказались отряды Калининской, Латышской бригад и бригады Короткова. Мы закрепились в районах Сарьи и Коханович и даже несколько расширили партизанскую зону, распределив между собой участки от местечка Шкяуне вдоль латвийской границы до Сарьи и от Коханович до Дернович.

В районе Сарьи противника встретили плотным огнем отряды имени Котовского и Фрунзе.

Возле Кохановичи карателям преградили путь отряды имени Симацкого, Орджоникидзе и часть отрядов Дриссенской бригады.

Фашисты несколько раз бросались в атаку, но партизаны отбивали все их попытки прорвать нашу оборону. Бои шли больше суток, и немцы, убедившись, что мы надежно закрепились, отступили, понеся при этом большие потери. Только в боях за Кохановичи фашисты потеряли убитыми 80 солдат и офицеров.

Через несколько дней противник ушел.

Наступило затишье, но оно было тревожным. Люди были готовы к новому бою в любое время суток, спали не раздеваясь. Как удалось выяснить, против нас действовали 481-й гренадерский, 409-й горно-егерский и 601-й пехотный полки, один полк 201-й охранной дивизии, несколько батальонов 8-й пехотной дивизии и части из местных гарнизонов при поддержке танков и авиации.

Начали тяжелые бои бригады имени Сталина, Рокоссовского из Россонского района и часть калининских бригад.

В конце января обстановка прояснилась. Из соседних бригад прибыли сообщения о том, что противник сконцентрировал большие силы и начал развивать наступление от Дретуни вдоль шоссейных магистралей, стремясь рассечь партизанскую зону на части.

Если посмотреть на карту, видно, как шоссе из Себежа, чуть извиваясь, устремляется на юг, к Полоцку. У местечка Клястицы оно пересекается дорогой, ведущей из Дриссы на восток, к Невелю. Эти дороги рассекали партизанский край на четыре части. Замысел врага заключался в том, чтобы разъединить наши силы и поочередно расправиться с нами. 24 января в район Гурки — Перевоз прибыло около полка пехоты противника. Такое же количество выгрузилось на станции Дретунь. 27 января свыше трех тысяч солдат с артиллерией и танками сосредоточились на станции Идрица. 28 января немецкие части вышли в район озера Язно. 5 февраля в Идрицу прибыло еще 69 вагонов с войсками.

Пленные гитлеровцы давали разноречивые показа-

ния. И все же нам удалось составить некоторое представление о характере готовящейся карательной экспедиции.

Изучая архивные материалы военных лет, я недавно обнаружил ряд немецких документов, помогающих полнее представить обстановку в районе контролируемой нами партизанской зоны.

Операция, которую организовали в начале 1943 года фашисты, проводилась под кодовым названием «Шнеехазе», что в переводе на русский язык означает «Заяц-беляк». Руководил ею командир 201-й охранной дивизии генерал-майор Якоби.

С территории Латвии против нас выдвигалась вторая группировка под командованием обергруппенфюрера СС Еккельна. Действия ее были названы еще изящнее: «Зимнее волшебство». Силы на нас двигались немалые, но, видимо, немцы были настроены слишком оптимистично.

В докладной командующему группой армий «Центр» генерал-майор Якоби доносил, что, начиная операцию 8 февраля 1943 года, он намерен расправиться с партизанами в два приема: а) окружить и уничтожить партизанские силы в районе Россон; б) очистить районы южнее Дриссы и северо-восточнее Полоцка. Пункт «а» выполнялся частями 281-й охранной дивизии. Выполнение пункта «б» было возложено на части 391-й дивизии полевой жандармерии.

В помощь группировке Якоби придавались части 3-й танковой и 9-й пехотной дивизий.

Первыми приняли бой с карателями, двигавшимися с северо-востока, бригады имени Сталина, Рокоссовского и часть бригад Калининской области. Они противостояли силам 481-го гренадерского, 409-го горно-егерского, 601-го полков 201-й охранной дивизии и местных гарнизонов, приступившим к так называемой «очистке территории».

Карателей поддерживали танки и авиация.

Обстановка сложилась так, что потребовалось участие всех бригад. Между всеми отрядами было налажено тесное взаимодействие. Мы приготовились встретить врага во всеоружии.

В это время в нашей зоне находились представитель Калининского штаба партизанского движения майор

Алексей Штрахов и член бюро Витебского обкома партии Борис Можайский. В селе Ровное Поле было созвано совещание руководителей партизанских сил. Россонскую бригаду представляли Р. А. Охотин и Е. П. Василевич, Дриссенскую — Г. П. Герасимов и А. И. Лисовский, бригаду имени Рокоссовского — А. В. Романов и П. М. Машеров, калининские бригады — Ф. Т. Бойдин, А. Н. Гаврилов и В. М. Лисовский, Латышскую бригаду — В. П. Самсон, О. П. Ошкалн, В. Я. Лайвиньш и А. М. Гром. От ЦК Компартии Латвии прибыл К. М. Озолинь. Присутствовал и я.

На совещании был выработан план совместных действий. Основная задача заключалась в том, чтобы сковать силы противника перед Клястицами, не допустить рассечения партизанской зоны. Каждой бригаде был отведен определенный район действий. В южную группировку вошли Россонская, Дриссенская бригады, бригада имени Рокоссовского, партизаны М. С. Прудникова («Неуловимые»), литовский отряд и спецотряд «Боевой».

Северную группировку составили калининские бригады и Латышская, которые должны были действовать в районе Шкяуне и Себежа. Бригада имени Фрунзе обеспечивала заслон со стороны Дриссы и Бигосова. Командир бригады имени Рокоссовского Александр Романов временно координировал действия всех партизанских частей в период экспедиции. Его заместитель по разведке Георгий Казарцев свел воедино усилия партизанских разведчиков. Большой энтузиаст этого дела не подвел. О всех передвижениях врага мы узнавали своевременно, что в значительной степени способствовало успешной борьбе с карателями.

Разведывательными данными со стороны Латвии обеспечивал заместитель командира Латышской бригады по разведке А. М. Гром.

Вскоре обстановка осложнилась еще больше. Крупные силы карателей упорно продвигались в глубь нашей зоны. Две колонны фашистов — одна со стороны Невеля через Юховичи, а вторая со стороны Полоцка через Дретунь — подошли почти вплотную к местечку Клястицы. Если они соединятся, часть партизанских отрядов окажется отрезанной от основных сил и зажатой в треугольнике Себеж — Клястицы — Дретунь.

Мы решили не допустить расчленения объединенных партизанских сил. Партизаны бригады имени Сталина нанесли удар по карателям, отрезали часть их основной группировки, вышли на участок Клястицы — Долосцы и перешли в общее наступление.

Калининские бригады под командованием А. И. Гаврилова продвигались вдоль шоссейной дороги Невель — Россоны.

Бригада В. М. Лисовского перерезала дорогу, соединяющую северную и южную часть партизанской зоны. Бригада М. С. Прудникова подошла к станции Дретунь и перекрыла дорогу на Краснополье. Партизаны В. Г. Семина, перейдя в наступление, вышли на участок железной дороги Идрица — Полоцк и отрезали противнику путь для подброски подкреплений.

К моменту решительного боя у Клястиц каратели начали выдыхаться, на пути движения вдоль шоссе им приходилось оставлять свои гарнизоны. Кроме того, они ежедневно несли большие потери.

7 февраля была произведена перегруппировка партизанских сил между Клястицами и Долосцами, чтобы подготовить более мощный удар по врагу. Севернее Клястиц противника встретили отряды калининских бригад, на помощь которым пришли отряд Латышской бригады и два отряда из бригады имени Рокоссовского. Южнее вели бои Россонская, Дриссенская бригады и отряд имени Симацкого. Бригада В. М. Лисовского вела в это время пулеметно-артиллерийский огонь по Себежу с целью сковать там вражеский гарнизон.

Около трех суток продолжались бои у деревень Павлово, Прохорово и Казимирово. Обойти Клястицы противник не мог и непрерывными атаками пытался сломить сопротивление партизан.

Но безуспешно. Здесь был нанесен по врагу решающий удар.

Входивший в состав нашей бригады отряд имени Симацкого насчитывал до четырехсот партизан. На его участке немцам прорвать оборону не удалось. Около деревни Казимирово полегло более шестидесяти солдат и офицеров противника. Отрядом умело командовал Михаил Николаевич Кузьмин.

Основная группировка немцев в районе Клястицы — Долосцы начала отходить. Бригада имени Стали-

на вышла в район Краснополья и отрезала путь отступающим подразделениям противника, которые пытались прорваться к Дретуни на соединение с основными силами. Дриссенская бригада отрезала карателям пути отхода на линии Россоны — Альбрехтово и даже начала их преследовать. Калининские бригады не допустили подхода резервов противника из Себежа и Невеля. Отряды бригады Прудникова и Семина блокировали вражеские подкрепления, направлявшиеся из Идрицы.

10 февраля карательная экспедиция захлебнулась окончательно. Спасшиеся от разгрома части противника ушли в Себеж, Невель и Дретунь.

В своих донесениях Якоби писал, что «дисциплинированная и очень активная ранее бригада «Фрунзе» действует теперь менее активно, вероятно, накапливает силы для решающего нападения».

Эта докладная свидетельствует не только о страхе перед партизанами, но и о незнании немецким генералом истинного положения вещей. В названный период наша бригада не собиралась с силами для нападения на Якоби, а прикрывала в соответствии с общим планом действий латвийскую границу. Это было совершенно необходимо.

Не рассчитывал на встречу с нами и другой немецкий вояка, обергруппенфюрер СС Еккельн, начавший операцию «Зимнее волшебство».

«Волшебства», однако, не получилось, так как реальные, земные партизаны смешали все карты противника.

В докладных карателей все выглядело иначе. Якоби доносит начальству, что «в северных районах части бригады «Фрунзе» попали в операцию «Зимнее волшебство», которую проводит обергруппенфюрер Еккельн южнее и юго-западнее озера Освея»...

Но факты — упрямая вещь.

Поражение карателей признано ими самими в докладной того же немецкого генерал-майора: «В районе северо-западнее железной дороги Полоцк — Невель партизаны после операции «Шнеехазе» снова возвратились в старые районы и развернули деятельность». А дальше генерал ищет себе оправдание: «Попытки партизан снова занять свои позиции на северном берегу Дриссы возле Заречья, в 47 километрах северо-во-

сточнее Полоцка, были с успехом отбиты нашими карательными отрядами».

Даже в таком документе, как донесение немецкого генерала, победа над партизанами звучит не очень убедительно. Якоби вынужден признать, что после карательной экспедиции число диверсий, совершенных партизанами, не уменьшилось, а возросло. Он отмечает, что только в феврале на железную дорогу было совершено 94 нападения.

В следующей докладной говорится об операции «Шнеехазе»: «По всем участкам велись бои с сильным, хорошо вооруженным врагом. Партизаны понесли большие потери и были отброшены на запад. Пути сильно заминированы. Потери врага — 273 убитых. После очистки районов нашими частями расстрелян 201 партизан».

В другом документе написано о том, что карателями расстреляно 305 партизан и 371 их пособник. По данному поводу необходимо сказать, что ни один из партизан во время этой экспедиции не был захвачен врагом. Бравые вояки расстреливали мирных ни в чем не повинных жителей, пытаясь как-то оправдаться перед высоким начальством.

Иной раз «подвиги» карателей выглядят и вовсе смехотворно. Генерал сообщает по команде, что немецкими частями захвачены в качестве трофеев 40 килограммов взрывчатки и 150 метров бикфордова шнура, что ими разгромлены пустующие партизанские лагеря «на 1000 мест»...

Но воевали фашисты не только с партизанскими землянками.

За время боевых действий в одном Россонском районе было убито 2000 мирных жителей, главным образом детей и стариков. Свыше 300 человек фашистские изверги сожгли живыми. На местах многих деревень остались одни печные трубы.

Немцы потеряли в этих боях около тысячи солдат и офицеров.

15 февраля наступление возобновилось, но уже в другом месте. Начал разворачивать свое «Зимнее волшебство» обергруппенфюрер СС Еккельн. Он учел ошибки своего коллеги и решил не повторять их. Действовал медленно, но верно. Состав этой экспедиции был подо-

бран не в пример войскам Якоби. На нас шли полицейские, жандармские части, разномастные предатели своего народа. В общем было собрано более 20 тысяч солдат. В том числе участвовало пять эсэсовских полков и 14 батальонов полицейских. Для устрашения были привлечены даже части 3-й танковой армии.

Еккельн ставил задачу не только уничтожить партизан, но и ликвидировать весь партизанский район вместе с его населением.

Наши силы были к этому времени ослаблены. Часть калининских бригад ушли за Себеж, латыши отправились громить врага на свою территорию.

Главные удары фашисты нанесли в трех направлениях: на Красово наступали части под командованием полковника Кнехта; на Юралово — Сарья — части под командованием полицейского полковника Вейса; на Кохановичи — части под командованием бригаденфюрера СС Шредера. Каратели, видимо, решили, что на этом участке партизанские силы малы, так как они оттянулись к месту напряженных боев у южной и восточной части партизанского края.

Но их расчет не оправдался. Наша бригада и Латышский отряд уже занимали оборону в этом районе, ожидая противника. Отряд имени Фрунзе находился возле деревень Юралово и Видоки, отряд имени Котовского — около Сарьи и Медведева, отряд имени Орджоникидзе — в районе Корников и Козловщины. В Кохановичах находились отряды имени Кирова, Суворова и Александра Невского из Дриссенской бригады.

Отряды имени Фрунзе и Котовского приняли бой в первый же день. Мирное население этих деревень было отправлено подальше от места боев, в лес. Вдоль латвийской границы от Сарьи до Юралова бои шли весь день. Немцы интенсивно обстреливали из артиллерии и бомбили наши позиции, а также деревни, в которых мы находились.

Партизаны дрались упорно. Особенно отличился взвод Петра Смычкова, который за день отбил шесть атак. Михаил Лукашонок со своим пулеметом появлялся на самых опасных участках. Мужественно сражались партизаны Егор Пудов, Филипп Шлык, Александр Шлык, Василий Кураш, Григорий Счастный, автоматчик Петр Татаринов и другие.

Активно поддерживали партизан артиллеристы Кошелева.

На вторые сутки вступили в бой отряд имени Орджоникидзе, а также часть отрядов Дриссенской бригады.

16 февраля новые силы фашистов, свыше трех тысяч солдат и офицеров, начали наступление из района Свольна — Бениславский разъезд. У деревни Климовщина их встретили отряды имени Калинина и имени КИМ Дриссенской бригады. В жестокой схватке противник был отброшен. На поле боя осталось около тридцати солдат и офицеров врага. Партизаны И. Косач и И. Жук, действуя вдвоем, уничтожили в рукопашной схватке десять фашистов. Пулеметчик Т. Лобарь расстрелял отделение солдат противника.

17 февраля орджоникидзевцы отбросили противника от Верхнего и Нижнего Хомино. В районе Возново — Барсуки вместе с артиллерией бригады действовал отряд имени Фрунзе. Партизан П. Поцелуенок уничтожил из своей пушки орудийный расчет, станковый пулемет и около десяти гитлеровцев.

Партизаны отряда имени Симацкого трое суток сдерживали наседавшего на них противника. Свыше пятидесяти солдат и офицеров уничтожили они. В бою отличились П. Огурецкий, Н. Генько, А. Черноок, В. Аржаник и другие.

Возвращаясь с двумя партизанами с задания, Николай Дельцов не знал о начавшейся карательной экспедиции и нарвался на засаду. Приказав товарищам отходить, Николай стал обстреливать противника из автомата. Только партизаны начали отползать, как у Дельцова кончились патроны. Он начал менять диск. Решив, что партизанский автомат больше стрелять не будет, немцы поднялись и направились к тому месту, где залег Николай. Чтобы выиграть несколько секунд времени, Дельцов скомкал рукавицу и швырнул в подходивших солдат. Думая, что это граната, те плюхнулись в снег.

Пока они ждали взрыва, Николай сменил диск и почти в упор расстрелял врагов. Двое были убиты, третьему удалось удрать. А тут открыли огонь отошедшие. Под их прикрытием отполз и Дельцов.

Партизаны без помех вернулись в отряд.

На заснеженном поле возле Селявщины была расчищена посадочная площадка. Наши самолеты привозили для партизан боеприпасы и медикаменты. Транспортные самолеты и планеры совершали посадки почти каждую ночь. Сбрасывался упакованный в тюки груз на парашютах. Обратным рейсом увозили тяжелораненых. В ночь с 16 на 17 февраля на лед озера Лисно приземлились три самолета РБ—5. Командир эскадрильи товарищ Посмотров передал нам боеприпасы, присланные штабом партизанского движения. Обратным рейсом он взял с собой на Большую землю семерых тяжелораненых партизан.

Помощь Родины укрепляла наши ряды, вселяла уверенность в победе.

Враг сосредоточил против нас огромные силы: до 35 тысяч воруженных до зубов солдат с танками, артиллерией и авиацией. Со дня на день положение усложнялось. Фашисты решили во что бы то ни стало разбить партизан, уничтожить их базы.

Нам пришлось изменить тактику борьбы. Партизаны уже не могли вести оборонительные бои сплошным фронтом против многочисленных войск противника. Нужно было сохранить силы, не дробить отряды, избежать уничтожения. Вместе с тем мы стремились разрушить планы врага и нанести ему максимальный урон. Партизаны взрывали мосты, минировали дороги, устраивали с помощью населения завалы. Отряды маневрировали, били по флангам наступающих немецких частей, заходили в тыл, укрывались в лесах, чтобы нанести карателям неожиданный удар в новом месте.

Уже в начале операции «Зимнее волшебство» Еккельн докладывал по начальству, что наступает медленно, так как партизаны стали оказывать упорное сопротивление, все дороги оказались заминированными, продвигаться вперед приходится с потерями. Обергруппенфюрер жаловался на невозможность узнать что-либо конкретное о положении партизанских сил и их вооружении, писал, что выгоднее всего подходить к ним незаметно, но это редко удается, так как командиры партизанских отрядов действуют скрытно, и их трудно обнаружить. Незадачливый вояка выражал уверенность в том, что все действия партизан направляются Москвой и они имеют связь с фронтом.

Этим он пытался объяснить свои неудачи.

Еккельна очень встревожили крупные силы партизан севернее Полоцка. Он обращал внимание на тот факт, что все действия этой группы координируются представителем Калининского фронта, который находится в Черепето, в пятидесяти километрах от Полоцка.

В действительности в Черепето находился не представитель фронта, а представитель штаба калининских бригад Штрахов, который осуществлял руководство действиями только этих партизанских сил.

Фашисты сметали все на своем пути. Грабили и сжигали деревни, а жителей, которые попадали им в руки, уничтожали. Пропагандисты подпольного райкома партии разъясняли населению положение в районе, подсказывали, куда лучше всего уходить от врага. Обычно фашисты вступали в пустые деревни, где не было ни души.

В деревне Потино каратели нашли пустые избы и только одного старика, Николая Макеенко, который был парализован и не смог уйти со всеми. Палачи заживо сожгли его.

Узнав о приближении карателей, жители деревни Ладалево, Сеньковского сельсовета, начали собираться в лес, но фашисты скрытно оцепили деревню, и многие крестьяне не успели уйти. Враги сожгли Ладалево. 22 человека были расстреляны или сгорели в домах. Погибли Борис Ясюкевич, его жена и брат Дмитрий, семьи Иосифа Недбальского и Марии Пилюшиной, Василий Колесник и многие другие.

Двое эсэсовцев схватили глухонемого Адольфа Антоновича Пилюшина и потащили к горящему сараю, но он втянул их за собой в огонь, оглушил, а сам сумел скрыться. Эсэсовцы сгорели, а Адольф Пилюшин пришел в партизанский отряд. Он был страшен. Обгоревший, измученный после перенесенных страданий и долгой дороги, Адольф Антонович, оказавшись в безопасности, упал и потерял сознание. Долго боролись за его жизнь наши врачи. И им удалось победить смерть.

В числе немногих спаслись Марк Маринский, Иосиф Зенькевич и несколько женщин, которые спрятались в лесных землянках и дождались возвращения партизан.

В короткие минуты передышек между боями полит-

работники рассказывали товарищам о страшных зверствах карателей, о событиях истекшего дня. Партизаны клялись отомстить извергам.

Сильный бой разгорелся возле населенного пункта Стрелки. Деревня эта находилась на пересечении двух дорог, которые связывали Полоцк с Освеей и Дриссу с Себежем. Для противника важно было овладеть этим перекрестком. Имел большое значение он и для нас.

Отряд имени Орджоникидзе двигался к месту боя на помощь товарищам из отряда имени Фрунзе. В четырех километрах от Стрелков сделали привал, чтобы прямо с марша войти в бой.

Во втором часу ночи посты сообщили, что со стороны леса движутся немецкие танки. Партизаны заняли оборону. Приготовили ПТР и противотанковые гранаты. Напряжение нарастало. Уже стал слышен лязг гусениц.

А вот и первый танк. Темная махина вынырнула из леса. По снежной целине танк двигался прямо на притихшую цепь партизан. Еще немного — и первые гранаты полетят под гусеницы. Но вдруг мотор танка заглох. Лязгнула крышка люка, и из машины вылез танкист. Кто-то уже прицелился, чтобы выстрелить, как вдруг танкист громко выругался по-русски и со злобой добавил:

— Опять, сволочь, заглох!

И тут кто-то крикнул:

— Хлопцы, так это же Ангудович!

Ребята бросились к танку. Все обрадовались, а Александр стал жаловаться, что с таким плохим горючим просто невозможно воевать.

— Где же ты его взял? — спрашивали любопытные, осматривая танк.

— Подобрали подбитый, отремонтировали, и вот, как видите, еду на помощь в Стрелки.

— Ну, а если бы не заглох мотор? Мы ведь тебя едва не подогрели!

— Это еще как сказать, кто бы кого подогрел,— отрезал Ангудович.

Через несколько минут мотор взревел. Отряд двинулся вслед за танком.

На рассвете каратели пошли в атаку на наши позиции возле Стрелков. В деревне вспыхнули дома. Артил-

лерийский и минометный огонь не давал возможности поднять головы. Фашисты шли по глубокому снегу. Партизаны не открывали огня. Ждали. Подпустив противника метров на двести, ударили из всех видов оружия. С флангов били станковые пулеметы, внося растерянность в наступавшие цепи фашистов. Метко били автоматы.

Противник не выдержал, повернул назад.

Однако через два часа, после усиленного обстрела и бомбежки деревни, каратели вновь полезли на нашу оборону. Крики слились в протяжное «о-о-о!». По полю бежали, спотыкаясь и оглядываясь, с автоматами в руках немцы. Затем все смешалось. Петр Пудов, Михаил Огурецкий и Степан Адаменок дрались в самой гуще карателей. Вот упал один, второй, третий... Еще мгновение — и наши дрогнут, повернут обратно, не выдержав напряжения рукопашного боя с численно превосходящим противником. В этот момент из укрытия вынырнул наш танк. Он устремился на врага. Послышалось партизанское «ура!». Фашисты ретировались.

Через день каратели решили прорваться на другом участке, со стороны деревень Селище и Борисово. Они намеревались окружить партизанскую группировку у Стрелков. Численное превосходство давало им такую возможность.

После трехдневных изнурительных боев мы все же вынуждены были отойти.

С 22 февраля по 3 марта отряды Дриссенской бригады вели бои в районе Задежья, где нанесли карателям ощутимые потери. Они уничтожили более ста солдат, сожгли две автомашины, разбили 15 повозок с награбленным имуществом.

Другие бригады, упорно сопротивляясь, тоже отступали. Обстановка осложнялась тем, что вместе с бойцами от врага уходили местные жители, которых нельзя было бросить даже во имя спасения боевых сил,— женщинам, детям и старикам грозило уничтожение.

В деревне Ровное Поле, в штабе бригады имени Рокоссовского, партизанские командиры собрались еще раз. Было решено создать оперативную группу для координации действий всех бригад нашей зоны. Руководил этой группой уполномоченный ЦК КП(б)Б и Бело-

русского штаба партизанского движения А. Ф. Бардадыи. В нее входили уполномоченный Калининского штаба партизанского движения А. И. Штрахов, представитель Витебского обкома партии Б. И. Можайский, руководитель оперггруппы ЦК КП(б) Латвии К. М. Озолинь, секретарь Россонского райкома партии Я. П. Василевич и я.

Сопротивление врагу в общем боевом строю, при самом тесном взаимодействии решили оказать тринадцать партизанских бригад и четыре отряда. Народные мстители Калининской области, белорусы и латыши еще раз доказали силу братской дружбы народов Советского Союза.

На совещании решили сбить спесь с зарвавшихся вояк во встречном бою, а если это не удастся, то отойти к реке Свольне, закрепиться и стоять насмерть.

Для удобства в управлении все партизанские силы были разделены на три группы, которые должны были взаимодействовать между собой.

В северную группу вошли бригады Лисовского, Гаврилова, Бойдина, Вараксова, Охотина, Лайвиньша. В их задачу входило сковать противника в районе деревень Городиловичи, Микулино и, одновременно, атаковать карателей с тыла в направлении Великое Село — Церковно. Руководство этой группой было возложено на А. И. Гаврилова.

Южная группа сил состояла из бригад Герасимова, А. Романова, П. Романова, Хомченко и отрядов Бубина, Нового. Они должны были встретить противника и дать ему бой возле Задежья, а отдельными отрядами у Коханович и Стрелков выйти ему в тыл.

Координировать действия этой группы должен был майор Васильев.

Бригады Гребенкина и наша объединились в юго-западную группу с задачей в случае необходимости дать противнику бой около деревни Макуты.

Остальные бригады находились в резерве.

Так мы планировали. Но даже лучшие планы на войне не всегда осуществляются. К сожалению, мы опоздали. Инициатива на этот раз оказалась в руках у врага, который сумел закрепиться в занятых населенных пунктах и стал развивать наступление.

Начались тяжелые бои. Партизаны мужественно

оборонялись. В упорных, доходящих до рукопашных схваток, боях противника удалось задержать в течение шести суток на рубеже Микулино — Москаленки — Немытьки — Ярохи — Городиловичи — Буево — Морачково.

9 марта в деревне Ардавская во время бомбежки погиб комиссар нашей бригады Виталий Владимиров.

Партизаны отходили к реке Свольне, разрушая мосты и дороги, уводя население. Мелкие разведгруппы проникали на занятую врагом территорию и наносили ему удары с тыла. На Свольне решено было дать карателям решительный бой, в случае если не удастся удержаться на других позициях, перед рекой.

Извивающаяся среди лесов и болот, шаловливая Свольна несет свои быстрые воды из озера Лисно в Дриссу. На десятки километров от ее берегов в сторону юга раскинулся лесной массив.

В этот лес и рвались каратели.

Горячий бой разгорелся у Городилович. Партизаны отряда имени Симацкого мужественно отражали атаки превосходящих сил противника. Они выстояли, не отступив ни на шаг, пока им на помощь не пришли отряды имени Ленина и имени Котовского из бригады Рокоссовского.

Три отряда сумели создать достаточно сильный заслон. С 27 февраля по 7 марта сдерживали партизаны врага, изматывая его силы. Скупые строки боевых донесений свидетельствуют о мужестве и стойкости, о возросшем боевом мастерстве народных мстителей. Взвод Константина Мацкевича уничтожил 16 солдат противника, пулеметчик Фаддей Бекис скосил пять фашистов, автоматчики Александр Черноок и Василий Аржаник — по три гитлеровца. Взвод под командованием Г. А. Михно занял высотку возле Городилович. Подпустив карателей на прямой выстрел, бойцы открыли по ним ураганный огонь. Сам взводный косил фашистов из ручного пулемета. Подразделение уничтожило десять карателей и две автомашины.

Гераст Алексеевич Михно всегда был образцом мужества и смекалки. В начале карательной экспедиции, когда фашисты только еще подходили к Освее, Михно зашел со своим взводом в районе Урагово в тыл врага. Он организовал там засаду и стал ждать. Вскоре на до-

роге под сильной охраной появилась колонна подвод. Это каратели увозили из Кончан награбленное имущество. Взвод открыл шквальный огонь. Противник был частично уничтожен, а уцелевшие грабители бросили все и удрали. Партизаны взяли восемь минометов, два пулемета, боеприпасы к ним и вернулись в расположение своего отряда.

Крупные гарнизоны противника, осевшие во время экспедиции в Освее, Кохановичах и Задежье, обеспечивали охрану дорог, по которым фашисты получали подкрепления. Однако народные мстители оказывались в таких местах, где их меньше всего ожидали.

26 февраля на дороге от Урагова к Освее началось большое движение: противник перебрасывал боеприпасы и вооружение войскам карательной экспедиции. И вдруг то там, то тут начали раздаваться взрывы. Это действовал оставшийся в районе Василевщины Латышский отряд. Партизаны-латыши заминировали важнейшие участки шоссе. На следующий день то же было проделано и на дороге от Шкяуне. Действия минеров задержали гитлеровцев, вынудили их усилить охрану, бросить саперов на разминирование дорог. В ночь на 3 марта латышские партизаны выбили карателей из деревни Каширино. Несколько позже у Василевщины они дали бой батальону фашистов и вынудили его отступить. В этом бою погибло двое партизан и пять было ранено, в том числе и командир отряда В. П. Самсон.

После этих операций отряд латышей пошел на соединение с нашей бригадой к озеру Лисно.

Отступив за Свольну, партизаны укрепились в полосе по фронту до 40 километров. Наша бригада заняла участок от Миловид до Доброплесов, бригада имени Рокоссовского и отряд латышей от Доброплесов до Лисно. На участке от Лисно до Себежа оборонялись калининские бригады, а от Миловид до Моторино один из отрядов бригады имени Сталина и отряд Бубина. От Моторино до Морачково занимали оборону отряды Дриссенской бригады.

Старики и дети, люди, которые не могли держать в руках оружие, помогали нам создавать оборонительные рубежи. Окопы, траншеи, блиндажи, укрытия для огневых точек были построены в короткий срок.

В тылу у нас оказался Россонский район, куда собрались, спасаясь от расправы, тысячи мирных граждан.

Заболоченная местность перед Свольной, приведенные в негодность дороги, взорванные мосты и завалы не позволяли врагу использовать танки и другую тяжелую технику. В тыл противнику направились десятки летучих групп, которые совершали диверсии, наносили внезапные удары по карателям.

Пятнадцать суток пытались гитлеровцы сломить оборону партизан. Все это время не утихал бой.

15 марта у хутора Бурово в районе обороны отряда имени Орджоникидзе гитлеровцы, создав сильную группировку, решили нанести решающий удар. Завязались тяжелые бои. Партизаны не могли рассчитывать на помощь со стороны других отрядов. Надо было обходиться своими силами. Отходить дальше уже нельзя.

Под огнем карателей падают на родную землю командир взвода Филипп Паршута, пулеметчик Сигизмунд Литвинов, партизан казах Рахим Кайретдинов, Андрей Федоров, Иван Габрусенок. Отряд несет большие потери. На небольшом участке противнику удалось прорвать оборону партизан. Группа фашистов в белых маскировочных халатах зашла в тыл отряда имени Симацкого, который держал оборону у Доброплесов.

С одним партизаном я направился к этой деревне. Дорога была свободна, лошади шли шагом. Оставалось миновать густой сосняк в ста метрах от дороги, и мы будем у цели, в расположении отряда имени Симацкого. В это время из сосняка раздались выстрелы. Пули засвистели вокруг нас. Одна из них даже сбила с партизана шапку. Мы пустили лошадей вскачь. А по врагу из расположения отряда застрочил пулемет.

Когда мы оказались среди своих, бойцы были готовы к бою. Дымила походная кухня, вкусно пахло кашей. Под кустами валялись опрокинутые в спешке котелки с недоеденным обедом.

Перед нашим приездом случилось следующее.

Отряд обедал в лощинке, когда раздались первые выстрелы. Командир отделения пулеметчиков Фаддей Бекис сразу же сообразил, что надо немедленно занимать одну из высоток, расположенную у дороги. Он

приказал пулеметчику Виктору Аржанику бежать на высотку. Виктор со вторым номером Антоном Кривоносом бросился выполнять приказание. И вовремя! На высотке пулеметчики столкнулись с немцами, которые стремились туда же. С ходу Виктор полоснул по фашистам, выпустив последние патроны из диска. Он быстро укрылся за ствол сосны и стал менять диск, поданный Антоном. В это время рядом опять защелкали выстрелы. Это Фаддей, поддерживая товарища, вел огонь по врагу. Виктор опять вступил в бой, но тут же упал, раненный.

А внизу, в лощинке, шел горячий рукопашный бой. Каратели упорно наседали, уверенные, что быстро расправятся с застигнутым врасплох партизанским отрядом.

Однако не тут-то было. Ребята дрались геройски.

Бой длился минут тридцать. Не сломив сопротивления партизан, противник отступил. Фаддей вытер мокрое от пота лицо и усмехнулся:

— Фу, черт, жарко!

Бекису и в самом деле стало жарко, хотя он был в одной гимнастерке.

В этом бою погибли Петр Билей и Ефим Выдрицкий, был ранен Семен Афанасьев.

Около полутора десятка гитлеровцев осталось на поле боя. Врага отбросили за Свольну.

В эти дни в тылу у карателей все активнее действовали наши диверсионные группы. Взвод Федора Казенных из отряда имени Симацкого скрытно вышел в тыл к фашистам. Проходя мимо деревни Ардавская, ребята обнаружили, что там много немцев. Местные жители рассказали, что фашисты одеты в маскировочные халаты и готовятся куда-то выступать. Партизаны поняли, что каратели хотят проникнуть в тыл нашей обороны.

Надо было принимать срочные меры. Силы были неравные, но Федор решил дать бой.

Когда взвод подошел вплотную к расположению противника, Казенных поднял своих товарищей в атаку, а сам, схватив ручной пулемет, одним из первых ворвался в деревню. Расстреливая фашистов в упор, партизанский командир не забывал о руководстве боем.

В первые же минуты был убит фашистский офицер.

Оказавшись без командира, солдаты растерялись. Партизаны не позволили им собраться с силами и организовать оборону. В это время от вражеской пули погиб Даниил Недбало. Смерть товарища еще более ожесточила партизан. Противник не выдержал и побежал.

В многокилометровой глубине обороны врага действовали две диверсионные группы под командованием Николая Шефа и Владимира Федорова. У деревни Вышнарово они заметили движущуюся по дороге группу людей. Присмотрелись и увидели крестьян под конвоем немцев. Тут же брело стадо коров. Стало все понятно: фашисты угоняли мирное население. Партизан было мало, и в открытом бою они ничего не смогли бы сделать. К тому же рядом, в Кохановичах, окопался сильный немецкий гарнизон. И тогда наши воины, обойдя Кохановичи, устроили засаду на выходе из местечка перед деревней Еськово.

Как только группа крестьян под конвоем прошла первую засаду, наши хлопцы открыли огонь с двух сторон. Конвоиры растерялись. И было от чего. Партизаны здесь давно не появлялись, и немцы считали это место безопасным. А тут вдруг стрельба. Противник начал занимать оборону. Пока немецкие солдаты пришли в себя, конвоируемые ими мирные жители разбежались. Разбрелись в разные стороны и коровы. Партизаны некоторое время постреляли и отошли. Потом отыскали убежавших крестьян. Их было около пятидесяти человек. Наши люди помогли освобожденным добраться до леса, где они были уже в безопасности.

В середине марта Иосиф Анисимович Шабаловский, возвращаясь с разведки, встретил возле деревни Гребно немецкий обоз. Кругом был лес. Тихо поскрипывали повозки, переговаривались немцы. Шабаловский посчитал: оказалось двенадцать повозок. На каждой вооруженный ездовой. «Многовато,— подумал партизан.— Но пугнуть можно». Устроившись поудобнее, Иосиф Анисимович начал стрелять. Упал один ездовой, затем второй. Немцы подняли шум. Меняя позиции, Шабаловский продолжал вести огонь. Потом прислушался. На дороге тихо. Подполз ближе, огляделся — никого. Прислушался еще — тишина.

Иосиф Анисимович осторожно вышел из-за укрытия. Повозки стояли на дороге. Возле них лежали двое

убитых. Больше никого не было. Гитлеровцы удрали.

В повозках оказались боеприпасы и награбленное у населения имущество. Шабаловский увел повозки в глубь леса, привязал лошадей, а сам ушел искать себе помощников. Не очень далеко от этого места, как заметил раньше Иосиф Анисимович, в лесу скрывались от фашистов местные жители. Шабаловский нашел их и объяснил, что произошло.

Несколько стариков и подростков помогли партизану привести обоз в отряд.

Иосиф Анисимович, которому в то время шел пятьдесят второй год, носил окладистую бороду и смахивал на старика. Боевая жизнь его началась много лет назад, на заре Советской власти. Он принимал участие в Февральской революции в Петрограде. В 1917 году был в Красной гвардии. Потом служил в 4-й дивизии Первой Конной армии. При освобождении Каховки в 1920 году его тяжело ранили. Демобилизовался. Вернулся на родину, в Белоруссию. Организовывал колхозы. Стал первым председателем сельхозартели «Новая заря». Война застала Шабаловского в должности председателя колхоза имени Кирова. В партизанский отряд он пришел со своим оружием и боеприпасами, привел с собой двух сыновей. Один погиб в боях, а второго, младшего, тяжело ранило.

Часто ходил в разведку помощник комиссара по комсомолу отряда имени Симацкого Андрей Новоевский. Однажды между Макутами и Микулином он с товарищами уничтожил две автомашины противника и захватил пленного, который оказался связным при полку СС. Показания пленного были для нас очень ценными. В конце карательной экспедиции Андрей с пятью партизанами ушел на разведку к границе с Латвией. Возвращаясь в расположение отряда, Андрей с Прокопом Загородним решили посмотреть, что делается в деревне Навлоки. Когда стали подходить ближе, почувствовали запах гари.

Посмотрели в бинокль: деревня догорала, а каратели бегали вокруг пепелищ и ловили еще не забранных кур. Не выдержали партизанские сердца. Хотя врагов было много, ребята подкрались поближе и открыли по фашистам огонь из автоматов.

Разогнав куроловов, Андрей с Прокопом обнаружи-

ли две повозки награбленного добра. Местных жителей нигде не было. Захватив с собой эти повозки, партизаны вернулись в отряд.

Новоевский успешно прошел войну и сейчас работает в Москве инженером на заводе.

В марте командир взвода Мацкевич с партизанами Аржаником, Чернооком, Афанасьевым и Сыровым уничтожили более десяти гитлеровцев, 10 автомашин и 20 повозок с имуществом и боеприпасами.

Наши партизанские группы мешали фашистам угонять местное население в Германию. Однажды мы узнали, что в деревнях Филимоновщина, Мурзы и Глазки каратели собрали крестьян, согнали скот и погнали в сторону Латвии. Партизаны С. Шкетик, А. Нарубин и П. Казусь переоделись в женскую одежду и незаметно стали в колонну насильно угоняемых людей. Возле деревни Луни партизаны устроили засаду. Когда колонна подошла к деревне, совместными действиями партизан в засаде и в колонне конвойные были уничтожены.

Захваченных немцами крестьян освободили.

Действия мелких партизанских групп в тылу карателей помогали эффективнее бороться с противником. Этот метод борьбы заставлял фашистов держать в боевой готовности часть подразделений, которые отвлекались от операций против основных сил партизан.

20 марта партизанские отряды, накопив силы, начали наступление. Карателям стало туго. Везде действовали партизанские группы. От них некуда было скрыться. 21 марта 1943 года части карательной экспедиции были подняты по тревоге, погружены на автомашины и уведены из района.

Мы пережили несколько тревожных дней, пока разведка точно установила, что исчезновение немцев — не хитрый маневр, а отступление. Три месяца упорных боев остались позади.

Командованию бригады хотелось понять, почему такой сильный противник не смог добиться ощутимых успехов в длительной войне с нами, партизанами.

По-видимому, причинами были не только обстановка на фронте и неумение фашистов вести боевые действия в сложных условиях народной войны. Неиссякаемая любовь к Родине и священная ненависть к

врагу, боевая дружба русских, белорусских и латышских партизан, повседневная поддержка советских людей — вот наше главное превосходство над вооруженным до зубов противником.

Знакомясь после войны с архивными материалами, мы установили, что очень часто желаемое враги выдавали за действительное, совершали большие просчеты. Так, готовя операцию «Шнеехазе» генерал-майор Якоби ставил вопрос перед главнокомандующим группы армий «Центр» об одновременности и согласованности действий двух карательных экспедиций, его и Еккельна. Однако это пожелание осталось на бумаге: первая экспедиция действовала с 27 января по 10 февраля, вторая началась с 15 февраля, через пять дней после первой. Почему?

Очевидно, дело в том, что Якоби был подчинен командованию группы «Центр», а Еккельн другой администрации. Разные ведомства никак не могли между собой договориться.

У нас это получалось гораздо лучше.

Не добившись успехов в боях с партизанами, фашисты жестоко расправлялись с мирным населением. Себя же они пытались выставить в самом лучшем свете. Если судить по рапортам Якоби, он провел операцию неплохо. Еккельн же, обращаясь к своему начальству, докладывал, что партизанские силы, разгромленные во время этой операции в районе Россон, в прежнем составе вернулись на свои базы. Они вновь занимают опорные пункты полиции, так что Еккельну снова пришлось освобождать их от партизан.

В конце операции, чтобы показать себя с наиболее выгодной стороны, Еккельн писал: «Бандитские отряды разбиты и рассеяны. Остались лишь небольшие группы, которые бездействуют и скрываются в лесах. Для наших войск нет опасности».

Далее он приводит такое количество убитых в боях и расстрелянных партизан, какого никогда не было во всех отрядах, действовавших на территории Освейского района. Обергруппенфюрер упомянул даже, что прибывший из Москвы для координации действий партизан Бардадын убит в бою, и что его труп подобран немецкими солдатами.

В том, что Александр Федорович жив, можно убе-

диться и сегодня. В настоящее время А. Ф. Бардадым живет и работает в Москве.

Конечно, пусть не очень большие, но потери мы имели.

За время карательной экспедиции в бригаде имени Фрунзе пали смертью храбрых двадцать два верных сына белорусского народа. Однако наши силы не уменьшились. Напротив, многие товарищи именно в эти тяжелые дни пришли к нам, чтобы взять в руки оружие.

Передо мной документы времен войны, рапорты немцев своему начальству. Командир полка СС полковник Вейс сообщает, что у Освейского озера он расстрелял 150 человек, сжег пятнадцать деревень, что его полк уничтожил 1400 партизан, 800 взял в плен, а 400 человек отправлено в Германию.

С гневом читаю я эти строки: все сам видел — и сожженные деревни, и расстрелянных женщин, детей, стариков... Все это так и было...

Тут озверелые фашисты не врали.

Партизанские бригады уходили на свои базы. 22 марта мы осмотрели свои лагеря. База штаба бригады, лагеря отрядов имени Фрунзе и Симацкого оказались в порядке. Разрушена была стоянка отряда имени Котовского в Сарьянском лесу. Землянки и другие сооружения отряда имени Орджоникидзе были повреждены взрывами мин, которые, уходя в бой, оставили партизаны. На этих минах и подрывались каратели. Оставляя лагерь, мы всегда минировали его. И вот теперь ребятам пришлось снимать свои же мины...

Зона, свободная от оккупантов, продолжала обычную жизнь. Но как трудно было ее начинать! Фашисты оставили после боя следы разрушений и смерти.

В белорусском Музее истории Великой Отечественной войны хранится листовка под названием «Освейская трагедия». Она была выпущена в апреле 1943 года Центральным Комитетом Коммунистической партии Белоруссии.

«Опьяненные кровью, гитлеровские негодяи,— говорится в ней,— не останавливаются ни перед чем. Нож и яд, огонь и топор, виселица и автомат — все пускают в ход немецкие людоеды, только бы увечить, мучить,

истреблять советских людей. Кровь стынет в жилах от страшных злодеяний фашистской своры. Кажется, нет конца садизму, зверствам оккупантов... Жуткая, кровавая трагедия разыгралась недавно в Освейском районе Витебской области. В страшную пустыню превратился этот живописный уголок белорусской земли. В нем нельзя узнать прежний чудесный озерный край, щедрый и богатый. Все, что долгие годы создавали тут освейские колхозники, погибло под тяжелым сапогом палачей-оккупантов... Партизан!.. Убей гитлеровца, иначе он убьет тебя... Смерть гитлеровским людоедам!»

Изувеченных, полуживых людей фашисты обычно сгоняли в один дом, амбар или сарай. Наглухо закрыв постройку, они обливали ее бензином и поджигали. Люди горели заживо, умирая мучительной смертью. Расследованием, отраженным в акте от 30 марта 1943 года, было установлено, что в деревне Муквятицы из 25 сожженных семей удалось отыскать только 13 трупов обгоревших до неузнаваемости людей и одного расстрелянного. Определить возраст и имена погибших не представлялось возможным. Такие же зверства были учинены в деревнях Черновоки, Королево и других.

В деревне Купоровщина среди многих изуродованных до неузнаваемости трупов местных жителей удалось установить личность лишь нескольких человек. Вот отдельные имена казненных. Просеня Черноок, 21 года, вначале была изнасилована, а потом расстреляна. Евгения Путро, 45 лет, была избита и расстреляна, а ее семилетней дочери выкололи глаза.

На опушке леса возле Микулино было найдено 56 трупов жителей деревни Подгайские Хутора. Опознать удалось только пятнадцатилетнего Владимира Подгайского и его восемнадцатилетнюю сестру Лиду. Наталья Кудла лежала, прижав к себе трупик двухлетней дочери.

В ряде случаев не было пощады даже семьям полицаев. В Грицково, Стрелках, Великом Селе вместе со всеми были уничтожены и семьи предателей народа, верных холопов оккупантов.

В райцентре Освея, местечке Кохановичи, поселках Задежье, Зайцево и в других населенных пунктах фашистские изверги избивали людей плетьми, резиновы-

ми жгутами, многих подвешивали на крюки за челюсти, ребра, насиловали девушек и женщин.

На территории Освейского района нет такого населенного пункта, в котором не пострадали бы его жители. В деревне Морачково, например, уцелело только четыре семьи.

На груди и спине восьмилетнего мальчика Юхневича из деревни Беляны палачи вырезали пятиконечные звезды, а затем бросили в пылающий дом. Его матери отрезали груди, а семилетней сестричке Вере распороли ножом живот. Их также бросили в бушующее пламя. Такая же страшная судьба постигла семью Жаровых из деревни Борисово и многих других.

Семью партизана-разведчика Петра Шкетика расстреляли всю: мать, жену, трех малолетних детей. Родных партизана Константина Мацкевича сожгли в деревне Иванцово. Мать Петра Смычкова бросили в яму, облили бензином и сожгли. Семья партизана-артиллериста Михаила Мацулевича была утоплена в реке Свольне. Он поседел, когда увидел трупы родных.

В деревне Ардавская изверги согнали в сараи 150 человек, многим загоняли в грудь гвозди. Потом всех сожгли. В Задежье таким способом уничтожили 250 человек.

С невероятной жестокостью расправлялись гитлеровские палачи с детьми. Выкручивали своим жертвам руки и ноги. В некоторых деревнях живых детей сажали на колья и наблюдали за их агонией...

В деревне Залещине фашисты сожгли в одном доме 60 человек. Мозалевщина пережила трагедию Хатыни — погибла в огне. На кладбище белорусских деревень от нее осталась горсть земли. Жителей этой деревни и беженцев из других деревень настигла ужасная смерть. Их согнали в сарай и два дома и подожгли. Многие пытались бежать, выламывали окна, но гитлеровцы расстреливали их из автоматов. Детям Дмитрия Андреевича Чапука — Фросе, Ане и Диме — чудом удалось бежать. Раненные, они с трудом добрались до леса.

Живыми в огне тогда погибло более ста женщин, стариков и детей.

Зрелище массовых убийств было настолько страшным, что партизан Лаврентий Чапук, найдя место каз-

ни своих родных, за одну ночь стал совершенно седым.

Всего за несколько дней фашистские изверги полностью сожгли 158 населенных пунктов района (3450 домов), райцентр Освею, 9 Домов культуры, 12 средних и 90 неполных средних школ, 4 детских дома, 6 больниц и 2 ветлечебницы, 3 МТС и все промышленные предприятия района. Та же участь постигла 2 церкви и 3 костела. Более 3500 мирных жителей было убито, сожжено и утоплено в реке Свольне. Из них 2118 детей до двенадцатилетнего возраста и 310 стариков.

На каторгу в Германию гитлеровцы угнали более 2000 человек.

Но никакие репрессии не могли устрашить наш народ, поставить его на колени. С еще большим упорством и ненавистью к врагу защищали свою Родину народные мстители. Дорого заплатили враги за свои злодеяния. Сотни трупов уничтоженных партизанами солдат и офицеров фашистской армии остались навечно лежать на берегах Свольны.

Вновь встретились с одним из руководителей этих страшных зверств латыши и белорусы в 1946 году в городе Риге. Судебный процесс над карателем Еккельном показал не случайность совершенных им преступлений. Правда, обергруппенфюрер пытался смягчить свою вину, ссылаясь на приказы начальства. Но суд полностью изобличил его. И Еккельн вынужден был признаться, что отдал подчиненным ему частям приказ уничтожить все населенные пункты вокруг Освейского озера. За время экспедиции его части расстреляли 193 партизана, за связь с ними уничтожили 3629 мирных жителей, отправили в Германию 6370 человек. Грабили его солдаты со знанием дела: из района было угнано 2250 голов крупного рогатого скота, 408 лошадей, 158 свиней, 2450 овец, 2154 единицы другого скота.

На этом процессе Еккельн дал показания и об известных ему «подвигах» частей 3-й танковой армии. Танкисты расстреляли 28 партизан и 275 мирных жителей, подозреваемых в связи с народными мстителями, 305 человек мобилизовали на тяжелые работы, забрали 145 лошадей, 415 голов крупного рогатого скота и 122 овцы.

Фашистская грабьармия ни в чем не хотела уступать полицейским силам, специальным карательным частям и идущим с обозами «заготовителям».

Наступила весенняя распутица, и бои прекратились. Почти мирная жизнь продолжалась три дня. Партизаны отдыхали, чинили одежду и обувь, стирали белье.

26 марта мы собрали всех командиров и комиссаров отрядов бригады, чтобы решить, что будем делать дальше. Основным направлением дальнейших боевых действий на этом совещании избрали железные дороги. «Если противника нет рядом, мы должны его искать. В этом смысл нашей жизни»,— говорили командиры.

Апрель и май были заполнены мелкими, хотя и ощутительными для врага операциями. Однако если сложить все, что сделала наша бригада за эти два месяца, получатся внушительные цифры. Уничтожено более 400 солдат и офицеров противника, сожжено 37 автомашин, два гитлеровских кордона на границе с Латвией, разрушено около 400 метров железнодорожного пути. Партизаны-минеры спустили под откос 16 эшелонов с живой силой и техникой врага, вывели из строя 12 паровозов.

Вместе с диверсионными группами на железную дорогу в это время стали выходить начальники штабов, комиссары и секретари партийных организаций отрядов. Этим подчеркивались важность малых операций, наше внимание к наилучшему их исполнению.

Секретарь парторганизации отряда имени Фрунзе А. Гарбуков, возглавив группу партизан, провел удачную диверсию на железнодорожном перегоне Устье — Бигосово. Подрыв вражеского эшелона прошел благополучно: было разбито три вагона с живой силой, три вагона с продовольствием и уничтожен паровоз.

Особенно отличился в эти месяцы начальник штаба отряда имени Котовского Алексей Нефедов, который с группой подрывников спустил под откос три эшелона и вывел из строя три паровоза.

Почувствовав, что и после карательной экспедиции мы все еще живы и даже действуем, фашистское командование начало предпринимать попытки хотя бы отвлечь нас от диверсий, сковав боями. Дриссенский гарнизон был пополнен свежими подразделениями.

28 апреля они начали действовать. Немецкие части заняли деревни Пискуны, Бородулино, Божки. 277-й батальон полевой жандармерии, участвовавший в последней карательной экспедиции, выдвинулся в направлении деревни Пустельники.

Мы предприняли контрмеры.

Отряд имени Фрунзе вышел к Пустельникам и так ударил по врагу, что немцы бежали без оглядки. Отряд имени Орджоникидзе встретился с частями дриссенского гарнизона и тоже обратил их в бегство.

Подобные стычки проходили довольно часто. Однако мы не сворачивали диверсионных операций и не отвлекали группы наших подрывников от их основного дела.

Еще дымились сожженные карателями деревни, свежи были могилы убитых, а перед нами уже стояли новые задачи.

Тех, кто не был в армии или в партизанском отряде, часто называют «мирными жителями». В таком определении есть значительная доля условности. Эта война захватила, втянула в свою орбиту всех. Сохранять нейтралитет, оставаться в стороне от борьбы было невозможно: сапог чужеземца топтал родную землю.

Большая часть населения нашего района — дети, женщины и старики — не держала в руках оружия. Многие из них даже не были непосредственно связаны с партизанами. Но все они являлись горячими патриотами своей Родины, умом и сердцем были с нами. Главным источником нашей силы были они — простые жители белорусских деревень. Бойцы бригады являлись их отцами, мужьями и сыновьями. Наши родные, которых фашисты травили собаками, расстреливали, сжигали живыми, понимали, что прекратить борьбу нельзя. Умирая, они никогда и ни в чем не упрекали нас.

Мы выстояли не только в кровопролитных блокадных боях, но и продемонстрировали свое моральное, психологическое превосходство над врагом.

ДИВЕРСИИ НА ДОРОГАХ

Лес притих, насторожился. Непроглядная тьма окутала деревья и кусты. Не видно ни неба, ни людей, которые осторожно, почти на ощупь двигались друг за другом. Слышалось только их тяжелое дыхание. Изредка скрипнет ствол дерева, треснет сухая ветка под ногами. Зашелестит, зашепчет лес и опять слушает.

Наконец деревья расступились. Стало немного светлее. Но только очень острый глаз мог заметить, как один за другим вышли на берег люди. Вот они, шесть человек. Подрывники отряда имени Фрунзе. Идут, согнувшись под тяжестью вещевых мешков.

И он, Николай, седьмой.

— Садись, пришли,— слышится тихий голос командира Дмитрия Гуменника.

Все усаживаются у прибрежного кустарника, но вскоре опять исчезают. Снова ничего не видно. Только слышен голос командира:

— Тут и начнем. Завтра вечером пустим. Понял, Муранов?

Николай все понял. План операции был проработан в отряде детально. Повторяли несколько раз. Каждый знал, что делать. Их группа подрывников, первая в отряде имени Фрунзе, получила задание взорвать мост через речку Сарьянку. Вот она, эта речка, маленькая, мелкая. Но через нее на железнодорожном перегоне Дрисса — Бигосово был мост. Поначалу думали, что взорвать этот железнодорожный мост — дело не мудреное. Попробовали сунуться и обожглись: на подходах к нему были сооружены дзоты, установлены пулеметы и даже две пушки. Немцы бдительно несли охрану этого объекта.

День и ночь в сторону фронта шли составы с ору-

жием, боеприпасами, живой силой. В сторону Германии поезда тоже шли часто.

Думали-думали и никак не могли решить, что же предпринять. Уж очень хотелось взорвать этот небольшой мост. Но для такой операции нужно было много людей, и жертв было бы не миновать. Неожиданно пришло простое решение. Однако его выполнение целиком зависело от случая, от погоды... Надо было попробовать.

— Кончай стдыхать! Начали,— послышался голос командира.

Ребята приступили к работе...

Вторая ночь выдалась такая же тихая и безлунная. Хмурое небо, закрытое низкими тучами, слабый, еле ощутимый ветерок,— все способствовало дерзкому замыслу.

— Ну что, попробуем? — спросил в нетерпении кто-то.

— Попробуем! — откликнулось несколько голосов.

У берега на темной воде еще более темным пятном виднелось нечто наподобие плота с высокой мачтой. Ребята вскарабкались на это сооружение, которое легко держало шесть человек.

— Кончай баловать,— строго сказал командир.— Начинаем грузить.

Через полчаса на плот было уложено и укреплено 380 килограммов тола и 2 больших артиллерийских снаряда. Гуменник сам установил капсюль-детонатор и соединил его с мачтой. Плот был готов в боевой рейс. Когда высокая мачта коснется перекрытий моста, она отклонится и приведет в действие взрыватель.

Ребята вывели плот на середину Сарьянки и пустили его по течению. Через несколько минут он растворился в темноте ночи.

Началось томительное ожидание. Прошло полчаса, а взрыва не было. Не было также и выстрелов. Значит, плот не заметили. Где он сейчас? Этот вопрос возникал у каждого, кто сидел сейчас на берегу.

А на мосту в это время происходило вот что.

Немецкий часовой давно уже вышагивал у своей будки. Скоро он должен был смениться. Бесцельное хождение всегда надоедает. На кой черт этот пост на мосту, когда с обеих сторон его понатыкано столько

огневых точек. Добраться до часового невозможно. Это неплохо, но маячить здесь в одиночестве до двух часов ночи — малоприятное занятие. Часовой размечтался. Ребята достали отличный русский шнапс, и, наверное, оставят ему. Вдруг он заметил на воде что-то темное, плывущее по течению. Часовой бросился к стальным переплетам ограждения и, всматриваясь вниз, пытался определить, что это. Темный предмет тихо и неуклонно двигался к мосту.

— Хальт! — привычно крикнул часовой и выпустил предупреждающую очередь из автомата.

Плот, а это уже было хорошо видно, приближался к мосту. По тревоге зажгли прожектора, осветили реку. Солдаты бросились к воде, застрочил пулемет. Но в этот миг мачта коснулась балок моста. Яркая вспышка разорвала тьму ночи...

Николай увидел эту вспышку, а через мгновение большой силы взрыв потряс все вокруг. Во время вспышки стало так светло, что можно было различить лица бойцов.

На следующий день стало известно, что от моста ничего не осталось. Его разметало до основания. 12 фашистов было убито, пострадали даже дзоты.

Операция была отличной школой партизанским подрывникам. Однако и враги тоже извлекли из нее урок: перед мостами через реки они установили заборы из колючей проволоки.

Такая предосторожность все равно не спасла фашистов. Ребята стали овладевать искусством подрывного дела, и эффект работы небольшой группы подрывников часто равнялся деятельности целого отряда. Во всех отрядах стали создавать группы подрывников. Взрывчаткой нас обеспечивали сами фашисты: партизаны никогда не отказывались от боеприпасов противника. Кроме того, в лесах было много снарядов, оставленных после боев. Из них наши ребята выплавляли тол.

Соблазненные примером фрунзенцев, партизаны отряда имени Жданова выслали группу под командованием Федора Казенных на железную дорогу Себеж — Идрица.

С утра до вечера, пробираясь лесными тропами, шли подрывники. Когда стемнело, группа прибыла на место.

В сотне метров от леса, где укрылись партизаны, действовала железная дорога: пройдет, щелкая на стыках, дежурная дрезина, промчится, разбрасывая искры и яростно стуча, воинский состав. Графика движения по дороге подрывники не знали, какой пойдет состав тоже не знали. Уверены были только в одном: пассажирский поезд, в котором едут и гражданские люди, в ночное время по участку не проходит.

Любой другой состав годится для взрыва.

Подрывники лежали неподалеку от полотна и присматривались. Они отметили, что дорога почти не охранялась, если не считать дрезины, проверявшей путь.

Наконец стало тихо. Партизаны быстро заложили под рельсы взрывчатку и присоединили провода к магнето. Теперь оставалось ждать. Как только над зарядом пройдет паровоз, надо взрывать.

Ждали долго и начали уже отчаиваться. Скоро стало светлеть. Ребята уже подумывали о том, чтобы снять заряд, так как днем его можно легко обнаружить. Но в это время вдали послышался шум приближающегося поезда.

Взрыв произвели удачно. Вагоны полезли друг на друга. Подрывники начали отходить. А позади них горели вагоны и платформы, стучали автоматы. Партизаны уходили в чащу, отрываясь от преследования. В середине дня пересекли дорогу у деревни Глубочица. Движение по ней оказалось на редкость интенсивным. То и дело проходили немецкие машины.

— Что-то жалко без шума мимо проходить,— вздохнул Аркадий Можейко.

— У меня в мешке мина завалялась,— сообщил Василий Шабаловский.

— А я могу быстренько ее поставить, так что и не задержимся,— с готовностью предложил Аркадий Глинский.

— Давайте, только быстро! — согласился Федор Казенных.

Ждать пришлось недолго. Вдали запылила колонна автомашин. Первая же из них взлетела на воздух. В ней были солдаты. Остальные остановились. Немцы соскочили на дорсгу, бросились к лесу и стали стрелять, но дальше идти не решались.

В это время партизаны отошли.

— Фу, аж дух захватило,— произнес, останавливаясь, Владимир Дашкевич.

— Теперь можно и попрощаться,— добавил Семен Линькевич.

— В общем, гутен таг и ауфвидерзеен,— подвел итог соревнований по скоростному бегу знаток иностранных языков Глинский.

Партизаны из отряда имени Орджоникидзе тоже в эту ночь не спали. Григорий Гончаров с товарищами на перегоне между Борковичами и Свольной взорвали состав с продовольствием, который направлялся на фронт. Вышел из строя паровоз и 25 вагонов.

Вблизи Мартино на магистрали Полоцк — Двинск группа Николая Самусенко спустила под откос воинский эшелон. Было разбито 15 вагонов и 16 платформ, 69 автомашин, погибло много живой силы.

Мелкие группы подрывников обладали замечательной маневренностью. Они незаметно приближались к объекту, проводили операцию и так же внезапно исчезали. Противник терял представление о численности партизанских отрядов, не знал, где их искать. А урон оккупантам наносился изрядный. Только за несколько месяцев 1942 года, еще до создания бригады, стрядом имени Фрунзе было подорвано около двадцати эшелонов противника, убито более тысячи фашистов.

Наши потери были незначительными.

Особенно хорошо действовал на железных дорогах взвод Петра Смычкова, в который входили Василий, Петр и Михаил Лукашонки, Егор Пудов, Филипп и Александр Шлыки, Иван Кураш, Евгений Бордович и другие.

Партизаны отряда имени Котовского Кухаренко, Малей, Лавриненок, Мельчонок, Кужель под командованием Выдрицкого, заложив 16 килограммов тола, подорвали между Бигосово и Двинском эшелон с двумя паровозами. Более десяти вагонов с живой силой были уничтожены.

Группа партизан отряда имени Фрунзе во главе с Новиковым пустила под откос большой железнодорожный состав. Оказались разбитыми 17 вагонов.

О действиях этой группы подрывников и ее командире хочется рассказать несколько подробнее.

Однажды я услышал:

— Товарищ комбриг! К нам прибыли люди с Большой земли. Один из них хочет видеть командира,— браво доложил дежурный по лагерю.

— Что ж, проводи, если просит.

Через некоторое время передо мной стоял среднего роста мужчина лет тридцати пяти. Опытный специалист подрывного дела, Василий Семенович Новиков был направлен командованием в нашу бригаду для обучения партизан приемам минирования вражеских объектов.

Документы у прибывшего были в порядке. Мы разговорились.

— Работа у нас такая,— сказал я,— или ты их, или они тебя... А условия похуже армейских. Ну, и своя, партизанская, специфика... Взрывай чем хочешь и как можешь. Полная свобода творчества!..

— Понятно, товарищ комбриг,— четко по-военному ответил Новиков.— Инструкции получил. Разрешите приступать?

— Приступайте, желаю удачи.

Приказом по бригаде Василий Семенович был назначен инструктором минно-подрывного дела. К нему для обучения мы прикомандировали группу партизан отряда имени Фрунзе.

Быстро миновали дни теоретических и практических занятий на макетах. Хлопцы уже овладели основами этого опасного дела и могли достаточно четко выполнять приказы своего инструктора. Предстояла практика на железной дороге.

Первый выход прошел гладко, но урона противнику почти не причинил. Скрытно подошли. Выбрали удобное место, дождались интервала между патрулями и поставили мину нажимного действия. Все как положено. Через час громыхнул взрыв. Ребята забрались на высокую сосну и в бинокль все хорошо видели.

Взрыв пришелся на платформу с песком, которая шла впереди паровоза. Ее сбросило под откос, а остальной состав и сам паровоз пострадали незначительно.

Новиков в ярости кусал губы — до этого составы двигались обычным способом, с паровозом впереди. Почему? Видимо, партизаны так допекли фашистов, что они решили принять меры предосторожности.

— Ну, погодите! Мы еще вам покажем,— пообещал Василий.

На себежской железной дороге ребята применили другой способ. Мина приводилась в действие в том случае, когда низко опущенные предохранительные щитки паровоза касались тонкого стерженька или шомпола, соединенных со взрывателем.

Заложив мину, партизаны наблюдали в бинокль за этим участком железнодорожного пути. Вот показался и состав. Вначале прошла участок с миной платформа. Потом накатился паровоз... Вот он уже почти проехал. И — взрыв! Ребята закричали «ура!». Все увидели: сброшен с пути паровоз, свалились вагоны, из которых выползают оставшиеся в живых враги. Поднялась беспорядочная стрельба.

Подрывники ушли в лагерь. Кажется, теперь все в порядке. Выпускники курсов Новикова могут действовать самостоятельно.

Однако вскоре стали поступать известия, вызвавшие новые недоумения. Партизанские мины снова стали взрываться под идущей впереди платформой, а паровоз оставался целым.

Что же придумали немцы на этот раз?

Новиков ушел в разведку к месту диверсии. Картина оказалась неутешительной. Пути отремонтированы, искореженная платформа оставлена в стороне от дороги.

Тщательно, до мелочей изучил Василий Семенович все вокруг, но ничего не понял. Что же за фокус такой использует противник? И вдруг он остановился, уставившись в одну точку. Несколько раз ведь смотрел и не видел! Вот она, разгадка. Причиной преждевременных взрывов был кусок железа, теперь загнутый взрывом, приваренный впереди платформы.

— Все ясно, хлопцы, пошли,— сказал он своим помощникам.

В лесу, когда отошли немного от железной дороги, Новиков все объяснил. Даже нарисовал на песке небольшой веточкой схему.

— У нас мина как работает? — спросил Василий.— Низко опущенные части паровоза цепляют стержень, соединенный со взрывателем. Так? А платформа поставлена высоко над рельсами. Она не цепляет стер-

жень. Верно? Так вот, видимо, немцы догадались об этом и приварили к платформам эти железные бруски. Они-то и задевают за стержень взрывателя. Поняли?

Хлопцы согласно закивали головами. Все правильно.

— Но что же придумать, чтобы обойти гадов? Что?

Этого пока никто не знал. Шли на базу молча, опустив головы.

В лагере Новиков не находил себе места. Его профессиональное самолюбие было уязвлено. Конечно, у партизан имелись в резерве другие способы подрыва эшелонов. Но этот был наиболее верным для подрывников. Нужно было во что бы то ни стало восстановить его эффективность.

С утра до вечера трудился наш инструктор, пилил что-то, привинчивал, опять разбирал почти готовую конструкцию. И сделал!

По виду новое приспособление ничем не отличалось от старого.

— Смотрите,— показывал он ребятам.— Идет платформа. Она цепляет за стержень. Но взрыва нет. Стержень падает и подымает другой, почти такой же. Вот он. Видите? Этот и приведет взрыватель в действие, как только на него наедет паровоз.

Было уже совсем темно, когда подрывники поставили мину с новым взрывным приспособлением и стали ждать подхода вражеского эшелона.

Наконец вдали послышался шум, показался состав. Проходит платформа... Взрыва нет. Вот и паровоз... Взрыв!

Активно действовали и другие подрывные группы.

Подрывники отряда имени Симацкого под командованием Денисенка осуществили на железной дороге взрыв, котсрым были уничтожены около ста солдат и офицеров, 36 автомашин, 7 вагонов с боеприпасами и 2 паровоза.

Несмотря на первые успехи, мы считали, что делаем еще слишком мало. Враг рвался в глубь нашей страны, и его надо было бить квалифицированно, по всем правилам военной науки. Между тем партизаны не имели должной военной подготовки. Их главным оружием были смелость, внезапность, знание местности, осведомленность о противнике, умение выбрать

для удара наиболее удобное время и самое уязвимое место. Силой, которая поддерживала партизан в их нелегкой борьбе, являлась беспредельная преданность Родине и ненависть к врагу, желание поскорее освободить родную землю от фашистской нечисти.

Однако для победы одного желания было недостаточно. Нужно было также и умение. Мы учили партизан воевать, как могли.

Труднее было научить ставить мины. Не хватало иногда и взрывной техники.

С надеждой посматривали ребята на небо. Не от бога ждали они помощи, а от нашей авиации. Советские пилоты смело вели свои машины в глубокий тыл противника, отыскивали в лесах партизанские аэродромы или площадки, сажали на них самолеты или сбрасывали груз. Вместе с оружием присылали нам тол, взрыватели.

Наконец к нам прибыла группа специалистов подрывного дела, направленная Витебским обкомом партии и 4-й ударной армией. Это были Василий Алексеевич Чернобуров, Василий Павлович Виноградов и Дмитрий Васильевич Чаугин.

Через два дня начала работать школа подрывников. За короткий срок все партизаны были обучены основным приемам подрывного дела.

Инструктора прибыли к нам 11 августа 1942 года, а 26 августа при каждом отряде начали действовать диверсионные группы. В них готовились настоящие мастера своего дела, отличные подрывники. За каждой из этих групп были закреплены определенные участки железной и шоссейных дорог, а также другие объекты.

Теперь каждый день в штаб бригады шли сообщения о подорванных автомашинах, разрушенных мостах, спущенных под откос эшелонах. Только за август взлетело на воздух шесть мостов, было уничтожено десять составов с живой силой, вооружением и боеприпасами.

Немцы строили заграждения из колючей проволоки, сосредоточивали у железных дорог для охраны своих транспортных путей целые части, но наши подрывники проникали повсюду. Они ухитрялись ставить мины даже в центре вражеских гарнизонов. И потому нередки были такие случаи.

От блиндажа к туалету вьется еле заметная тропинка. Ночная прохлада заставляет съежиться бегущего по ней немца в нижнем белье.

— Ферфлюхте нахт! — ругается он, поеживаясь.

Внезапный всплеск огня, удар...

Выскочившие из блиндажа фашисты видят только взрыхленную взрывом неглубокую воронку да распластавшееся тело солдата.

— Мина!

Фашисты угадали, хотя и поздно, что это была действительно мина, поставленная нашими ребятами.

— Ух, как хорошо дышится! Слышите? Просто здорово! — Владимир Хвеженко шумно втянул в себя пряный лесной воздух.— Весна, и все тут.

На старых елях уже не было ни снежинки. Последний снег еще похрустывал под ногами, а вокруг деревьев чернели большие лунки.

Мы шли с секретарем подпольного райкома комсомола Владимиром Хвеженко, а в лагере стучали топоры, раздавались звонкие голоса.

Обновление и в самом деле чувствовалось во всем. У партизан было приподнятое настроение. После тяжелых оборонительных боев отряды опять стали разворачиваться. Диверсии следовали одна за другой, ребята ходили на задания и постоянно тревожили немцев.

— Повеселели хлопцы,— рассказывал Владимир.— Многие подаются в комсомол. И работа теперь пошла живее. Сейчас в отрядах более трехсот комсомольцев — сила! Да вот жаль, некоторые погибли... И главное, совсем еще молоденькие ребята, только из пионеров. Когда подрывали Бениславский мост, был убит Леня Бляхман. А ему было только шестнадцать. В схватке с карателями погиб Саша Дубро. Пятнадцатилетний мальчишка имел на своем счету более десятка уничтоженных немцев. Смелый был...

Я знал, что своего секретаря Сашу Дубро комсомольцы отряда имени Фрунзе со всеми воинскими почестями похоронили в деревне Микулино. Васе Макеенко было тоже пятнадцать лет, когда он погиб в рукопашной схватке. А больше всех было жаль Тамару Лопухову. Не успели подобрать ее. Во время боев под Бигосовом на снегу осталась...

Рассказ Хвеженко получился грустным. Но унывать нельзя. Нужно воевать.

— Скоро, Володя, вам, молодым, будет горячо,— сказал я.— Дела, понимаешь, приближаются веселые. Вот смотри.

Мы присели на поваленное дерево. Кабинетов в наших райкомах не было. А сидеть в такие дни в землянке не хотелось. Может быть, меня и осудит кто-либо из любителей «солидно решать вопросы», но очень часто наш райком работал в лучшем случае под раскидистой елью. А уровень сознательности коммунистов и партийная дисциплина были высокими.

Я вытащил из планшета постановление пятого пленума ЦК КП(б)Б от 26—28 февраля 1943 года.

— Понимаешь, Володя, горячая пора сейчас на фронте. Наши войска наступают, освобождая родную землю. И мы должны помочь армии. Что для этого нужно? Надо делать все возможное, чтобы затруднить противнику подвоз боеприпасов и живой силы к фронту. В этом постановлении сказано, что мы обязаны еще шире развернуть диверсионную деятельность. Особое внимание уделяется боевой работе на дорогах, в частности на «железке». Каждый партизан, любой патриот в тылу у врага должен об этом знать и делать все возможное, чтобы как можно больше навредить фашистам.

— Кое-что в этом направлении мы уже пытаемся делать. У меня есть с собой даже некоторые данные,— ответил Хвеженко.— В сорока трех населенных пунктах нами созданы подпольные комсомольско-молодежные группы. Всего в них числится 146 человек. Мы организовали социалистическое соревнование среди молодых партизан, направленное на лучшее овладение боевым оружием и за его сохранность. Перед каждым серьезным боевым заданием комсомольцы собираются, чтобы обсудить, как его лучше выполнить.

В разгар беседы нас нашел посыльный из штаба и доложил, что на базу прибыл командир отряда имени Фрунзе Ваграм Калайджан. Мы его тоже пригласили в наш лесной кабинет. Разговор был продолжен.

— Диверсии на железной дороге — это здорово! — отозвался Ваграм.

— Здорово все, что хорошо получается,— заме-

тил я.— Это, конечно, дело веселое, когда поезда летят под откос. Но нужно все очень хорошо продумать, подготовить. Как проводить эти операции? Что необходимо для успеха? Советуйте, друзья.

— Хорошо бы,— предложил Калайджан,— организовать обучение подрывному делу всех партизан. Ведь каждому придется ходить на диверсии, а не все подготовлены.

— Хорошая мысль. Из-за линии фронта к нам как раз прибыла еще одна группа мастеров подрывного дела. Так что обучать есть кому.

Подошел начальник штаба бригады Тихон Родионов.

— Не обижайте хлопцев, Иван Кузьмич,— улыбнулся он.— Наши ребята и сейчас действуют неплохо. На днях орджоникидзевцы в районе Дриссы и Свольны спустили два эшелона.

— Молодцы! А ну, хвались, начштаба,— оживился Ваграм Калайджан.

— Хочешь опыт перенять? Слушай. Одной группой подрывников командовал Григорий Гончаров, а второй — Степан Ясюкович. Разведка сообщила, что скоро должны пройти два состава. Гончаров пропустил первый состав для Ясюковича. Тот, понятно, пустил его под откос. В это время к засаде Гончарова подошел второй состав. И ребята рванули. Паровоз, 20 вагонов и столько же платформ пошли в разнос. А дорога не работает еще и сейчас.

Вслед за Родионовым стали вспоминать о боевых эпизодах и другие. И долго бы еще продолжалась эта беседа, если бы не спешные дела.

В отрядах полным ходом шла подготовка подрывников. Чуть ли не каждый день на железной дороге раздавались взрывы. Котовцы уничтожили эшелон с цистернами. Всю ночь полыхал бензин, озаряя окрестности на много километров. Через день группа Николая Денисенко вывела из строя 13 вагонов и 17 платформ с грузом для фронта.

Первое мая 1943 года мы отмечали новыми ударами по врагу.

Стало совсем тепло. Партизаны уходили на задания налегке. Настроение повысилось.

— Меняю ватовку на гранаты!

— Кому валенки? Отдам за два диска для автомата,— шутили подрывники.

Однако охотников меняться не находилось: боеприпасы нужны были всем. С наступлением тепла расходы патронов и тола увеличились. С приходом по этой статье было хуже. Поэтому небольшие группы партизан все чаще уходили в гарнизоны на «промысел».

— Идем подкармливаться,— говорили ребята, отправляясь за боеприпасами к врагу.

Наши умельцы усердно варили «кашу». Это делалось так. Из снарядов выплавляли взрывчатку. Она вытекала в разные посудины и застывала. Из этой кашицы минеры изготавливали взрывные пакеты для диверсий на железной дороге.

У нас появились мастера подрывного дела. Это были смелые и настойчивые люди.

Немало доставили фашистам хлопот Дмитрий Гуменник, Александр Верещагин, Владимир Чибриков, Василий Чернобуров, Василий Виноградов, Дмитрий Чаугин, Иван Дадыко, Николай Лобачев, Василий Шабаловский и другие. Они умножили боевую славу белорусских партизан.

В июле Тихон Родионов «подбил итоги», как говорят счетные работники, войны на рельсах.

— Вот вам, товарищи, моя маленькая бухгалтерия,— докладывал он на бюро райкома.— С первого июня по первое июля 1943 года наша бригада добилась таких показателей: пущено под откос вражеских эшелонов с живой силой и техникой — 9, разбито паровозов — 10, вагонов — 82, платформ — 52, автомашин — 61, уничтожен 661 гитлеровец.

Нечего и говорить, что такое сообщение членами бюро было одобрено.

Теплым августовским вечером к командиру отряда имени Симацкого Кузьмину подошел начальник отрядной разведки Михаил Шипило.

— Михаил Николаевич! Есть важные новости. Сейчас мне передали, что немцы из Себежа собираются завтра в деревни за продуктами и вещичками...

Кузьмин вытащил из планшета карту:

— Хорошо. Давай-ка подумаем, что будем делать.

На карте голубели озера, зеленели леса, изгибались линии дорог. Себеж втиснул свои домишки между дву-

мя большими озерами, вытянувшимися с севера на юг километров на шесть. Слева виднелось пятно озера Ворон, сливавшееся с двумя озерами поменьше, а справа тянулось Себежское озеро. Улицы города, пробежав с полкилометра, останавливались у воды. С юга к этим озерам примыкало еще одно — Белое. Подобраться к этому райцентру было трудно. Поэтому и не ходили туда отряды.

— А может, рискнем?..— спросил Шипило.

Риск был и в самом деле не малый. Партизан можно было прихлопнуть, как в мышеловке.

— А почему быть в этой мышеловке нам, а не им? — подумал вслух Кузьмин и спросил: — Как ты полагаешь, Миша, ждут нас немцы... ну, предположим, в Глубочице?

Карандаш остановился в том месте карты, где у развилки дорог, в промежутке между тремя озерами, раскинулась небольшая деревушка.

— Судя по тому, что они очень спокойно там себя чувствуют, не ждут.

— Ну, что ж. Раз не ждут, мы и попробуем там появиться.

Вскоре Кузьмин и начальник штаба отряда Сергей Жвирбля, склонившись над бумагами, разрабатывали план боя.

— Вот и все! — подвел через некоторое время итог Кузьмин.— Командовать этой операцией будешь ты. Не возражаешь?

— В ружье! — раздалась через пятнадцать минут в сгущавшемся сумраке команда Жвирбли.

В кромешной тьме двигались так, чтобы не треснула ни одна ветка. Деревню обошли стороной. Заподозрит еще что-либо глубочицкий полицай.

Три группы выбрали для себя позиции и стали ждать рассвета.

Утром на дороге послышался шум моторов. Вскоре показалась передняя машина. Она прошла мимо взвода Константина Мацкевича и направилась к развилке. Вслед за ней шли остальные. Когда они поравнялись с засадой, шквал огня обрушился на врага. Первая машина, вильнув в сторону, стала. Почти одновременно с ней подбили и последнюю. Из засады было видно, как в кузовах приподнимались фигуры солдат и падали об-

ратно. Некоторым фашистам удалось спрыгнуть на дорогу и укрыться за машинами. Многие кинулись в кювет на противоположной стороне дороги. Но смерть ждала их и там. Вторая группа партизан тоже открыла огонь. Часть немцев все же сумела вырваться из этого ада и убежать обратно в Себеж. Бой закончился быстро.

Партизаны нагрузили четыре повозки оружия и боеприпасов, захваченных у противника. А на дороге, окутанные черными клубами дыма, догорали шесть машин. Около тридцати гитлеровцев нашли себе могилу.

В конце июля прибыл приказ штаба партизанского движения готовиться к всеобщей «рельсовой войне». Все партизаны должны были в один день выйти на коммуникации врага и вывести их из строя. Это было грандиозное, невиданное до сих пор дело.

Из-за линии фронта на самолетах нам доставили значительное количество тола и взрывателей.

Август начался в напряженном ожидании. В штабе бригады лежали готовые планы массовых диверсий. Мы хорошо подготовились. Проверили все до мелочей.

Вечером 1 августа радистка положила передо мной бланк, на котором был записан приказ командования начать «рельсовую войну».

Посыльные вскочили в седла и помчались по отрядам.

К утру 3 августа были готовы все подразделения. Бригада вышла к железной дороге. За один дневной переход мы подошли к исходному рубежу. Участок железной дороги между станциями Дрисса и Бигосово находился километрах в восьми.

Ночью группы обеспечения вышли к железнодорожному полотну. Неожиданным налетом были сбиты и частично уничтожены лежащие на пути посты противника и мелкие гарнизоны. Подрывники начали устанавливать заряды.

В это время на разъезде Устье шел бой. Отряд имени Котовского сковывал немецкий гарнизон, чтобы противник не мог прийти на помощь железнодорожной охране. Во время атаки там находился состав с бензином. Немцы спешно отправили его подальше от разъезда. Но они просчитались. Не успел состав отойти и с

километр, как на линии послышались взрывы. Около тысячи шашек, установленных партизанами, начали взрываться. Состав с бензином остановился. А через минуту цистерны вспыхнули. Партизаны подожгли их бронебойно-зажигательными пулями. Там, где горел состав, будто раскололось небо, появился ослепительный белый шар и лопнул. До нас докатился взрыв неимоверной силы.

Вокруг стало светло, как днем.

Опомнившиеся немцы открыли по партизанам из Бигосова артиллерийский огонь. Но было поздно.

— Вот спасибо фрицам,— шутили хлопцы.— Подгоняют нас, чтобы никто не отставал. Оказывают помощь нашему командованию.

К вечеру 4 августа стали известны результаты операции. Из 1000 комплектов взрывчатки успели заложить 974. Сработало 813. Рельсов перебили столько же. Сгорело 17 цистерн с бензином. Наши потери были небольшими.

Движение на этом участке остановилось более чем на сутки.

Фашисты усилили охрану железных дорог. Наша разведка настойчиво искала подходы к железнодорожному полотну, но натыкалась на густую сеть постов. Однако это не могло остановить подрывников.

В ночь с 19 на 20 августа бригада вновь вышла на железку. На этот раз мы шли на участок между Дриссой и Свольной. На подходе к цели передовые группы столкнулись с засадами. В разных местах завязались рукопашные схватки.

Партизан Николай Гринько выбил из рук гитлеровца автомат. Но тот успел за него ухватиться, пытаясь вырвать оружие. Николай рванулся, но безрезультатно. Здоровенный верзила крепко держал его своими ручищами. Гринько выпустил автомат и потянулся руками к горлу врага. Завязалась борьба, оба покатились по земле. Гитлеровец оказался сильнее и подмял партизана под себя...

Вдруг над головой Николая кто-то крепко по-русски выругался и спросил:

— Кто тут возится?.. Не разберешь...

Человек склонился над дерущимися, чтобы рассмотреть, кто там сопит, чем-то ткнул немца в бок и

побежал дальше. Николай сразу же почувствовал, что руки фашиста ослабли и разжались. Пронзительный, хрипящий визг вырвался из горла верзилы. Николай сбросил его с себя и ощутил на руках кровь.

«Кто-то из ребят саданул гада финкой»,— пронеслось в сознании. И Гринько бросился вперед, туда, откуда слышались звуки продолжающегося боя.

Сбив засаду у Мартина, мы уже выходили к насыпи. Кто-то из ребят заметил, что в группу партизан затесался немец. Шел он тихо, не стрелял, старался быть незаметным. Чего только не придумает человек, чтобы остаться в живых! Его тут же обезоружили и отправили в тыл.

Я глянул на часы. Прорыв через засады отнял у нас много времени. Успеем ли до рассвета?

Наконец стали поступать донесения о том, что взрывчатка заложена. 500 комплектов зарядов готовы к делу.

— Огонь!

По всей линии железной дороги громыхнули взрывы.

Позже выяснилось, что на этот раз не сработало только шесть зарядов.

Пошатываясь от усталости, Людвиг Геродник бросил на землю пустой вещевой мешок и сел на него, опершись спиной о толстый ствол сосны. С удовольствием вытянув ноющие от долгой ходьбы ноги, он положил на колени автомат и закрыл глаза. Возбужденный недавним боем, он до сих пор не мог забыть его. В памяти, словно кинокадры, пробегали картины других схваток с врагом, рискованных вылазок в гарнизоны.

Вот идет он по Кохановичам в форме полицейского и внимательно смотрит вокруг. Внешне спокойный, он чувствует, что в нем напряжена каждая струнка, в любую минуту он готов рвануться в сторону, выхватить пистолет и принять бой. Ему нужно хотя бы час беспрепятственно походить по местечку. Достаточно и этого времени, чтобы увидеть то, что надо. Он это делает не впервые. До сих пор удавалось. Как будет на этот раз?

И вдруг он увидел Таню. Она медленно, раздумывая и как бы припоминая что-то, шла по улице. «Если

она со мной заговорит,— подумал Людвиг,— то переполоха не миновать. И что она делает в Кохановичах? Может быть, тоже в разведке?..»

Не замедляя шага, он поравнялся с ней, внимательно посмотрел ей в глаза и прошел дальше. На ее лице мелькнуло удивление. Но она не остановилась. Молодец!

Задание командования отряда было выполнено.

А вот под покровом ночи он подкрадывается к немецкой казарме и ставит мину на тропинке, ведущей к туалету. И так же незаметно уходит.

Потом вспоминается заседание райкома комсомола. Слушается вопрос о подготовке диверсий на железной дороге... Вот уже рвутся гранаты, свистят пули, и он с автоматом в руках бежит вперед. Взбирается на насыпь, где блестят серебром рельсы. Они так близко, что можно приложить к ним горячий лоб...

Под первый рельс он ложит пакет взрывчатки, вставляет капсюль, соединяет его с запалом. Потом бежит дальше, падает и подкладывает пакет со взрывчаткой под другой рельс.

А сзади грохочут взрывы...

Людвиг Геродник пройдет с боями многие километры, примет участие не в одной дерзкой операции. Но он так и не узнает, что его наградят орденом Отечественной войны II степени. В одном из боев в ноябре 1943 года его встретит вражеская пуля и он, сраженный наповал, упадет на холодную землю.

Третий выход на железку состоялся 26 сентября. Между Бигосовом и Устьем было взорвано 756 рельсов.

Кроме того, одиночные диверсии совершались почти беспрерывно. Взрывались мосты, пускались под откос эшелоны. Комсомолец Николай Самусенок подорвал 19 вражеских эшелонов, уничтожил 128 солдат и офицеров противника. Кандидат в члены ВКП(б) Григорий Гончаров спустил под откос 18 железнодорожных составов с живой силой и техникой противника, уложил в перестрелках 35 фашистов. На минах комсомольца Александра Кривенка подорвалось 15 эшелонов, на его личном счету было записано 23 уничтоженных фашиста. Комсомолец Виктор Гатиха спустил под откос 12 составов, уничтожил свыше 20 солдат противника и захватил 11 языков.

Группы подрывников из отряда имени Симацкого провели возле реки Иссы удачные вылазки. Николай Лобачев, Василий Шабаловский и Николай Денисенок спустили под откос железнодорожный состав, направлявшийся в сторону Себежа. Паровоз и 13 вагонов с боеприпасами были разбиты. Партизаны А. Аржаник, В. Дашкевич и Е. Маркевич подорвали эшелон с живой силой противника, следовавший в сторону фронта. Семь вагонов было уничтожено, восемь сошли с рельсов. Подрывник Маркевич заминировал дорогу между Стальмахами и Ляхово. На мину наскочил фашистский танк.

Больше он уже не ползал по советской земле.

Немалую роль в организации рельсовой войны сыграли секретарь Витебского обкома партии Я. А. Жилянин и секретарь обкома комсомола В. И. Лузгин, находившиеся в этот период времени в нашей партизанской зоне. Они помогли организовать обучение партизан подрывному делу, предлагали варианты расстановки сил во время диверсий. Жилянин принимал участие в подрыве рельсов, который проводила Дриссенская бригада. С нашей бригадой на железную дорогу выходил Лузгин.

После каждой значительной операции Яким Александрович организовывал разборы действий минеров. Кроме того, в течение трех месяцев, проведенных в нашей зоне, он помогал нам в решении различных организационных вопросов, координировал действия партизанских бригад.

Летом сорок третьего года по рекомендации ЦК КП(б)Б на опушке леса возле местечка Клястицы собрались руководители партизанского движения трех республик.

Открыл это необычное совещание о взаимодействии партизанских сил секретарь Витебского обкома партии Яким Александрович Жилянин. Потом выступил представитель командования партизанских бригад Калининской области, уполномоченный штаба партизанского движения А. И. Штрахов.

Поделился своими мыслями и секретарь ЦК КП(б) Латвии Э. Я. Америкс.

Это совещание еще больше укрепило дружбу братских народов борющихся против общего врага. Собрав-

шиеся приняли конкретную программу совместных действий.

Однажды в штаб бригады прибежали два разведчика. Часто дыша и сильно волнуясь, они доложили, что на станции Филиппово высадилось около двух тысяч гитлеровских солдат. На станциях Борковичи и Свольна столько же, если не больше.

Видно было, что враг замышляет против нас что-то серьезное.

Через двое суток разведчики донесли, что колонна солдат противника со станции Борковичи двинулась в сторону Дернович, а со Свольны фашисты выступили по направлению к Кохановичам.

Наши ближайшие соседи — Дриссенская бригада — были уже оповещены и вступили в бой.

Трое суток дрались с врагом партизаны нашей и Дриссенской бригад, пока не заставили его отойти.

Связные из Латышского отряда передали, что на территории Латвии к отправке на фронт готовятся около ста эшелонов войск противника. Мы предположили, что значительная их часть пойдет через нашу зону.

Эти ценнейшие разведывательные данные были немедленно переданы на Большую землю. Командование приняло во внимание готовящуюся переброску большого контингента вражеских войск и рекомендовало нам всеми средствами мешать их передвижению.

Группы подрывников стали еще чаще выходить на железные дороги, нанося врагу ощутительный урон: то и дело летели под откос новые эшелоны с живой силой и техникой.

Тревожили мы противника и в его гарнизонах. Отряд имени Фрунзе атаковал фашистов в Посине. В тот же день бойцы отряда имени Симацкого, устроив недалеко от Себежа засаду, уничтожили три машины с живой силой. Другая засада у Ляхова тоже уничтожила машину с немцами.

За июнь на территории Латвии было уничтожено 27 машин с оккупантами.

Борьба велась не только на транспортных магистралях партизанской зоны, но и на полях с хлебами. Приближалась пора уборки урожая. Тяжелели налитые зерном колосья, клонились к земле... Колхозные нивы были засеяны озимыми осенью сорок второго года, до

карательной экспедиции. А после блокадной зимы, в июле, многих из тех, кто выращивал эти волнующиеся, как море, посевы, не было в живых...

Особенно пустынно было между Дриссой, Бигосовом и речкой Сарьянкой. Здесь наши партизанские подразделения не базировались, и хлеба осиротели.

Оккупанты решили собрать в этом районе урожай для себя. Они вывели на поля более тысячи вооруженных солдат.

Но не дремали и мы. Хлеб не должен был попасть в руки врага.

Отряды имени Котовского, Орджоникидзе и Фрунзе были подняты по тревоге и направлены в район Росица — Верхнее и Нижнее Фомино, где немцы создали центр уборочных работ. Туда же была послана для поддержки бригадная артиллерия.

Вскоре на вражеский полевой лагерь обрушился огонь наших орудий. Со всех сторон в атаку на противника пошли партизанские отряды. Враг, не выдержав дружного натиска, начал отходить к Дриссе.

Следом за партизанами шли местные крестьяне, которые всегда охотно нам помогали. Как только противник был отброшен, началась уборка урожая. Люди работали день и ночь. Только вышедшие из боя партизаны садились на конные жатки, грузили на подводы тяжелые снопы...

За трое суток были убраны хлеба с площади в 540 гектаров. Несмотря на сложную обстановку, на наши склады поступило 420 тонн зерна.

Группы подрывников действовали и в дни уборки. Труд в поле был как бой, а бой для нас был повседневным, обычным трудом, к которому мы привыкли.

Выполнив задачу, отряды возвращались на свои базы. Последним, после завершения уборки в районе Росицы, отходил отряд имени Котовского. В деревне Юралово партизаны остановились на ночевку. Утром собрались идти дальше, но тут прибежал запыхавшийся дозорный и сообщил, что к Сарьянке подходит отряд немцев численностью около трехсот человек.

Начальник штаба отряда И. И. Гируцкий, взяв с собой бывалых разведчиков, помчался навстречу фашистам, чтобы задержать их до подхода основных сил.

В это время бойцы спешно готовились к бою.

Пока передовая группа добралась до Сарьянки, до двух отделений гитлеровцев форсировали реку и закрепились на берегу, возле Сарьянского кладбища. Партизаны этого не знали и мчались прямо на врага, к реке. На открытом месте, метрах в ста от кладбища, немцы встретили бойцов отряда ураганным огнем. Одна повозка опрокинулась, а вторая, где была ранена лошадь, докатила в деревню Сарью.

Партизаны сразу же свалились с подвод и залегли. Когда осмотрелись, решили окружить и уничтожить противника.

Командир разведки Иосиф Обухович с группой в пять человек начал обходить кладбище с левой стороны. Иосиф Гируцкий с шестью партизанами действовал справа. Один боец был послан навстречу отряду, чтобы доложить обстановку.

После сильной двадцатиминутной перестрелки партизаны выбили противника с кладбища и заняли его. Наступила тишина.

Но передышка продолжалась недолго. Гитлеровцы собрались с силами и ударили по высотке с кладбищем, намереваясь уничтожить горстку партизан.

Бойцы Гируцкого держались стойко. Они отбили три атаки, а отряда все не было. Прошел уже целый час, кончались боеприпасы...

Охватывая кладбище с флангов, немцы решили окружить и уничтожить смельчаков. Иосиф Гируцкий своевременно разгадал этот маневр. «Медлить нельзя, нужно уходить. Еще несколько минут, и фланги сомкнутся»,— подумал он.

Едва партизаны оставили высотку, как кольцо окружения сомкнулось. Но было поздно. Используя лес и мелкий кустарник, группа оторвалась от противника.

Разведчики действовали умело и энергично.

Вскоре Гируцкий и его бойцы встретили идущий к Сарье отряд. Когда он подошел к кладбищу, то там уже никого не было.

Не оказалось оккупантов и в деревне. Не решаясь, очевидно, на бой со всем отрядом, они убрались восвояси.

Враг не оставлял нас в покое два месяца: август и сентябрь. То в одном, то в другом месте возникали стычки, гремели бои. Усилились действия авиации.

Немцы бомбили уцелевшие в дни экспедиции деревни до тех пор, пока не сжигали их дотла.

Однажды гитлеровцы нащупали базу отряда имени Фрунзе и забросали ее бомбами. Всего было сброшено около тридцати бомб, но взорвалось только двенадцать. Ущерб эта бомбежка причинила небольшой. Повторных налетов не последовало, и мы даже не сменили место этого лагеря.

Седьмого октября мы услышали по радио радостную весть: Красная Армия освободила город Невель. Наши войска наступали! Это вселяло бодрость в сердца бойцов.

Приближалось освобождение родной Белоруссии. Фронт находился в шестидесяти километрах от нашего партизанского края. Это было радостно и, вместе с тем, опасно. Мы понимали, что наступает время тяжелых испытаний. Концентрация войск в прифронтовом районе даст врагу решающий перевес над силами народных мстителей. Немецкое командование, конечно же, постарается очистить свои ближайшие тылы от партизан.

Мы готовились к боям в невыгодных для себя условиях. Уходить нам было некуда. Да мы и не думали этого делать.

Во второй половине октября фашисты начали подтягивать в наш партизанский район значительные силы. Новой карательной экспедицией под кодовым названием «Генрих» руководил обергруппенфюрер СС фон Бах. Все, что можно было наскрести для борьбы с партизанами, было собрано под его командованием. Это были: наша старая знакомая 201-я охранная дивизия, части 3-й танковой армии, 2, 13, 24, 57 и 64-й полицейские полки СС, несколько батальонов связи, артиллерийские и другие подразделения регулярных войск, полицейские формирования из Латвии, Литвы и Эстонии...

Всего набралось свыше 50 тысяч человек.

Участвующие в экспедиции войска были разделены на две группы. Одной командовал обергруппенфюрер СС Еккельн. Другой — группенфюрер СС фон Готберг, ставший гауляйтером Белоруссии после убийства Кубе.

В своем приказе от 20 октября 1943 года, излагающем план операции «Генрих», фон Бах определил три этапа разгрома партизанских сил.

На первом этапе планировались действия против партизан в районе Полоцк — Идрица — Пустошки — Дретунь. Одновременно предполагалось освободить дорогу Полоцк — Себеж, чтобы расколоть партизанскую зону на две части. При этом предусматривалось наступление противника вдоль дороги на север и юг, а также ее непрерывное патрулирование.

На втором этапе бои разворачивались в районе Боровуха — Дрисса — Бигосово — Освея — Себеж.

Третий этап был завершающим. Оставалось немногое: очистить партизанскую зону от партизан.

Почти двухлетний опыт борьбы с «бандитами», как они нас называли, заставил фашистских военачальников отказаться от недооценки партизанских сил. Главарь карателей фон Бах довольно объективно оценивал наши возможности.

Правда, немецкий генерал полагал, что причиной трудностей с осуществлением плана «Генрих» был охват партизанами большой территории «Россонской зоны, куда входили Россонский, Освейский районы полностью и большая часть Себежского, Идрицкого и Полоцкого..., а также часть Дриссенского, Пустошского и Невельского районов». Кроме того, очень уж мешала генералу местность, природные условия. «Речь идет о труднодоступной территории из-за лесов, озер и болот»,— пояснял незадачливый «знаток» партизанской войны.

Отдал должное фон Бах и боевым качествам партизан, превратно, разумеется, истолковывая истоки их высокой боеспособности. По его мнению, успехи партизан были обусловлены тем, «что в начале восточного похода разбитые части Красной Армии отступили в этот район, куда быстро продвигавшиеся немецкие войска почти не заходили. Природные условия позволили красноармейцам укрепиться здесь.

Со временем,— продолжает генерал фон Бах,— они получили подкрепление из числа бежавших и освобожденных военнопленных. Чтобы организационно объединить эти группы и использовать их в войне против немцев, туда на самолетах были заброшены инструкторы и руководители боевой подготовки. Кроме этого, бандиты укреплялись... добровольцами из числа местного населения, которыми являлись лица, долго слу-

жившие в Красной Армии. Созданные части... постоянно пополнялись за счет принудительной мобилизации гражданского населения. С течением времени банды постоянно пополнялись красноармейцами... В последнее время пополнение забрасывается воздушным путем. Так, прежде беспланово бродившие бандиты преобразовались в хорошо организованные, строго руководимые боевые части под командованием советских офицеров...»

Немецкий генерал утверждает, что численность партизан в Россонской зоне увеличилась еще за счет притока разбитых в других районах партизанских соединений.

«Россонская зона в настоящее время представляет бандитский центр первостепенной важности и силу, которую едва ли можно определить...» — приходит к выводу генерал фон Бах.

Нетрудно заметить, что в цитируемом выше приказе этот немецкий генерал довольно тенденциозен. В его словах проскальзывает плохо скрытое стремление подготовить мотивы для оправдания на случай провала операции «Генрих». Усиленно подчеркивая, что партизанские силы — та же регулярная Красная Армия, всего лишь в несколько ином виде, немецкий военный горе-теоретик проявляет не только осторожность в оценке возможных результатов операции, но и полное непонимание сущности народных форм вооруженной борьбы. В нашем районе партизаном был каждый, независимо от того, держал он в руках оружие или нет. Именно в этом был главный источник нашей силы, а не в армейской обученности и организованности. Последнее лишь помогало первому.

Характеризуя боевую деятельность партизанских сил, этот приказ подчеркивает, что «она заключалась прежде всего в нарушении коммуникаций снабжения немецких войск... путем взрывов железнодорожной колеи и нападений с целью временного вывода из строя или полной парализации. В действительности бандитам это отчасти и удавалось. На... железнодорожных линиях и шоссейных дорогах ежедневно совершаются многочисленные взрывы и минирования, являющиеся существенной помехой в снабжении войск. Движение по шоссейным дорогам из прифронтовых районов в

области гражданского управления в связи с блокировкой дорог между Идрицей и Себежем, а также между Полоцком и Дриссой действительно парализовано».

«Действительно»... Яснее не скажешь.

Для чего это, по заключению немцев, делается? Прогнозы тоже есть.

Генерал полагает, что партизаны готовят «предпосылки для выброски советского десанта при возможном прорыве Красной Армии». Ни больше, ни меньше! Территория указанных выше районов, по мнению фон Баха, охраняется нами так, что «благодаря цепочке постов, полевым позициям, бункерам и т. д. на границах зоны проникновение в нее почти невозможно. Вследствие едва проходимой местности доступ в зону возможен только по дорогам, однако последние заминированы и охраняются постами. Так как транспортными средствами бандитов являются конные упряжки, то они большую часть мостов уничтожили и пользуются подручными переправами».

Такие подробности были плодом фантазии, перепуганного воображения оккупантов. У нас не было ни бункеров, ни полевых позиций, ни цепочек постов. Просто партизаны своевременно появлялись там, где это было нужно, и били иноземных захватчиков. Генерал пишет, что в партизанской зоне нами был введен строгий паспортный режим, созданы укрепленные районы и т. д. Какая чепуха! Нам некогда было заниматься всем этим и незачем. Лучшим паспортом в тылу у врага была собственная личность: партизаны и население хорошо знали друг друга в лицо.

Не без злорадного ехидства по отношению к своим предшественникам фон Бах утверждает, что такая концентрация партизанских сил в нашем районе оказалась возможной только потому, что экспедиция под командованием Якоби не могла подорвать боевой мощи и морального духа партизан. Вот он, фон Бах, начинает осуществлять более энергичные и действенные меры. «Последнее время лагеря и позиции бандитов неоднократно подвергались воздушному нападению и бомбардировке немецкой авиацией... Сбрасыванием примерно тысячи пятидесятикилограммовых бомб были уничтожены 22 бандитские деревни, разрушено несколько лесных лагерей, а также склады боеприпасов и взрыв-

чатки. После одного из налетов южнее озера Ясное наблюдалось семисотметровое дымовое облако...»

Фашистские изверги всегда отличались умением уничтожать взамен партизанских лагерей обыкновенные деревни. Нанести ущерб воздушной бомбардировкой партизанам они не могли при всем желании, так как наши склады всегда были небольшими и находились в разных местах. Только один раз лагерь отряда имени Фрунзе подвергся авиационной бомбежке, которая не принесла ему почти никакого ущерба.

Но доклад должен быть оптимистичным.

Придавая большое значение Россонской зоне, генерал фон Бах отмечает: «Ее существование и постоянно растущая у гражданского населения убежденность, что немцы не имеют возможности уничтожить этого противника, в растущих размерах подрывает доверие населения к силе немцев».

Что правда — то правда. Доверия у населения к немцам не было никакого.

Пользуясь сведениями, полученными у своих не всегда добросовестных агентов, немецкий генерал пишет о том, что всеми силами Россонской зоны руководит специальная «оперативная группа Калининского фронта, которой командует подполковник Шоломагин. Место ее дислокации — МТС возле Россон... Штаб оперативной группы состоит из семидесяти пяти офицеров Красной Армии».

В действительности же не было ни названного подполковника, ни штаба. Все — от начала и до конца — вымысел.

Отмечая высокий боевой дух партизан и предупреждая войска о нашем сопротивлении, фон Бах продолжает: «Настроение... бандитов Россонской зоны можно охарактеризовать как повсеместно хорошее. Оно умело поддерживается с помощью кинофильмов, радиопропаганды, листовок и устной пропаганды. Успехи Красной Армии пропагандируются всеми доступными средствами. Так, недавно нам удалось захватить кинофильм о подвигах защитников Сталинграда, который, без сомнения, оказал свое действие... В некоторых частях, состоящих из насильно мобилизованных, настроение плохое. Люди устали от войны и хотят лучше уйти в свои деревни и делать свое дело. Но страх перед на-

казанием очень велик, так что люди не осмеливаются бежать...»

Вот, оказывается, в чем секрет стойкости партизан. В кинофильмах и радиопередачах!

Очень уж хотелось фашистскому генералу видеть силу наших рядов лишь в пропаганде и в страхе перед наказанием. Будь это не так, утверждает он, разбежалась бы партизанская армия при первых же ударах хваленых немецких войск...

А их сосредоточилось в нашем районе не мало. Превосходство в численности войск и вооружении было не на стороне народных мстителей. По данным немецкой разведки, партизанские силы в Россонской зоне равнялись 25 тысячам бойцов. Карателей же было в два раза больше, приблизительно 50 тысяч. В основном это соответствовало действительности и говорило о том, что фашисты не рассчитывали на легкую прогулку.

Должен сказать, что очень неплохо работала и наша партизанская разведка. К началу развернувшихся операций мы имели довольно полные сведения о силах противника. Было ясно, что удержать занимаемый в течение длительного времени район мы не сможем — не хватит сил. У нас была возможность избежать невыгодного боя, уйти от открытого столкновения с превосходящими силами противника. Но на войне поступают не всегда так, как выгодно. Перед нами была поставлена задача: отвлечь с фронта возможно большее количество немецких войск, сковать их действия.

К вечеру 29 октября каратели заняли исходные рубежи, а на следующий день начали наступательные операции. Первый удар приняли на себя партизанские бригады имени Сталина, Марченко, Прудникова и часть калининских бригад.

В гул орудий вплелись звонкие пулеметные трели. Временами возникали критические ситуации.

За десять дней боев противник занял магистраль Полоцк — Себеж на всем ее протяжении. Первый этап операции «Генрих» фашисты выполнили. Партизанские силы оказались разобщенными. Но это не мешало им бить ненавистного врага.

Несмотря на то, что положение отдельных партизанских бригад оказалось критическим, немцы везде получали отпор.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА

По лесной дороге глухо застучали копыта лошадей. В предвечерних сумерках всклубилась густая пыль и, оседая, поплыла в сторону. Всадники свернули в чащу, остановились и, не слезая с лошадей, о чем-то заговорили. Приглушенные голоса слышались недолго. Пританцовывая, лошади снова вышли на дорогу и сразу сорвались в галоп.

Проскакав некоторое время, всадники придержали лошадей и поехали шагом.

— Вроде все ясно,— задумчиво сказал Анатолий Шамаль.— Как, хлопцы, возьмем Ксеверино? Очевидно, стоит. Тем более, что латыши почти готовы.

— А что? Там, наверное, не больше сотни... Должны справиться,— ответил один из разведчиков.

Его поддержал другой:

— Оборона у них не такая уж сильная — укреплений нет. Разве только кирпичное здание. Тут можно засесть.

— Не храбрись, друг,— снова вступил в разговор командир.— Траншеи и дзоты оборудованы со всех сторон. Да начеку и фашисты.

Лошади перешли на рысь, и вскоре группа разведчиков исчезла в глубине леса.

Через несколько дней отряд имени Котовского скрытно вышел с места базирования. 250 бойцов должны были пройти форсированным маршем более тридцати километров. Район сосредоточения избрали у деревни Медведево, в десяти километрах от Ксеверино.

Нелегкий это был путь. Партизаны несли с собой до двух десятков ручных пулеметов, восемь ротных минометов, боеприпасы. В два часа ночи отряд прибыл на место, где их уже ждали латыши под командованием

Вслед за магистралью Полоцк — Себеж противник предпринял наступление с целью овладения дорогой Клястицы — Дрисса.

Мы приняли все меры к тому, чтобы этого не допустить. На участке от Морачково до Якубова заминировали проезжую часть дороги и завалили ее лесом. Возле Якубова разгорелись упорные бои. Перед этим мы потеряли основной партизанский аэродром у Селявщины. Последним рейсом отправили тяжелораненых В. Лукашонка и В. Поцелуенка. С ними на курсы партийного актива улетела В. Дятлова.

У нас осталась только небольшая посадочная площадка в Ровном Поле.

После неоднократных попыток овладеть дорогой Клястицы — Дрисса противник прекратил наступление. Это было нам на руку, так как боеприпасы были уже на исходе.

Ивана Музыкантика. Здесь же была группа партизан отряда имени Фрунзе во главе с И. Л. Михайловым. Измученные люди повалились на траву. Казалось, ничто не может поднять их, заставить двигаться. Ныли натруженные плечи, ноги налились свинцовой тяжестью.

Вокруг густой кустарник. Взгляд ничего не может различить из-за ночной темноты. Она укрывает, успокаивает, убаюкивает: «Спи, спи, спи». Но спать нельзя. Скоро бой.

Тихо. Но вот зашелестели кусты, послышались осторожные шаги, приглушенные голоса людей. Кто-то щелкнул диском ручного пулемета.

Каждый партизан уяснил цель этой операции и знал все, что ему предстояло делать. Но политработники еще раз повторили:

— Помните, ребята, боеприпасы нужны нам позарез! Уже почти нечем воевать. А у гадов здесь склад...

Отрывистые слова команды нарушили сонную неподвижность. Все зашевелились. Отряд подошел к деревне и развернулся в цепь.

— Вперед! — крикнул командир.

Колючую проволоку резали под огнем противника, бросали на нее шинели, ватники, пиджаки. Бойцы лезли вперед, раздирая руки в кровь. Гитлеровцы, засевшие в дзотах и кирпичном здании кордона, упорно держались, встречая шквальным огнем каждую попытку партизан приблизиться к их позициям.

Но ребята подползали к врагу все ближе. В амбразуры дзотов, в окна кордона полетели гранаты. Фашисты засуетились. У них появились убитые и раненые. На улицах деревни завязались рукопашные схватки. Еще продолжалась стрельба, слышались взрывы гранат, однако сопротивление противника ослабевало.

Двое партизан были ранены. Спасая своих товарищей, погибла медсестра Настя Шумилина, отважная девушка. У латышей погиб партизан Сергей Лысов.

Рассвет в Ксеверино и победа пришли почти одновременно. В шесть часов утра все было кончено. От вражеского гарнизона осталось всего лишь восемнадцать пленных солдат. Большую помощь в разгроме этого осиного гнезда нам оказали латышские партизаны.

Отряд уходил, увозя в своем обозе захваченные у

врага боеприпасы и оружие. Вскоре он возвратился на свою базу. У Шамаля слово не расходилось с делом.

Однажды к котовцам прискакал посыльный.

— Где командир? — крикнул он.

Анатолий Шамаль шагнул к всаднику.

— Срочно в штаб бригады! Немцы поджимают, едят их мухи...

Анатолий приказал начальнику штаба отряда быстрее вести людей в Ровное Поле, на главную базу бригады.

— Готовь ребят к бою, жду,— попрощался Анатолий и вскочил в седло.

В Ровном Поле Шамаля ждал Антон Сергушко, комиссар бригады. Обрадовавшись прибытию командира отряда, он сказал:

— Вот и добро! Иван Кузьмич сейчас в отрядах. Так вот слушай. Обстановка такая: немцы возобновили наступление, переправились через реку Нищу и заняли Якубово. Понимаешь?

Шамаль прекрасно понимал, что это значит. Враг вышел на прямую дорогу по направлению к Дриссе. Это грозило серьезными осложнениями, давало противнику возможность разобщить силы партизан и выйти на главную базу бригады, где были землянки, запасы продуктов, мастерские.

— Боеприпасы почти у всех на нуле,— продолжал Сергушко.— Голыми руками гадов не возьмешь, их много. Если не раздобудем патронов, нужно уходить. Как с этим делом у тебя?

— Кое что раздобыли в Ксеверино,— ответил Шамаль.— Скоро подойдут мои хлопцы, поделимся.

Сергушко улыбнулся, хлопнул Анатолия по плечу.

— Порядок! Давай к твоим.

Два всадника помчались навстречу отряду.

Не заходя на базу, отряд Шамаля сосредоточился в лесу недалеко от Ровного Поля. Усевшись на траве, бойцы внимательно слушали комиссара бригады.

— Немцам удалось овладеть деревней Якубово,— сказал он.— Там остались мирные жители, их нужно спасти. Во время боя они не должны пострадать. Сделать это трудно. Однако отбить деревню необходимо, так как положение может стать серьезным. Под угрозой наш партизанский район. Вы представляете, сколь-

ко мирных жителей могут быть подвергнуты смертельной опасности, если немцы пойдут дальше? Надо приложить все силы, чтобы отстоять Якубово и отогнать врага. Решить эту задачу вам помогут другие отряды.

Беседа была недолгой. Через несколько часов отряд имени Котовского вышел на исходные позиции и внезапным ударом выбил фашистов из деревни.

На улицах Якубово царило веселье. Партизаны включили радиоприемник, который почти не умолкал, передавая сообщения и музыку с Большой земли.

Вскоре в деревню прибыла группа пропагандистов, направленная к нам Витебским обкомом партии. В ее состав входили и кинооператоры, которым было поручено снять на пленку наиболее яркие эпизоды партизанской жизни. Съемка началась во время боя с карателями в районе деревни Якубово.

Кинооператоры привезли с собой кинопередвижку с небольшим запасом художественных и документальных фильмов. Ее установили в большом сарае. Фильмы прокручивались по многу раз, их смотрели местные жители и свободные от боя партизаны. Чуть только немцы немного притихнут, ребята бегут смотреть кино. Правда, тишина устанавливалась ненадолго. Деревню бомбила вражеская авиация. Удалось немцам попасть и в сарай, где крутили кино...

Противник попытался выбить партизан из Якубова. Такую попытку он предпринял уже на второй день, после того как котовцы заставили фашистов бежать за реку Нищу. После артиллерийского обстрела немцы форсировали реку и завязали бой с партизанами, окопавшимися на берегу. Силы были неравными, и гитлеровцы потеснили нашу оборону, заняли кладбище у восточной окраины Якубова.

При поддержке бригадной артиллерии и других отрядов, подошедших на помощь, котовцы отбросили немцев. Семь раз ходили фашисты в атаку, но безуспешно. В рукопашной схватке погиб секретарь партийной организации отряда Иван Столыга, а также Петр Волис, Иван Цыро, Филипп Макеенок и Степан Белодед.

Партизаны стояли насмерть. Вскоре на этом направлении установилась тишина.

С кладбищенской высотки была видна дорога на

противоположном берегу Ницци, где засели немцы. Наши пулеметчики не давали врагу и носа высунуть, не то что проехать по этой дороге. Тогда он решил отсюда уйти.

— И чего удрали?...— раздумывал Шамаль, почесывая подбородок.— Может, двинуть дальше, на тот берег?

— А зачем двигать? — отозвался начальник штаба Алексей Нефедов.— Фронт уже близок, к нам идет Красная Армия.

— Не сидеть же на месте, воевать надо! — возразил командир.— Но почему они ушли? По всем правилам военного искусства немцы должны нас побить.

— А вот же не бьют. Сидят там, за речкой, мерзавцы...

— В том-то и дело, милый человек. Сунешься туда, а у них для нас ловушечка приготовлена.

На этом спор закончился. Фашистам было не до нас. Красная Армия стремительно продвигалась вперед.

Обстановка менялась ежедневно. Немецкие прифронтовые части заняли ту территорию Россонского района, где находился партизанский аэродром, принимавший самолеты с боеприпасами для всех бригад зоны. Мы сидели, как говорили партизаны, на голодном пайке: ни патронов, ни гранат.

В это время к Шамалю примчался заместитель командира бригады Иван Петриенко. Измученный поездками по отрядам, он был злым и еле держался в седле.

— Здравствуй, родименький,— с ехидством приветствовал он Анатолия.— Я смотрю, ты совсем не плохо выглядишь. Не голодный. У тебя, надо понимать, и патрончики, и миночки есть?

— Да что ты говоришь? — запротестовал Шамаль, еще не понимая, к чему клонит Иван.— Я весь исстрелялся!

— Хоть на штыки и приклады переходи,— поддержал командира Алексей Нефедов.

Маленький Петриенко, не слезая с большой лошади, на которой он выглядел еще меньше, сочувственно кивал головой:

— Ай-ай! Вот беда! Небось, сам Котовский тоже так страдал? Пожалеть вас?..

Шамаль понял розыгрыш и рассмеялся.

— Шутки в сторону,— серьезно сказал Петриенко.— Готовь группу для перехода линии фронта. Идем за боеприпасами к нашим.

Около шестидесяти партизан из разных отрядов вышли в направлении фронта. Разведка из этой группы пошла вперед, чтобы прощупать дорогу. Вскоре разведчики обнаружили в лесу много вражеских войск. Было ясно, что немцы заметили партизан, но огня не открыли и пропустили наших ребят. Те тоже сделали вид, что ничего не заметили, и прошли дальше, а потом вернулись другой дорогой к своей группе. Фашисты все поняли и подготовили ловушку.

Нашим посланцам удалось-таки обойти немцев и пересечь линию фронта. Но с боеприпасами они не вернулись — не успели. События тех дней несколько изменили наши планы. Несмотря на недостаток патронов и гранат, мы устраивали засады на дороге Полоцк — Себеж, совершали налеты на мелкие подразделения противника. Партизаны отряда имени Симацкого во время одной из схваток с врагом между Юховичами и Клястицами полностью уничтожили немецкую артиллерийскую батарею. Одиночные автомашины и повозки противника по этой дороге не могли передвигаться вообще. Во время переездов фашисты формировали довольно большие группы в сопровождении значительной охраны.

Хотя противник временно перестал нас тревожить, было ясно, что он не отказался от мысли разгромить партизанские силы нашей зоны. Мы находились в непосредственной близости от фронта и очень мешали фашистам наладить оборону. Наша активность заставила немцев снять с быстро приближающегося фронта воинские части для борьбы с партизанами. На бригады зоны общей численностью около 7 тысяч бойцов было брошено до 25 тысяч хорошо вооруженных регулярных войск противника.

После первых ноябрьских морозов, сконцентрировав значительные силы, враг начал наступление на партизанский край со стороны латвийской границы. Стремясь растянуть нашу оборону, фашисты двигались с запада широким фронтом. Оголить другие участки обороны мы не могли. Численно немцы везде превосходили нас. Боеприпасы были на исходе. Мы отдали при-

каз стрелять только по видимым целям, экономить каждый патрон и снаряд, каждую мину.

Начались тяжелые дни. После каждого боя мы отходили. Войска противника получали все новые и новые пополнения, им непрерывно доставляли боеприпасы.

Мы хорошо понимали, что удерживать занимаемую территорию уже не в силах. Иссякали резервы. Но надо было принять все меры, чтобы как-то сохранить людей. Мы не могли оставить на растерзание фашистам тысячи мирных жителей, которые ушли в леса под нашу защиту.

Пришлось разделить партизанские отряды на мелкие группы. Они совершали молниеносные нападения на врага, застав врасплох, били его и так же быстро исчезали. На дорогах и в расположении немецких войск рвались мины, свистели партизанские пули, возникали завалы. Сплошной обороны у партизан не было, но они были везде.

И все же вражеское кольцо вокруг нас постепенно сжималось. В окрестностях Ровного Поля, единственно свободного от врага участка нашей земли, сосредоточились штабы бригад зоны, переполненные ранеными госпитали, масса населения. Жили в легких шалашах, а то и просто под открытым небом.

Над нами сгущались грозные тучи. Командование тревожил вопрос о том, как сохранить партизанские силы и защитить от уничтожения тысячи жителей соседних районов.

Однако, несмотря на сложное положение, не было ни одного дня, чтобы фрунзенцы не наносили врагу ощутимый урон. Большие и малые бои, дерзкие налеты и диверсии не прекращались.

В предрассветной рассеивающейся мгле по свежему снегу из лагеря отряда имени Жданова незаметно вышла довольно большая группа партизан и скрылась в густом молчаливом лесу. Вскоре поземка замела многочисленные следы. Осторожность была не лишней. Враги находились рядом.

Перед выходом командир отряда Степан Гребенкин, который шел теперь во главе колонны и внимательно прислушивался к сигналам передового охранения, определил задачу:

— Нужно найти небольшую группу противника. Такую, чтобы была нам «по зубам» — можно было бы ее сразу же уничтожить или разогнать. А самим уйти. Все должно быть сделано быстро. Помните, что фашистов вокруг много. Промедлим немного — не миновать беды. Можем понести большие потери. Поэтому огонь открывать только с близкого расстояния, стрелять прицельно и наверняка.

Вот уже три часа идут ребята, и никого...

— Товарищ командир! — перед Гребенкиным вытянулся боец из передового охранения.— Есть обоз! Движется от деревни Яково в нашем направлении.

— К бою! — послышалась команда.

Быстро и точно выполняя распоряжения своего командира, партизаны заняли позиции. Расположились по обеим сторонам дороги на протяжении около трехсот метров. Пока никого не было.

Потянулись томительные минуты ожидания.

Наконец вдали зачернело. И вскоре все увидели, что это были две большие машины. Двигались они медленно, а вскоре совсем остановились. В кузовах сидели солдаты.

— Что же делать? — растерялся вначале Гребенкин.— Может быть, за ними есть еще машины? Что если это только разведка, а за ней идут большие силы? Лучше подождать.

Немцы спрыгивали на дорогу, пристально всматривались куда-то назад.

«Ждут кого-то, наверное... А если они сейчас пойдут в стороны от дороги...— подумалось Степану.— Что тогда?»

Вдали показался длинный обоз. На первый взгляд там было более двадцати повозок.

Увидев обоз, солдаты начали забираться в кузова машин. Передняя, сильно заурчав, двинулась вперед.

— Теперь пора! — сказал Гребенкин и, удобнее пристроив свой автомат, выпустил по первой машине длинную очередь.

Началось невообразимое: забили со всех сторон пулеметы, полетели гранаты. Машины остановились. Солдаты спрыгивали на дорогу, пытаясь скрыться от беспощадного огня. Подводы начали было заворачивать обратно, но партизаны были уже и там.

Все это продолжалось не более десяти — пятнадцати минут. Когда утихли последние выстрелы, на дороге остались опрокинутые повозки, подбитые машины, девятнадцать лошадей. Пятнадцать карателей нашли здесь свою смерть.

После этого ждановцы двинулись в Вышнарово на помощь бойцам отряда имени Орджоникидзе, с ходу вступили в бой, который не утихал более четырех часов. Фашисты вынуждены были отступить, оставив на поле боя свыше пятидесяти убитых. Только через сутки каратели смогли двинуться вперед.

Но эти два отряда вновь и вновь атакуют, задерживая своими смелыми боевыми действиями продвижение врага в районе деревень Москаленки и Морачково на несколько суток.

Тяжелые бои ведут и другие отряды бригады имени Фрунзе.

Взвод Тимофея Поцелуенка из отряда имени Симацкого на хуторе Бурово натолкнулся на отделение солдат противника. Короткая яростная схватка — и почти все они уничтожены.

Главные силы отряда ведут в это время тяжелый бой у Городилович, пытаясь задержать наступление противника. Немцы вынуждены временно уйти в оборону. На поле боя осталось около тридцати убитых солдат и 8 автомашин. Среди трофеев оказалась даже легкая пушка и станковый пулемет.

Получив отпор у Городилович, каратели решили ударить по партизанам в районе Дуброво, зайти им в тыл и разгромить. Но их план был своевременно разгадан. Мы приняли необходимые контрмеры. Начальник штаба Сергей Жвирбля и комиссар Фома Николенко заменили тяжело заболевшего командира. Они спешно сменили позиции и вместе с подошедшим на помощь отрядом из бригады Лисовского дружно встретили немцев. Партизанская артиллерия и минометы обрушили на карателей шквал огня. Заговорили винтовки и автоматы...

Оставляя убитых и раненых, противник вынужден был отступить.

Ночью командование отряда направило в район расположения карателей две диверсионные группы под началом Виктора Ясюкевича и Андрея Новоевско-

го. Дерзкий налет партизан ошеломил немцев, но несмотря на это, утром они вновь пошли в атаку. Снова закипел тяжелый бой. С правого фланга в тыл противника пошла группа Александра Верещагина. Незаметно подобравшись к позициям карателей, партизаны открыли сильный огонь. Враг дрогнул и побежал. Но через день фашисты опомнились и снова двинулись на позиции партизан. Опять разгорелся жестокий бой. Израсходовав боеприпасы, в ночь с 26 на 27 декабря отряд имени Симацкого отошел в район Макуты, задержав в тяжелых боях наступление карателей на несколько суток.

24 декабря 1943 года мы получили приказ штаба партизанского движения Белоруссии, который предписывал нам организовать оборону территории, где скопилось много мирного населения, а также принять все необходимые меры для вывода его в тыл наших войск.

В такой сложной обстановке собралось объединенное заседание Освейского и Дриссенского подпольных райкомов партии. На нем присутствовали все командиры и комиссары бригад. Надо было принимать срочные меры к спасению раненых и мирных жителей.

Было решено в ночь с 27 на 28 декабря 1943 года прорвать в двух местах фронт и вывести людей в советский тыл.

Первая ударная группа, в которую входили белорусские и латышские партизаны, готовила прорыв на реке Нища между Клястицами и Соколищем.

Вторая группа, которая состояла из отрядов калининских партизан, под командованием В. И. Лисовского должна была прорваться между Юховичами и Клястицами.

Каждая бригада выделила по одному небольшому отряду. Они должны были обеспечить подготовку прорыва и остаться для дальнейших действий в тылу врага. Из нашей бригады остался отряд имени Орджоникидзе под командованием Галима Ахмедьярова, комиссара Петра Шклярова и начальника штаба Петра Литвинова.

Завтра прорыв. Около двадцати тысяч человек должны пройти по территории, занятой немецкими регулярными частями. И большая половина людей — дети, женщины, старики. Даже при полной удаче пройти

эту территорию можно лишь за двое суток. Как сделать, чтобы осуществить переход без потерь? Как провести эту пеструю массу людей через огненный рубеж, не будучи разгромленными? Многое должен решить первый рывок. Немцы, конечно, ждут, что рано или поздно мы пойдем на соединение со своими. Где же этот наилучший маршрут?

И вот отрядам, остающимся в тылу, мы придаем небольшие группы кавалеристов из самых смелых партизан. Они должны дать нам возможность прорваться.

Утром 27 декабря отряды обеспечения начали бой. Мы прорывались на восток, а бой разгорелся на западе, километрах в десяти от Нищи. Каждый дрался за десятерых. Целый день строчили пулеметы, гремели орудия. Партизаны пытались прорвать оборону противника на западе. Но тщетно. Немцы подтягивали все новые и новые силы. А тем временем в лесу недалеко от реки стала концентрироваться первая основная группа прорыва. Когда стало темно, прискакали на взмыленных лошадях наши кавалеристы. Теперь все были в сборе. Там, позади, бойцы из отряда имени Орджоникидзе и пять отрядов соседних бригад все еще вели бой на прорыв, отвлекая силы врага. Только ночью, измотанные боем, перешли к обороне.

А у нас уже все готово. Вот они, стоят рядом, командиры отрядов Шамаль и Григорьев. Ждут приказа. Впереди река, а на том берегу деревня Конюхово.

— Пора, дорогие, пора,— сказал я тихо.— Штурмуйте. Помните, что в ваших руках теперь судьба тысяч людей. Мы за них в ответе перед Родиной. Идите.

Слева от меня Шамаль с котовцами, справа Григорьев с дриссенцами, в центре сам с группой автоматчиков. И вот слышу, как бойцы пошли в атаку. Мы лежим над крутым берегом покрытой льдом Нищи. Там, внизу, сплавной лес, вмерзший в лед. Пройти можно, но только пешком. Обозы, кухни, лошади,— все остается здесь. Прислушиваюсь к бою справа и слева. Жду, еще рано. А тревожные мысли проносятся одна за другой: «Все ли что надо сделал? Удастся ли прорваться?»

Люди, знающие партизанские базы, уходят с нами. Это на всякий случай. Из остающихся только Галим Ахмедьяров знает свою базу. Пушки приведены в негодность. Минометы, тяжелые пулеметы зарыты в зем-

лю и замаскированы. Ничего не должно оставаться врагу. Вот только лошади... Они не пройдут по бревнам и льду...

Звуки боя справа и слева стали отдаляться и утихать. Вот-вот прибудут связные. Но нужно ли их ждать? Бегу по льду с разведчиками на противоположный берег: тихо. Пробежали сотню-другую метров еще. Никого.

— Вперед! — подана команда.

И вот вижу на фоне снега, как с обрыва неудержимо скользит вниз, на лед, масса людей. Лавина перехлестывает реку, и уже мимо меня бегут с автоматами и винтовками в руках партизаны.

— Быстрее, друзья! — подбадриваю бегущих.

Могучий людской поток разлился по реке чуть ли не на километр в ширину.

И вдруг там, где скрылись передние цепи партизан, захлопали частые выстрелы, послышались разрывы гранат, раздалось злое, яростное «ура!».

Значит, столкнулись с немцами...

Бой продолжался всего лишь несколько минут, потом все стихло. Значит, заслон смяли. Где ему устоять против такого отчаянного порыва!

И вдруг опять... По берегу полоснула пулеметная очередь. Тра-та-та. Тра-та-та. Откуда он бьет?

— Федор, ко мне! Видишь, где он? — крикнул я.

— Так точно! — отозвался командир взвода Казенных.

— Снять!

— Есть,— бросает он на ходу и исчезает в темноте.

Пулемет бьет откуда-то издалека, поливая свинцом крутой берег. И там падают люди... Хорошо еще, что он не рядом и не может бить по всей переправе. Медленно тянутся минуты, а немецкий пулеметчик все стреляет. Я вглядываюсь в темноту и стараюсь угадать, кто еще из моих товарищей остался на том берегу.

Пулемет наконец смолк. Наверное, ребята уложили-таки фашиста.

Рядом устало присел Сергушко.

— Ну, как на том берегу, Антон?

— Пока что противника не слышно, но людей еще много!

— Я пойду вперед, а ты быстрей их переправляй.

В лесу раздавался тяжелый топот тысяч ног, слышался приглушенный говор. Когда стало светать, все остановились. Решено было отдохнуть и переждать до следующей ночи.

Скоро появился Сергушко. Он совершенно выдохся, не мог даже говорить.

— Перешли,— выдохнул Антон.— А вот Федор Казенных остался там, у пулемета... Котовцы говорят, что погиб и Антон Литвинов. Нигде нет. Погибли еще Петр Максуль, Александр Лось, Арсений Анисимов, Владимир Денисенок.

Прошел день. С первыми сумерками двинулись дальше. Шли колоннами, обходя населенные пункты, в которых могли быть немцы.

В эту ночь прошли немного, километров двенадцать. Привал устроили в пяти километрах от реки Дриссы. Вокруг шумел лес. Люди дрожали от холода и зябко ежились, безуспешно пытаясь согреться. На счастье, недалеко нашли несколько землянок, построенных каким-то отрядом. Часть людей разместилась в них. Мы организовали здесь пункт обогрева. Отдохнут, согреются одни и уступают место другим. Вблизи оказалась, затерянная в глубине леса, небольшая деревушка. Использовали мы и ее. Нас охотно приняли местные жители, и в общем люди устроились довольно сносно.

В это время группа наших разведчиков и строителей вышла на берег Дриссы. Партизаны из Дриссенской бригады, хорошо знавшие местность, доложили, что мостов поблизости нет. Нужно было налаживать переправу.

Внизу текла холодная вода. Дрисса еще не успела покрыться льдом. Работа предстояла тяжелая.

Вооружившись пилами и топорами, ребята начали строить пешеходный мост. В ледяной воде устанавливали сваи, настилали бревна. К вечеру переход был готов.

Многотысячная колонна двинулась к берегу. Передовые отряды организованно перешли на противоположный берег и выдвинулись вперед, чтобы прикрыть в случае необходимости переправу огнем.

Неразбериха началась, когда подошли местные жители, уходившие с нами в тыл. Сергушко опять был на переправе и тщетно уговаривал их соблюдать очередность и дисциплину. Не привыкшие к воинскому поряд-

ку, люди рвались на тот берег. Им казалось, что сзади вот-вот появятся немцы. Пропускная способность переправы была очень мала, и это вселяло ужас. Женщины и дети волновались, боялись отстать от партизан.

Утопавшие в воде бревна обледенели, стали скользкими, идти по ним было трудно. Наша радистка Полина Ковалева потеряла равновесие, поскользнулась на середине реки и упала в воду вместе с тяжелой рацией. К ней бросились на помощь и вытащили из воды. Рация осталась лежать на дне Дриссы.

Избежать паники среди гражданского населения не удалось. Началась давка, люди бросались вплавь в ледяную воду. Слышались плач детей, крики. Охрипшие командиры еле успевали разбираться, где кого переправлять.

Тем временем партизаны наводили еще две переправы. Работали яростно, самоотверженно. Понимали, что от их труда зависит жизнь тысяч людей.

Вскоре пошли колонны и по этим двум мостам. Это во многом помогло нам. Ночью первый мост не выдержал нагрузки. Построенный наспех из случайного материала, он сломался. Остались две переправы.

Переход на другой берег закончился приблизительно около трех часов дня.

Я с группой партизан стоял на западном берегу и наблюдал, как переходили последние бойцы. Со мной было человек пятнадцать. В это время последний мост не выдержал. Сбитые потоком бревна поплыли вниз по течению. Бригада ушла вперед, а мы остались на вражеском берегу и первое время не знали, что предпринять.

Медлить было нельзя. Пришлось форсировать Дриссу вплавь.

— Поплывем, ребята? — как можно бодрее спросил хлопцев.

— Придется...

Я разделся догола и сжав зубы бросился в воду. Некоторые вошли в реку в одежде.

На берегу остался начальник штаба бригады Тихон Федорович Родионов с двумя партизанами. Он должен был проверить, все ли переправились, и в случае необходимости провести отставших через линию фронта.

Когда выбрались на противоположный берег, стало совсем плохо. Жгучий холод сковывал тело. Не останавливаясь, мы двинулись вперед. Через несколько километров тот, кто переправлялся раздевшись и теперь шел в сухой одежде, стал согреваться. Хуже было товарищам, которые брели в мокрой одежде. Она покрылась ледяной коркой...

После войны я получил письмо от своей бывшей партизанки Веры Коляды с рассказом об этой переправе. Привожу его почти полностью.

«Мы вынуждены были переходить Дриссу вброд. Со мной вместе была моя сестра Надя, которой в то время было четырнадцать лет. Как только мы вышли из воды, одежда наша стала замерзать, идти было почти невозможно. Тогда боец Егоров обрезал мне пальто. Стало немного легче. Но шли мы медленно и стали отставать от основной колонны. Кто-то даже на ходу заснул... Комиссар бригады товарищ Сергушко был все время с нами и не давал унывать. В шести километрах от линии фронта был привал. К этому времени у меня уже перестали гнуться колени обеих ног. Помню, что ко мне подошел секретарь партийной организации отряда имени Фрунзе Артем Гарбуков. Он успокаивал меня. Потом я потеряла сознание. А когда утром пришла в себя, то увидела, что нахожусь в землянке, а вокруг бойцы Красной Армии... Меня переодели во все сухое и доставили в санроту...»

Во время этого перехода партизаны, спасая своих товарищей, женщин, стариков и детей, проявляли чудеса героизма и самоотверженности. В поле зрения находился каждый человек, независимо от того, кем он был. Вот отдельные, оставшиеся в памяти случаи.

Идущие в колонне партизаны заметили, что внезапно с дороги сошел комиссар отряда имени Симацкого Фома Николенко и, зашатавшись, упал в снег. Не сказав никому ни слова, он потерял сознание. Но глаза друзей видели все. Партизаны подняли комиссара с земли и вынесли за линию фронта.

У переправы через реку Нищу был тяжело ранен один из бойцов. Партизан-башкир М. Халилов взвалил находящегося в шоковом состоянии бойца себе на спину и понес. Он преодолел с ним водный рубеж, а потом пытался привести в чувство. С тяжелым грузом на

спине уходил Халилов от врага и все время искал санитаров. Но раненому партизану не помогли и они. Боец скончался.

Похоронив его, вконец измученный Халилов оказался перед новой водной преградой — рекой Дриссой. Подойдя к берегу, он увидел, как вода сбила с ног какую-то женщину. Не раздумывая ни минуты, Халилов бросился в воду и вытащил утопающую на противоположный берег. Общими усилиями женщину удалось спасти. Я запомнил только ее фамилию — Подгайская.

Немного отойдя от района переправы, мы разделились на три колонны. Это было сделано для того, чтобы обеспечить большую безопасность движения. Одной колонной идти было хуже: приближалась линия фронта.

Колонна, с которой шел я, встретила армейских разведчиков. Они возвращались из глубокого тыла противника. Разведчики хорошо знали дорогу и взялись нас провести.

Мы шли по лесам и болотам, удаленными от населенных пунктов тропинками. По второй, уцелевшей рации, периодически связывались с армейскими частями и сообщали данные о нашем продвижении. На том участке, где мы должны были переходить линию фронта, нас ждали и были готовы помочь прорвать оборону немцев.

Все шло нормально. Только в одном месте нас чуть было не задержали. Кто-то наткнулся на провод немецкой телефонной связи и по старой партизанской привычке перерезал его. Этого делать нельзя было. Нас могли обнаружить и навязать бой. И действительно, вскоре появилась группа вражеских солдат, искавших разрыв. Они постреляли нам вдогонку, но было поздно. Наша колонна скрылась в глубине леса.

В назначенном пункте все три колонны встретились. Утром 30 декабря 1943 года около озера Страдань мы вышли к своим. Победа! Когда люди почувствовали себя в безопасности, многие не могли устоять на ногах и, обессиленные, падали на землю. Армейские медики едва успевали увозить людей, измученных тяжелым переходом и большим нервным напряжением.

Радость встречи была огромна, ни с чем не сравнима. Все плакали, целовались...

Даже те, кого увозили в госпитали, сияли счастливыми улыбками.

За этот переход мы потеряли погибшими и пропавшими без вести 16 человек. Но больных было много. Спасли же мы, переправив через линию фронта, всех раненых, которых взяли с собой, а также около десяти тысяч мирных жителей, в том числе часть семей латышских партизан.

Всю бригаду не расформировали. Многие партизаны пополнили ряды действующей армии, молодых направили в военные училища, некоторых послали на гражданскую работу.

Меня отозвали в Москву.

Командиром бригады имени Фрунзе, которая должна была продолжать боевые действия в тылу врага, назначили Михаила Николаевича Кузьмина, комиссаром — Антона Адольфовича Бохана. Вместе с отрядом имени Симацкого она опять ушла туда, где в лесах Освейщины продолжали борьбу наши товарищи.

Нелегок был обратный путь в тыл врага. Почти везде стояли немецкие воинские части, густо осевшие в прифронтовой полосе. Миновать с ними встречи было очень трудно. Приходилось искать всевозможные лазейки, петлять по лесам, то приближаясь к цели, то уходя от нее. Иногда партизаны все же были вынуждены ввязываться в неравный бой с противником, хотя это было весьма опасно и не входило в их задачу.

Около пятнадцати дней занял обратный путь до Россон.

27 января 1944 года у озера Нещедро партизанский отряд наткнулся на засаду. Завязался бой, в котором смертью героев погибли Л. Геродник, Г. Парфененок, И. Казаков, В. Лукашонок, А. Юхневич и В. Шипило. Но отряд все-таки вырвался из-под огня и вскоре прибыл к месту назначения.

Трудно было освейским партизанам. Грозно надвигался фронт, вблизи которого сосредоточилось большое количество немецких войск. С другой стороны, гул больших сражений радовал. Очень хотелось скорейшего освобождения. Но фашисты не собирались добровольно уходить с захваченной ими территории. Они всемерно укрепляли свою оборону, рассчитывая подольше удержаться на занятых рубежах. Партизаны мешали им

это делать. И враги не теряли надежды расправиться с народными мстителями.

Пользуясь большим скоплением войск, фашистское командование участило карательные акции против партизан. В течение четырех месяцев каратели почти беспрерывно пытались найти в освейских лесах оставшиеся партизанские отряды.

Сильные отряды нашей бригады теперь стали значительно меньшими, чем были раньше. Численность каждого едва достигала восьмидесяти человек. Это позволило им стать более подвижными и неуловимыми. Партизанская бригада имени Фрунзе теперь уже не могла контролировать всю территорию района. Однако мелкая диверсионная деятельность, в сравнении с прошлыми годами, расширилась. Не было дня, чтобы партизаны не тревожили врага.

Нашим людям чаще приходилось уходить от преследования противника, но в постоянной близости с ним были и свои преимущества. Почти ни одна засада теперь не проходила впустую. «На ловца и зверь бежит»,— шутили ребята.

По мере приближения частей Красной Армии зверства фашистов усиливались. Упорнее и ожесточеннее становились бои.

Зимой 1944 года немцы начали строительство оборонительных укреплений по берегам реки Свольны. В деревню Кобыльники перевели одну роту 351-го саперного батальона 9-го инженерно-строительного полка. Эта тыловая часть была укомплектована в основном латышами, а офицеры были немцами. В Кобыльниках находился и штаб батальона, в котором работали и который охраняли исключительно немцы. Сюда частенько приезжали машины из других подразделений полка.

Партизанские разведчики начали регулярно посещать район вокруг Кобыльников. Бывали и в самой деревне. Интересовались составом и задачами этой воинской части, организовывали на строительных объектах и подъездных путях к ним диверсии. Все это в какой-то степени мешало немцам, однако не нарушало их планов. Партизанам хотелось более основательно помешать строительству. Но как это сделать, командование бригады имени Фрунзе пока не знало.

...Февральский вечер наступает рано. Около шести часов становится темно. Разведчики Яков Терешя и Иван Залетило в сгущавшемся вечернем сумраке чувствовали себя уже не так напряженно, как днем, когда человек на белом снегу виден очень далеко. К окраине деревни Ардавская, что расположена вблизи Кобыльников, они подходили в полной темноте, едва различая дорогу. Это была бывшая деревня, уничтоженная фашистами, сожженная ими дотла.

Уйти бы людям подальше от этого страшного места. Но, видно, так уж устроен человек, что прирастает он телом и душой своей к тому полю и лесу, где прожил всю жизнь. И многие из жителей Ардавской не смогли покинуть родное пепелище, вырыли тут же землянки, стали опять здесь горе мыкать.

К этой деревне и подходили разведчики. Наступила ночь. Пора было и о ночлеге подумать. Толкнулись в дверь крайней землянки, где жила наша связная, к помощи которой часто прибегали партизаны, и сразу оказались у своих.

В землянке было достаточно тепло, тускло горел дрожащий огонек коптилки, сделанной из сплющенной на конце снарядной гильзы. Дым сразу же начал пощипывать глаза. Но ребята не обращали на это внимания. Все-таки деревня, а не лесной лагерь...

Хозяйка напоила разведчиков чаем, в котором, разумеется, и в помине его не было, и который в то время заваривался засушенным брусничником. Сахара, конечно, тоже не было. Но это пустяки — главное согреться.

— Так что новенького, Прокофьевна? — спросил хозяйку Яков, прихлебывая из кружки горячий взвар.

— К соседям приходили латыши. Строители. Родственники или знакомые — ответила пожилая женщина.— Хотят встретиться с партизанами.

— Расскажите о них,— попросил Иван.

— Рассказывать особенно нечего. Двое латышей приходили. Говорят довольно открыто, почти не таясь. Сами смотрите.

— Что ж, посмотрим... А как насчет ночлега, Прокофьевна?

— Ночуйте,— устало ответила женщина.

Ребята выбрались из землянки покурить перед сном. Подворачивалось интересное дело. Решать его нужно было сейчас, немедленно. У командира не спросишь: латыши должны прийти завтра. Действовать без приказа вообще-то не положено, но пока сбегаешь к начальству и обратно, время будет упущено...

— Что будем делать? — спросил Залетило.— А вдруг это провокация?..

— Вполне возможно. Но и упускать случая тоже нельзя.

— Решаем так: я остаюсь здесь и завтра встречаюсь с этими латышами. Поговорю. Если все нормально, то вернусь послезавтра. Если же меня к середине дня не будет, то латыши — провокаторы. И тогда пусть о них думает командование. Ты отправишься с утра в штаб и обо всем доложишь.

— Что ж, хорошо,— медленно проговорил Яков.— Только с одним дополнением: я остаюсь, а ты идешь в штаб.

Немного поспорили. Наконец, Яков согласился с предложением Залетило.

Увидев пришедшего в лагерь и доложившего о событиях Якова, Галим Ахмедьяров рассвирепел:

— Разве можно по одному такому сообщению начинать операцию? Это самый настоящий авантюризм! Парень может пропасть ни за что.

Галим курил одну закрутку за другой и сердито бросал короткие фразы:

— Столько воевали и вот теперь... И что за люди — тоже ведь неизвестно... Из-за двух человек лезть на рожон...

Тереня чувствовал себя виноватым и помалкивал. Он тоже уже начинал сомневаться.

Прошли беспокойные сутки. Миновала середина второго дня, а разведчика Ивана Залетило не было.

— Видишь? — то и дело спрашивал Якова начальник штаба, поглядывая на часы.

Но вскоре Иван вернулся. Пришел усталый, но радостный.

— Все нормально. Хотят переходить к нам,— доложил он.

— Двое? — успокаиваясь, спросил Ахмедьяров.

— Пока что двое. Но говорят, что у них многие

хотят перейти. Надоело работать на немцев. Да и боятся тоже. Красная Армия подходит...

— Что же это за люди? Им можно доверять? — продолжал выяснять Ахмедьяров.

— Одного зовут Иваном, а другого Василием. Хорошо говорят по-нашему. Мне показалось, что они русские из Латвии. А насчет доверия — проверим. Я так договорился: мы с Яковом завтра в десять часов вечера встретимся с ними. Они придут на одну небольшую полянку... Место отличное... Если разрешите,— добавил Иван, уловив настороженный взгляд начштаба.

Тот подумал немного, взвешивая что-то в уме, и дал согласие.

К назначенному времени двое друзей подошли к месту встречи. В каждом, конечно, шевелился червь сомнения, но они уже привыкли к ежедневной опасности и внешне никакого беспокойства не проявляли. Двигались осторожно, чутко прислушиваясь ко всему. Кругом было тихо.

— Обойдем полянку, посмотрим...— предложил Иван.

Прячась за деревья, разведчики стали обходить поляну. Свежие следы на снегу показали, что здесь уже есть люди и их больше, чем двое...

Это насторожило. Однако решили все же подать условный сигнал. Навстречу партизанским разведчикам вышло четыре человека. Поздоровавшись, все присели на поваленное дерево, закурили, начали разговор. Сначала говорили о разном, как бы прощупывая друг друга. О том, что фашистская оборона трещит по всем швам и что скоро здесь будет Красная Армия. Думать о переходе тогда уже, конечно, поздно...

— Знаем,— коротко ответил за всех Василий.— К вам готовы перейти семнадцать человек.

— Что ж, думаю, что можно будет,— с достоинством произнес Залетило.— Только, само собой, не за так. Придется маленько поработать. Время теперь позднее. Сами понимаете, уже и спать пора. Так что мы пойдем. А завтра здесь же встретимся и уже точно обо всем договоримся.

Латыши согласились.

Через сутки на этом же месте произошла еще одна встреча.

Договаривающиеся стороны решили, что следующей ночью партизаны окружат Кобыльники. А двое саперов, которые назвались Иваном и Василием, обеспечат переход желающих и разоружение колеблющихся. Они должны были позаботиться, чтобы из автоматов и винтовок были вынуты затворы.

Пока велись переговоры, командование бригады спешно вело подготовку к этой операции. В Кобыльниках насчитывалось 225 саперов и штаб батальона, который состоял из 12 человек. Поскольку вблизи находились другие гарнизоны и не было полной уверенности, что вся операция пройдет тихо, решили захватить саперов силами партизанских отрядов четырех бригад. Разработка плана и непосредственное руководство боем были поручены начальникам штабов Галиму Ахмедьярову и Александру Косачу.

Ночью 7 февраля объединенные силы Латышской, нашей и двух дриссенских бригад, сконцентрировавшись в районе деревни Кобыльники, без шума вошли в расположение гарнизона. Караульные сделали так, как и договорились. Все в гарнизоне спали крепким сном, оружие у многих солдат оказалось без затворов. Партизаны захватили штаб батальона, оцепили бункеры, в которых жили солдаты. Сопротивления почти не было. Командир батальона в одном белье сбежал в деревню Долгое, где находился штаб полка. Там он сообщил, что советская авиация сбросила крупный десант.

В плен тогда было взято около двухсот солдат и офицеров, бригады захватили большие трофеи.

12 февраля Николай Генько с группой партизан заминировал дорогу между Кохановичами и Еськовым. На его минах подорвались две повозки с боеприпасами. Всех, кто был на повозках, разорвало в клочья.

Иван Плиско с товарищами поставил мины возле Великого болота. Здесь тоже подорвались две повозки. Правда, эффект был несколько меньшим...

15 февраля минеры во главе с Николаем Самусенком на участке Дрисса — Борковичи пустили под откос эшелон с живой силой противника.

На другой день Филипп Денисенок с группой подрывников на перегоне Дрисса — Бигосово уничтожил железнодорожный состав с боевой техникой.

В тот же день Е. Пудов с группой партизан органи-

зовал диверсию на территории Латвии, в районе Посино. Был уничтожен состав с техникой и боеприпасами.

Врагу не было покоя ни днем, ни ночью.

15 марта отряд имени Орджоникидзе устроил на шоссе у Задежья засаду. Когда появилась колонна противника, оказалось, что численность ее во много раз превосходит партизанские силы. Однако партизаны решили дать бой и встретили фашистов плотным прицельным огнем. Противник был рассеян, на дороге осталось до тридцати убитых солдат, двое были взяты в плен партизаном Виктором Гатихиным.

Кончился первый весенний месяц. Все сильнее пригревало солнце. Ребята всем существом своим чувствовали, что это была последняя партизанская весна. Пробуждение природы настраивало на мирный лад. Хотелось быстрее добраться до земли, до привычного крестьянского труда, а тут надо заниматься минированием железной дороги...

Так, вероятно, думал кто-либо из четырех партизан, направляясь в середине ясного солнечного дня на выполнение задания к железной дороге Полоцк — Дрисса. Шли они именно днем, надеясь на внезапность и ослабление бдительности противника. Когда подрывники приблизились к железнодорожному полотну, сразу же заметили немецкий патруль. Отходить не имело смысла, так как патрульные тоже увидели партизан и открыли по ним пальбу. Те и другие залегли. Партизаны решили атаковать врага и поползли вперед, обстреливая по очереди патрульных. Внезапно Михаил Шитик увидел перед собой немца. Тот рванулся навстречу и вырвал у партизана винтовку. Шитик кинулся за ней. Началась борьба. Немец уже добирался до горла партизана, как прозвучал выстрел. Это Иван Парамонов вовремя пришел на выручку. Василий Виноградов в это время подстрелил второго патрульного. Остальные, испугавшись, отступили, и Иван Парфененок начал ставить мину.

Близость фронта чувствовалась во всем.

В связи с усилившимся передвижением фашистов и увеличением их численности начальник разведки отряда имени Орджоникидзе Николай Шеф получил приказ командования бригады добыть языка.

Со взводом партизан Антона Юхневича Николай отправился выполнять задание.

На большаке Клястицы — Дрисса было замечено оживленное движение противника. В густом ельнике, близко подступавшем к дороге, разведчики устроили засаду. Группа прикрытия расположилась на небольшой возвышенности, с которой хорошо простреливался большак.

Мимо с небольшими интервалами двигались обозы, сопровождаемые большой охраной. «Близок локоть, да не укусишь,— думал Николай.— Придется подождать». Но время шло, а ничто не менялось. Все не подворачивалось удобного момента для выполнения задуманного. Начальник разведки отлично понимал, что бой при неблагоприятном соотношении сил не даст необходимого результата. Как на зло, ни одной мелкой группы!

Вдруг один из сопровождавших обоз немцев, крикнув что-то остальным, соскочил с повозки, а потом направился к густому ельнику. И присел там... Пока он был занят своими делами, обоз отъехал метров на сто. И каков же был ужас солдата, когда он увидел направленный на него автомат и услышал произнесенное шепотом: «Хенде хох!» Не успел немец опомниться, как чьи-то проворные руки вложили ему в рот кляп и поволокли в лес. Группа прикрытия, получив сигнал от Шефа, открыла огонь по немцам...

В штабе выяснили, что это был рядовой 16-го полка. Он дал партизанам необходимые сведения о перегруппировке фашистских войск в данном районе.

В апреле немцы организовали карательную экспедицию в районе между Юховичами и Лисно. Штаб экспедиционных сил расположился возле Лисно. Отряд имени Симацкого под командованием К. Я. Мацкевича внезапным налетом разгромил этот штаб, захватил большие трофеи и исчез.

Лишенные командования, гитлеровцы вернулись на свои базы.

Однако фашисты и не думали отступать от своего намерения уничтожить партизан. Через несколько дней у деревни Микулино вновь созданному отряду имени Котовского пришлось выдержать сильный бой. Под давлением превосходящих сил противника партизаны отходили в лес. У деревень Ярохи и Борисово от-

ряды имени Фрунзе и Орджоникидзе упорно сопротивлялись крупным подразделениям карателей. Однако сил народных мстителей для отражения всех атак не хватило. Охватывая отряды с флангов, немцы вынудили партизан отойти к Святому озеру.

Чтобы не попасть в окружение и не быть разбитыми, командиры решили оторваться от противника. Отряд имени Котовского первым начал пробиваться от озера к Миловидам. У деревни котовцев встретили каратели. Еще одна группа гитлеровцев, прекратив преследование фрунзенцев и орджоникидзевцев, ударила с тыла.

После тяжелого боя котовцам все же удалось вырваться из тисков врага и выйти к Доброплесам. Но и там был противник. Несколько дней, находясь в непрерывных боях, отрываясь от немцев и вновь попадая под их удар, метался отряд по лесам. Перед большаком Юховичи — Клястицы котовцы столкнулись с регулярными частями фашистов. Партизаны очутились в кольце. Казалось, положение было безвыходным. Но мужество и решительность не изменили нашим ребятам. Собравшись с силами, они уже в который раз пошли на прорыв. И пробились! Оторвавшись от преследования, отряд вышел к Ровному Полю. Позади остались вечно лежать в родной земле командир отряда Илья Бадыль, комиссар Андрей Петров, партизаны Леонид Колесников, Феликс Зинкевич, Петр Лысов, Лилия Шуколь, Николай Капустин, Александр Творонович, Николай Уваров.

Приняв на себя командование, Николай Муранов пошел на соединение с остальными отрядами бригады в район урочища Щуны.

Партизаны получили небольшую передышку, хотя сильные немецкие гарнизоны были недалеко: в Ровном Поле, Лисно, Городиловичах, Стрелках, Освее и других населенных пунктах. Укрывшись в лесу, партизаны притаились. Диверсии проводили подальше от базы, и немцы, очевидно, не догадывались о существовании партизанского лагеря. Вскоре сюда же перебазировались две дриссенские бригады. Вместе с ними партизаны бригады имени Фрунзе сумели даже организовать в районе деревни Борисово аэродром, на который стали прилетать самолеты с Большой земли.

26 июня ответственный за работу аэродрома начальник штаба отряда имени Фрунзе Виктор Бубнов приказал разжечь костры и приготовиться к встрече самолета. На безоблачном небе мигали звезды, тишина была полной.

Партизаны ждали.

Вдали послышался рокот авиационного мотора. Он быстро усиливался.

— Ребята, а ведь это не наш,— встревоженно сказал кто-то.

Прислушались. И в самом деле. В небе гудел немецкий самолет. Бросились гасить костры, чтобы фашист не сбросил на аэродром бомбы. Один костер успели погасить, но было уже поздно. Гул самолета раздавался над самой головой.

Неожиданно для всех немец пошел на посадку.

— Не стрелять! Пускай садится,— приказал Бубнов.

Приготовясь к бою, партизаны залегли за кустами. Самолет приземлился. Летчики выключили двигатель и вышли из машины. Едва они сделали несколько шагов, как их окружили бойцы, связали, отобрали оружие.

Тут же на аэродроме пилотам учинили допрос. Оказалось, что количество и расположение огней после того, как один костер погасили, было таким, что немцы приняли их за свои. Они были абсолютно уверены, что сели на свой аэродром.

Партизаны откатили немецкий самолет в сторону, снова зажгли потушенный костер и стали ждать. Вскоре появился наш «кукурузник». На нем прилетели два пилота. Летчик 105-го авиаотряда Николай Николаевич Воронцов повел авиационный трофей на Большую землю.

Подобные этому случаю непоправимые ошибки немцев происходили довольно часто.

Возвращаясь однажды с очередной диверсии, Виктор Гатихо, Федор Исаков и Петр Морачковский увидели возле Селедцова табун лошадей и группу немецких обозников, косивших невдалеке траву. Пересчитали новоявленных «косарей». Оказалось 12 солдат.

Друзья переглянулись.

— Многовато,— с сожалением сказал Виктор.

— Да и командир велел соблюдать осторожность. Чтобы не было лишнего шума,— добавил Федор.

— А ведь, пожалуй, можно и рискнуть...— произнес Петр, не отрывая бинокля от глаз.— Посмотрите.

Ребята глянули, но ничего особенного не увидели.

— Эх, вы! Где у них карабины?..

Посмотрели еще раз. Карабины, составленные в козлы, действительно находились в стороне.

— Если тихонько заползти отсюда, то...— начал Петр.

Но договорить ему не дали. Все было ясно и так.

— Поняли! Давай! — согласились остальные.

Тщательно маскируясь в густой траве, три смельчака подползли к оружию, встали во весь рост и, угрожая автоматами, приказали онемевшим от неожиданности немцам лечь на землю лицом вниз. У карабинов незадачливых заготовителей фуража вынули затворы. Партизаны заставили пленных запрячь 12 повозок. Затем, связав немцам руки, погнали их к себе в отряд вместе с обозом. Все это было сделано тихо и аккуратно, без единого выстрела.

Несмотря на близость фронта и связанные с этим трудности, народные мстители продолжали успешно бить врага.

За четыре месяца боев партизаны бригады имени Фрунзе спустили под откос 16 вражеских эшелонов и уничтожили около 1300 фашистских солдат и офицеров. Мешая отступлению немецких войск, они усилили диверсионную деятельность на дорогах Освейского района. Партизаны минировали дороги, взрывали мосты, устраивали засады. Уничтожали, где только можно, живую силу противника.

В эти дни тяжелый бой пришлось выдержать бойцам отрядов имени Орджоникидзе, Фрунзе и Котовского. Намереваясь перерезать дорогу на Освею, по которой должны были пройти отступающие немецкие войска, партизаны наткнулись перед Москаленками на вражеское охранение. Видимо, враг ждал здесь партизан. Пять товарищей, среди которых были Виктор Лезан. Пять товарищей, среди которых были Виктор Лемешонок, Георгий Кисель, Иван Рудницкий, погибли в бою. Но дорога была перекрыта. Враг потерял здесь около тридцати солдат, однако пройти не смог. Войска противника свернули на Кохановичи.

Уцелевшему от уничтожения населению Освейщины очень хотелось дожить до встречи со своими освободителями. Ждать осталось уже недолго. И люди прятались от немцев в лесах и болотах, спасаясь от озверелых фашистов, которые убивали мирных жителей без всякого разбора.

Жители деревень Абрамово, Немытьки и других укрылись от оккупантов в глухой болотистой местности, покрытой густым кустарником. Однако каратели нашли их и здесь. Около ста человек повели под конвоем в направлении Дриссы. В урочище Красный бор всех расстреляли.

Жена погибшего комиссара партизанского отряда имени Фрунзе Антона Литвинова Нина Петровна Литвинова вместе с семьями партизан скрывалась в лесу возле деревни Лемно. С ней был ее маленький сын. Женщины, дети и старики постоянно меняли место своего нахождения, чтобы их никто не мог выследить.

Неожиданно в их лагере появился незнакомый мужчина, говоривший по-русски с явным акцентом. Он предложил Нине Петровне поделиться с крестьянами, скрывавшимися в лесу, свежим мясом, которое у него якобы было, и пригласил с собой.

Однако Литвинова заподозрила неладное и, отговорившись усталостью, попросила принести мясо в лагерь.

Когда неизвестный ушел, Нина Петровна подняла людей и увела в другое место. Для наблюдения в старом расположении оставили одного старика.

Опасения оправдались: неизвестный привел с собой немцев. Но было поздно. Не солоно хлебавши, каратели ушли.

Между озером Лисно и деревней Волесы скрывались жители деревень Денисенки и Волесы. Место было надежное, глухое и малопроходимое. Однако нашелся предатель, учитель из Волесов, некий Федоров. Он привел в лес карателей, которые тут же на месте расстреляли около двадцати пяти человек.

Из лагеря спаслись только четверо: Зинаида Гигиль с маленькой девочкой, мальчик и Лидия Ивановна Колмычевская, наша партизанская связная, которая была ранена, но сумела уйти.

В июле, когда войска Второго Прибалтийского

фронта стали приближаться к Полоцку, все партизанские отряды, базировавшиеся в этом районе, оказали поддержку регулярным частям Красной Армии.

14 июля в полдень в районе Москаленки — Макуты произошла незабываемая встреча народных мстителей с солдатами и офицерами Красной Армии. Не останавливаясь, наши части спешили на запад. Вместе с ними освобождали от врага свой район и фрунзенцы. Многие партизанские разведчики были проводниками при воинских частях, активно помогая командирам и способствуя своим знанием местности и обстановки успешному выполнению боевой задачи. Особенно отличился в этом Александр Зубро, представленный командованием к ордену Красного Знамени.

Развивая наступление, войска Второго Прибалтийского фронта приближались к Дриссе и Освее. Однако на подступах к Освее части 22-й армии натолкнулись на упорное сопротивление отступивших из Полоцка немецких войск, которые сумели закрепиться вдоль шоссе Полоцк — Освея в районе деревни Стрелки. Вторая группировка противника засела на холмах восточнее Освеи в районе деревень Кисели и Буды. Здесь и завязались бои, как говорили тогда, «местного значения», задержавшие на несколько дней наступление наших частей. Бойцы подымались в атаку несколько раз. В бою участвовало значительное количество танков.

Соединившись с регулярными армейскими частями, партизаны очищали леса от разбегавшихся немцев, ходили в атаки с передовыми подразделениями, совершали рейды в тыл противника. Отряд имени Орджоникидзе бил под Москаленками врага с тыла. Батальоны майоров Макартчяна и Новика при поддержке танков и артиллерии сломили оборону противника и отбросили его за шоссе, захватив деревню Кисели. Враг был выбит из ряда других пунктов. Однако к вечеру немцы, подтянув резервы и призвав на помощь авиацию, начали наступление. В течении ночи воинам Красной Армии пришлось отбить пять ожесточенных атак противника. Враг оставил на поле боя несколько танков и самоходок.

Утром 17 июля войска 22-й армии генерала Г. П. Короткова вплотную подошли к Освее. Однако фашисты организовали здесь на заранее подготовленных

рубежах упорную оборону. Жестокий бой длился целый день.

Прорвали оборону противника танкисты. Роту танков вел лейтенант Владимир Солахов. Следом за ним шли экипажи лейтенантов Жильцова и Шумилина.

К вечеру Освея была свободна. Вместе с Красной Армией в городской поселок входили народные мстители, партизаны бригады имени Фрунзе. В рядах армии шли многие наши боевые товарищи, которые стали солдатами в начале 1944 года после выхода из-за линии фронта. Все они теперь были воинами армии-освободительницы, участниками невиданной по масштабам Белорусской наступательной операции.

Как ждали люди этого часа!

Шли ребята по улицам родного райцентра и улыбались. Это было просто здорово — идти по своей свободной земле!

Отгремели бои, Красная Армия и большинство партизан, влившихся в ее ряды, пошли вперед, на запад, туда, где еще сопротивлялся враг, где наши братья ждали освобождения.

Разные дороги ожидали партизан бригады имени Фрунзе. По-разному сложились их судьбы. Но мы никогда не забудем своих друзей, с которыми делили хлеб и соль, громили ненавистного врага.

Комиссар бригады Антон Иванович Сергушко в день боев за Освею сражался в рядах ее освободителей уже как председатель оргбюро Освейского райкома партии.

На следующий день в городском парке, в тени могучего раскидистого дуба, собралось первое в освобожденной Освее партийное собрание.

— Друзья, товарищи мои, партизаны и все, кто пришел помочь поднять из пепла наш район! Завтра вы разойдетесь по сельсоветам и колхозам, на ваши плечи ляжет нелегкий труд возрождения разоренной земли. У нас пока ничего нет: все сожжено и уничтожено врагом. Но есть люди и земля, есть руки и горячее желание работать. Поздравляю вас с началом новых, мирных боев, тех боев, в которых рождается жизнь! С освобождением вас от фашистской чумы! — начал свою речь Антон Иванович.

После Антона Сергушко выступили Фома Николен-

ко, Константин Яськин и другие. Они заверили собрание, что будут трудиться так же, как воевали.

На этом собрании коммунисты избрали бюро Освейского райкома партии. Первым секретарем стал Антон Иванович Сергушко, вторым секретарем избрали бывшего комиссара отряда имени Симацкого Фому Александровича Николенко. Николай Степанович Аржаник, наш партизанский староста, стал заведующим райзо. Бывший секретарь подпольного РК ЛКСМБ Владимир Хвеженко вернулся к педагогической работе. Он возглавил районо.

Начальника партизанского госпиталя Александра Иосифовича Морачковского назначили заведующим райздравотделом. Об этом человеке хочется сказать еще несколько слов. Тот, кто был ранен или болен, никогда не забудет его стараний. В трудных партизанских условиях Морачковский создал госпиталь, который работал и в блокаду, и под бомбежкой. Активными помощниками у Александра Иосифовича были жена Фекла Ивановна, дочь Зинаида, медсестра Ефросинья Кураш и другие скромные, внешне незаметные люди, отдавшие себя борьбе против ненавистного врага.

В райкоме партии остался тогда работать бывший наш пропагандист — партизан Игнат Алексеевич Морачковский. Секретарем РК ЛКСМБ избрали Александра Шаврака, бывшего пропагандиста подпольного райкома партии. Павел Цалпан стал заведовать торготделом. Бывшие секретари партийных организаций отрядов, сельские учителя И. П. Гарбуков и К. П. Яськин, стали работниками аппарата райкома партии, командир отряда П. П. Литвинов — заведующим отделом райкома.

Начинать новую жизнь пришлось почти на пустом месте. До войны на территории района жило более 21 тысячи человек. Теперь осталось только 8 тысяч. Фашисты уничтожили 163 населенных пункта. Колхозный и личный скот, сельскохозяйственная техника, промышленные предприятия — все было уничтожено.

Член Военного совета 22-й армии генерал-майор И. Л. Черный передал району две грузовые автомашины, несколько тракторов и 200 жеребят. Сразу же возник вопрос, как сохранить этих жеребят? Никаких

построек не было, а по району рыскали стаи волков, которых за годы войны развелось много. Тогда построили плоты, на них и перевезли жеребят на остров посреди Освейского озера.

В восстановлении хозяйства района участвовала вся Белоруссия. Строители соседних районов помогали освейцам возводить жилье и хозяйственные постройки. Благодаря заботе партии и правительства к 1946 году хозяйство района удалось восстановить в пределах довоенного уровня. А в 1947 году последние семьи переселились из землянок в новые дома.

Но возвратились к жизни не все населенные пункты. Деревни Барсуки, Ладалево, Харьково, Василевщина, Латыгово, Кураши, Литвиги, Сохоново... Их нет. Сорок одно название будет жить только в памяти людей и документах довоенного времени. Их жители не вернулись на родные пепелища.

Дружба белорусского и латышского народов прошла в дни войны проверку огнем. Латышские партизаны нашли себе надежных друзей на белорусской земле, наш лес приютил их в трудную минуту. Латышские партизаны были нашими братьями по оружию, замечательными разведчиками, неутомимыми подрывниками, смелыми бойцами. Латыши не оставили нас и после войны. Они помогали белорусам восстанавливать народное хозяйство, прислали 500 голов крупного рогатого скота, 200 лошадей, 150 свиней, около 3000 птиц, 100 тонн семян яровых культур, 50 тонн семенного картофеля, 150 плугов, 200 борон, 3000 квадратных метров оконного стекла. Мы получили обувь, ткани, более 1000 кубометров лесоматериала.

Латышские друзья построили для нас 20 домов, прислали людей с сельскохозяйственной техникой для проведения сева. Немалая заслуга в этом бывшего комиссара Латышской партизанской бригады, в то время секретаря Рижского обкома партии О. П. Ошкална и тогдашнего председателя Президиума Верховного Совета Латвийской ССР К. М. Озолиня. Большую работу по организации помощи белорусам провел В. Я. Лайвиньш, бывший командир Латышской партизанской бригады.

Трудно было восстанавливать хозяйство. И там, где чего-то не хватало, в первых рядах были испытанные в

боях партизаны. На самые ответственные участки шли они. Председателями сельсоветов были избраны Филипп Денисенок, Сергей Бекис, Константин Мацкевич, Василий Лось и другие.

После войны мне пришлось работать в Дриссенском районе, но я часто приезжал туда, где вместе с боевыми товарищами прошел не одну сотню километров. И чуть ли не в каждом селе встречал знакомые лица, пожимал руки, которые еще не забыли прикосновения к стали автомата.

В Кохановичах работал Петр Морачковский, бывший разведчик отряда имени Орджоникидзе. Другой разведчик отряда имени Симацкого Михаил Шипило был директором МТС, а потом председателем колхоза «Прогресс». В Кохановичской школе стал учить детей бывший партизанский комендант Леонид Михайлович Юхневич, а директором Сухоруковской восьмилетней школы был назначен бывший партизанский следователь Петр Иванович Велюга. Он взял в руки оружие в первые дни войны, когда стал бойцом истребительного батальона. Потом ушел в подполье и партизанский отряд. Некоторое время Петр Иванович был командиром бригадной разведки, но особенно отличился в расследовании различных преступлений, совершаемых предателями народа. После ранения он остался в строю, много работал как политрук и пропагандист подпольного райкома партии.

В Задежье обосновался бывший пулеметчик Василий Поцелуенок и бывший политрук взвода, а потом строитель Антон Кураш.

Стал строителем и Николай Муранов. В городе Полоцке много построенных им домов. Люди не жалуются на умелые руки бывшего начальника штаба отряда имени Котовского.

Константин Мацкевич с таким же успехом, как и взводом в дни войны, командовал животноводческой бригадой совхоза «Освейский». Теперь он на заслуженном отдыхе.

Сменил свой пулемет на мирное занятие Степан Ясюкевич. Бывший пулеметчик стал лучшим свинарем колхоза «Дружба».

Во время одной из поездок в Верхнедвинск (бывшая Дрисса) — центр района, в который входит теперь

и Освея, я встретился с Николаем Шефом, смелым и инициативным партизанским разведчиком. Передо мной был заведующий районным отделом народного образования.

Жизнь не стоит на месте. И с нею партизаны, герои этой книги. Одни продвигаются по службе, другие — вышли на пенсию, третьих — уже нет среди нас.

Руководитель прошковских комсомольцев Василий Лукашонок очень хотел написать книгу о своих друзьях-подпольщиках. Израненный, без глаза, он работал секретарем райисполкома в городе Витебске. Одновременно много и упорно писал. Книга уже начинала обрастать фактами, образами... Но раны сделали свое дело. Василий умер, прожив после освобождения района всего лишь пятнадцать лет.

К 20-летию со Дня Победы Советское правительство посмертно наградило Владимира Симацкого орденом Отечественной войны I-й степени. Его именем названы совхоз и улица в Освее.

Григорий Лукашонок также был награжден орденом Отечественной войны I-й степени. На его могиле силами учащихся Верхнедвинской школы № 2 сооружен памятник.

Добрым словом вспоминают освейцы Антона Литвинова, трагически погибшего в дни выхода партизан из блокады. Мы не знаем даже места, где он похоронен. Это был замечательный товарищ, много сделавший для развития партизанского движения в районе.

Невозможно забыть и одного из первых наших партизан — Владимира Вестенберга.

Передо мной на столе пачки писем. Листки из школьных тетрадей, исписанные разными почерками, страницы, отпечатанные на машинке. Это письма от старых боевых друзей. Они рассказывают все, что помнят о годах совместной борьбы.

Вот пакеты, присланные из Москвы от доктора Воробьева, в них есть даже записи военных лет. Старик писал мне, что все еще не сдается и лечит людей.

Афанасий Федорович был не только нашим главным партизанским врачом — он руководил партийной организацией штаба бригады. Мужественный и энергичный человек, Воробьев не ограничивался лечением людей, рвался на самые опасные задания. Дважды с

группами партизан он переходил линию фронта, успешно решал боевые задачи и не забывал при этом возвращаться с изрядным грузом медикаментов. После соединения с частями Красной Армии военврач Воробьев продолжал службу в ее рядах. Его грудь заслуженно украсили ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I-й степени и медали. В 1972 году, после тяжелой болезни, Афанасий Федорович Воробьев скончался.

Такие люди навсегда останутся в наших сердцах. Не забудут их и будущие поколения.

Но самым активным моим корреспондентом, самым горячим другом всех, кто воевал рядом с нами, является Женя Фроленок. У нее сейчас фамилия Громова. После войны она стала матерью, вырастила детей, но я всегда буду помнить ее Женей Фроленок, боевой, энергичной комсомолкой, заместителем секретаря Прошковской подпольной комсомольской организации. Многие страницы этой книги написаны благодаря ей. Женя по профессии журналистка.

Вместе со своими товарищами Женя Фроленок участвовала в большинстве операций, не раз ходила в разведку, была хорошим пропагандистом. Ее большая семья за годы войны потеряла многих. В первые дни войны пали смертью храбрых братья Василий и Александр. Петр Фроленок, бывший бригадир тракторной бригады, мужественно сражался в рядах партизан, но в июле 1943 года пуля фашиста оборвала его жизнь.

После выхода нашей бригады из вражеского тыла Женя была направлена на работу в партийные органы.

Сильно изменили годы Таню Якумович.

Когда мы перешли линию фронта, можно было подумать, что война для нее закончена. Но Таня не захотела сидеть в тылу. Она стала солдатом Красной Армии. На моем столе лежит фотография: три девушки в военной форме, и одна из них Таня. На обороте написано, что она служила в 166-м полку 3-й Краснознаменной стрелковой дивизии 4-й ударной армии. Вот с кем до конца войны дошагала Таня.

В давние времена в честь больших побед и погибших героев люди насыпали курганы. Шли и несли горсти земли. Так рос памятник славе, силе и мужеству.

В 1959 году в Освейском районе уже мало что на-

поминало о том, что в годы войны на этих полях и в лесах страдания народа смешивались с пеплом сожженных деревень, что здесь прокатилась волна кровопролитных боев, гремела слава партизан.

Но память об этих годах, живая и неугасимая, живет в сердцах людей. Эта память воплотилась в образе Кургана Дружбы.

Не горстями и лопатами насыпали этот памятник славы и дружбы народов Белоруссии, России и Латвии. Могучая техника — бульдозеры и самосвалы пришли в лес недалеко от Прошек, в ту единственную точку, где сливаются границы трех республик.

Родилась эта дружба задолго до 1941 года. Во время войны она лишь скрепилась кровью, обильно пролитой в борьбе за свободу и независимость нашей Родины.

В 1935 году я начал работать в Совейковском сельсовете, на самой границе с буржуазной Латвией. Латыши из приграничных хуторов и местечка Шкяуне (Полищино) с симпатией относились к белорусам. Многие жители белорусских сел были в родственных отношениях с латышами.

Эта дружба стала еще крепче после установления Советской власти в Латвии.

С первых дней Великой Отечественной войны партизаны трех республик действовали в тесной связи, всегда помогали друг другу. Около трех лет жили и боролись советские патриоты в тылу фашистской армии. Партизанский край занимал свыше десяти тысяч квадратных километров территории с населением около ста тысяч человек.

Вдали от благоустроенных дорог, в глубине густого леса, насыпан Курган Дружбы. Молодой дубок, посаженный в центре, с каждым годом все шире расправляет свои ветви, символизируя силу союза братских народов. Тремя лучами расходятся в стороны трех республик аккуратные дорожки. Русские клены, белорусские березки и латышские липы растут по их сторонам.

4 июля 1959 года бывшие партизаны впервые съехались сюда. Из Москвы, Ленинграда, Минска, Риги, Калинина, Пскова, Витебска, Полоцка, Лудзы, Даугавпилса, Себежа и других городов, из деревень и хуторов собралось более двадцати тысяч человек.

Оглянувшись в прошлое, мы увидели истинную сущность интернациональной борьбы с фашизмом. В нашей белорусской партизанской бригаде против оккупантов воевали представители более чем двадцати национальностей. Около двадцати процентов личного состава бригады имени Фрунзе, защищавшей белорусскую землю от иноземного нашествия, составляли посланцы многих братских республик Советского Союза. Военная гроза привела в наши ряды жителей Москвы, Ленинграда, Архангельска, Краснодара, Челябинска, Казани, Алма-Аты и многих других городов.

Вспыхнули большие костры, зазвучали в отсветах огня голоса друзей. Воспоминаниям не было конца. Вокруг был наш, партизанский лес. Были знакомые лесные тропинки, места партизанских стоянок. И гремели ружейные залпы. Звучал прощальный салют, воинская почесть погибшим в боях за Родину.

Так это началось. А потом стало традицией.

...Ложатся к подножию Кургана цветы. Полевые и яркие садовые, что растут под окнами домов. Их приносят и сильные мужские руки, сжимавшие много лет тому назад винтовку, и маленькие детские ручонки со следами школьных чернил на пальцах. Здесь встречаются два поколения: прошедшие войну и те, кто ее не видел и не должен видеть. Никогда!

Каждый год в первое воскресенье июля приходят к Кургану Дружбы ветераны, чьи головы посеребрила седина. И снова начинаются рассказы о мужестве, о подвигах, о славе, о днях, которые нельзя забыть.

Память о героях Великой войны — нетленна.

СОСТАВ ОСВЕЙСКОГО ПОДПОЛЬНОГО РК КП(б)Б, СОЗДАННОГО В ИЮЛЕ 1942 ГОДА

Первый секретарь — Захаров Иван Кузьмич.
Второй секретарь — Кузьминов Петр Петрович (с июля 1942 года).
Сергушко Антон Иванович (с июня 1943 года).

Члены бюро райкома: Гарбуков Артем Прокофьевич, Давыденок Кузьма Иванович, Петриенко Иван Филиппович, Хвеженко Владимир Иванович (он же секретарь Освейского подпольного райкома ЛКСМБ).

Редактор районной газеты «Ленинский путь» — Лукашонок Ефим Васильевич.

Пропагандисты и секретари партийных организаций: Болтрушевич Николай Миронович, Лебедев Александр Андреевич, Морачковский Игнатий Алексеевич, Мядюта Кирилл Иосифович, Шаврак Александр Мартинович, Яськин Константин Петрович.

СПИСОК
командного состава партизанской бригады имени М. В. Фрунзе

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Занимаемая должность	Время пребывания в указанной должности
1.	Захаров Иван Кузьмич	командир бригады	июль 1942 г. — январь 1944 г.
2.	Кузьмин Михаил Николаевич	«	февраль 1944 г. — июль 1944 г.
3.	Владимиров Виталий Филиппович	комиссар бригады	июль 1942 г. — март 1943 г.
4.	Сергушко Антон Иванович	«	март 1943 г. — январь 1944 г.
5.	Бохан Антон Адольфович	«	февраль 1944 г. — июль 1944 г.
6.	Петриенко Иван Филиппович	зам. командира бригады	октябрь 1942 г. — январь 1944 г.
7.	Кузьмин Михаил Николаевич	зам. ком. бригады по разведке	июль 1942 г. — октябрь 1942 г.
8.	Морачковский Игнатий Алексеевич	«	октябрь 1942 г. — июль 1943 г.
9.	Грицкевич Михаил Иванович	«	июль 1943 г. — январь 1944 г.
10.	Медведев Анатолий Данилович	нач. штаба бригады	июль 1942 г. — сентябрь 1942 г.
11.	Трофимов Алексей Иванович	«	сентябрь 1942 г. — март 1943 г.
12.	Родионов Тихон Федорович	«	март 1943 г. — январь 1944 г.
13.	Ахмедьяров Галим Ахмедьярович	«	январь 1944 г. — июль 1944 г.
14.	Родионов Михаил Петрович	пом. заместителя ком. бригады по разведке	июль 1942 г. — январь 1944 г.
15.	Вилюга Петр Иванович	«	июль 1942 г. — январь 1944 г.
16.	Кошелев Михаил Григорьевич	ком. бригадной артиллерии	июль 1942 г. — сентябрь 1943 г.
17.	Воробьев Афанасий Федорович	нач. санслужбы бригады	июль 1942 г. — январь 1944 г.
18.	Морачковский Александр Иосифович	начальник госпиталя	ноябрь 1942 г. — январь 1944 г.

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Занимаемая должность	Время пребывания в указанной должности
	Отряд имени М. В. Фрунзе («Иванова»). Создан в апреле 1942 года.		
19.	Захаров Иван Кузьмич	командир отряда	апрель 1942 г. — июль 1942 г.
20.	Калайджан Ваграм Погосович	«	июль 1942 г. — июль 1943 г.
21.	Трофимов Алексей Иванович	«	июль 1943 г. — сентябрь 1943 г.
22.	Михайлов Иосиф Лукьянович	«	сентябрь 1943 г. — январь 1944 г.
23.	Смычков Петр Семенович	«	февраль 1944 г. — июль 1944 г.
24.	Петриенко Иван Филиппович	комиссар отряда	апрель 1942 г. — октябрь 1942 г.
25.	Бадыль Илья Матвеевич	«	октябрь 1942 г. — сентябрь 1943 г.
26.	Смычков Петр Семенович	«	сентябрь 1943 г. — январь 1944 г.
27.	Черемисов Анатолий Афанасьевич	«	февраль 1944 г. — июль 1944 г.
28.	Трофимов Алексей Иванович	начальник штаба	апрель 1942 г. — сентябрь 1942 г.
29.	Демидов Алексей Алексеевич	«	сентябрь 1942 г. — март 1943 г.
30.	Трофимов Алексей Иванович	«	март 1943 г. — июль 1943 г
31.	Пугачев Василий Романович	«	июль 1943 г. — сентябрь 1943 г.
32.	Кошелев Михаил Григорьевич	«	сентябрь 1943 г. — январь 1944 г.
33.	Бубнов Виктор Николаевич	«	февраль 1944 г. — июль 1944 г.
	Отряд имени Г. К. Орджоникидзе. Создан в июле 1942 года.		
34.	Ахмедьяров Галим Ахмедьярович	командир отряда	июль 1942 г. — январь 1944 г.
35.	Литвинов Петр Петрович	«	февраль 1944 г. — июль 1944 г.
36.	Малиновский Николай Павлович	комиссар отряда	июль 1942 г. — октябрь 1942 г.
37.	Родионов Тихон Федорович	«	октябрь 1942 г. — март 1943 г.

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Занимаемая должность	Время пребывания в указанной должности
38.	Грицкевич Михаил Иванович	«	март 1943 г. — июнь 1943 г.
39.	Шкляров Петр Львович	«	июль 1943 г. — июль 1944 г.
40.	Литвинов Петр Петрович	начальник штаба	июль 1942 г. — февраль 1944 г.
41.	Шеф Николай Михайлович	«	февраль 1944 г. — июль 1944 г.
	Отряд имени А. А. Жданова (с октября 1942 года имени В. В. Симацкого). Создан в июле 1942 года.		
42.	Симацкий Владимир Владимирович	командир отряда	июль 1942 г. — октябрь 1942 г.
43.	Кузьмин Михаил Николаевич	«	октябрь 1942 г. — январь 1944 г.
44.	Мацкевич Константин Яковлевич	«	февраль 1944 г. — июль 1944 г.
45.	Бадыль Илья Матвеевич	комиссар отряда	июль 1942 г. — октябрь 1942 г.
46.	Николенко Фома Александрович	«	октябрь 1942 г. — январь 1944 г.
47.	Агурецкий Петр Игнатьевич	«	январь 1944 г. — июль 1944 г.
48.	Шакура Егор Кузьмич	начальник штаба	июль 1942 г. — сентябрь 1942 г.
49.	Жвирбля Сергей Иванович	«	сентябрь 1942 г. — январь 1944 г.
50.	Шипило Михаил Андреевич	«	февраль 1944 г. — июль 1944 г.
	Отряд имени А. Я. Пархоменко. Создан в июле 1942 года.		
51.	Глазов Николай Трофимович	командир отряда	июль 1942 г. — сентябрь 1942 г.
52.	Медведев Анатолий Данилович	командир отряда	сентябрь 1942 г. *
53.	Литвинов Антон Игнатьевич	комиссар отряда	июль 1942 г. — сентябрь 1942 г.
54.	Глазов Николай Трофимович	«	сентябрь 1942 г. *
55.	Сазонов Василий Семенович	начальник штаба	июль 1942 г. — сентябрь 1942 г.*

* 14.IX.1942 г. ушел в западные районы Белоруссии.

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Занимаемая должность	Время пребывания в указанной должности
	Отряд имени Г. И. Котовского. Создан в сентябре 1942 года.		
56.	Шамаль Анатолий Андреевич	командир отряда	сентябрь 1942 г. — январь 1944 г.
57.	Бадыль Илья Матвеевич	«	январь 1944 г. — июнь 1944 г.
58.	Фодеенко Леонид Сергеевич	«	июнь 1944 г. — июль 1944 г.
59.	Литвинов Антон Игнатьевич	комиссар отряда	сентябрь 1942 г. — сентябрь 1943 г.
60.	Петров Андрей Николаевич	«	сентябрь 1943 г. — июнь 1944 г.
61.	Гируцкий Иосиф Иосифович	начальник штаба	сентябрь 1942 г. — октябрь 1943 г.
62.	Нефедов Алексей Васильевич	«	октябрь 1943 г. — январь 1944 г.
63.	Муранов Николай Петрович	«	февраль 1944 г. — июль 1944 г.
	Отряд имени А. А. Жданова. Создан в июле 1943 года.		
64.	Гребенкин Степан Владимирович	командир отряда	июль 1943 г. — январь 1944 г.
65.	Руденко Прокофий Емельянович	комиссар отряда	июль 1943 г. — август 1943 г.
66.	Болтрушевич Николай Миронович	«	август 1943 г. — январь 1944 г.
67.	Гируцкий Иосиф Иосифович	начальник штаба	июль 1943 г. — январь 1944 г.
	Отряд имени М. В. Фрунзе-II. Создан в сентябре 1943 года.		
68.	Иванов Николай Иванович	командир отряда	сентябрь 1943 г. — январь 1944 г.
69.	Литвинов Антон Игнатьевич	комиссар отряда	сентябрь 1943 г. — январь 1944 г.
70.	Ярмак Михаил Петрович	начальник штаба	сентябрь 1943 г. — январь 1944 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Так начиналось 5
Первые шаги 35
Упорные бои 96
Другие заботы 129
Разведка действует 165
Освейская трагедия 212
Диверсии на дорогах 248
Последняя зима 277
Состав Освейского подпольного РК КП(б)Б, созданного в июле 1942 года . . . 314
Список командного состава партизанской бригады имени М. В. Фрунзе . . . 315

Захаров И.

Война в краю озер. Второе, переработанное и дополненное издание. Мн., «Беларусь», 1973.

336 с ил.

В этой книге автор И. К. Захаров рассказывает о работе подпольных организаций на временно оккупированной территории Белоруссии и о наиболее важных боевых операциях против немецко-фашистских войск в Освейском и смежных с ним районах Витебской области в 1941—1944 годах.

9(С)27
З 38

Иван Кузьмич Захаров
Война в краю озер

Издательство «Беларусь» Государственного комитета Совета Министров Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 79.

Редактор В. Султанов. Художник С. Ковалев. Художественный редактор И. Славянин. Технический редактор Я. Шляшинская. Корректор Л. Товаченко.

АТ 17664. Сдано в набор 2/I 1973 г. Подп. к печати 27/VI 1973 г. Тираж 75 000 экз. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 17,43. Зак. 19. Цена 69 коп.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

69 к.

9488
OZN639844965